

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

Научно-теоретический журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования" выходит в свет с 2006 года, с 2009 года издается ежеквартально.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77–30578 от 12.12.2007 г. ISSN 1998-6785.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Владивостокский государственный университет". Адрес: 690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41.

Целью журнала является содействие разработке методологии междисциплинарного синтеза знаний о региональных (социально-территориальных) системах, а также планированию на её основе регионоведческих исследований и региональной политики.

Среди основных задач нашего издания:

- ♦ мониторинг и критическая оценка текущих публикаций и научной жизни регионоведческого сообщества (в первую очередь, в рамках российского Дальнего Востока);
- ♦ организация дискуссии по теоретическим и методологическим проблемам регионоведения;
- ♦ представление мнений и рекомендаций ученых по актуальным прикладным проблемам регионального управления;
- ♦ пропаганда идей и методологии междисциплинарного синтеза;
- ♦ подготовка и доведение до научной аудитории программ фундаментальных и прикладных регионоведческих исследований и освещение результатов их выполнения.

Авторами и читателями нашего журнала являются преподаватели вузов и сотрудники академических учреждений как дальневосточного, так и других регионов России, а также учёные из стран Азиатско-Тихоокеанского региона и СНГ.

Журнал включает следующие основные рубрики:

- ♦ Теория и методология регионоведческих исследований
- ♦ Историческое регионоведение
- ♦ Экономика и природопользование
- ♦ Социальные и демографические структуры
- ♦ Культурные и идеологические факторы регионализации
- ♦ Политические отношения и управление регионом
- ♦ Мировая система и международные регионы
- ♦ Междисциплинарные и системные исследования региона
- ♦ Регион в документах и свидетельствах
- ♦ Науковедение
- ♦ Дискуссия
- ♦ Рецензии и обзоры
- ♦ Научная жизнь

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации.

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки, по которым издание включено в Перечень ВАК:

- 5.4.1. – Теория, методология и история социологии (социологические науки)
- 5.4.2. – Экономическая социология (экономические науки)
- 5.4.2. – Экономическая социология (социологические науки)
- 5.4.4. – Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)
- 5.5.1. – История и теория политики (исторические науки)
- 5.5.1. – История и теория политики (политические науки)
- 5.5.2. – Политические институты, процессы, технологии (политические науки)
- 5.5.3. – Государственное управление и отраслевые политики (политические науки)
- 5.5.4. – Международные отношения (политические науки)
- 5.6.1. – Отечественная история (исторические науки).

Журнал индексируется в международной наукометрической базе данных Scopus

Журнал предоставляет непосредственный открытый доступ к своему контенту, исходя из следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

Подписка на журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования" принимается во всех почтовых отделениях. Подписной индекс журнала – 79089.

Информация о статьях, опубликованных в журнале (с 2009 г.), размещается в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на сайте Научной электронной библиотеки (elibrary.ru).

Редактор электронной верстки: В. Н. Караман
Графическое оформление: Я. А. Барбенко, В. Н. Караман, В. В. Постников.
Корректор: С. Е. Бакшеева

Адрес редакции: 692900, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.
Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>.
E-mail: ojkum@rambler.ru

Отпечатано в ресурсном информационно-методическом центре ФГБОУ ВО "Владивостокский государственный университет", 690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41

Вышло в свет 22.12.2025 г. Тираж 200 экз. Цена свободная.

Главный редактор

Филипова Александра Геннадьевна — доктор социологических наук, заведующий лабораторией комплексных исследований детства Владивостокского государственного университета (*г. Владивосток, Россия*).

Ответственный редактор

Журбей Евгений Викторович — кандидат исторических наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

Редакционная коллегия

Барбенко Ярослав Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

Бурлаков Виктор Алексеевич — кандидат политических наук, доцент департамента коммуникации и медиа Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

Винокурова Анна Викторовна — кандидат социологических наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

Волыничук Андрей Борисович — доктор политических наук, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник отдела международных отношений Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, профессор кафедры экономики и управления Владивостокского государственного университета (*г. Владивосток, Россия*).

Григоричев Константин Вадимович — доктор социологических наук, проректор по научной работе и международной деятельности Иркутского государственного университета (*г. Иркутск, Россия*).

Демьяненко Александр Николаевич — доктор географических наук, независимый исследователь (*г. Хабаровск, Россия*).

Дударёнок Светлана Михайловна — доктор исторических наук, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (*г. Владивосток, Россия*).

Золотухин Иван Николаевич — кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

Караман Вадим Николаевич — кандидат исторических наук, ведущий методист Государственного объединённого музея-заповедника истории Дальнего Востока имени В. К. Арсеньева (*г. Владивосток, Россия*).

Киреев Антон Александрович — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

Кожеников Владимир Васильевич — кандидат исторических наук, профессор кафедры японоведения Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

Кристоферсен Гайе — Ph.D., профессор Университета Джона Хопкинса (*г. Нанкин, КНР*).

Кузнецов Анатолий Михайлович — доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

Латушко Юрий Викторович — кандидат исторических наук, заведующий Центром островной и прибрежной антропологии АТР Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (*г. Владивосток, Россия*).

Лебедева Марина Михайловна — доктор политических наук, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России (*г. Москва, Россия*).

Лексютина Яна Валерьевна — доктор политических наук, профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета (*г. Санкт-Петербург, Россия*).

Литошенко Денис Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственно-правовых дисциплин Морской академии Морского государственного университета имени адмирала Г. И. Невельского (*г. Владивосток, Россия*).

Лукин Артем Леонидович — кандидат политических наук, заместитель директора по науке и инновациям Восточного института — Школы региональных и международных исследований, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

Рыжова Наталья Петровна — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Университета Палацкого (г. Оломоуц, Чешская Республика).

Себенцов Александр Борисович — кандидат географических наук, заместитель директора по научной работе, старший научный сотрудник Лаборатории геополитических исследований Института географии РАН; ведущий научный сотрудник Центра перспективных социальных исследований Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (*г. Москва, Россия*).

Севастьянов Сергей Витальевич — доктор политических наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" (*г. Санкт-Петербург, Россия*).

Хисамутдинова Наталья Владимировна — доктор исторических наук, профессор кафедры межкультурных коммуникаций и переводоведения Владивостокского государственного университета (*г. Владивосток, Россия*).

Цэцэнбилег Цэвээний Дамарт — кандидат социологических наук, научный сотрудник Института философии Академии наук Монголии (*г. Улан-Батор, Монголия*).

Шестак Ольга Игоревна — кандидат исторических наук, начальник научного управления Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета (*г. Владивосток, Россия*).

Шин Беом-Шик — Ph.D., профессор кафедры политических наук и международных отношений Сеулского национального университета (*г. Сеул, Республика Корея*).

Широ Сасаки — Ph.D., профессор кафедры передовых исследований в антропологии Национального музея этнологии, директор Национального музея культуры айнов (*г. Сираой, Япония*).

Ячин Сергей Евгеньевич — доктор философских наук, профессор департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

The scientific-theoretical journal "Ojkumena. Regional Researches" has been published since 2006, since 2009 it has been published quarterly.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Mass Communications, Communications and Protection of Cultural Heritage. Registration certificate: PI № FS77–30578, dated December 12, 2007. ISSN 1998 6785.

Founder and publisher: Federal state budgetary educational institution of the higher education "Vladivostok State University". Address: 690014, Russia, Vladivostok, Gogolya St., 41.

The main goal of the journal is to contribute to the development of a methodology for interdisciplinary synthesis of knowledge about regional (social-territorial) systems, as well as planning regional studies and regional policy based on it.

Among the main tasks of our journal:

monitoring and critique of the current publications and research in the field of the regional studies (primarily, but not exclusively, the Russian Far East);

initiating and supporting discussions on the theoretical and methodological issues of regional studies;

presentation of opinions and recommendations of scientists on topical problems of regional management;

advancement of the ideas and methodology of interdisciplinary research;

development of the programs for fundamental and applied regional studies and publication of their results.

The authors and readers of our journal are university professors and members of academic institutions in both the Far East and other regions of Russia, as well as scientists from the countries of the Asia-Pacific region and the CIS.

The journal includes the following thematic sections:

- ◆ Theory and Methodology of Regional Studies
- ◆ Historical Regional Studies
- ◆ Economy and Nature
- ◆ Social and Demographic structures
- ◆ Cultural and Ideological Factors of Regionalization
- ◆ Political Relations and Management of the Region
- ◆ World System and International Regions
- ◆ Interdisciplinary and Systemic Research of the Region
- ◆ Region in the Documents and Testimonies
- ◆ Study of Science
- ◆ Discussion
- ◆ Reviews
- ◆ Scientific Life

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific journals recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russian Federation

Scientific specialties and the corresponding branches of science, for which the publication is included in the List of peer-reviewed scientific publications:

- 5.4.1. – Theory, methodology and history of sociology (sociological sciences)
- 5.4.2. – Economic sociology (economic sciences)
- 5.4.2. – Economic sociology (sociological sciences)
- 5.4.4. – Social structure, social institutions and processes (sociological sciences)
- 5.5.1. – History and theory of politics (historical sciences)
- 5.5.1. – History and theory of politics (political sciences)
- 5.5.2. – Political institutions, processes, technologies (political sciences)
- 5.5.3. – Public administration and sector policies (political sciences)
- 5.5.4. – International relations (political sciences)
- 5.6.1. – Domestic history (historical sciences).

The journal is indexed in the Scopus database

"Ojkumena. Regional Researches" is an open access journal. All articles are made freely available to readers immediately upon publication.

Content of the journal is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with those of the Editorial Board.

Subscription to the journal "Ojkumena. Regional Researches" is accepted in all post offices. The journal's subscription index is 79089.

Information about articles published in the journal (since 2009) is placed in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI) on the website of the Scientific Electronic Library (elibrary.ru).

Electronic computer is made up by V. N. Karaman
Graphic registration: Ya. A. Barbenko, V. N. Karaman,
V. V. Postnikov.
Corrector S. E. Baksheeva

Editorial address: 692900, Primorsky Territory, Nakhodka, st. Ozernaya, 2.

Official website of the journal: <http://www.ojkum.ru>

E-mail: ojkum@rambler.ru

Printed at the Resource Information and Methodological Center of Vladivostok State University, 690014, Vladivostok, 41 Gogol Street.

Published 22.12.2025. Circulation 200 copies. The price is free.

Editor in Chief

Alexandra G. Filipova – Doctor of Sociology, Associate Professor, Head of the Laboratory for Comprehensive Research of Childhood, Vladivostok State University (*Vladivostok, Russia*).

Executive Editor

Evgeny V. Zhurbey – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Editorial Board

Yaroslav A. Barbenko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Viktor A. Burlakov – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Communication and Media, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Anna V. Vinokourova – Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Andrey B. Volynchuk – Doctor of Political Sciences, Candidate of Geographical Sciences, Leading Researcher of the Department of International Relations of the Center for Global and Regional Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor, Department of Economics and Management, Vladivostok State University (*Vladivostok, Russia*).

Konstantin V. Grigorichev – Doctor of Sociology, Associate Professor, Vice-Rector for Research and International Activities, Irkutsk State University (*Irkutsk, Russia*).

Alexandr N. Demyanenko – Doctor of Geographical Sciences, Independent Researcher (*Khabarovsk, Russia*).

Svetlana M. Dudaryonok – Doctor of Historical Sciences, Candidate of Philosophy, Leading Researcher of the Department of Socio-Political Research, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (*Vladivostok, Russia*).

Ivan N. Zolotukhin – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of Department of International Relations, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Vadim N. Karaman – Candidate of Historical Sciences, Leading Methodologist of Vladimir K. Arseniev Museum of Far East History (*Vladivostok, Russia*).

Anton A. Kireev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Vladimir V. Kozhevnikov – Candidate of Historical Sciences, Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Gaye Christoffersen – Ph.D., Professor, John Hopkins University (*Nanjing, China*).

Anatolij M. Kuznetsov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Yurij V. Latushko – Candidate of Historical Sciences, Head of the Center for Island and Coastal Anthropology of APR, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (*Vladivostok, Russia*).

Marina M. Lebedeva – Doctor of Political Sciences, Candidate of Psychology, Professor, Head of Department of World Political Processes, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russia*).

Yana V. Leksytina – Doctor of Political Sciences, Professor, Department of American Studies, St. Petersburg State University (*St. Petersburg, Russia*).

Denis A. Litoshenko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History, Political Science and Public Law Disciplines, Maritime State University named after Admiral G. I. Nevelskoy (*Vladivostok, Russia*).

Artyom L. Lukin – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Deputy Director for Science and Innovation of Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Natalia P. Ryzhova – Doctor of Economics, Leading Researcher, Palacky University (*Olomouc, Czech Republic*).

Aleksandr B. Sebentsov – Candidate of Geographical Sciences, Deputy Director for Research, Senior Researcher at the Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences; Leading Researcher at the Center for Advanced Social Research, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (*Moscow, Russia*).

Sergei S. Sevastianov – Doctor of Political Science, Professor, Department of Political Science and International Relations, National Research University Higher School of Economics (*St. Petersburg, Russia*).

Natalya V. Khisamutdinova – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Intercultural Communication and Translation Studies, Vladivostok State University (*Vladivostok, Russia*).

Tseevenii Damart Tsetsenbileg – Candidate of Sociology, Researcher, Institute of Philosophy, Mongolian Academy of Sciences (*Ulaanbaatar, Mongolia*).

Olga I. Shestak – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Scientific Department, Far Eastern State Technical Fisheries University (*Vladivostok, Russia*).

Beom-Shik Shin – Ph.D., Professor, Department of Political Science and International Relations, Seoul National University (*Seoul, Republic of Korea*).

Sasaki Shiro – Ph.D., Professor, Department of Advanced Studies in Anthropology, National Museum of Ethnology, Director of the National Museum of Ainu Culture (*Shiraoi, Japan*).

Sergej E. Yachin – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religious Studies, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

2025

Т. 19, № 4

научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Основан в 2006 г.

ISSN 1998-6785

ТЕМА НОМЕРА: МИНОРИТАРНЫЕ ЭТНОКУЛЬТУРЫ В КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ: ОБРАЗ, РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ, ИДЕНТИЧНОСТЬ

От редактора рубрики 9

Корягина Т. С., Михалёв М. С. Религиозная идентичность алеутов России: от прихода первых миссионеров до наших дней 11

Милованова А. А. В поисках ивору: камчадалские курильцы и этнизация природопользования 19

Кузнецов Д. В. Потерянные и обретённые: особенности идентичности сахалинских корейцев 26

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ РЕГИОНОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Кузнецов А. М. Страсти по этносу: или какая теория о нём всё же нужна? (Часть 1) 34

ИСТОРИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

Багрин Е. А. К вопросу о военном значении Нерчинска как форпоста России на юге Дальнего Востока во второй половине XVII – начале XVIII веков 43

Устюгова О. А. Деятельность администрации Приамурского края по продвижению российских товаров на рынок Маньчжурии на рубеже XIX–XX вв. 54

Друзьяка А. В. Правовая культура и институциональная среда российской диаспоры в Маньчжурии (1896–1950-е гг.) 65

Хисамутдинова Н. В., Хисамутдинов А. А. "Корень жизни" дальневосточного одиссея Михаила Щербакова 77

ЭКОНОМИКА И ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

Мазелис Л. С., Красова Е. В., Галимзянова К. Н., Бойко А. А. Моделирование влияния качества жизни на демографические процессы в регионах Российской Федерации 87

Лушникова О. Л. Проблемы и перспективы развития этноэкономики (на примере Хакасии) 101

КУЛЬТУРНЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

Гареева И. А., Гарнага А. Ф., Филипова А. Г. Архитектура упадка: визуальные и социальные аспекты маргинализации медицинских учреждений 110

Владивосток 2025

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНОМ

- Мамычев А. Ю., Арутюнов А. Г.** Будущее
регионального политического процесса в цифровую
эпоху: формы и механизмы противодействия
негативным тенденциям **122**

МИРОВАЯ СИСТЕМА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕГИОНЫ

- Гарусова Л. Н., Бурлаков В. А.** Особенности внешней
политики Индии: основания, эволюция, приоритеты **133**
- Золотухин И. Н., Баранова Ю. В.** "Ядерный
поворот" в энергетической повестке стран
Юго-Восточной Азии **143**
- Севастьянов С. В., Алексеев Д. О.** Дискурсивная
политика Гоминьдана по формированию
макрополитической идентичности жителей Тайваня
(на примере выступлений президента Ма Инцзю
2008–2016 гг.) **156**
- Рыбачук Д. А., Журбей Е. В.** Гражданское общество
и интеграция латиноамериканских мигрантов:
сравнительный анализ участия негосударственных
акторов в США и Канаде **168**

scientific-
theoretical
journal

Issued
4 times a year

Founded
in 2006

ISSN 1998-6785

The Theme: Minority Ethnic Cultures in the Cultural Landscape of the Russian Far East: Image, Representation, Identity

From the editor of the heading 9

Koryagina T. S., Mikhalev M. S. The religious identity of the Aleuts of Russia: from the arrival of the first missionaries to the present day 11

Milovanova A. A. In search of Iworu: The Kamchadal Kuril Ainu and the Ethnicization of Environmental Practice 19

Kuznetsov D. V. Lost and Found: The Distinctive Identity of Sakhalin Koreans 26

Theory and Methodology of Regional Studies

Kuznetsov A. M. Passions About Ethnos: Or What Theory of It Is Still Needed? (Part 1) 34

Historical Regional Studies

Bagrin E. A. The military significance of Nerchinsk as a Russian outpost in the south of the Far East in the second half of the XVII – early XVIII centuries 43

Ustyugova O. A. Activity of the Administration of the Amur Region to promote Russian goods to the Manchurian market at the turn of the XIX – XX centuries 54

Druzyaka A. V. Legal culture and institutional environment of the Russian diaspora in Manchuria (1896–1950s) 65

Khisamutdinova N. V., Khisamutdinov A. A. "The Life Root" of the Far Eastern Odyssey Mikhail Shcherbakov 77

Economy and Nature

Mazelis L. S., Krasova E. V., Galimzyanova K. N., Boyko A. A. Modeling the impact of life quality on demographic processes in the Russian Federation regions 87

Lushnikova O. L. Problems and development prospects of ethnic economy (on the example of Khakassia) 101

Cultural and Ideological Factors of Regionalization

Gareeva I. A., Garnaga A. F., Filipova A. G. Architecture of decline: visual and social aspects of the marginalization of medical institutions 110

Political Relations and Management of the Region

Mamychev A. Yu., Arutyunov A. G. The future of regional political process in the digital age: forms and mechanisms of countering negative trends 122

Vladivostok
2025

World System and International Regions

Garusova L. N., Burlakov V. A. Specifics of India's Foreign Policy: Foundations, Evolution, Priorities	133
Zolotukhin I. N., Baranova Yu. V. The nuclear turn in the energy agenda of Southeast Asian countries	143
Sevastianov S. V., Alekseev D. O. The Kuomintang's discursive policy in shaping the macropolitical identity of Taiwan's residents (based on the speeches of President Ma Ying-jeou in 2008–2016)	156
Rybachuk D. A., Zhurbey E. V. Civil Society and the Integration of Latin American Migrants: A Comparative Analysis of the Participation of Non-State Actors in the USA and Canada	168

От редактора рубрики

Этнокультурный ландшафт Дальнего Востока России отражает историю, традиции и культуру самых разных этносов и формирует современный образ «дальневосточного». Если сравнить его с изображением, то он представляет собой не статичную картину, а постоянно обновляющийся эскиз. Границы ландшафтных зон – тайги, морского побережья, гор – являются вмещающей средой, обусловившей различные стратегии адаптации к ней и культурную специфику. В настоящей рубрике представлены работы, посвящённые островным и прибрежным этническим сообществам – айнам, алеутам и сахалинским корейцам, в судьбах которых по-особому преломляются перипетии исторической памяти, равно как и характер территорий проживания. Структура этно-территориальной идентичности – сложная реальность, обязательно включающая в себя идиоландшафтный (индивидуальный), местный (локальный) и глобальный уровень понимания. Скрепляет систему солидарность со своими земляками. Она формируется через отождествление себя со своей общностью, включая осознание общих ценностей, культуры, истории и образа жизни. То есть территориальная идентичность – условие и одновременно средство поддержания всего комплекса этнокультуры. Одной из апелляций к чувству её подлинности и историчности служит идея укоренённости в данном регионе, без чего невозможна консолидированная трансляция памяти. Этому может служить представление об исконности проживания. И действительно, многие коренные малочисленные народы Дальнего Востока – потомки ранних насельников, чьи корни порой прослеживаются с эпохи каменного или бронзового века. Обычно их относят к двум группам – палеоазиатам (с выделением в особую подгруппу северо-восточных палеоазиатов арктической и субарктической зон) и тунгусо-маньчжурам. Однако даже эти народы никогда не представляли собой абсолютно изолированные сообщества. Более того, образ жизни охотников и собирателей всегда предполагал перемещения на сравнительно большой территории и не такие уж спорадические контакты с инокультурными соседями, что очевидно. Некоторые миноритарные этнические сообщества Дальнего Востока России являются переселенцами сравнительно недавнего времени — последних веков, а порой и лишь последних десятилетий. В последнем случае упор делается на самобытность особенного рода – уникальность культуры исхода и/или новой территории проживания.

Идеальным примером сочетания уникальности и самобытности территории являются, например, корейцы Сахалина. Здесь важны не только место их исхода – страна «утренней свежести», но и переселение, и репатриация в Центральную Азию и Казахстан и их них, а также новая территория проживания – остров Сахалин. В статье Даниила Кузнецова (ИАЭ РАН, РГГУ, г. Москва) исследуется подобная уникальная идентичность. На основе анализа работ отечественных и зарубежных ученых, а также собственных полевых материалов автор ставит вопрос о формировании буквально на наших глазах самобытной островной части корейского народа, которая, имея разные истоки (в первую очередь выходцев с территории современной Южной Кореи), сложилась в территориальную группу с заметно отличным самосознанием и исторической памятью.

Другим примером островной этнокультуры являются алеуты *унанган*. Предки российских алеутов были переселены Российско-американской компанией с Алеутских островов в 1825–1826 гг. для промысла морского зверя на Командорах. До 1970-х гг. они проживали на двух островах – Беринга и Медном. В ходе политики укрупнения населённых пунктов село Преображенское на о. Медном было оставлено и сегодня единственным населённым пунктом, где проживают алеуты России, является село Никольское на о. Беринга. Тем не менее, различия между «медновцами» и «беринговцами» можно наблюдать и сегодня. Следует отметить и негласную стратификацию. Более богатыми промысловиками и носителями более эталонной алеутской культуры некогда были медновцы. Хотя они, переселенцы с острова Атту Алеутской гряды, в прошлом были заметно ассимилированы и представляли собой часть алеут-

ского культурного круга, именно их диалект сформировал культурный канон. Тем не менее медновский диалект (смесь русского и алеутского языков) был языком тех, кто устанавливал канон этнической культуры. Наши исследования на Командорах (2016) показали не просто внешние отличия медновцев, но и сохранение исторической памяти и землячества острова Медный в условиях села Никольского В контексте командорских алеутов показательно, что значимыми остаются не только «земля исхода» и «земля обетованная», но и религиозная идентичность, глубоко переплетённая с территориальной принадлежностью. Миссионерская деятельность священника-креола Иакова Нецветова и других подвижников Русской церкви привела к прочному укоренению православия, особенно среди креольской части алеутского культурного круга. Этому способствовала не только устная проповедь вероучения среди компанейских служащих, но и поощрение церковью грамотности и сравнительно раннее появление переводов Писания на алеутский язык. Религиозное возрождение 1990-х гг. таким образом имело на Командорских островах прочный фундамент и было связано с исторической памятью островитян. Анализ роли православия дан в работе Сергея Михалева и Татьяны Корягиной (РГГУ, г. Москва). Авторы приходят к выводу, что сегодня оно выступает в роли не только вероучения, но и маркера этнической идентичности российских алеутов.

Островная среда обитания, как показано выше, формирует специфические особенности самосознания. Однако этнологи, археологи и антропологи давно отмечают, что, как бы ни было соблазнительно рассматривать островной ландшафт как идеальную модель «чистой изоляции», подобное представление чаще всего является исследовательской конструкцией. Оно служит своего рода отправной точкой для современного этнического активизма, даже когда сообщества существуют в отличных или неполностью тождественных природных условиях. Апелляция к исконности и своеобразию традиционных образов жизни, природопользования и самосознания, к утраченной, но чудом сохранившейся культуре имеет под собой специфический культурный миф, которым обосновывается и право на ресурсы. В статье Алины Миловановой (РГГУ, г. Москва) «В поисках ивору: камчадалские курильцы и этнизация природопользования» исследуется важное преимущество российской национальной политики – предоставляемые коренным малочисленным народам возможности сохранения и развития их самобытной культуры и промыслов, а также ведения традиционной хозяйственной деятельности. Автор приходит к выводу, что усиливающаяся конкуренция за доступ к природным ресурсам приводит к тому, что этничность всё чаще рассматривается как основание для реализации преимущественного права пользования ими. В данном ключе ею рассматривается феномен этнического возрождения айнов Камчатки. Исторически айны обитали на части Японских островов, Сахалине и Курилах; после 1945 г. были депортированы с территории, отошедшей к Советскому Союзу. Айнские землячества в Японии сохраняют и сегодня память о своей малой родине и делятся на сравнительно обособленные по территориальному принципу общины. В случае же с Северными Курилами и югом Камчатки не исключены исторические связи айнов с аборигенным населением последней. Однако японские карты и документы, хранящиеся в зарубежных и отечественных учреждениях науки (например, в Институте Восточных рукописей РАН, в Санкт-Петербурге) и культуры, показывают, что даже в XVIII в. у японцев не было чёткого представления об этнической культуре айнского Севера. Не дают полной картины и отечественные источники. Подобный научный статус является ещё одним фоновым условием, под сенью которого автор статьи анализирует предпосылки формирования движения и цели лидера российских айнов.

Ю. В. Латушко

Религиозная идентичность алеутов России: от прихода первых миссионеров до наших дней

Татьяна Сергеевна Корягина

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, koriaginat@yandex.ru
Максим Сергеевич Михалёв

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;
Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия, maxmikhalev@yahoo.com

Аннотация. Религиозная идентичность российских алеутов представляет собой сложный феномен, сформированный в ходе богатой событиями религиозной истории Командорских островов. Целью исследования является анализ трансформации религиозной идентичности российских алеутов во временной перспективе и выявление её ключевых характеристик в XXI в. На основе историко-культурного подхода в исследовании выделены и проанализированы основные вехи религиозной истории алеутов Командорских островов. Установлено, что на современном этапе православие для российских алеутов выполняет полифункциональную роль: оно выступает не только в качестве вероучения, но и является важным элементом исторической памяти, а также одним из маркеров этнической идентичности. Исследование демонстрирует глубокую интеграцию православия в культурно-идентификационные процессы российских алеутов. Полученные результаты имеют практическую значимость для разработки стратегий по сохранению культурного наследия и поддержке этнического самоопределения коренных малочисленных народов Дальнего Востока России.

Ключевые слова: алеуты, религия, Командорские острова, Камчатский край, религиозная идентичность, трансграничность, православие

Исследование подготовлено в рамках реализации проекта "Трансграничные народы Сибири и Дальнего Востока в составе России: истории успеха как фактор "мягкой силы" (Программа фундаментальных и прикладных научных исследований "Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности" 2023–2025 гг.).

Для цитирования: Корягина Т. С., Михалёв М. С. Религиозная идентичность алеутов России: от прихода первых миссионеров до наших дней // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 4. С. 11–18.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/11-18>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/11-18>

The religious identity of the Aleuts of Russia: from the arrival of the first missionaries to the present day

Tatyana Sergeyevna Koryagina

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, koriaginat@yandex.ru
Maksim Sergeyevich Mikhalev

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, maxmikhalev@yahoo.com

Abstract. The religious identity of the Russian Aleuts is a complex phenomenon formed during the eventful religious history of the Commander Islands. The purpose of the study is to analyze the transformation of the religious identity of the Russian Aleuts in the time perspective and identify its key characteristics in the XXI century. Based on the historical and cultural approach, the study identifies and analyzes the main milestones of the religious history of the Aleuts of the Commander Islands. It has been established that at the present stage Orthodoxy performs a multifunctional role for the Russian Aleuts: it acts not only as a creed, but is also an important element of historical memory, as well as one of the markers of ethnic identity. The study demonstrates the deep integration of Orthodoxy into the cultural identification processes of the Russian Aleuts. The results obtained are of practical importance for the development of strategies for the preservation of cultural heritage and support for the ethnic self-determination of the indigenous peoples of the Russian Far East.

Key words: Aleuts, religion, Commander Islands, Kamchatskiy Krai, religious identity, cross-border relations, Orthodoxy

The study was prepared within the framework of the project "Transboundary Peoples of Siberia and the Russian Far East: Success Stories as a Factor of 'Soft Power'" (Fundamental and Applied Research Program "Ethnocultural Diversity of Russian Society and the Strengthening of All-Russian Identity," 2023–2025).

For citation: Koryagina T. S., Mikhalev M. S. The religious identity of the Aleuts of Russia: from the arrival of the first missionaries to the present day // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 4. P. 11–18.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/11-18>

Алеуты – народ, проживающий в штате Аляска (США) и на Командорских островах (Россия). Их общая численность составляет около 3 тыс. человек. Язык относится к эскимосско-алеутской семье, однако на сегодняшний день его носители остались лишь в Америке. Традиционным занятием считается охота на морского зверя. До прихода проповедников алеуты были шама-

нистами, но на сегодняшний день большая часть отождествляет себя с православием, принесённым в XVIII в. российскими миссионерами.

На современной территории России алеуты появились в 1825 г., когда на необитаемый остров Медный переселили семьи охотников с о. Атту [9, с. 130].

В 1830 г. священник-креол Иаков Нецветов впервые посетил остров Беринга, относившийся тогда к Атхинскому приходу. По его описаниям, "в селении имелись казенные постройки, несколько частных домов, принадлежащих русским, казармы и амбары для хранения товаров и припасов, церковь же на островах отсутствовала" [12, с. 294]. Нецветов уже на следующий день после приезда руководил установкой переносного храма. Как и на остальных островах, населённых алеутами, все жители здесь были православные, но в подавляющем большинстве окрещены соседями-мирянами, поэтому в тот же день отец Иаков миропомазал 20 креолов и 11 алеутов, завершив обряд крещения, совершаемого за неимением священника мирским чином. Можно сделать вывод о том, что алеуты не забывали о необходимости крещения, в котором убеждали их православные миссионеры и, даже в связи с отсутствием священника, крестили друг друга самостоятельно. Это говорит о крепких позициях, которые в алеутском самосознании уже тогда занимала вера.

Высидившись на соседнем острове Медном, Нецветов, как и на о. Беринга, первым делом установил переносной храм и миропомазал в общей сложности 12 креолов и 20 алеутов. Он отслужил воскресную службу и благодарственный молебен с чином освящения воды и крестным ходом, а затем благословил селение. С тех пор Нецветов посещал острова с периодичностью не реже одного раза в два года. По его распоряжению были отстроены первые на островах моленные дома: в 1832 г. – на о. Беринга и в 1834 г. – на о. Медном [13, с. 120].

Часовни, отстроенные алеутами из подручных материалов, после первого визита Нецветова, были маленькими и очень тесными, в связи с чем проведение богослужения и основных церковных таинств становилось трудным или вовсе невозможным из-за наплыва прихожан в дни посещения священниками островов. В связи с этим к лету 1840 г. дом на о. Беринга был расширен и перестроен под часовню [13, с. 204]. Описание этого здания приводится в документах за 1851 г., где упоминается, что необходимые богослужебные книги в храме имелись на алеутском языке. Часовня на Медном была перестроена "усердием жителей сего острова" в 1847 г. и находилась на иждивении Российско-Американской компании. Спустя 25 лет часовня была заменена на церковь, построенную американской компанией "Гутчинсон, Кооль и Ко" [9, с. 98].

В 1887 г. на Командорских островах был образован самостоятельный приход с причтом из священника и псаломщика [11, с. 304]. Строительство новых церквей было намечено на следующий год, но из-за недостатка финансирования процесс затянулся. Здание церкви стояло на том же месте, что и бывшая часовня – на берегу океана, на территории, примыкающей к современному мемориальному комплексу. В 1892 г. в память Витуса Беринга офицерами шхуны "Алеут" и служащими острова в ограде церкви был поставлен небольшой железный крест, обнесённый простой якорной цепью. Он стоит и по сей день, хотя сама церковь сгорела в 1985 г., будучи в то время сельским клубом.

Положение религии при советской власти

В тяжёлый для всей страны период революции и Гражданской войны и без того редкое снабжение островов продуктами и прочими необходимыми товарами прервалось. Постоянные перемены в системе власти сопровождались всякого рода произволом, бесчинствами и воровством пушнины. Об этом свидетельствовал алеут В. П. Хабаров: "Над нами издевались, как над собаками или скотами". Интересное замечание Хабаров оставил и об отношении к верующим: "Иные начальники выводили из церкви людей и сажали в холодную баню" [7, с. 117].

После прихода советской власти начала проводиться политика унификации и советизации, в связи с чем островное население практически полностью перешло на русский язык. Как и на остальной территории СССР, с

приходом советской власти церкви на островах были закрыты. На Командорах этот процесс был особенно долгим по причине удалённости и труднодоступности островов, в связи с чем все распоряжения вышестоящих органов доходили туда крайне медленно (сообщение с Командорами могло полностью отсутствовать по 7–8 месяцев в году). Проблему для советской власти также составляло то, что среди алеутов православие укоренилось гораздо сильнее, чем, к примеру, среди других народов Камчатки. Алеуты имели на каждом из обитаемых островов по церкви, где были организованы самостоятельные приходы. К 1924–1925 гг. на Командорах выделялось две группы алеутов, идентифицирующих себя как православные христиане. Они распоряжались конфискованным новой администрацией церковным имуществом, а также проводили так называемые "религиозные спевки" в здании сельского совета. Деятельность этих групп постоянно подвергалась проверкам со стороны советской власти [5, с. 110].

В здании церкви на о. Беринга был открыт сельский клуб, который по какой-то причине по назначению не использовался, а позже его и вовсе переоборудовали в амбулаторию. В 1930 г. церковь на о. Медный стала использоваться как школа; позже часть здания была отдана под сельский клуб, а затем ещё одно крыло переоборудовали под продовольственный склад. Однако несмотря на все перемены председатель поселкового совета, по национальности алеут, ещё некоторое время проводил мирским чином службы [11, с. 302]. В конце концов, после множественных протестов пожилых островитян, которые не хотели, чтобы здание использовалось не по назначению, церковь разобрали.

Для Командор не было редкостью проводить церковные таинства силами жителей, без присутствия священника. Причина заключалась в том, что постоянного священнослужителя на островах не было, а с материка батюшки приезжали крайне редко. После прихода советской власти и эти единичные визиты прекратились, а Камчатская епархия, к которой относились Командоры, была ликвидирована и восстановлена лишь в 1990-х.

В советские годы многие крестились дома, по причине гонений на религию это было распространённым по всей стране явлением. О том, что данная практика не обошла стороной и Командорские острова, рассказала алеутка Надежда Глянцева. Её отец, алеут, в детстве был отправлен в интернат, где религия была строго под запретом и любые её проявления наказывались учителями. "Ну папу его бабушка на дому крестила, тогда так многие делали тогда. Крестик он не носил, в интернате не разрешали. Да и по жизни потом он неверующим был", – делится Надежда (ПМА. Интервью с алеутами острова Беринга 2025)¹.

Мирским чином крестили и Геннадия Яковлева, последнего носителя медновского диалекта алеутского языка. В детстве его окропила водой бабушка, прочитав молитву. Позже, уже в преклонном возрасте, Геннадий посещал родственников на Аляске, где в ходе разговора выяснилось, что он не миропомазан, то есть православный обряд крещения не завершён в соответствии с правилами церкви. Поэтому отец Даниила Андреюк, служивший в те годы в Анкоридже, завершил обряд крещения, миропомазав Геннадия на земле предков (ПМА. Интервью с алеутами острова Беринга 2025).

В 1972 г. селение Преображенское на о. Медном было полностью переселено на о. Беринга в рамках политики ликвидации неперспективных деревень. С того года о. Медный считается необитаемым, а на о. Беринга существует негласное деление на "медновских" и "беринговских" алеутов [8, с. 130].

Низкий уровень политической просвещённости населения в совокупности с глубокой религиозностью имели определённое значение в процессе советизации командорского общества, сильно затормозив его. Естественно, что немаловажную роль играло и географическое положение региона, что делало его труднодоступным для посещения и, как следствие, распространения информации с материка.

С одной стороны, ситуация, сложившаяся на Командорах в XX в., демонстрирует типичную для всего советского пространства политику советизации населения и его атеизации, которая в итоге принесла свои плоды и повлия-

¹ ПМА – полевые материалы автора.

ла на религиозную идентичность нескольких поколений алеутов. С другой, заметна устойчивость православия в привычной жизни вопреки переменам. Проведение служб председателем в закрытом храме, "религиозные спевки", идентификация себя как "православных христиан" и надзор за церковным имуществом, а позже и сохранившиеся практики крещения на дому – всё это указывает на устойчивые позиции православия в алеутском обществе XX в.

Безусловно, подобные характеристики можно дать лишь поколению алеутов, заставших революцию в зрелом возрасте, чего нельзя сказать о тех, кто родился и вырос уже в советские годы и знал о православии только со слов бабушек или по воспоминаниям родителей.

Возрождение религиозной жизни на Командорских островах (конец XX в.– н. в.)

В 1992 г. молитва священника вновь прозвучала на этих далёких землях. Случилось это во время перезахоронения останков Витуса Беринга и пяти членов его экипажа. Для идентификации археологи отвозили находки в Москву, а после вернули на военном судне, шедшем из Петропавловска-Камчатского. На нём же прибыл и православный священник Ярослав Левко, который отслужил панихиду. Это была первая церковная служба после закрытия церкви на острове Беринга, что можно считать датой возрождения православия на Командорской земле [11, с. 305].

В 1993 г. произошло значимое для всей Камчатки событие – 3 ноября Священным Синодом была создана Петропавловская и Камчатская епархия. В силу своей изолированности Командоры узнали о её существовании лишь в 1997 г., когда острова посетил игумен Диомид, настоятель храма в Елизово. Он совершил службу в каменном здании поселкового клуба, выстроенного взамен сгоревшего, провел беседы с местным населением и окрестил желающих. Беседы состояли главным образом из его ответов на многочисленные вопросы, накопившиеся у жителей острова.

В 2000 г. остров посетила делегация кафедрального собора Петропавловска-Камчатского. Гости пробыли на островах дольше, чем предполагалось, из-за плохих погодных условий. Время, проведенное батюшкой и сопровождающими его монахом и певчей, не прошло напрасно. Было проведено много служб (вместо храма использовалось здание склада), освящены пекарня и больница, проведены огласительные беседы, желающих обучали церковному пению. Примечательно, что было очень много желающих креститься среди алеутов, однако тех, кто всё-таки совершил обряд, оказалось всего 29 человек [10, с. 3]. По меркам острова, население которого на 2000 г. составляло около восьмисот человек, это, впрочем, было достаточно много. Можно предположить, что такое массовое желание принять православную веру могло быть вызвано не только личными соображениями, но и желанием сделать так, как это делали предки, без какого-либо иного, сакрального смысла.

Тогда же была создана православная община острова Беринга, состоявшая из 3-4 постоянных прихожан и располагавшаяся, за неимением храма, в свободной квартире. На тот момент финансовых возможностей построить храм не было. С этого момента священник стал посещать остров дважды в год, а число постоянных прихожан выросло до 12 человек [1, с. 3]. В связи с длительным отсутствием священнослужителя службы проводились уже привычным командорцем мирским чином, после чего прихожане собирались для занятий в богословском кружке. Конечно, много раз поднимался вопрос о необходимости постройки храма.

Летом 2010 г. на Командорах состоялось знаменательное событие: в с. Никольское привезли частицу мощей Николая Чудотворца, покровителя островов. Количество людей, пришедших приложиться к святыне, исчислялось сотнями человек (при населении в 650 человек, из которых 336 были алеутами): люди приходили до глубокой ночи и с раннего утра следующего дня. В том же, 2010 г., было принято решение о строительстве храма на о. Беринга. Святейший Патриарх Кирилл лично прибыл в Никольское для освящения территории под храм. Спустя год он был открыт, однако постоянного священника на островах так и не было. Раньше у православной общины был собственный блог "На краю земли". Вот, что в нём по этому поводу пишет одна из прихожанок: "Недостаёт нам батюшки, но миром, ведомые чтицей нашей

Татьяной, великопраздничную службу отслужили просветленно. И куличи наши командорские тоже освятили!" [3].

29 октября 2012 г. состоялась церемония освящения самого восточного в России храма, молебен провел епископ Петропавловский и Камчатский Артемий. Теперь здесь совершаются богослужения и проходят занятия воскресной школы. При храме есть библиотека и мини-гостиница для путешественников. Наконец, впервые с XIX в., в 2017 г. у храма появился и постоянный настоятель. Молодому священнику Владимиру Миронову выпала уникальная миссия – вести приход в стратегически важном регионе, на границе стран, континентов и дат, в месте соединения различных культур и укладов. В интервью для журнала "Служба и служение" он сказал: "Многие из моих прихожан – алеуты, они-то и составляют костяк нашего прихода. Я, беседуя с ними, всегда стараюсь их не поучать и не назидать, а общаться с ними как с друзьями. Хочется стать им близким и необходимым человеком, духовным другом" [4, с. 9].

Подытоживая, хочется отметить, что возрождение православия на Командорах отражает общероссийскую тенденцию восстановления религиозных институтов в постсоветский период, однако при этом имеет и свою специфику, связанную с этнокультурными и географическими особенностями региона, а также с исторической памятью населения. Думается, что на ход возрождения религиозной жизни на Командорских островах мог повлиять и неотрадиционализм, появляющийся в этнических общностях в связи с утратой самобытной культуры, малочисленностью, а также сильным влиянием других культур извне [6, с. 110].

Важным моментом стало открытие Камчатской области для посещения иностранцами. В результате чего, хотя и до сих пор единичные, но от этого ещё более важные контакты с американскими алеутами также могли повлиять на возрождающуюся религиозность у командорских алеутов. Пример "своих", проживающих на исконно алеутских землях и их приверженность к православию, также мог повлиять на современную группу командорских алеутов и вызвать среди них всплеск интереса к вере, принятой предками. Так, в июне 2011 г. посёлок посетили американские алеуты: Пэт Плетникофф, мэр городка Сент-Джордж с островов Прибылова, и Салли Свецоф с о. Атка Алеутской гряды, гостившие по приглашению членов Ассоциации народов Севера. Об их визите писали в газете "Алеутская звезда" так: "Очень порадовал факт принадлежности Пэта и Салли к православному вероисповеданию. Прилетев накануне Дня Всех святых, Анастасия пришла в нашу общину на праздничную воскресную службу. Семья истинного христианства укрепилось на Алеутских островах, потому как бережно возделывалось и сохранялось. Мы же, выросшие в комсомоле и коммунизме, заново обретаем утраченное, поэтому и свернули многие не туда, ошибившись в поиске истинной веры" [2]. Можно сделать вывод, что принадлежность гостей к православию обрадовала автора статьи.

Протестантские деноминации и их деятельность на Командорских островах

Нельзя не упомянуть и иные христианские деноминации, действующие на Командорских островах. Так, в 1990-х гг. активную деятельность вела Церковь Полного Евангелия, трансформировавшаяся здесь в поместную Церковь Живого Бога [12, с. 303]. После полного отсутствия религиозной жизни в Камчатском крае на протяжении почти всего XX в, приход протестантов стал для жителей Никольского немаловажным событием. Ничего подобного на их памяти не было. Люди потянулись в ряды прихожан новой религиозной организации.

Об этих временах вспоминает Надежда Глянцева, алеутка из села Никольское. В ходе интервью она упоминает некую "секту", в которую ходила её подруга в 1990-х. Можно предположить, что речь идёт как раз о Церкви Полного Евангелия. "Не хочу обидеть никого, но лично в моей семье было мнение, что это секта. Помню, что они занимали помещение в соседнем подъезде дома, где я жила и меня постоянно приглашали к ним, но мне мама не разрешала. Были у них весёлые богослужения. Там у них синтезатор, что-то такое. Одна из моих подруг ходила, многодетные семьи к ним ходили. 90-е были, время хо-

лодное, голодное, а там чай с разными вкусняшками пили" (ПМА. Интервью с алеутами острова Беринга 2025). Из слов Надежды понятно, что новая религиозная организация пользовалась популярностью среди жителей острова. Это неудивительно, ведь члены церкви помимо проповеднической работы активно занимались благотворительностью. В 1990-е годы на островах были проблемы со снабжением продуктами и предметами первой необходимости, однако протестантские проповедники заказывали всё необходимое через свой филиал в Петропавловске-Камчатском [11, с. 305].

Активная социальная деятельность протестантов также привлекала большое число новых прихожан. Протестанты помогали желающим островитянам избавляться от вредных привычек, оказывали моральную и, по возможности, финансовую поддержку, устраивали коллективные походы.

По словам нынешнего настоятеля храма, в посёлке раньше действительно было большое число приверженцев этой религиозной организации, однако на данный момент число прихожан "Церкви Полного Евангелия" составляет менее десяти человек. Вот, что говорит отец Владимир Миронов в интервью журналу, издаваемому Камчатской епархией: "Помимо православия на острове ранее действовала и секта евангелистов. Однако её жизнь совершенно угасла, раньше их в поселке было около 40 человек, а теперь осталось только пять. Это уже пожилые люди, которым менять свои убеждения весьма сложно, хотя у них есть пастырь, но никакой активной деятельности они уже не ведут. Одна из их "прихожанок" даже помогает украшать храм – ей заказывают невероятной красоты алеутские изделия" [4, с. 10].

Об этом же говорит и Галина Королёва, алеутка из села Никольское. "Ну, сейчас там совсем мало прихожан. Кто-то к ним ходил вроде, но это уже старые люди". Её слова подтверждает и Надежда Глянцева: "Не знаю. Сейчас там пастор – сын Нины Кияйкиной, она у нас плетёт алеутские украшения, кружок ведёт. Может быть, только её подруги по кружку ходят туда. А так вообще сейчас про них ничего не слышно" [11].

Отдельно стоит упомянуть и об отношении остальных алеутов к общине евангелистов. В газете "Алеутская звезда" в вышеупомянутой статье про визит американских алеутов автор пишет следующее: "Среди наших потомков коренных жителей, чьи предки всей душой приняли православие, есть посещающие совсем иную, "церковь полного Евангелия". Замечательно, что американские алеуты чтят духовное наследие и хранят традиционную православную веру" [2].

Одним из главных факторов, повлиявших на выбор алеутами протестантизма, можно считать сложившуюся на островах тяжёлую экономическую ситуацию. Религия служила одним из способов адаптации к кризису. В 90-х годах двадцатого столетия приход в Церковь Полного Евангелия для части островитян стал не столько духовным выбором, сколько способом выживания – община предлагала еду, материальную и эмоциональную поддержку. Немаловажно отметить при этом, что православие для алеутов не просто вера, а маркер аутентичности. Протестантизм же, в свою очередь, остался маргинальным явлением. Это можно видеть как по риторике газет ("истинную православную веру", "свернули не туда"), так и по словам самих алеутов ("ну это от американцев", "мама говорила, что это секта").

Опираясь на вышеприведённую информацию, можно сделать вывод о том, что религиозная идентичность алеутов Командорских островов прошла сложный путь от активной миссионерской деятельности в XIX в. и борьбы с религией в советские годы к возрождению уже в нынешнем столетии. Для алеутов православие из инструмента Российско-американской компании по интеграции аборигенного населения Аляски в имперское общество превратилось в маркер принадлежности к "цивилизированному миру", а позже и в элемент этнической самоидентификации. Годы атеизма, хоть и не смогли полностью искоренить религиозные практики, частично сохранявшиеся в памяти народа, но всё же оставили отпечаток на современной религиозной ситуации на Командорских островах.

В наши дни среди алеутов Командорских островов наблюдается осознанное стремление к возрождению культуры, бытовавшей до прихода советской власти и политики унификации [6, с. 117]. Вера же на данном этапе

играет не только роль духовного учения, но и выступает в качестве объекта исторической памяти и маркера этнической идентичности.

Литература/ References

1. Астанкова О. В молитве с Богом // Алеутская звезда. 2000. № 31. 4 авг. С. 3–4.
Astankova O. In prayer with God // Aleutian Star. 2000. No. 31. Aug. 4. P. 3–4. (In Russ.)
2. Астафурова Е. Визит американских алеутов // Алеутская звезда, 2011, 25 июня URL: https://web.archive.org/web/20181016050220/http://blogs.pravkamchatka.ru/bering_island/2011/06/ (дата обращения: 24.11.2024)
Astafurova E. The visit of American aleuts // Aleutian Star. 2011, 25 p. URL: https://web.archive.org/web/20181016050220/http://blogs.pravkamchatka.ru/bering_island/2011/06/ / (accessed 11.24.2024) (In Russ.)
3. Астафурова Е. Пасха в посёлке Никольское // Блог Елены Астафуровой. 2009. 30 апреля. URL: https://web.archive.org/web/20181014205330/http://blogs.pravkamchatka.ru/bering_island/2012/07/ (дата обращения: 24.11.2024)
Astafurova E. Easter in the village of Nikolskoye // Blog of Elena Astafurova. 2009. April 30th. URL: https://web.archive.org/web/20181014205330/http://blogs.pravkamchatka.ru/bering_island/2012/07/ / (accessed 24.11.2024) (In Russ.)
4. Барышников П., Барышникова Г. Страж Командорских островов // Служба и служение. 2019. № 20. С. 8–13.
Baryshnikov P., Baryshnikova G. The Guardian of the Commander Islands // Service and ministry. 2019. No. 20. P. 8–13. (In Russ.)
5. Воробьёва Т. В. Алеуты Командорских островов: от русской Америки к современности // Материалы XXXVII Крашенинниковских чтений / Министерство культуры Камчатского края. Петропавловск-Камчатский: ККНБ, 2022. С. 107–113.
Vorobyeva T. V. Aleuts of the Commander Islands: from Russian America to modernity // Materials of the XXXVII Krasheninnikov Readings / Ministry of Culture of the Kamchatskiy Krai. Petropavlovsk-Kamchatsky: KKNL, 2022. P. 107–113. (In Russ.)
6. Картавцев К. С. Функции неотрадиционализма командорских алеутов в XXI в. // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2020. № 28. С. 108–120.
Kartavtsev K. S. The functions of neotraditionalism of the Commander Aleuts in the 21st century // Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, 2020. No. 28. P. 108–120. (In Russ.)
7. Корсун С. А. Материалы экспедиционных исследований по алеутам Командорских островов в архиве МАЭ // "О Камчатке и странах, которые в соседстве с нею находятся..." // Материалы XXVIII Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2011. С. 115–120.
Korsun S. A. Materials of expeditionary research on the Aleuts of the Commander Islands in the MAE archive // "About Kamchatka and the countries that are in its vicinity ..." // Materials XXVIII Krasheninnikov readings. Petropavlovsk-Kamchatsky, 2011. P. 115–120. (In Russ.)
8. Латушко Ю. В. Социальная структура и островной Modus Vivendi командорского общества // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. № 21. С. 121–138.
Latushko Y. V. Social structure and island Modus Vivendi of the Commander society // Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. 2018. No. 21. P. 121–138. (In Russ.)
9. Ляпунова Р. Г. Алеуты: Очерки этнической истории. Л.: Наука, 1987. 226 с.
Lyapunova R. G. Aleuts: Essays on ethnic history. L.: Nauka, 1987. 226 p. (In Russ.)
10. Матиенко Е. Визит христиан // Алеутская звезда. 2000. № 5. 4 февраля. С. 2–3.
Matienko E. The visit of Christians // Aleutian Star. 2000. No. 5. February 4. P. 2–3. (In Russ.)
11. Татаренкова Н. А. Возрождение христианства на Командорах // Верные долгу и Отечеству: материалы XXVII Крашенинниковских чтений / Министерство культуры Камчатского края. Петропавловск-Камчатский: ККНБ, 2010. С. 301–309.
Tarenkova N.A. The revival of Christianity on the Commander islands // Faithful for a long time and fatherly: proceedings of the XXVII Krasheninnikov readings / Ministry of Culture of the Kamchatskiy Krai. Petropavlovsk-Kamchatsky. KKNL. 2010. P. 301–309. (In Russ.)
12. Татаренкова Н. А. Процесс заселения Командорских островов в XIX в. // Материалы XXXVIII Крашенинниковских чтений / Министерство культуры Камчатского края. Петропавловск-Камчатский: ККНБ, 2024. С. 292–299.
Tatarenkova N. A. The process of settlement of the Commander Islands in the XIX century // Materials of the XXXVIII Krasheninnikov readings / Ministry of Culture of the Kamchatskiy Krai. Petropavlovsk-Kamchatsky: KKNL, 2024. P. 292–299. (In Russ.)
13. The Journals of Iakov Netsvetov: the Atkha Years. 1828–1844/ Materials for the Study of Alaska History No.16. with Introduction and Supplementary Material by L. Black. Limestone: Kingston, Ontario, Canada, 1980. 342 p.

Информация об авторах

Татьяна Сергеевна Корягина, аналитик Учебно-научного Института антропологии и этнологии Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия, e-mail: koriaginat@yandex.ru

Максим Сергеевич Михалёв, д-р ист. наук, профессор Учебно-научного Института антропологии и этнологии Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия; главный научный сотрудник Центра «Государство и религия в Азии» Института Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия, e-mail: maxmikhalev@yahoo.com

Information about the authors

Tatyana S. Koryagina, Analyst, Educational and Scientific Institute of Anthropology and Ethnology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, e-mail: koriaginat@yandex.ru

Maxim S. Mikhalev, Doctor of Historical Sciences, Professor, Educational and Scientific Institute of Anthropology and Ethnology, Russian State University for the Humanities; Main Researcher, Center for State and Religion in Asia, Institute of China and Modern Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: maxmikhalev@yahoo.com

Поступила в редакцию 10.10.2025

Одобрена после рецензирования 03.11.2025

Принята к публикации 27.11.2025

Received 10.10.2025

Approved 03.11.2025

Accepted 27.11.2025

В поисках ивору: камчадалские курильцы и этнизация природопользования

Алина Александровна Милованова

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, milovanova.3121@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена критическому анализу проекта "этнического возрождения" айнов Камчатки, инициированного общественным деятелем А. В. Накамурой. Методологической основой работы является кейс-стади, который позволяет выявить причины, механизмы и следствия конструирования новой этнической общности в контексте борьбы за доступ к природным ресурсам. Основной вывод заключается в том, что деятельность А. В. Накамуры представляет собой не подлинное этническое возрождение, а этноконструктивистский симулякр – фантомную общность, легитимированную статистическими данными и медийным присутствием, но не подкрепленную реальной групповой идентичностью. Установлено, что ключевым фактором подобного конструирования является процесс этнизации природопользования, когда законодательно закрепленные этнические категории становятся инструментом для получения ресурсных квот. Работа призвана продемонстрировать издержки доминирующего в правоприменительной практике понимания этничности, нередко становящегося источником манипуляций данной категорией социокультурной идентичности, что важно для совершенствования государственной политики в отношении коренных народов.

Ключевые слова: айны, камчадалские курильцы, коренные народы, этническое возрождение, этнополитический миф, Камчатка

Статья подготовлена в рамках реализации проекта "Трансграничные народы Сибири и Дальнего Востока в составе России: истории успеха как фактор "мягкой силы" (Программа фундаментальных и прикладных научных исследований "Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности" 2023–2025 гг.).

Для цитирования: Милованова А. А. В поисках ивору: камчадалские курильцы и этнизация природопользования // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 4. С. 19–25.

<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/19-25>

Original article

<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/19-25>

In search of Iworu: The Kamchadal Kuril Ainu and the Ethnicization of Environmental Practice

Alina A. Milovanova

Russian State University for the humanities, Moscow, Russia, milovanova.3121@mail.ru

Abstract. This article examines the contemporary project of the "ethnic revival" of the Ainu in Kamchatka. The study aims to critically analyse the socio-political mechanisms underpinning this movement, the objectives of its leader, A.V. Nakamura, and the ultimate reasons for its failure to achieve official recognition of the Ainu as an indigenous minority people of the Russian Federation. Methodologically, the research employs a case study approach, drawing on historical analysis, critical examination of census data and media sources, and the author's field materials. This allows for the application of a constructivist lens to deconstruct the phenomenon. The central finding is that the campaign led by Nakamura does not constitute a genuine ethnic revival but rather represents an ethno-constructivist simulacrum. This simulacrum is a phantom community, legitimised through statistical data and media discourse despite the absence of a substantiated, collective Ainu identity among its purported members. The study concludes that the primary driver of this project is the ongoing ethnicization of natural resource management, wherein ethnicity is instrumentalised as a legal gateway to access fishing quotas and other economic benefits. The practical significance of the work lies in its demonstration of the pitfalls associated with the primordialist perception of ethnicity in Russian policy and legislation, which creates incentives for strategic ethnic entrepreneurship and simulacra, thereby complicating genuine indigenous rights protection.

Key words: Ainu, Kamchadal Kuril Ainu, Indigenous People, Ethnic Revival, Ethnopolitical Myth, Kamchatka

The article was prepared within the framework of the project "Crossborder peoples of Siberia and the Far East within Russia: success stories as a factor of 'soft power'" (Program of fundamental and applied scientific research "Ethnocultural diversity of Russian society and strengthening of national identity" 2023–2025).

For citation: Milovanova A. A. In search of Iworu: The Kamchadal Kuril Ainu and the Ethnicization of Environmental Practice // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 4. P. 19–25.

<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/19-25>

В системе традиционных мировоззренческих концепций айнов существовало понятие *ивору*, означавшее промысловые зоны – рыболовецкие, охотничьи, собирательские и земледельческие угодья. *Ивору* имели чёткие временные и территориальные границы – как в отношении сезонности тех или иных занятий, так и в связи с их общинно-родовой принадлежностью, – и, помимо того, являлись пространством сакрального диалога людей и духов природы *камзуев*, от умения "договориться" с которыми зависел успех промысла [8, с. 93]. Сегодня правила доступа к природным ресурсам для коренных

народов определяются положениями статьи 25 Федерального закона "О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов" [14], а в северном пределе *Айну-мосири* [5] нет больше ни *камурев*, ни самих айнов: в период с 1946 по 1949 гг. абсолютное большинство айнов, проживавших в тот момент на Южном Сахалине, эмигрировало на Хоккайдо вслед за подлежащим послевоенной репатриации японским населением [4, с. 85]. Таким образом, история айнов в России завершилась после окончания Второй мировой войны, однако данные Всероссийской переписи населения (ВПН) 2010 г. [1] свидетельствовали о том, что, по меньшей мере, 109 человек определяют свою этническую принадлежность как "*айны (айну)*". Согласно сведениям переписи 2020 г. [2] их число возросло до 300 человек, из которых 85% проживает на территории Камчатского края [3] и, ко всему прочему, добавляет к своему этнониму пояснение – "*камчатальские курильцы*", претендуя тем самым на преемственность с северокурильскими переселенцами второй половины XIX в.

Напомним, что Северные Курильские острова с 1830 г. находились под управлением Курильского отдела Российско-американской компании. После её упразднения в 1867 г. местное население в количестве пары сотен человек, половина из которых были айны, а другая – завезённые из Америки для работы на промыслах кодыякцы и алеуты, – было, по большому счёту, оставлено на произвол судьбы. С 1872 по 1875 гг. острова арендовала американская компания "Hutchinson, Kohl & Company". Произвол американских дельцов и браконьеров привёл к практически полному истреблению морского зверя, а добытая *курильцами* пушнина скупалась за бесценок или же вовсе отнималась силой. Одежда, обувь, предметы обихода – всё это местным жителям приходилось покупать, однако привозные товары были негодны для сурового климата Северных Курил. Неблагоприятные условия жизни привели к высокой смертности [15, с. 4, 12].

После подписания Санкт-Петербургского договора 1875 г. населению взаимно уступаемых территорий Северных Курил и Сахалина было дано три года на выбор подданства. Позиция северокурильских айнов, в отличие от алеутов и кодыякцев, сделавших выбор в пользу российского подданства, долгое время оставалась неясной, поскольку согласно четвертому пункту "Дополнительной статьи", прилагаемой к основному тексту договора, *природные жители* могли и вовсе не покидать занимаемые ими на тот момент земли [11, с. 140–142]. В итоге большинство из них осталось на о. Шумшу, однако несколько десятков северокурильских айнов в 1877–1878 гг. всё же переселились на Камчатку, где обосновались на юго-западном побережье полуострова в селениях Явино и Голыгино [13, с. 219]. В скором времени они растворились среди местного населения, и ныне практически никто в тех краях об айнах *не помнит и не знает* (ПМА. Результаты научной командировки в Камчатский край (2024))¹.

Трагические перипетии судеб сахалинских и курильских айнов стали частью исторического ландшафта региона. Память о них сохраняется благодаря музейным экспозициям и обширной научной и научно-популярной литературе, хранящейся в местных библиотеках, даже несмотря на то, что опыта совместного проживания советских переселенцев и айнов как такового не было. Этим представлениям также присущ флёр загадочности и жертвенности: несправедливо отвергнутый советской стороной древний народ, долгие годы терпящий притеснения от японцев, которые и поныне стремятся взять реванш, вернув потерянные по итогам Второй мировой войны острова. СССР действительно не стремился позиционировать присутствие остатков айнского населения на Южном Сахалине, однако и открытой дискриминации по этническому признаку к ним не было.

Помимо высокого интереса со стороны отечественного академического сообщества, "айнская тема" также фигурировала в политическом пространстве, оказавшись отчасти связанной с проблемой "Северных территорий". Ретроспективное переосмысление трагедии северокурильских и сахалинских айнов в России на фоне актуализации пограничного спора о принадлежности группы Южных Курильских островов 1990–2000-х гг. нашло отражение в этноконструктивистском проекте "возрождения" общины *айну (камчатальских*

¹ ПМА – полевые материалы автора.

курульцев) российского общественного деятеля А. В. Накамуры, продвигавшего идею признания айнов и внесения их в перечень коренных малочисленных народов РФ.

Впервые российская общественность узнала о возрождении айнов из еженедельного периодического издания "Камчатское время" в декабре 2004 г., опубликовавшего статью под названием "Трагедия айнов – трагедия российского Дальнего Востока" [16]. Это было первое интервью с самопровозглашённым лидером российских айнов А. В. Накамурой, в котором он высказывал опасения относительно возможной уступки Южных Курильских островов, которая бы оскорбила память о павших во время Курильской десантной операции воинах и затронула бы *"национальные чувства всех коренных народов Дальнего Востока России"*. Более того, по мнению общественного деятеля, именно боевые действия в августе 1945 г. сыграли решающую роль в истории курильских айнов, часть из которых была насильно вывезена на Хоккайдо, а другая – подверглась преследованиям со стороны советских властей. В той же статье журналист "Камчатского времени" привёл отзыв историка и археолога А. В. Пташинского, обратившего внимание на путанность слов Накамуры и содержащийся в них популизм. Эксперт дал развёрнутый комментарий об истории территориальных размежеваний в регионе, но вместе с тем, вероятно, открыл путь формированию будущего этноконструктивистского проекта словами: *"Теперь что касается народности айнов. В российских списках малочисленных народов Севера их нет. Но потомки айнов живут на Камчатке, причём их немало. Например, в Усть-Большерецком районе есть люди, которые утверждают, что их предки были выходцами с Курильских островов"* [16].

В ходе летней экспедиции 2024 г. в Камчатский край нам удалось выяснить обстоятельства появления этнополитического проекта "возрождения" айнов. Как оказалось, за исключением его главы и идейного вдохновителя А. В. Накамуры, о существовании других членов общины доподлинно ничего известно не было. Респонденты, в числе которых были также сотрудники музеев, библиотек и администраций г. Петропавловск-Камчатский и с. Усть-Большерецк, где, согласно ВПН–2010 и ВПН–2020 проживают айны, первые сведения о них нередко получали из СМИ или лично от этнического активиста (ПМА, 2024).

В виду того, что А. В. Накамура в настоящее время является единственным достоверно известным членом общины, рассмотрение истории "возрождения" айнов в России имеет прямую корреляцию с общественно-политической деятельностью именно этого человека, и на ней имеет смысл остановиться подробнее. Можно сделать вывод о том, что А. В. Накамура *обрёл* свою айнскую идентичность в достаточно зрелом возрасте, к тому времени получив представление о характере работы общественных организаций этнической направленности. Детство и юность он провёл с матерью в селе Манилы, расположенном на севере Камчатки. В 1990-х гг. Алексей участвовал в работе ассоциации коряков и сотрудничал с АНО ительменов "Этно-экологическим информационным центром "Лач", а в июне 2007 г. зарегистрировал родовую общину коренных и малочисленных народов Камчатки "Айну". Федеральное агентство по рыболовству выделило А. В. Накамуре рыбопромысловый участок в Усть-Большерецком районе, однако из-за определённых нарушений на имя организации был выписан штраф в размере 2 млн руб. В получасовом документальном фильме "История забытого народа" [6] 2014 г. данные события были интерпретированы как доказательство притеснения со стороны российских властей, и лидер общины призвал к признанию айнов коренным малочисленным народом России, объясняя свою позицию тем, что дальнейшее существование камчатских айнов во многом зависит от государственных льгот на вылов рыбы.

Несмотря на то, что в ходе судебного разбирательства промысловый участок все-таки был изъят, а в 2015 г. ликвидирована и сама родовая община "Айну", её лидер оставался твёрд в своем намерении. На протяжении 2010-х гг. А. В. Накамура активно раздавал интервью [9] и по приглашению "Ассоциации айнов Хоккайдо" даже посетил Японию, где, по словам информантов, сойдя с трапа самолета, опустился на колени и поцеловал землю (ПМА, 2024). Наконец, в 2018 г. через посредничество члена Совета по разви-

тию гражданского общества и правам человека (СПЧ) А. В. Бабушкина активист добился того, что на заседании СПЧ в декабре 2018 г. вопрос о признании айнов был поднят в присутствии Президента РФ В. В. Путина, который поручил разобраться в данной проблеме [10]. Более того, ажиотаж вокруг айнского "возрождения" привлёк внимание японских историков и этнографов: они связались с Усть-Большерецким краеведческим музеем для получения достоверной информации о возрождении общины российских айнов, но предпринятая ими попытка успехом не увенчалась (ПМА, 2024). Что же до результатов переписей населения, то 109 человек, указанных в ВПН–2010, вероятно, могли быть участниками родовой общины "Айну". При этом, как нам удалось узнать (ПМА, 2024), сведения о 256 айнах в ВПН–2020 по Камчатскому краю были поданы А. В. Накамура лично в администрацию краевого центра. Свои действия он мотивировал тем, что в условиях пандемии COVID-19 эти люди не станут контактировать с переписчиками (ПМА, 2024). Собранные им данные не были перепроверены сотрудниками Росстата и вошли в итоговый сборник "Национальный состав и владение языками" ВПН–2020.

Так называемое "возрождение" айнов в России, вне всяких сомнений, является примером этнического конструирования. Формирование этнических идентичностей может сыграть решающую роль в отстаивании интересов местного населения, в частности, в период быстрых социальных и экономических изменений, когда национальное государство стремится контролировать экологические, экономические и человеческие ресурсы на территории проживания коренных народов. Вместе с тем правила, по которым ведётся этнополитическая деятельность, как и круг самих идентичностей, определяются государством, и айнский проект А. В. Накамуры, с этой точки зрения, не является исключением, однако он имеет одну крайне важную особенность. Усилий лидера этнополитического движения оказалось недостаточно для формирования общности людей, разделяющих представления о коллективной айнской идентичности. Следовательно, речь идёт отнюдь не о полноценном этническом возрождении "потерянного колена" айнского народа, а о появлении *этноконструктивистского симулякра*. В этом случае статистические данные маскируют *отсутствующие* этносоциальной группы, но являются достаточным основанием, чтобы её "возрождение" обсуждалось на самом высоком уровне. Симулякр существует в отечественном и иностранном медиапространствах, подпитывается активной деятельностью этнического предпринимателя и актуальностью территориального спора России и Японии. Он оказывается фактически узаконенным статистическими данными из Всероссийских переписей населения 2010 и 2020 гг., вопреки тому, что айны по сей день не включены в Единый перечень коренных малочисленных народов РФ.

Возникновение *этноконструктивистских симулякров* является следствием распространённого в обществе понимания этничности, предполагающего утверждение не просто "изначальности" группы, но и непрерывности её существования. Проблема заключается ещё и в том, что данная трактовка институционально закреплена в законодательных нормах, требующих формальной этнической атрибуции для доступа к ресурсам. Апеллируя к истории добровольного или принудительного переселения как аргументу в пользу преимущества этнической идентичности, не стоит, однако, забывать о том, что и миграция, и ассимиляция с местным населением нередко становятся предпосылками этнического замещения, когда в течение нескольких поколений первоначальная идентичность, более не поддерживаемая компактным проживанием и традиционными практиками, оказывается вытеснена и замещена новой.

Выдвигаемое А. В. Накамура политическое требование признать айнов (*айну, камчадалских курильцев*) коренным народом РФ – это следствие *этнизации природопользования*, ведь, согласно тексту Федерального закона "О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов", лица, относящиеся к числу коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, могут претендовать на получение квот добычи (вылова) водных биоресурсов в целях обеспечения своего традиционного образа жизни.

В заключение необходимо сказать несколько слов о том, почему проект "айнского возрождения" так и не получил дальнейшего развития. Важную роль в процессах конструирования этнической идентичности и последующей

групповой мобилизации наряду с идеологией, политическими программами и лозунгами этнокультурных и националистических организаций играют этнополитические мифы [12, с. 291–294]. Проект А. В. Накамуры также формировался вокруг мифологизированных представлений о коллективном трагическом прошлом айнского народа. Они были сосредоточены в родословной семье Накамура, опубликованной в январе 2010 г. на информационном портале "Камчадалы.ру" [7]. Её автор, сравнительно вольно обращаясь с историей айнского населения Хоккайдо, Сахалина, Камчатки и Курильских островов, наделил членов семьи Накамура героическим прошлым, одновременно с тем связав нынешнего лидера "возрождения" со всеми этнотерриториальными группами айнов кровным родством. Этнополитический миф, как правило, выступает правовой основой интеграции различных этнографических групп в сообщество, скреплённое общей исторической памятью, однако мифологизированная история семьи Накамура, напротив, создала героический образ самого лидера общины, легитимировала его право говорить и действовать от лица всего "айнского народа" в России, но несколько не способствовала формированию общности людей, разделяющих представления об айнской идентичности.

Тем не менее, структура социальных отношений подвижна, а социокультурные идентичности изменчивы, и некогда вообразимое при определённом стечении обстоятельств может стать объективно существующим. Хотя проект А. В. Накамуры на сегодняшний день является лишь *этноконструктивистским симулякром*, возросший в российском общественном пространстве интерес к "айнской теме" гипотетически может стимулировать процессы подлинной этнокультурной консолидации общности *неоайнов* – группы, конструирующей свою идентичность на основе исторических нарративов, но не имеющей с исходной общностью прямой социокультурной преемственности.

Литература / References

1. ВПН–2010. Состав группы населения "Указавшие другие ответы о национальной принадлежности". // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-02.pdf (дата обращения: 13.06.2025)
All-Russian Population Census 2010: Composition of the population group "Those who indicated other responses on national affiliation". // Federal State Statistics Service (Rosstat). (n.d.-a). URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-02.pdf (accessed 13.06.2025) (In Russ.)
2. ВПН–2020. Состав группы населения "Указавшие другие ответы о национальной принадлежности". // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami (дата обращения: 13.06.2025)
All-Russian Population Census 2020: Composition of the population group "Those who indicated other responses on national affiliation". // Federal State Statistics Service (Rosstat). (n.d.-b). URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami (accessed 13.06.2025) (In Russ.)
3. ВПН–2020. Состав группы населения "Указавшие другие ответы о национальной принадлежности" по муниципальным образованиям Камчатского края. // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://41.rosstat.gov.ru/folder/214647> (дата обращения: 13.06.2025)
All-Russian Population Census 2020: Composition of the population group "Those who indicated other responses on national affiliation" by municipalities of Kamchatka Krai. // Federal State Statistics Service (Rosstat). (n.d.-c). URL: <https://41.rosstat.gov.ru/folder/214647> (accessed 13.06.2025) (In Russ.)
4. Дин Ю. И. "Репатриация" айнов Южного Сахалина после Второй мировой войны // Россия и АТР. 2021. Т. 114. № 4. С. 84–96. <https://doi.org/10.24412/1026-8804-2021-4-84-96>
Din Yu. I. "Repatriation" of Ainu of South Sakhalin after the Second World War // Russia and the Pacific. 2021. Vol. 114. No. 4. P. 84–96. <https://doi.org/10.24412/1026-8804-2021-4-84-96> (In Russ.)
5. Интерактивная карта "Ainu Moshiri" (т. е. "земля айнов") – концепция, объединяющая в себе представления об исконных территориях айнов и "золотом веке" айнской свободы. URL: <https://native-land.ca/listings/territories/ainu> (дата обращения: 13.06.2025)
Interactive map "Ainu Moshiri" [Ainu Moshiri]. (n.d.). // Native Land. URL: <https://native-land.ca/listings/territories/ainu> (accessed 13.06.2025)

6. История забытого народа (2014): документальный фильм об истории коренных жителей Курильских островов / реж. Альберт Самойлов. Время воспроизведения: 00:20:50-00:23:44. URL: <https://www.culture.ru/live/movies/2883/istoriya-zabytogo-naroda> (дата обращения: 09.06.2025)
History of a Forgotten People (2014). [Documentary]. A. Samoilov (Dir.). URL: <https://www.culture.ru/live/movies/2883/istoriya-zabytogo-naroda> (accessed 09.06.2025) (In Russ.)
7. Камчатские айну. Кто они? // Информационный портал "Камчадалы.ру". URL: http://www.kamchadaly.ru/index.php/kunena/korennyye_narody/56-kamchatskie-ajnu-kto-oni?limitstart=0 (дата обращения: 09.06.2025)
The Kamchatka Ainu. Who are they? // Information portal "Kamchadaly.ru". URL: http://www.kamchadaly.ru/index.php/kunena/korennyye_narody/56-kamchatskie-ajnu-kto-oni?limitstart=0 (accessed 09.06.2025) (In Russ.)
8. Косарев В. Д. Айны: идеология природопользования // Айны: проблемы истории и этнографии. Сб. ст. под ред. О. А. Шубиной. Перепринт. Южно-Сахалинск. 1988. С. 89–103.
Kosarev V. D. The Ainu: Ideology of Nature Use // The Ainu: Problems of History and Ethnography. Collection of articles ed. by O. A. Shubina. Reprint. Yuzhno-Sakhalinsk. 1988. P. 89–103. (In Russ.)
9. Лидер российских айнов: проблемы есть, но к японцам мы не побежим // Национальный акцент: медиапроект гильдии межэтнической журналистики. 2017. 17 мая. URL: <https://nazaccent.ru/content/24086-lider-rossijskih-ajnov-problemy-est-no/> (дата обращения: 09.06.2025)
Leader of the Russian Ainu: There are problems, but we won't run to the Japanese // National Accent: Media project of the Guild of Interethnic Journalism. 2017, May 17. URL: <https://nazaccent.ru/content/24086-lider-rossijskih-ajnov-problemy-est-no/> (accessed 09.06.2025) (In Russ.)
10. Путин согласился с предложением признать айнов коренным народом России // Сетевое издание РИА Новости. 2018. 17 декабря. URL: <https://ria.ru/20181217/1548135596.html> (дата обращения: 09.06.2025)
Putin agreed with the proposal to recognize the Ainu as an indigenous people of Russia // Digital media outlet RIA News. 2018, December 17. URL: <https://ria.ru/20181217/1548135596.html> (accessed 09.06.2025) (In Russ.)
11. Сахалин и Курильские острова в международных договорах и соглашениях // Краеведческий бюллетень. 1990. № 2. С. 134–142.
Sakhalin and the Kuril Islands in international treaties and agreements // Local History Bulletin. 1990. No. 2. P. 134–142. (In Russ.)
12. Тишков В. А., Шабаяев Ю. П. Этнополитология: Политические функции этничности: учебник для вузов. М.: Издательство Московского университета, 2013. 413 с.
Tishkov V. A., Shabaev Yu. P. Ethnopolitology: Political Functions of Ethnicity: A Textbook for Universities. Moscow: Moscow University Press, 2013. 413 p. (In Russ.)
13. Тураев В. А. Этническая история айнов Сахалина и Курильских островов в контексте российско-японских территориальных размежеваний // Россия и АТР. 2018. Т. 100. № 2. С. 213–230. <https://doi.org/10.24411/1026-8804-2018-00028>
Turaev V. A. Ethnic History of the Ainu of Sakhalin and the Kuril Islands in the Context of Russian-Japanese Territorial Delimitation // Russia and the Pacific. 2018. Vol. 100. No. 2. P. 213–230. <https://doi.org/10.24411/1026-8804-2018-00028> (In Russ.)
14. Федеральный закон от 20.12.2004 N 166-ФЗ (ред. от 30.11.2024) "О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов" // Consultant.ru. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50799/6b79462505ef5a60c1a3dd364147dcc3618ac5db/ (дата обращения: 13.06.2025)
Federal Law No. 166-FZ of December 20, 2004 "On Fisheries and Conservation of Aquatic Biological Resources". (n.d.) // Consultant.ru. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50799/6b79462505ef5a60c1a3dd364147dcc3618ac5db/ (accessed 13.06.2025) (In Russ.)
15. Шубин В. О. Курильские острова в период 1867–1877 гг. // Краеведческий бюллетень. 1992. № 4. С. 3–14.
Shubin V. O. The Kuril Islands in the period 1867–1877. // Local History Bulletin. 1992. No. 4. P. 3–14. (In Russ.)
16. Ямпольский В. Трагедия айнов – трагедия российского Дальнего Востока // Камчатское время: еженедельная газета. 2004. 8 декабря. URL: https://web.archive.org/web/20180927000235/http://kamtime.ru/old/archive/08_12_2004/13.shtml (дата обращения: 09.06.2025)
Yampolsky V. The tragedy of the Ainu – the tragedy of Russia's Far East // Kamchatka Time: weekly newspaper. 2004. 8 December. URL: https://web.archive.org/web/20180927000235/http://kamtime.ru/old/archive/08_12_2004/13.shtml (accessed 09.06.2025). (In Russ.)

Информация об авторе

Алина Александровна Милованова, лаборант Учебно-научного Института антропологии и этнологии Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия, e-mail: milovanova.3121@mail.ru

Information about the author

Alina A. Milovanova, Laboratory Assistant, Educational and Scientific Institute of Anthropology and Ethnology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, e-mail: milovanova.3121@mail.ru

Поступила в редакцию 10.10.2025

Received 10.10.2025

Одобрена после рецензирования 10.11.2025

Approved 10.11.2025

Принята к публикации 27.11.2025

Accepted 27.11.2025

Потерянные и обретенные: особенности идентичности сахалинских корейцев

Даниил Владимирович Кузнецов
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия;
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, daniil.kuznetsov.01@list.ru

Аннотация. На основе полевых исследований, включающих серию свободных интервью с респондентами и экспертами на Сахалине в июне 2024 г., и комплексного анализа отечественной и зарубежной литературы исследуется формирование и современное состояние идентичности сахалинских корейцев. В результате исследования выявляются её ключевые аспекты: устойчивый культурный синтез, проявляющийся в гибридизации ритуальных практик и повседневной культуры; глубинная связь с Сахалином как с малой родиной, особенно у представителей второго и третьего поколений; осознанное противопоставление себя корё-сарам; а также устойчивое ощущение чуждости в Южной Корее, формируемое различиями в поведенческих паттернах и языковом барьере. Особое внимание уделяется анализу обострившегося поколенческого разрыва, где первое поколение сохраняет ориентацию на историческую родину, в то время как последующие поколения идентифицируют себя прежде всего с Сахалином. Показано, как исторические условия – нахождение в японском колониальном пространстве, последующий правовой вакуум в СССР и ограниченные возможности репатриации – создали особый контекст для формирования этой идентичности. Установлено, что уникальность исторических условий и динамика формирования идентичности данной группы обуславливают необходимость её рассмотрения в качестве самостоятельного объекта научного социо-гуманитарного исследования. Практическая значимость работы заключается в возможности применения её выводов для разработки программ по поддержке культурного разнообразия и укрепления межпоколенческих связей внутри сахалинской корейской общины.

Ключевые слова: сахалинские корейцы, идентичность, культурный синтез, репатриация, гибридность, этничность, историческая память

Статья подготовлена в рамках реализации проекта "Трансграничные народы Сибири и Дальнего Востока в составе России: истории успеха как фактор "мягкой силы" (Программа фундаментальных и прикладных научных исследований "Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности" 2023–2025 гг.)

Для цитирования: Кузнецов Д. В. Потерянные и обретенные: особенности идентичности сахалинских корейцев // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 4. С. 26–33.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/26-33>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/26-33>

Lost and Found: The Distinctive Identity of Sakhalin Koreans

Daniil V. Kuznetsov
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Russian State University for Humanities, Moscow, Russia, daniil.kuznetsov.01@list.ru

Abstract. Based on field research, including a series of in-depth interviews with respondents and experts in Sakhalin in June 2024, and a comprehensive analysis of domestic and international literature, this study examines the formation and current state of identity among the Sakhalin Koreans. The research identifies its key aspects: a persistent cultural synthesis manifested in the hybridization of ritual practices and everyday culture; a profound connection to Sakhalin as a small homeland, particularly among the second and third generations; a conscious self-distinction from the Koryo-saram; and a persistent sense of alienation in South Korea, shaped by differences in behavioral patterns and the language barrier. Particular attention is paid to the analysis of the accentuated generational divide, where the first generation maintains an orientation towards the historical homeland, while subsequent generations primarily identify with Sakhalin. The study demonstrates how the historical conditions – existence within the Japanese colonial sphere, the subsequent legal vacuum in the USSR, and limited opportunities for repatriation – created a unique context for the formation of this identity. It is established that the uniqueness of the historical conditions and the dynamics of this group's identity formation necessitate its consideration as an independent subject of socio-humanitarian research. The practical significance of the work lies in the potential application of its findings for developing programs to support cultural diversity and strengthen intergenerational ties within the Sakhalin Korean community.

Key words: Sakhalin Koreans, identity, cultural synthesis, repatriation, hybridity, ethnicity, historical memory

This article was prepared as part of the research project "Transborder Peoples of Siberia and the Russian Far East Within Russia: Success Stories as Soft Power Factors" (implemented under the Fundamental and Applied Research Program "Ethnocultural Diversity of Russian Society and Strengthening All-Russian Identity" for 2023–2025).

For citation: Kuznetsov D. V. Lost and Found: The Distinctive Identity of Sakhalin Koreans // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 4. P. 26–33. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/26-33>

Корейский народ, исторически объединенный общим языком, культурой и традициями, в результате геополитических событий XX в. оказался, по сути, искусственно разделён на несколько "ветвей". С позиций современной социокультурной антропологии эти процессы не просто разделили единый

народ, но и инициировали формирование новых, зачастую конкурирующих идентичностей, которые следует понимать не как врождённые или неизменные сущности, а как социальные конструкции, создаваемые в конкретных историко-политических условиях и часто используемые как инструмент для мобилизации конкретной человеческой группы [13].

На данный момент в научных и общественных дискурсах чаще всего выделяют три основные группы корейцев: южнокорейцы, северокорейцы и корейскую диаспору, рассеянную по миру. Тем не менее, такое деление требует ряда важных уточнений. Южная и Северная Корея, возникшие после раскола Корейского полуострова в 1945 г., за десятилетия противостояния сформировали две различные политические нации с отличающимися идеологиями, институтами и национальными нарративами [15, с. 167–168]. Такое разделение не ограничилось политикой, ведь оно проникло в сферы культуры, экономики и этнической самоидентификации, превратив "корейскость" в сложный, многогранный конструкт [17]. В этом контексте корейская диаспора постсоветского пространства, т. е., корё-сарам, часто рассматривается как одна из групп корейской диаспоры, проживающая на постсоветском пространстве, сохраняющая историческую и культурную связь со своей родиной через призму гибридной идентичности [16]. Однако, фокус на корё-сарам как на "главных" корейцах России и СНГ, обладающих своей собственной особой идентичностью и культурой, зачастую затеняет другую корейскую группу Российской Федерации – сахалинских корейцев, чьи судьбы формировались в иных исторических, политических и культурных условиях.

Начать стоит с того, что ключевое различие между корё-сарам и сахалинскими корейцами заключается в принципиально отличающихся условиях их формирования. Говоря о корё-сарам, нужно в первую очередь упомянуть корейскую миграцию в российские дальневосточные регионы в конце XIX в. Ещё в 1860-е–1880-е гг. корейцы, проживающие на северных территориях государства Чосон стали активно мигрировать на российские дальневосточные территории. Основной причиной миграции было крайне бедственное положение северокорейских крестьян того времени [8, с. 48–62]. В первой половине XX столетия корейская диаспора на Дальнем Востоке значительно выросла за счёт беженцев, спасавшихся от японского колониального гнёта на Корейском полуострове.

Основной же вехой в формировании непосредственно корё-сарам стала депортация корейцев с Дальнего Востока на территории Казахстана и Средней Азии в 1937 г. Оказавшись в условиях сильного географического разрыва с исторической родиной, находясь в совершенно иной культурной среде, депортированные корейцы сумели адаптироваться к "новой реальности", производя синтез корейских традиций и местных культур, а после Второй Мировой войны, они стали активно включаться в советскую жизнь и ментальность [14]. Все эти условия и стали причиной формирования особой корейской идентичности, появления на советском и постсоветском пространстве новой общности – корё-сарам [14].

Если корё-сарам – потомки корейцев, переселённых в 1937 г. с Дальнего Востока в Среднюю Азию и Казахстан, со временем были официально признаны полноправными советскими гражданами и целенаправленно включались в общесоюзные проекты "национального строительства" [5], то сахалинские корейцы, изначально оказались в зоне японского колониального влияния, после войны попали в правовой и социальный вакуум, долгое время оставаясь без чёткого гражданского статуса и вне рамок открытой советской национальной политики.

История сахалинских корейцев связана с японской колониальной экспансией. После русско-японской войны 1904–1905 гг. южная часть Сахалина (Карафуто) перешла под контроль Японии. В 1930-х гг. Япония стала массово завозить корейцев из южных регионов Корейского полуострова на Карафуто для работы в угольных шахтах, на рыбных промыслах и военных объектах. К 1944 г. корейское население Карафуто составляло более 25 тыс. человек [3].

После Второй Мировой войны Южный Сахалин вошёл в состав Советского Союза, а корейцы, завезённые сюда японцами, оказались в своего рода политической ловушке. Во-первых, организовать масштабную программу по репатриации корейского населения не удалось. Япония, подписав Сан-Фран-

цисский договор 1951 г., официально отказалась от претензий на Сахалин, исключив местных корейцев из числа японских поданных и, соответственно, из списка репатриантов [9, с. 41–42]. Республика Корея, провозглашенная в 1948 г., по ряду дипломатических и экономических причин также не взяла на себя ответственность за их возвращение [9].

Во-вторых, Советский Союз и сам изначально не стремился решать вопрос репатриации корейцев на Сахалине, поскольку они были важным трудовым ресурсом для послевоенного восстановления острова. Впоследствии эта ситуация усугублялась сложившейся практикой взаимодействия СССР с КНДР, которая проводила политику по привлечению зарубежных корейцев [1; 6]. По мнению историка А. Т. Кузина, вплоть до 1970-х гг., т. е. до момента форсированного предоставления гражданства сахалинским корейцам, советское правительство действительно содействовало Северной Корее в привлечении корейцев Сахалина на свою территорию [7]. Эта версия отчасти находит своё подтверждение в полевых материалах автора: респонденты сообщали, что в 1950–1960-е гг. северокорейская сторона действительно предлагала сахалинским корейцам переехать в КНДР, и некоторые из их родственников в итоге воспользовались этим предложением (ПМА. Экспедиция в южной части Сахалинской области: г. Холмск, г. Невельск, г. Корсаков, г. Южно-Сахалинск, июнь 2024 г.)¹.

В итоге сахалинские корейцы стали своего рода "островными заложниками", которые из-за сложившихся геополитических обстоятельств не имели возможности вернуться на свою историческую родину. Оказавшись в условиях вынужденной культурной изоляции, они стали постепенно приспосабливаться к жизни на Сахалине, не теряя при этом надежды вернуться домой.

С налаживанием жизни на острове, а также начавшимся в 1970-х гг. процессом выдачи советских паспортов, изоляция корейского населения Сахалина постепенно сходилась на нет. Всё больше сахалинских корейцев интегрировалось в советское общество. Кроме того, во второй половине 1980-х гг., на фоне разрядки между социалистическим и западным блоками, значительно активизировалось общественно-политическое движение корейцев Сахалина за возвращение на родину, [1, с. 172–175].

В 1990-х гг., после распада Советского Союза, Республика Корея, Япония и Международный комитет Красного Креста стали разрабатывать совместную программу по репатриации сахалинских корейцев в Южную Корею. Япония, частично признавая свою ответственность за проблемное положение корейцев Сахалина, согласилась на материальную помощь в организации перевозок и строительства жилья для будущих репатриантов в РК [9, с. 44–45]. Благодаря совместной разработанной корейско-японским программам корейская община Сахалина налаживала свои связи с Южной Кореей, благодаря чему многие из сахалинских корейцев получили возможность посещать её территорию. Фактически, программа репатриации сахалинских корейцев была окончательно запущена в 1999 г., и за период 2000–2015 гг. на территорию Южной Кореи вернулись более 4 тыс. сахалинских корейцев [9, с. 46].

Стоит, однако, отметить, что программа репатриации касалась в первую очередь сахалинских корейцев первого поколения, т. е. корейцев, которые были переселены на южный Сахалин до 15 августа 1945 г. Второе и третье поколения получили возможность получения туристической визы в упрощенном порядке, а также более лучшие и стабильные условия для временной трудовой миграции в РК [1, с. 213–214].

Одновременно с этим, в 90-х гг. на Сахалине активизируется процесс корейского "культурного и духовного возрождения". Создаются культурные и общественные корейские организации, во многих образовательных учреждениях вводятся факультативные занятия по изучению корейского языка, при поддержке РК создаётся Корейский Культурный центр в г. Южно-Сахалинске [1, с. 185–190]. Северо-корейское правительство также не оказывало поддержку сахалинцам в "корейском возрождении", хотя и менее активно. При общении с Юлией Енчеровой Син, главой корейского направления детской школы искусств "Этнос" в Южно-Сахалинске, выяснилось, что выстроить сильное

¹ ПМА – полевые материалы автора.

и стабильное корейское музыкальное отделение удалось именно благодаря гражданам КНДР (ПМА, 2024).

Общую численность корейского населения на о. Сахалин достаточно проблематично определить. По данным сайта МИД РФ, на 2024 г. на территории Сахалинской области проживает 457 590 человек, из которых 5,3%, то есть, 24 252 человека, являются корейцами [11]. При общении с представителями корейских общественных организаций на территории Южного-Сахалина в 2024 г. они оценивали общую численность корейского населения на Сахалине в районе 30–40 тыс. человек (ПМА, 2024). Ряд общедоступных электронных ресурсов, тем не менее, указывает на то, что на Сахалине проживает около 45 тыс. корейцев [4; 10]. На территории южного Сахалина, в разных населённых пунктах, действует ряд корейских общественных организаций, крупнейшей из которых является РООСК (Региональная общественная организация "Сахалинские корейцы").

По нашему мнению, основными "столпами" идентичности сахалинских корейцев можно назвать:

1) Признание собственной особой исторической судьбы и привязки к Сахалину.

2) Синтез корейской и русской культуры.

3) Противопоставление себя корё-сарам.

4) Осознание собственной чуждости в Южной Корее.

Остановимся на рассмотрении данных пунктов более подробно.

В условиях вынужденной изоляции и невозможности поддержания контактов со своей исторической родиной, Южной Кореей, выросло несколько поколений сахалинских корейцев. В отличие от первого поколения, современные корейцы на Сахалине не воспринимают остров, который они населяют, как "временное прибежище" и "вынужденную стоянку". Для второго и третьих поколений корейцев Сахалин – родной дом, малая родина, место, где выросли они, и где теперь растут их дети и внуки. Как указывает российская исследовательница Ю. И. Дин, современные сахалинские корейцы ощущают особенную связь с родным для них островом, они, хоть и воспринимая себя как корейскую диаспору, не ощущают себя частью Корейского полуострова – их родина здесь, среди сахалинских сопок и местных посёлков [1, с. 218–222]. Это, в том числе, подтверждается и полевыми материалами автора (ПМА, 2024).

Современные сахалинские корейцы продолжают сохранять традиционные элементы корейской культуры. Выражается это, в первую очередь, через соблюдение обрядов предкопочитания (*чеса*), особенно важные в дни поминовения усопших предков (*Чхусок* – День урожая и осеннего поминовения, *Хансик* – День холодной пицци / весеннего поминовения). Особенно широко отмечается праздник *Толь* – первый день рождения ребенка, символизирующий его вхождение в общество и включающий ритуал выбора будущего (*тольджаби*). Помимо этого, важным аспектом является сохранение корейской музыкальной и художественной традиции, которая проявляется через активную деятельность корейских народных и творческих коллективов (ПМА, 2024). Устойчивым маркером идентичности сахалинских корейцев является и корейская традиционная пищевая культура. Современные корейцы Сахалина продолжают готовить *кимчи* (острая квашеная капуста), а также блюда из морепродуктов – салат из морской капусты, *тонгхэ-ччигэ* (рыбное рагу), *хе-мультан* (суп из морепродуктов) (ПМА, 2024). Однако, стоит отметить, что одной из основ современной кухни сахалинских корейцев стало использование местных дикоросов (лопух, черемша, папоротник), что не характерно для традиционной пищевой культуры Южной Кореи. Использование дикоросов в пище, скорее, является следствием адаптации местного корейского населения к жизни на Сахалине.

Тем не менее, длительное совместное проживание с русским населением и процессы интеграции корейцев в советское, а потом в российское общество, привели к глубокому взаимопроникновению русской и корейской культуры. Помимо соблюдения традиционных корейских *чеса*, многие сахалинские корейцы, подобно своим русским соседям и друзьям, стали отмечать дни поминовения усопших в рамках православного календаря. Посещение кладбищ в Радоницу (второй вторник после Пасхи), в Родительские субботы, поминаль-

ные трапезы в эти дни – стали распространённой практикой, дополняющей, а иногда и замещающей традиционные корейские поминальные дни (ПМА, 2024). Особенно заметен культурный синтез на "повседневном столе". Произошло не просто соседство, но органичное комбинирование блюд. Многие корейские семьи на Сахалине сочетают *кимчи*, *панчханы* (корейские закуски), блюда из дикоросов, с такими русскими блюдами как борщ, щи, пельмени и картофель с мясными котлетами. "... Да, знаете, я жизнь без борща и щей представить себе уже не могу. На праздниках обязательно у нас и наши корейские блюда будут, жареный лопух, и, конечно, выпечка русская, пирожки с капустой там, щи и борщ, конечно. (Смех). Вы, что, всё это вместе очень вкусно, на самом деле! Так и русские же тоже наши блюда едят. У каждого, теперь, вместе с пельменями *кимчи* наша стоять будет, да и другие наши закуски не редкость" (ПМА, 2024). Кроме того, доминирующее большинство современных сахалинских корейцев, в особенности представителей третьего и четвертого поколений, используют именно русский язык как основной язык общения в жизни.

Принципиальной и осознанной позицией в самоидентификации современных сахалинских корейцев является отделение себя от корё-сарам, используя для обозначения последних словосочетание "материковские" корейцы (формулировка, созданная самими сахалинскими корейцами). Как указывает Дин, начиная с середины прошлого столетия, когда на южный Сахалин стали прибывать корейцы из других регионов СССР, сахалинская община корейцев явно чувствовала свою инаковость по отношению, казалось бы, к представителям того же народа [2]. Выражалось это в первую очередь в том, что большинство из прибывающих "новых" корейцев были выходцами из территорий северной части Корейского полуострова. Их язык, привычки и некоторые элементы обрядовой культуры во многом были чужды сахалинским корейцам, прибывшим с территории Южной Кореи. Это в том числе находило своё отражение в том, что большинство корейцев Сахалина не желало перебираться в КНДР в 1950–1960-х гг., т. к. они чувствовали свою чуждость по отношению к возникшему северокорейскому государству. Те немногие сахалинские корейцы, которые в итоге согласились получить гражданство КНДР, видели в этом возможность перебраться в Республику Корея, дабы вернуться к землям своих предков [2]. Современные сахалинские корейцы не раз подчеркивали то, что их крайне оскорбляет даже гипотетическая возможность их сравнения с "материковскими" корейцами (ПМА, 2024).

Однако, современные сахалинские корейцы уже не чувствуют своей близости и к Южной Корее. Особенно это проявляется в историях представителей второго и третьего поколений. Многие из респондентов, посещавших РК, не раз отмечали, что южнокорейцы воспринимают их в первую очередь как "русских". Со слов самих корейских сахалинцев, их поведение, повадки, стиль общения часто выделяют их в среде южнокорейского общества. Даже несмотря на закон "О поддержке Сахалинских корейцев" от 2021 г., принятый в РК, позволяющий представителям второго поколения сахалинских корейцев репатриироваться в Южную Корею (при условии, что на её территории уже проживают их родственники) [12], стремления вернуться к "корням своим" у второго поколения почти не наблюдается (ПМА, 2024).

Особенно сказывается на современном восприятии сахалинских корейцев гражданами РК и тот факт, что многие из "островитян", представителей третьего поколения, сейчас и вовсе не владеют корейским языком, что сильно усложняет их коммуникацию с южнокорейцами. При этом, как указывают множество молодых корейских респондентов на Сахалине, трудовых мигрантов с острова граждане Республики Корея воспринимают не слишком положительно. Связано это с тем, что многие южнокорейцы считают несправедливым тот факт, что мигранты с Сахалина обладали рядом преференций при найме на работу, а также имели ряд дополнительных выплат и льгот (ПМА, 2024). Однако, как указало множество молодых корейских респондентов на Сахалине, сейчас трудовая миграция в Южную Корею для них не является перспективной, и особый статус и дополнительные трудовые преференции им больше не выдаются (ПМА, 2024).

Если же говорить о современных проблемах внутри общества сахалинских корейцев, то, по нашему мнению, главной из них является проблема

сильного поколенческого разрыва. Самоидентификация первого поколения сахалинских корейцев сильно отличается от поколений последующих. Они в первую очередь ощущают себя именно корейцами, история, культура и судьба которых неразрывно связаны с Южной Кореей. Воспитанные в лоне корейской конфуцианской этики, Республика Корея для представителей первого поколения – земля предков, к которой просто необходимо вернуться. Последующие же поколения сахалинских корейцев в действительности особой исторической связи с Южной Кореей уже не чувствуют. В их представлении Республика Корея является скорее "мифологической прародиной", чем настоящим домом. Для второго и третьего поколений дом – это не пространство, где живут предки, а место, где растут их дети и внуки (ПМА, 2024). Поэтому, для многих сахалинских корейцев запуск программы репатриации в Южную Корею стал настоящим ударом: их родители покинули их, и многие корейские семьи, как и в первой половине XX в., оказались вновь разделены [1, с. 206–207].

Актуален сейчас также и разрыв между вторым и третьим поколениями. Второе поколение всё чаще склонно отмечать, что их дети и внуки утрачивают свою "корейскость": мало что знают о корейской культуре, слабо или вовсе не владеют корейским языком. Некоторые из наших молодых корейских респондентов также отмечали, что всё больше чувствуют себя скорее русскими или "сахалинцами", чем корейцами (ПМА, 2024).

Хотя десятилетия тесного взаимодействия с русской культурой на Сахалине оставили отпечаток на быте, языке, ритуалах местных корейцев, говорить об их полной ассимиляции русскими категорически нельзя. Их идентичность представляет собой не растворение, а устойчивый синтез и постоянную динамику, где традиционные элементы не исчезли, а трансформировались. Кроме того, как отметило множество наших респондентов разных возрастов, интерес к "корейскому" сейчас переживает новый подъем на фоне глобального интереса к корейской культуре (ПМА, 2024). Тем не менее, по нашему мнению, основой современной идентичности этой группы становится не абстрактная "корейскость" и не "русскость", а глубокая связь с Сахалином как местом жизни, памяти и формирования уникальной общности.

Современная культура сахалинских корейцев представляет собой достаточно устойчивую гибридную культуру, с ярко выраженной "локально-патриотической" компонентой, сформированной в условиях уникальной исторической судьбы этого народа. Однако их идентичность определяется не столько через сохранение особых этнокультурных традиций, сколько через осознание своей отличности от других корейских групп. Эта "другость" проявляется, прежде всего, в последовательном противопоставлении себя "материковским" корейцам (корё-сарам), чья история и культурный опыт связаны с совершенно иным контекстом советской и постсоветской реальности. Одновременно сахалинские корейцы ощущают свою дистанцированность как от Северной Кореи, с которой их пытались искусственно связать в советский период, так и от современной Южной Кореи, где они сталкиваются с восприятием себя как "русских". Таким образом, уникальность сахалинских корейцев кристаллизуется не в изоляции, а в постоянном диалоге-противопоставлении с другими "корейскостями", что и формирует основу их самосознания как особой общности. Выявленная специфика идентичности и внутригрупповой динамики сахалинских корейцев обуславливает необходимость их дальнейшего изучения в качестве самостоятельного и независимого объекта научного социо-гуманитарного анализа.

Литература / References

1. Дин Ю. И. Корейская диаспора Сахалина: проблема репатриации и интеграция в советское и российское общество. Южно-Сахалинск: Сахалинская областная типография, 2015. 332 с.
Din Yu. I. The Korean Diaspora of Sakhalin: The Problem of Repatriation and Integration into Soviet and Russian Society. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalin Regional Printing House. 2015. 332 p. (In Russ.)
2. Дин Ю. И. Корейцы Сахалина в поисках идентичности (1945–1989 гг.) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2014. № 6 (128). С. 237–249.
Din Yu. I. Sakhalin Koreans in Search of Identity (1945–1989) // Bulletin of RSUH. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies. 2014 No. 6 (128). P. 237–249. (In Russ.)

3. Дин Ю. И. Миграция корейского этнического населения на южный Сахалин в период японского правления (1905–1945 гг.) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 4 (24). С. 34–42.
Din Yu. I. Migration of the Korean Ethnic Population to Southern Sakhalin During Japanese Rule (1905–1945) // Humanitarian Studies in Eastern Siberia and the Far East. 2013. No. 4 (24). P. 34–42. (In Russ.)
4. История Сахалинских корейцев // DTF. URL: <https://dtf.ru/life/2657513-istoriya-sahalinskih-koreicev> (дата обращения: 11.03.2025)
History of Sakhalin Koreans // DTF. URL: <https://dtf.ru/life/2657513-istoriya-sahalinskih-koreicev> (accessed 11.03.2025) (in Russ.)
5. Ким Г. Н., Мен Д. В. История и культура корейцев Казахстана. Алматы: МГП "Принт". 1995. 346 с.
Kim G. N., Men D. V. History and Culture of Koreans in Kazakhstan. Almaty: MGP "Print". 1995. 346 p. (In Russ.)
6. Кузин А. Т. Сахалинские корейцы: история и современность. Документы и материалы, 1880–2005. Южно-Сахалинск: Сахалинское областное книжное издательство. 2006. 460 с.
Kuzin A. T. Sakhalin Koreans: History and Modernity. Documents and Materials, 1880–2005. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalin Regional Book Publishing House. 2006. 460 p. (In Russ.)
7. Кузин А. Т. Трансформация гражданского статуса сахалинских корейцев // Власть. 2008. № 8. С. 75–78.
Kuzin A. T. Transformation of the Civil Status of Sakhalin Koreans // Vlast'. 2008. No. 8. P. 75–78. (In Russ.)
8. Нам С. Г. Российские корейцы: история и культура (1860–1925 гг.) / РАН. Ин-т востоковедения. М.: ИВ РАН, 1998. 188 с.
Nam S. G. Russian Koreans: History and Culture (1860–1925) / Russian Academy of Sciences. Institute of Oriental Studies. M.: IV RAN, 1998. 188 p.
9. Пак А. Л., Савкович Е. В. Программа репатриации сахалинских корейцев общества Красного Креста Республики Корея и Японии // The Newman in Foreign Policy. 2019. № 47 (91). С. 41–46.
Pak A. L., Savkovich E. V. The Repatriation Program for Sakhalin Koreans by the Red Cross Society of the Republic of Korea and Japan // The Newman in Foreign Policy. 2019. No. 47 (91). P. 41–46. (In Russ.)
10. Сахалинские корейцы – история, численность и расселение народа, язык и письменность // РУ-ВИКИ. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Сахалинские_корейцы (дата обращения: 10.03.2025)
Sakhalin Koreans – History, Population and Settlement, Language and Writing. RUWIKI. Available at: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Сахалинские_корейцы (accessed 10.03.2025) (In Russ.)
11. Сахалинская область // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/economic_diplomacy/vnesneekonomiceskie-svazi-sub-ektov-rossijskoj-federacii/1424301/ (дата обращения: 16.11.2025)
Sakhalin Oblast // Website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/economic_diplomacy/vnesneekonomiceskie-svazi-sub-ektov-rossijskoj-federacii/1424301/ (accessed 16.11.2025) (In Russ.)
12. Специальный закон о поддержке сахалинских корейцев (принят 29 апреля, вступает в силу с 01.01.2021 года) // Южно-Сахалинская канцелярия Генерального консульства Республики Корея в г. Владивостоке. URL: https://overseas.mofa.go.kr/ru-sakhalin-ru/brd/m_22030/view.do?seq=2 (дата обращения: 13.03.2025)
Special Law on Support for Sakhalin Koreans (adopted April 29, comes into force on 01.01.2021). Yuzhno-Sakhalinsk Office of the Consulate General of the Republic of Korea in Vladivostok. Available at: https://overseas.mofa.go.kr/ru-sakhalin-ru/brd/m_22030/view.do?seq=2 (accessed 13.03.2025) (In Russ.)
13. Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: к 70-летию академика В. А. Тишкова // Сб. науч. ст. [сост. М. Н. Губогло, Н. А. Дубова]; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука, 2011. 670 с.
The Phenomenon of Identity in Modern Humanities: To the 70th Anniversary of Academician V. A. Tishkov // Collection of scientific articles; [comp. by M. N. Guboglo, N. A. Dubova]; N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. M.: Nauka, 2011. 670 p. (In Russ.)
14. Хан В. С. Коре Сарам: кто мы? (Очерки истории корейцев). Бишкек: ИЦ "АРХИ". 2009. 208 с.
Khan V. S. Koryo Saram: Who Are We? (Essays on Korean History). Bishkek: IC "ARKHI", 2009. 208 p. (In Russ.)
15. Armstrong C. The Koreas. Second Edition. Routledge, 2013. 210 p.
16. Kim G. Koryo Saram, or Koreans of the Former Soviet Union: In the Past and Present // Amerasia Journal. Vol. 29 (3). 2003. P. 23–29.
17. Shin G. Ethnic Nationalism in Korea: Genealogy, Politics, and Legacy. Stanford University Press, 2006. 307 p.

Информация об авторе

Даниил Владимирович Кузнецов, лаборант-исследователь, аспирант Отдела антропологии Востока Института востоковедения РАН, Москва, Россия, e-mail: daniil.kuznecov.01@list.ru

Information about the author

Daniil V. Kuznetsov, Research Assistant, Postgraduate Student, Department of Anthropology of the East, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: daniil.kuznecov.01@list.ru

Поступила в редакцию 10.10.2025

Received 10.10.2025

Одобрена после рецензирования 11.11.2025

Approved 11.11.2025

Принята к публикации 27.11.2025

Accepted 27.11.2025

Научная статья
УДК 303
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/34-42>

Страсти по этносу: или какая теория о нём всё же нужна? (Часть 1)

Анатолий Михайлович Кузнецов

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, kuznetsov.2012@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные варианты теоретического осмысления проблемы этнического многообразия человечества. Современное состояние теоретизирования в этой области приходится признавать неудовлетворительным, так как оно характеризуется попытками замены понятия "этнос" на концепт "идентичность", имеющий индивидуалистические коннотации. Не менее показательны призывы объяснять этот феномен культурным разнообразием и даже вернуться к его описанию, используя менее определённое слово "народ". Подмена полноценного теоретического осмысления проблемы отслеживанием истории появления и применения термина "этнос" не менее показательна для признания кризисного состояния рассматриваемой научной области. Современные данные позволили установить, что российские и зарубежные авторы, обсуждавшие этнос, включая Ю. В. Бромлея, Л. Н. Гумилева, Ф. Барта, В. Мюльмана, во многом опирались на теорию С. М. Широкогорова. Поэтому в статье проводится идея, согласно которой теоретико-методологические основания последней намного превосходят по своему эвристическому потенциалу разработки других авторов, и она не утратила своего значения для анализа этнических явлений.

Ключевые слова: этнос, этническое многообразие, теория С. М. Широкогорова, трансдисциплинарность
Для цитирования: Кузнецов А. М. Страсти по этносу: или какая теория о нём всё же нужна? (Часть 1) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 4. С. 34–42.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/34-42>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/34-42>

Passions About Ethnos: Or What Theory of It Is Still Needed? (Part 1)

Anatolij M. Kuznetsov

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, kuznetsov.2012@mail.ru

Abstract. The main versions for theoretical understanding of the problem of ethnic diversity of mankind are discussed in this article. The current state of theorizing in this area must be recognized as unsatisfactory, since it is characterized by attempts to substitute the concept of "ethnos" with the concept of "identity", calls to explain this phenomenon by cultural diversity and even to return to its description using the word people. The substitution of a full-fledged theoretical understanding of the problem by surveying the history of the emergence and using of the term "ethnos" is very indicative of the recognition of the crisis state of this scientific field. Current data have made it possible to establish that Russian and foreign authors discussing ethnos, including Yu. V. Bromley, L. N. Gumilev, F. Barth, V. Mühlmann, relied on the theory of S. M. Shirokogorov. Therefore, the article puts forward the idea that the theoretical and methodological foundations of the latter are much superior in their heuristic potential to the developments of other authors and it has not lost its significance for the analysis of ethnic phenomena.

Key words: ethnos, ethnic diversity, Sergey Shirokogoroff's theory, transdisciplinarity

For citation: Kuznetsov A. M. Passions About Ethnos: Or What Theory of It Is Still Needed? (Part 1) // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 4. P. 34–42. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/34-42>

*И снова скальд чужую песню сложит
И как свою её произнесёт*

Осип Манделштам

Переход от народов к этносу. За время Великих географических открытий (XV–XVIII вв.) европейцы смогли также узнать, насколько на самом деле является многообразным человечество. В течение длительного времени западные философы и исследователи пытались объяснить возникновение разных групп человечества (народов) спецификой природных условий их обитания, либо особенностями их культуры или через расовые различия. Сама же реальность многообразия человечества обусловила достаточно раннее формирование для его описания отдельной отрасли исследований – этнографии (другой вариант – народоведение), в названии которой уже было использовано греческое слово этнос (ἔθνος). Однако, идея сделать именно этнос ведущей категорией науки о "народах" получила признание сравнительно недавно. Только со временем стала очевидной полисемантичность слова народ, требующая уточнения его значения при использовании. Насколько же сложным

и неоднозначным является этот феномен этнического многообразия, можно судить уже по такому факту, что современные специалисты фиксируют от 5 до 7 тыс. различных этнических общностей и объединений. Все они в настоящее время включены примерно в 200 государств, из которых только около 20 характеризуются однородным в этническом отношении составом населения (*этнонации*), а основная их часть – это полиэтнические образования, включающие в свой состав различные этнические общности. Поэтому межэтнические конфликты, угрозы этносепаратизма, существование феномена "разделенных наций", появление многочисленных диаспор мигрантов в разных государствах актуализируют этническую проблематику в современном мире. Не удивительно, что осознание причин и значения этнического многообразия остается одной из важнейших задач для создания более справедливого и стабильного устройства, свободного от язв расизма и колониализма, как отдельных государств, так и отношений между ними.

Предложения по обоснованию феномена этнического многообразия, не совсем адекватно определяемого в условиях формирования стратифицированных ("классовых") общностей привычным словом "*народы*," появлялись на рубеже XIX–XX вв. Так, в Британии А. Х. Кин уже предлагал в 1901 г. создать научную дисциплину – этнологию [54]. Американский психолог Д. Г. Бринтон на основе идей В. Вундта писал в начале XX в. об этническом сознании [46, p. 20]. Социолог Г. Папийо во Франции применил в 1908 г. термин "*etnie*" (этнос) для описания отдельных общностей [57]. В это время в Париже находились или продолжали своё обучение этнографы из России украинского происхождения, в том числе Ф. К. Вовк (Волков), Н. М. Могиланский, С. И. Руденко. Они не разделяли концепцию науки, которой занимались, развиваемую известными российскими специалистами В. Г. Богоразом, В. И. Иохельсоном и Л. Я. Штернбергом. Вовк, Могиланский и их единомышленники были больше озабочены обоснованием правомерности "украинства" как свидетельства принадлежности к отдельному этносу [3, с. 73; 4; 23; 24]. Их оппоненты настаивали на том, что этнография является *универсальной* наукой, которая должна заниматься изучением эволюции культуры *всего человечества* [26; 52]. Как утверждал, например, В. Г. Богораз: "Этнография в широком смысле слова, есть наука о возникновении и развитии человеческой культуры... Культура человечества является по существу единой" [7, с. 43, 45]. Идея же этноса как признание самостоятельной значимости различных *народов* оказалась более привлекательной для поборников "украинства". Н. М. Могиланский предлагал понимать под этносом собрание индивидуумов, объединённых в одно целое как общими чертами *физических* (расовых) признаков, так и общностью исторических судеб, наконец, общностью языка – этой основы, из которой, в свою очередь, вырастает общность всего мировоззрения, народной психологии, – словом, всей духовной культуры [23, с. 11]. Такие факты стали рассматриваться как французские, украинские и т. д. корни *теории* (!?) *этноса* [4; 28]. Но следует учитывать, что, как во Франции и Германии, так и в России на данном этапе (1900–1910-е гг.) обсуждение этноса сводилось только к предложениям использовать этот термин без серьезного теоретического обоснования и переоценивать вклад того же Могиланского в решение проблемы не стоит.

После революции 1917 г. в России сложившаяся к этому времени концепция народоведения – этнографии была переосмыслена в пользу развития новой синтетической науки – *этнологии* ("венец всех гуманитарных наук" по Богоразу), которая должна была объединять в себе физическую антропологию, этнографию и другие науки, иногда даже и историю. В университетах Москвы и Ленинграда тогда уже стали открываться институты и факультеты этнологии [27, с. 28–30]. Однако после дискуссий 1929 г. было принято решение, что противоречащая концепции классовой борьбы идея общего надклассового этноса не соответствует марксистскому учению, и этнология была объявлена буржуазной наукой. Учёным удалось отстоять только дисциплину этнографию, которая рассматривалась как вспомогательная (описательная) дисциплина исторической науки, переосмысленной с позиций исторического материализма. Произшедшие перемены актуализировали этногенетическую проблематику среди советских этнографов [25].

Несмотря на запрет на этнологию и её основное понятие – этнос в СССР, этот концепт продолжали использовать в 1930-х гг. за рубежом для решения своих проблем. В частности, в Британии А. Кит – физический антрополог пытался внедрить термин этнос в расовую теорию [55; 56]. Интерес к обсуждению этноса проявил в 1932 г. и Д. Г. Питт-Риверс – генеральный секретарь Международного союза научных исследований проблем народонаселения, председатель Общества по проблемам населения Великобритании и активный сторонник евгеники [20]. В Германии такая идея была положительно оценена главой Берлинской этносоциологической школы Р. Турнвальдом и его учеником В. Мюльманом [17].

После окончания Великой Отечественной войны, благодаря усилиям П. И. Кушнера, С. И. Руденко, С. А. Токарева и Н. Н. Чебоксарова, в конце 1940-х гг. идея этноса была снова возвращена в советскую этнографию. На этом этапе этнос предлагалось рассматривать как специфические признаки отдельных общностей [2; 21; 22, с. 6] или как универсальную основу для объединения различных человеческих общностей [35; 38]. Как писали С. А. Токарев и Н. Н. Чебоксаров: "Для историка-марксиста понятие этноса (или лучше проще сказать по-русски – народа) может иметь, по нашему мнению, смысл только как общее название для всех типов этнических обществ от наиболее древних до современных. Вне этих общественно-территориальных коллективов – родов, племен, народностей и наций – не существует, конечно, никаких особых "этносов" [36, с. 12]. Следует отметить, что как в СССР, так и в Великобритании, Франции и Германии на данном этапе (1930-е – начало 1960-х гг.) обсуждение этноса ограничивалось прикладным использованием этого термина [37]. Ситуация кардинально меняется к концу 1960-х гг., когда появляются уже не отдельные статьи, а монографии по проблемам теории этноса.

В это время в СССР оформляются две альтернативные друг другу концепции этноса. Первая из них принадлежит Л. Н. Гумилеву, который продолжал по-своему развивать идею этнологии 1920-х гг. [12; 13; 15; 16]. По его мнению: "... этнические явления лежат в сфере природы и поэтому осмысление их возможно лишь путём применения той самой методик, которая дала также блестящие результаты в физической географии, зоологии и учении о наследственности. Сочетание этих наук с историей полагает начало новой науке – этнологии" [14, с. 54–55]. В соответствии со своими концептуальными установками Гумилёв предложил также оригинальную, но весьма дискуссионную идею *пассионарности*, объясняющую возникновение этносов и их последующую активность. Под пассионарностью следовало понимать энергетический импульс, который приносили из космоса потоки заряженных частиц [14, с. 271]. Поскольку под такой поток могли попадать отдельные люди, то и у них появлялось свойство пассионарности. Гумилёв также был уверен: "... формирование нового этноса всегда связано с наличием у некоторых индивидов необоримого внутреннего стремления к целенаправленной деятельности, всегда связанной с изменением окружения, общественного или природного..." [14, с. 265]. Для индивидов такого рода было предложено название – пассионарии.

Вторая концепция была разработана Ю. В. Бромлеем [8; 10; 11]. Будучи директором Института этнографии АН СССР, этот автор стремился согласовать свой вариант теории этноса с официальным марксизмом. Он предложил разделить термин этнос на 2 составляющие. Первая – этнос в узком смысле слова была названа этникосом, который: "... в самой общей форме может быть определён как исторически сложившаяся совокупность людей, обладающих общими относительно стабильными особенностями культуры (в том числе языка) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других таких же образований" [11, с. 37]. Вторая – этнос в широком смысле или этносоциальный организм: "Эти синтетические образования, являющиеся одной из важнейших и весьма распространенных форм существования этноса... (сокращенно эсо) ... Такого рода организмы наряду с этнической (культурной) составляющей общностью обычно обладают территориальной, экономической, социальной и политической общностью. Но основными компонентами этносоциального организма, несомненно, являются, с одной стороны, этнические, а с другой – социально-экономические факторы" [11, с. 40]. Различие этих двух концептов фиксировалось также следующим образом: нацию предлагалось

рассматривать как один из вариантов этносоциального организма, в то время как этнические капиталистической и социалистической эпох обозначались термином "национальность" [9, с. 276].

В отличие от Гумилёва, Бромлей признавал существование *этнической психики* как одного из важных компонентов этноса, которая, в свою очередь, составляется из характера, темперамента, способностей, особенностей восприятия, вкуса, динамических стереотипов и т. д. [11, с. 97]. В изменяющихся общих условиях современности он зафиксировал *этнический парадокс*, который выражается, по его мнению, в том, что материальные этноспецифические признаки всё больше вытесняются с распространением массового производства, в том числе в области культуры. Однако эти особенности сохраняются в сфере сознания и мышления [11, с. 106]. Тема этнической психологии и этнического сознания, "под которым... понимается главным образом сознание принадлежности к определённом народу" – обсуждалось в СССР и в работах других этнографов [19, с. 22].

Следует учитывать, что в этот период советские этнографы должны были обсуждать проблемы этноса в контексте официальной доктрины истории человечества как смены различных общественно-экономических формаций, которым соответствовали такие объединения, как племя–народность–нация. Это условие определило "примордиалистский" характер концепций этноса советских специалистов. На основе идеи этноса С. А. Токарев и Н. Н. Чебоксаров предлагали, например, различать этнические общности рабовладельческой формации – демосы, которые при переходе к феодализму сменили народности [35; 36, с. 102]. Эту идею принял также В. И. Козлов, который писал об этносах с первобытнообщинной структурой, с рабовладельческой структурой, с феодальной, капиталистической и социалистической структурами [18, с. 15]. В рамках достаточно новаторского для своего времени информационного подхода С. А. Арутюнов и Н. Н. Чебоксаров рассмотрели роль информационных связей в этносах на разных этапах их развития: племенной (соплеменность), народности и нации [5].

В то время, когда в СССР этнографы вернулись к разработке идеи этноса в "*примордиалистской*" трактовке, принято считать, что в Западной Европе с конца 1960-х гг. происходила *субъективистская* революция в осмыслении феномена этнического многообразия человечества [45; 47; 48; 52]. Начало этой "революции" связывается с публикацией норвежским антропологом Ф. Бартом своего предисловия к сборнику статей "Этнические группы и границы", который он же редактировал [44]. Этот исследователь предложил использовать вместо термина этнос недавно возникшую англофицированную его форму *этничность* (ethnicity) в качестве важнейшей характеристики этнических групп.

Из биологии Барт позаимствовал для своей концепции идею филетических линий, "... так как их чётко определённые границы предохраняют от обмена генетическим материалом и поэтому можно утверждать, что репродуктивная изоляция позволяет общности поддерживать свою идентичность..." [44, р. 37]. Представленная идея позволила ему, как считал Барт, найти "ключ" к проблеме сохранения этнических групп в условиях динамизма современного мира. Он решил, что при сложившихся обстоятельствах только операция по поддержанию границ может обеспечивать существование таких групп [44, р. 9]. Поэтому фокус своего исследования Барт сосредоточил на *символических этнических границах* и механизмах их воспроизводства, которые определяют группу, а не культуру, которую они содержат [44, р. 15]. Другая важная особенность этнических групп, как писал автор, заключается ещё и в том, что они "... являются предписанными категориями и процессом *идентификации* самих акторов, и поэтому они обладают способностью к организации отношений между людьми..." [44, р. 14].

По его мнению, такие "категориальные предписания" позволяют классифицировать индивидов на основе их базовой идентичности, определяемой его *происхождением* и *окружением*. В итоге Барт приходит к выводу: "...если группа поддерживает свою идентичность, когда её представители взаимодействуют с другими людьми, это влечёт за собой создание критериев для определения членства в ней и способы исключения из неё" [44, р. 15]. Значение этнической идентичности связывалось с её соответствием "... полу и рангу и

поэтому она ограничивает возможности деятельности и не только в определенных социальных ситуациях" [44, p. 17]. Барту было также важно подчеркнуть: "Признаки, которые были приняты здесь во внимание, не являются набором "объективных различий", а только теми, которые сами акторы рассматривают как значимые" [44, p. 14].

Откликаясь на произошедшие изменения в мире, Ф. Барт показал, что в реальности мы имеем дело с "...полиэтническими обществами, интегрированными рынком под контролем государственной системы, в которой доминирует одна из групп..." [44, p. 16]. (Вполне созвучно с идеей этносоциального организма Ю. В. Бромлея). Отсюда его интерес к отношениям комплементарности отдельных групп и их взаимной адаптации. Рассматривал Ф. Барт также проблемы взаимодействия этнических групп с окружающей средой и взаимоотношения различных групп под влиянием условий окружающей среды. Менее обсуждаемыми были предложенная автором типология экологической взаимозависимости групп [44, p. 18–19], выводы о зависимости численности группы от ресурсов территории, сбалансированности разных групп по численности их представителей и формировании отношений неравенства между группами [44, p. 21].

Обращает внимание, что Ф. Барт к середине 1960-х гг. уже выпустил несколько работ, в которых описывались этнические группы и этнические процессы, но не этничность [41; 42]. Более известной в этот период стала его публикация 1966 г. с социологическим "уклоном" [43]. Оставалось непонятно, каким образом так быстро случилась "этническая революция" в его собственных представлениях. Не менее показательным, что в дальнейшем Барт не обсуждал этничность, а предлагал для "...увеличения действенности нашей аналитической работы необходимо перейти от обобщающих моделей культуры к генеративным моделям процессов" [6, с. 53].

Как показали чешские исследователи М. Якубек и Л. Будилова: "Сейчас трудно определить тот момент, когда Барт отказался от прежней терминологии, в которой ещё не было этничности... Более того, невозможно определить, что именно явилось причиной такого признания и почему такая перемена в его взглядах не произошла ранее" [51, p. 25]. Сам Барт не очень внятно объяснял "озарение", которое привело его к рассматриваемому открытию. Но недавно норвежский антрополог Т. Х. Эриксен отметил "...прямую преемственность между двумя книгами: работа Э. Лича стала важным источником вдохновения для Барта и явилась одной из главных тем обсуждения на симпозиуме 1967 г. в Бергене" [47, p. 21]. Основное отличие этих текстов заключается в том, что Э. Лич, как и другие британские антропологи (Глюкман, Митчел и Майер), фактически, обсуждая этнические проблемы, не использовали термин этничность. Не случайно уже было высказано мнение о том, что Барт произвел простую терминологическую замену, предложив использовать определение этническая группа вместо более привычного – племя [53, p. 25].

М. Якубек и Л. Будилова обратили внимание и на другое обстоятельство: "Ситуация ещё больше усугубляется потому, что сам Барт ретроспективно комментировал свои работы до 1967–1969 гг. таким образом, как будто он уже использовал термин этничность в это время" [51, p. 21]. М. Якубек объяснил отмеченные несоответствия тем, "...все достижения в исследовании этнических объединений до публикации "Этнических групп и границ" понемногу были забыты, и потому этот изданный сборник и персонально Предисловие Барта стали общепризнанным началом *виртуального*, всем понятного изучения этнических процессов" [49]. Вместе с тем этот автор отметил и реальное, по его мнению, "достижение" Ф. Барта, "...основанное на концепте экологических ниш, или экологических факторов, влиявших на расселение этнических групп, он скорее выглядел как одинокая фигура, которая концептуально никому не соответствовала в дискурсе исследований этничности". В результате он снова повторил: "Тем не менее, мы постараемся показать, что престиж и успех этого издания являются скорее проблемой для исследования и вопроса, на который пока ещё нет ответа [49; 50].

"Новаторство" Ф. Барта неожиданно получило признание и в СССР после кардинальных реформ в стране середины 1980-х гг., приведших к отказу от марксизма в идеологии и науке [1]. В результате теория Ю. В. Бромлея, как вариант, согласованный с "марксистскими догмами", подверглась острой

критике, а вариант Л. Н. Гумилёва (немарксистский), несмотря на свою популярность, не получил признания в научной среде. Наиболее последовательным критиком советских теорий этноса стал В. А. Тишков [29; 33]. В качестве альтернативы он стал продвигать западную (бартовскую) концепцию этничности. Другие российские авторы всё же полагали, что этнос в СССР и этничность в Европе и США были явлениями одного порядка, хотя и имели множество отличий [39]. Неприятным моментом для наших "реформаторов" стал фактический отказ на Западе от концепта этничности в силу расплывчатого плюрализма его трактовок в пользу *идентичности*. Позднее, как было уже показано, под ударом критики оказалась и концепция самого Ф. Барта. Перелицевал свою приверженность концепции этничности и В. А. Тишков [31; 32; 34]. Он по-своему трактует понимание этноса: "Таким образом, весь этот разный и сложный опыт категоризации населения внутри большинства государств мира никак не укладывается в расписание жителей Земли по этносам как изначальным архетипам, во что глубоко уверовала отечественная этнография...". По его мнению: "... изменилась и сама природа этнических групп, которые всё чаще самоорганизуются или конструируются внешними предписаниями по каким-то наиболее значимым референтным маркерам не только языкового, культурно-хозяйственного отличия, но и другим обретающим этнический смысл" [34, с. 13]. Поэтому он, вопреки установке Барта, снова стал отводить основное значение в формировании этнических групп культуре [30; 31; 32]. Казалось, что теперь проблема этноса должна быть окончательно снята с обсуждения [41, р. 4–5].

Окончание следует

Литература / References

1. Алымов С. С. Забывая этнос и нацию: этнографические дискуссии и экспертиза "национального вопроса" в период перестройки // Шаги. 2021. Т. 7, № 2. С. 70–92.
Alymov S. S. Forgetting Ethnos and Nation: Ethnographic Discussions and Expertise of the "National Question" during Perestroika // Steps. 2021. Vol. 7, No. 2. P. 70–92. (In Russ.)
2. Алымов С. С. П. И. Кушнер и развитие советской этнографии в 1920–1950-е годы. М.: ИЭА РАН. 2006. 265 с.
Alymov S. S. P. I. Kushner and the development of Soviet ethnography in the 1920–1950s. M.: IEA RAS. 2006. 265 p. (In Russ.)
3. Алымов С. С. У истоков теории этноса: Н. М. Могилянский и петербургская антропология конца XIX – начала XX вв. // Три века российской этнографии. М.: Наука, 2017. С. 140–160.
Alymov S. S. At the origins of the theory of ethnos: N. M. Mogilyansky and St. Petersburg anthropology of the late 19th – early 20th centuries // Three centuries of Russian ethnography. Moscow: Nauka, 2017. P. 140–160. (In Russ.)
4. Алымов С. С. Украинские корни теории этноса // Этнографическое Обозрение. 2017. № 5. С. 67–84.
Alymov S. S. Ukrainian roots of the theory of ethnos // Ethnographic Review. 2017. No. 5. P. 67–84 (In Russ.)
5. Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. Вып. 2. 1972. С. 23–26.
Arutyunov S. A., Cheboksarov N. N. Information transfer as a mechanism for the existence of ethnosocial and biological groups of humanity // Races and peoples. Issue 2. 1972. P. 23–26. (In Russ.)
6. Барт Ф. Личный взгляд на современные задачи и приоритеты в культурной и социальной антропологии // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 45–54.
Bart F. A personal view on contemporary tasks and priorities in cultural and social anthropology // Ethnographic Review. 1995. No. 3. P. 45–54. (In Russ.)
7. Богораз В. Г. Распространение культуры на Земле. Основы этногеографии. Л.: Государственное издательство, 1928. 308 с.
Bogoraz V. G. The Spread of Culture on Earth. Fundamentals of Ethnogeography. L.: State Publishing House, 1928. 308 p. (In Russ.)
8. Бромлей Ю. В. К характеристике понятия этнос // Расы и народы. Вып. 1. М.: Наука, 1971. С. 9–33.
Bromley Yu. V. On the characterization of the concept of ethnos // Races and peoples. Issue 1. Moscow: Nauka, 1971. P. 9–33. (In Russ.)
9. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 418 с.

- Bromley Yu. V. *Essays on the Theory of Ethnos*. Moscow: Nauka, 1983. 418 p. (In Russ.)
10. Бромлей Ю. В. Этнос и эндогамия // Советская этнография. 1969. № 6. С. 84–91.
Bromley Yu. V. *Ethnos and endogamy // Soviet ethnography*. 1969. No. 6. P. 84–91. (In Russ.)
 11. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. 284 с.
Bromley Yu. V. *Ethnos and Ethnography*. Moscow: Nauka, 1973. 284 p. (In Russ.)
 12. Гумилёв Л. Н. Биосфера и импульсы сознания // Природа. 1978. № 12. С. 97–105.
Gumilev L. N. *Biosphere and impulses of consciousness // Priroda*. 1978. No. 12. P. 97–105. (In Russ.)
 13. Гумилёв Л. Н. О термине "этнос" // Доклады Географического общества СССР. 1967. Вып. 3. С. 3–17.
Gumilev L. N. *On the term "ethnos" // Reports of the Geographical Society of the USSR*. 1967. Issue 3. P. 3–17. (In Russ.)
 14. Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: АСТ. 2001. 560 с.
Gumilev L. N. *Ethnogenesis and biosphere of the Earth*. M.: AST. 2001. 560 p. (In Russ.)
 15. Гумилёв Л. Н. Этногенез и этносфера // Природа. 1970. № 2. С. 43–50.
Gumilev L. N. *Ethnogenesis and the Ethnosphere // Priroda*. 1970. No. 2. P. 43–50. (In Russ.)
 16. Гумилёв Л. Н. Этнос как явление // Доклады Географического общества СССР. 1967а. Вып. 3. С. 90–107.
Gumilev L. N. *Ethnos as a Phenomenon // Reports of the Geographical Society of the USSR*. 1967a. Issue 3. P. 90–107. (In Russ.)
 17. Йохансен У. Влияние С. М. Широкогорова на немецкую этнологию // Этнографическое обозрение. 2002. № 1. С. 139–143.
Johansen U. *The influence of S.M. Shirokogorov on German ethnology // Ethnographic Review*. 2002. No. 1. P. 139–143 (In Russ.)
 18. Козлов В. И. О классификации этнических общностей // Исследования по общей этнографии. М.: Наука, 1979. С. 5–24.
Kozlov V. I. *On the classification of ethnic communities // Research in general ethnography*. Moscow: Nauka, 1979. P. 5–24. (In Russ.)
 19. Крюков М. В. Еще раз об исторических типах этнических общностей // Советская этнография. 1986. № 3. С. 58–69.
Kryukov M. V. *Once again about historical types of ethnic communities // Soviet Ethnography* 1986. No. 3. P. 58–69. (In Russ.)
 20. Кузнецов А. М. Письмо С. М. Широкогорова капитана Х. Питт-Риверсу // Известия Восточного института. 2013. № 2 (22). С. 126–130.
Kuznetsov A. M. *Letter from S.M. Shirokogorov to Captain H. Pitt-Rivers // News of the Eastern Institute*. 2013. No. 2 (22). P. 126–130. (In Russ.)
 21. Кушнер (Кнышев) П. И. К методике определения этнографических территорий // Советская этнография. 1946. № 1. С. 12–24.
Kushner (Knyshev) P. I. *On the methodology of determining ethnographic territories // Soviet Ethnography*. 1946. No. 1. P. 12–24. (In Russ.)
 22. Кушнер (Кнышев) П. И. Этнические территории и этнические границы. М.: Издательство АН СССР, 1951. 285 с.
Kushner (Knyshev) P. I. *Ethnic territories and ethnic boundaries*. M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1951. 285 p. (In Russ.)
 23. Могилянский Н. М. Предмет и задачи этнографии. Доклад, читанный в заседании Отделения этнографии И. П. Г. о-ва 4 марта 1916 г. Петроград: типография В. Д. Смирнова, 1916. 22 URL: https://www.rgo.ru/sites/default/files/predmet_i_zadachi_etnografii.pdf (дата обращения: 15.12.2022).
Mogilyansky N.M. *Subject and objectives of ethnography*. Report read at a meeting of the Ethnography Department of I.R.G. islands March 4, 1916, Petrograd: printing house V. D. Smirnova, 1916. 22 URL: https://www.rgo.ru/sites/default/files/predmet_i_zadachi_etnografii.pdf (accessed: 12/15/2022) (In Russ.)
 24. Могилянский Н. М. Этнография и её задачи (По поводу одной книги) // Ежегодник Русского антропологического общества при Императорском С. Петербургском университете. 1908. Т. 3. С. 101–114.
Mogilyansky N. M. *Ethnography and its tasks (Concerning one book) // Yearbook of the Russian Anthropological Society at the Imperial St. Petersburg University*. 1908. Vol. 3, P. 101–114. (In Russ.)
 25. "От классиков к марксизму": совещание этнографов Москвы и Ленинграда: (5–11 апреля 1929 г.) / Ред. С. С. Алымов, Д. Д. Андерсон; Д. В. Арзютов. СПб.: МАЭ РАН, 2014. 509 с.
"From the Classics to Marxism": a meeting of ethnographers from Moscow and Leningrad: (April 5–11, 1929) / Ed. S. S. Alymov, D. D. Anderson; D. V. Arzyutov. St. Petersburg: MAE RAS, 2014. 509 p. (In Russ.)
 26. Сирина А. А., Роон Т. П. Лев Яковлевич Штернберг: у истоков советской этнографии // Выдающиеся отечественные этнографы и антропологи XX века. М.: Наука, 2004. С. 69–94.

- Sirina A. A., Roon T. P. Lev Yakovlevich Sternberg: at the origins of Soviet ethnography // *Outstanding Russian ethnographers and anthropologists of the twentieth century*. M.: Nauka, 2004. P. 69–94. (In Russ.)
27. Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики / Отв. ред. М. Ю. Мартынова. М.: ИЭ РАН. 2022. 556 с.
Soviet ethnography in the history of state construction and national politics / Ed. M. Yu. Martynov. M.: Institute of Economics RAS. 2022. 556 p. (In Russ)
 28. Соколовский С. В. Итальянские корни теории этноса URL <https://postnauka.org/longreads/8877> (дата обращения: 14.09. 2023).
Sokolovsky S. V. Italian roots of the theory of ethnos URL <https://postnauka.org/longreads/8877> (accessed 09.14. 2023) (In Russ.)
 29. Тишков В. А. О феномене этничности // *Этнографическое обозрение*. 1997. № 3. С. 3–21.
Tishkov V. A. On the Phenomenon of Ethnicity // *Ethnographic Review*. 1997. No. 3. P. 3–21. (In Russ)
 30. Тишков В. А. Онтологический поворот и этнологический суверенитет // XVI Конгресс антропологов и этнологов России. Материалы пленарного заседания. Пермь, 2–6 июля 2025 г. / Ред.: А. В. Черных, М. С. Каменских. Пермь: Изд-во "Маматов", 2025. С. 40–52.
Tishkov V. A. Ontological turn and ethnological sovereignty // XVI Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia. Proceedings of the plenary session. Perm, July 2–6, 2025 / Ed.: A. V. Chernykh, M.S. Kamenskikh. Perm: Mamatov Publishing House, 2025. P. 40–52. (In Russ.)
 31. Тишков В. А. О примирении конструктивизма и примордиализма (оммаж народоведу Андрею Владимировичу Головневу) // *Этнография*. 2023. № 1 (19). С. 6–25.
Tishkov V. A. On the reconciliation of constructivism and primordialism (homage to the ethnographer Andrei Vladimirovich Golovnev) // *Ethnography*. 2023. No. 1 (19). P. 6–25. (In Russ.)
 32. Тишков В. А. Откуда и куда пришла российская этнология: персональный взгляд в исторической перспективе // *Этнографическое обозрение*. 2020. № 2. С. 72–92.
Tishkov V. A. Where did Russian ethnology come from and where did it come from: a personal view in historical perspective // *Ethnographic Review*. 2020. No. 2. P. 72–92. (In Russ.)
 33. Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
Tishkov V. A. Requiem for an Ethnos: Research in Socio-Cultural Anthropology. Moscow: Nauka, 2003. 544 p. (In Russ.)
 34. Тишков В. А. Усложняющееся разнообразие: как его понимать и упорядочить // *Культурная сложность современных наций / Отв. ред. В. А. Тишков, Е. И. Филиппова: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 7–18.*
Tishkov V. A. Increasingly complex diversity: how to understand and organize it // *Cultural complexity of modern nations / Eds. V.A. Tishkov, E.I. Filippova: N.N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Political Encyclopedia, 2016. P. 7–18.* (In Russ.)
 35. Токарев С. А. Проблема этнических общностей (К методическим проблемам этнографии) // *Вопросы философии*. 1964. № 11. С. 49–52.
Tokarev S. A. The problem of ethnic communities (On methodological problems of ethnography) // *Questions of Philosophy*. 1964. No. 11. P. 49–52. (In Russ.)
 36. Токарев С. А. Чебоксаров Н. Н. Методология этногенетических исследований на материале этнографии в свете работ И. В. Сталина по вопросам языкознания // *Советская этнография*. 1951. № 4. С. 7–26.
Tokarev S. A. Cheboksarov N. N. Methodology of ethnogenetic research based on ethnography in light of I. V. Stalin's works on linguistics // *Soviet ethnography*. 1951. No. 4. P. 7–26. (In Russ)
 37. Филиппова Е. И. Понятие этние во французской научной традиции и его политическое использование // *Этнографическое обозрение*. 2007. № 3. С. 52–73.
Filippova E.I. The concept of ethine in the French scientific tradition and its political use // *Ethnographic Review*. 2007. No. 3. P. 52–73 (In Russ.)
 38. Чебоксаров Н. Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских учёных // *Советская этнография*. 1967. № 4. С. 94–109.
Cheboksarov N. N. Problems of the typology of ethnic communities in the works of Soviet scientists // *Soviet Ethnography*. 1967. No. 4. P. 94–109. (In Russ.)
 39. Чешко С. В. Человек и этничность // *Этнографическое обозрение*. 1994. № 6. С. 35–49.
Cheshko S. V. Man and Ethnicity // *Ethnographic Review*. 1994. No. 6. P. 35–49. (In Russ.)
 40. Anderson D. G., Arzyutov D. V. The Etnos Archipelago Sergei M. Shirokogoroff and the Life History of a Controversial Anthropological Concept // *Current Anthropology*. 2019. Vol. 60, No. 6. P. 741–773.
 41. Banks M. *Ethnicity: Anthropological Construction*. L., NY: Routledge, 1996. 220 p.
 42. Barth F. Ecologic relationships of ethnic groups in Swat, North Pakistan // *American Anthropologist*. 1956. No. 58. P. 1079–1089.
 43. Barth F. Models of social organization // *Royal Anthropological Institute. Occasional Paper*. 1966. No. 23. 32 p.
 44. Barth F. On the Study of Social Change // *American Anthropologist*. 1967. Vol. 69, No. 6. P. 661–669.

45. Barth F. Preface // *Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Cultural Difference*. Bergen Oslo Universitets Forlaget. London: George Allen and Unwin, 1969. P. 9–58.
46. Brington D. G. *The Basis of Social Relations: A Study in Ethnic Psychology*. NY: Patnam. 230 p.
47. Eriksen T. H. *Fredrik Barth: An Intellectual Biography*. London: Pluto Press, 2015. 249 p.
48. Eriksen T. Obituary. Fredrick Barth (1928–2016) // *Anthropology Today*. 2016. Vol. 32, No. 2. April. P. 28.
49. Jakoubek M. A "hollow" legacy of *Ethnic Groups and Boundaries*. A critique of the reading and quoting "Barth 1969 // *Ethnic Groups and Boundaries Today. A legacy of fifty years*. Ed. by T. H. Eriksen, N. Jakoubek. L., NY: Routledge. Taylor and Ftncis Group, 2019. P. 169–186.
50. Jakoubek M. A breakthrough of *Ethnic Groups and Boundaries* – reality or a myth? (On amnesia in ethnicity studies) // *Ethnicities*. 2021. Vol. 22, Issue 2. April. P. 177–195.
51. Jakoubek M., Budilova L. J. Ethnicity and the boundaries of ethnic studies // *Anthropological Notebooks*. 2019. XXVII. (1). P. 13–26.
52. Jenkins R. Fredrik Barth: an ethnographer's ethnographer and a theorist's theorist // *Nations and Nationalism*. 2016. 22(3). P. 411–414.
53. Kan S. Lev Shternberg: Anthropologist, Russian Socialist, Jewish Activist. Series: Critical Studies in the History of Anthropology. Lincoln; London.: University of Nebraska Press, 2009. 550 p.
54. Keane A. H. *Ethnology*. Cambridge: The University, 1901. 442 p.
55. Keith A. *Ethnos: or the problem of race considered from a new point of view*. London: Kegan Paul Trench Trubner, 1931. 118 p.
56. Keith A. *A New Theory of Human Evolution*. London: Watts and Co., LTD, 1948. 451 p.
57. Papillault G. L'anthropologie est-elle une science unique? // *Revue mensuelle de l'école d'anthropologie*. 1908. No.18 (April). P. 117–132.

Информация об авторе

Анатолий Михайлович Кузнецов, д-р ист. наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: kuznetsov.2012@mail.ru

Information about the author

Anatolij M. Kuznetsov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: kuznetsov.2012@mail.ru

Поступила в редакцию 25.07.2025

Одобрена после рецензирования 15.11.2025

Принята к публикации 27.11.2025

Received 25.07.2025

Approved 15.11.2025

Accepted 27.11.2025

К вопросу о военном значении Нерчинска как форпоста России на юге Дальнего Востока во второй половине XVII – начале XVIII веков

Егор Андреевич Багрин

Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: Egor-bagrin@yandex.ru

Аннотация. Целью статьи является оценка военного значения Нерчинска в период с 1658 по 1727 гг. В ходе исследования были применены различные исторические методы: историко-нарративный, историко-генетический, статистический, проблемно-хронологический и метод исторической периодизации. В ходе работы автор рассматривает восприятие Нерчинска как военного форпоста со стороны центральной власти, а также формирование его гарнизона и снабжение вооружением и военными припасами в качестве маркера его военного значения. Впервые в историографии выделены три основных периода, в течение которых изменялось значение Нерчинска как военного центра. В конце 1650-х – начале 1670-х гг. он выступал преимущественно как пограничный форпост, основной целью которого был ясачный сбор. В начале 1670-х – 1689 г. являлся центром накопления и распределения вооруженных сил, отправлявшихся в Приамурье. В 1689–1727 гг. рассматривался правительством России как ключевой центр в обороне как Восточного Забайкалья, так и всего юга Дальнего Востока России.

Ключевые слова: *Нерчинск, казаки, Забайкалье, Даурия, Дальний Восток, Сибирь, история, XVII век*

Для цитирования: Багрин Е. А. К вопросу о военном значении Нерчинска как форпоста России на юге Дальнего Востока во второй половине XVII – начале XVIII веков // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 4. С. 43–53. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/43-53>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/43-53>

The military significance of Nerchinsk as a Russian outpost in the south of the Far East in the second half of the XVII – early XVIII centuries

Egor Andreevich Bagrin,

B. N. Yeltsin Presidential Library, St. Petersburg, Russia,
e-mail: Egor-bagrin@yandex.ru

Abstract. The aim of the article is to assess the military significance of Nerchinsk in the period from 1658 to 1727. During the study, various historical methods were used: historical-narrative, historical-genetic, statistical, chronological and the method of historical periodization. In the course of the study, the author examines the perception of Nerchinsk as a military outpost by the central government, as well as the formation of its garrison and the supply of weapons and military supplies as a marker of its military significance. For the first time in historiography, three main periods have been identified during which the significance of Nerchinsk as a military center changed. At the end of 1650s – early 1670s, it acted primarily as a border outpost, the main purpose of which was the collection of yasak. In the early 1670s – 1689, it was the center for the accumulation and distribution of armed forces sent to Amur region. In 1689–1727, it was considered by the Russian government as a key center in the defense of both Eastern Transbaikalia and the entire south of the Russian Far East.

Key words: *Nerchinsk, Cossacks, Transbaikalia, Dauria, Far East, Siberia, history, XVII century*

For citation: Bagrin E. A. The military significance of Nerchinsk as a Russian outpost in the south of the Far East in the second half of the XVII – early XVIII centuries // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 4. P. 43–53. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/43-53>

Введение

Нерчинск как центр присоединения и освоения Восточного Забайкалья к России во второй половине XVII – начале XVIII вв. естественным образом находился и продолжает быть в сфере внимания исследователей, обращающихся к истории российского Дальнего Востока. Подробно исследованы история появления Нерчинска, его фортификация, гарнизон и др. Большое внимание уделяется заключению здесь первого русско-китайского договора о границе в 1689 г., а также периоду, когда город стал центром торговли с Китаем [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 17; 19; 20; 21; 23; 24; 27; 28].

Обращает на себя внимание тот факт, что большинство авторов обходят стороной вопрос, почему именно Нерчинск стал центром Восточного Забайкалья и чем был обусловлен выбор места для его основания. Возведение Нерчинска представлено в этих работах как акт, сам собой разумеющийся, без объяснения причин. Исключением является работа А. П. Васильева, предположившего, что место построения Нерчинского, Теленбинского и Иргенского

острогов "предполагались географическими условиями: кочевые инородцы, не пролагавшие дорог, жили в долинах рек. Для подчинения их надобно было возвести остроги в центре их путей. А путями то и были долины рек. Казаки располагались на среднем течении рек, преимущественно при впадении какого-нибудь притока, или между двумя речными системами, на волоке. Нерчинский острог был на среднем течении р. Шилки, с путями в 4 стороны: вниз по Шилке и вверх по Ингоде, Онону и Нерче". Благодаря чему казаки получали возможность господствовать "над путями и туземцами" значительной части Восточного Забайкалья [12, с. 115–116]. Васильев также обозначил значение Нерчинска для борьбы России за Приамурье: "Нерчинский острог сделан был главным. К нему приписан был весь Амур", "три города участвовали в разрешении амурского вопроса ... Якутск дал идею, а Енисейск – средства, Нерчинск же явился следствием этого вопроса ... центром, около которого накоплялись силы" [Там же, с. 101, 105].

В советской и современной историографии, как правило, значение Нерчинска как военно-административного центра характеризуется авторами только в самых общих чертах. Отмечаются его административные полномочия в управлении забайкальскими территориями и Приамурьем. Например, П. Т. Яковлева характеризовала его "административным центром всей русской Даурии¹, т. е. всех земель, которые были присоединены и начали осваиваться русскими в Забайкалье и по Амуру", а также "основной базой русского влияния в Приамурье" [27, с. 16, 39]. В Истории Сибири под редакцией А. П. Окладникова и монографии В. А. Александрова отмечалось, что нерчинская крепость была частью сети укреплений, которые защищали Забайкалье от внешних набегов и содействовали хозяйственному освоению этого района русским населением [3, с. 19; 18, с. 53].

Так или иначе, Нерчинск представлен в историографии как военно-административный центр, который строился с прицелом на управление и оборону как Восточного Забайкалья, так и Приамурья. Не оспаривая это положение, в данной статье мы хотели бы показать, что значение Нерчинска как военно-оборонительного центра не было статичным, как это представляется в историографии вопроса, а существенным образом изменялось в течение первых 5-ти десятилетий его существования. Маркером этих изменений могут являться сведения, отражающие военный потенциал Нерчинска, который напрямую зависел от той роли, в системе организации обороны новых территорий за Уралом, которую ему определяло правительство. В исследование мы обращаемся к таким объективным показателям, как изменения численного состава нерчинского гарнизона, уровня его вооружения и снабжения. Основные результаты нашей работы разделены на 3 хронологических блока, каждый из которых состоит из 2-х разделов. Первый из них показывает восприятие Нерчинска со стороны власти в конкретный исторический период, а второй приводит данные об уровне его военного потенциала и их изменениях, которые подтверждают сформулированные нами выводы о его роли как военного центра.

Хронологические рамки исследования определяются спецификой основных этапов развития Нерчинска как ключевого военного центра России в Восточном Забайкалье. Нижней хронологической границей является 1658 год – время постройки Нерчинска, а верхней хронологической границей – 1727 год, когда появление в Забайкалье полка под командованием И. Д. Бухгольца стало поворотным моментом в истории военного устройства Восточной Сибири, ознаменовав переход от старых, традиционных форм организации войск к новой системе регулярной армии, принципы которой были заложены при Петре I.

В процессе научного анализа были задействованы специальные исторические методы. Благодаря историко-нарративному методу удалось представить обнаруженные в ходе изысканий факты в форме цельного повествования, выстроенного в четкой временной последовательности. При помощи проблемно-хронологического метода и метода исторической периодизации удалось определить ключевые периоды в трансформации военной роли Нерчинска

¹ Даурия – историко-географический регион, включавший в себя территорию Забайкалья, а также Верхнего и Среднего Приамурья.

период с 1658 по 1727 гг., освещены и раскрыты качественные изменения при переходе от одного этапа развития к другому. С использованием историко-генетического подхода удалось выявить причинно-следственные взаимосвязи и факторы влияния. Статистические методы анализа обеспечили возможность систематического сбора данных, отражающих количественный состав военных формирований, их вооружение и прочие параметры. Комплексное использование этих методов позволило систематизировать исторические факты и проследить качественные изменения в развитии военного значения города, а также установить факторы, влияющие на эти изменения.

Результаты работы

Военное значение Нерчинска в конце 1650-х – начале 1670-х гг.

Строительство Нерчинска как места управления Даурией не было изначально запланировано российским правительством. Этот факт хорошо известен, но обычно упускается исследователями из вида. Центром Даурии должна была стать крепость, построенная в Приамурье на месте городка даурского князя Албазы либо в другом подходящем месте неподалеку. К Забайкалью в Москве почти не было интереса. Именно Амур представлялся богатейшим местом с большими запасами пушнины, где местные жители имели серебряные и золотые изделия и дорогие ткани, привозимые из Китая. И самое важное – в Приамурье были пашенные угодья, пригодные для выращивания множества культур, что определяло возможность размещения здесь значительного военного контингента, который не надо было снабжать хлебом из центра России. Даурский воевода А. Ф. Пашков² со своим полком должен был идти в Приамурье на встречу с действовавшим там Амурским войском через Илимский уезд и Тугирский волок. На этом пути в узловых местах заранее готовились средства передвижения и продовольственные запасы для обеспечения питания сотен служилых людей [8].

Однако Пашков попытался пройти на Амур через Забайкалье путём, разведанным Петром Бекетовым, которого он посылал сюда, занимая должность енисейского воеводы. Зайдя с полком в Забайкалье в 1657 г., Пашков построил острог у оз. Иргень³. Вероятно, именно здесь он предполагал разместить забайкальскую "столицу". Острог в верховьях р. Шилки (позднее Нерчинский) был возведён в 1658 г. как промежуточный пункт на пути от Иргенского острога к Приамурью. Отсюда предполагалось отправить на верховья Амура заранее приготовленные брёвна и другую древесину для постройки там 8-башенной крепости, в которой и предстояло разместить даурский полк. Однако острый дефицит продовольствия и разгром Амурского войска маньчжурами в Приамурье внесли коррективы в эти планы. Пашков вынужден был остаться в Нерчинске, где от голода и вызванных им болезней умерла большая часть служилых людей. Перемещение в Приамурье и его контроль стали неосуществимой задачей. Вероятно, довольно быстро Пашкову стало очевидно, что для контроля над Восточным Забайкалем Нерчинск находится в более выгодном положении, чем Иргенский острог, таким образом, именно этот острог стал центром русского влияния в Даурии [9].

В то же время, *потеряв возможность закрепиться в Приамурье*, руководство России в значительной степени потеряло интерес к усилению своих позиций на юге Дальнего Востока и невнимательно отнеслось к роли Нерчинска и других крепостей, возведённых в Восточном Забайкалье. Этот факт подтверждается данными о средствах, направленных государством на военное развитие российских вооружённых сил в Забайкалье.

После отъезда Пашкова Нерчинским уездом руководил Л. Б. Толбузин⁴, прослуживший здесь 7 лет. Он сообщал в Сибирский приказ, что в Нерчинские и Албазинский остроги нужно 500 чел. и 20 пушек, т. к. "прилегли многие иноземные орды мугальские и братские и немирные тунгусы". Кроме того, он обращал внимание правительства на необходимость учреждения в

² Афонасий Филиппович Пашков – даурский воевода с 1655 по 1662 гг.

³ Остроги, построенные Бекетовым на оз. Иргень и р. Шилке до прихода Пашкова в Даурию, были сожжены тунгусами.

⁴ Ларион Борисович Толбузин – нерчинский приказчик с 1662 по 1669 гг.

Забайкалье конной службы: "а без конных казаков быть нельзя", "посылки все конные", а "водным путём" из-за мелких речек, "никаких посылок из нерчинских острогов нет" (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 1659. Л. 53, 56, 61)⁵. Такие же данные Сибирский приказ получил и от нового нерчинского приказчика Д. Д. Аршинского⁶, сменившего Толбузина (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 1659. Л. 58–60). Однако только через 7 лет обращений в Москву под реальной угрозой ухода многих служилых людей из Нерчинска к октябрю 1669 г., все нерчинские казаки, получавшие пешие оклады, были переведены в более оплачиваемую конную службу, что упрочило их положение и стабилизировало гарнизон⁷.

Численность военного контингента в уезде не была увеличена до требуемых величин. Сибирский приказ пытался в этот период дважды перевести в Нерчинск годовальщиков из Тобольска, Енисейска и Илимска, однако из-за нехватки людей в этих крепостях эти пополнения прибыли не полностью и не покрывали потребность в людях. Пополнение гарнизона происходило преимущественно по инициативе нерчинских администраторов за счёт верстания "вольных охочих людей" из разных сибирских городов, согласных служить без жалованья, в ряде случаев, получавших при приеме на службу только коня. Таким образом, военный контингент Нерчинска постепенно увеличился с 46 служилых людей в 1663 г. до 154 казаков и 2 детей боярских в 1674 г. ко времени приезда нового нерчинского приказчика П. Я. Шульгина⁸. При нём численность гарнизона достигла 200 служилых людей. Далее она оставалась неизменной до 1689–1690 гг., несмотря на необходимость довести её до 500 чел. Отметим, что весь гарнизон в течение 1658–1664 и 1666–1671 гг. не получал денежные и хлебные оклады. Все эти факты убедительно показывают, что правительство не считало в этот период Нерчинск значимым военным центром (См., например: РГАДА. Ф. 62. Оп. 1. Реестр 1. № 1. Л. 111, 119 об.–120 об.; Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 1659. Л. 58–60; Ф. 1142. Оп. 1. Д. 1. Л. 14–15; Д. 2. Л. 5–26, 54) [2, с. 16; 13, № 16. с. 86; 16, № 67. с. 229, 233, 235, 238; 22, с. 138, 142, 148; 23, с. 34].

Обеспечение продовольствием нерчинских служилых людей в 1660-е гг. было не налажено. Толбузин отмечал, что в подконтрольных России местах невозможно вырастить хлебные культуры: "от солнечного зною и от жаров хлеб выгорает, а дождей с весны не бывает". Сменивший его на посту нерчинского администратора Аршинский, писал, что казаки 10 лет служат без хлебного жалованья и вынуждены питаться мясом с кореньями в посты и в постные дни по средам и пятницам: "приели своих коней и стали пеши ... хотят разбрестись врознь и остроги покинуть". Толбузин предлагал снабжать Забайкалье хлебом через Братский и Иркутский остроги Енисейского уезда. Отталкиваясь от этих известий, Сибирский приказ приказал енисейскому воеводе послышать в Даурию хлеб по окладам, "не дожидаясь о том государева указу" (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 1659. Л. 53, 58–60, 63–64, 67–68).

Поставки вооружения и боеприпасов в Нерчинск из Москвы были минимальны. Артиллерийский парк не менялся 14 лет (с 1658 г. до 1672 г.) и включал в себя только 2 пушки, привезённые Пашковым (т. е. в 10 раз меньше, чем требовалось по мнению Толбузина) (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 132. Л. 182; Стлб. 508. Л. 144в, 314–315). Запас ручного огнестрельного оружия и вовсе почти не пополнялся до 1680-х гг. Он включал в себя в основном мушкетеры, оставшиеся от умерших и погибших людей из даурского полка Пашкова. После более чем 20 лет использования это оружие было малопригодно для использования [16, № 67. с. 229–233, 237–240]. В первое десятилетие существования острога известно только об отправлении в Нерчинск 4000 пищальных кремней в 1664 г. и 20 пуд пороха и 5 пуд свинцу в 1668 г. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 1659. Л. 64).

⁵ РГАДА – Российский государственный архив древних актов

⁶ Данил Данилович Аршинский – нерчинский приказчик с 1669 по 1673 гг.

⁷ Мы можем судить об этом по челобитным с просьбами приверстать в конную службу по Нерчинску (См., например, РГАДА. Ф. 1142. Д. 2. Л. 9–10).

⁸ Павел Яковлевич Шульгин – нерчинский приказчик с 1673 по 1678 гг.

Таким образом, Москва около 20 лет почти полностью игнорировала какое-либо развитие Нерчинска как военного центра. В целом можно заметить, что с конца 1650-х до начала 1670-х гг. Нерчинск воспринимался Москвой как обычный пограничный центр ясачного сбора, находившийся в малоперспективном районе новоприобретенных территорий.

Военное значение Нерчинска в начале 1670-х – 1689 г. С начала 1670-х гг. ситуация с восприятием военной роли Нерчинска в Москве стала меняться в сторону большего внимания к усилению его обороноспособности. Причины для увеличения активности в плане усиления российских вооруженных сил в Восточном Забайкалье хорошо известны. Во-первых, это происходило на фоне постоянных известий из Даурии в Москву об угрозе нападения маньчжуров. Во-вторых, "на повестке дня" снова появился Амурский вопрос. В 1676 г. Албазинский острог, построенный на Амуре беглыми жителями Илимского уезда в 1665 / 1666 гг., официально перешёл в государственное управление. К этому моменту албазинцы контролировали значительную часть Приамурья и продолжали расширять свою зону влияния.

Следует отметить, что и центром управления Приамурьем Нерчинск в полной мере не стал. Албазинцы неохотно выполняли требования нерчинских управленцев, в некоторых случаях полностью саботируя их приказы. Наиболее характерным случаем является их отказ подчиниться сыну нерчинского воеводы Андрею Воейкову, едва не вылившийся в вооруженный конфликт между Нерчинском и Албазином (**Архив СПбИИ РАН. Колл. 18. Д. 24. Ст. 1–17**)⁹. В итоге Москва предпочла учредить отдельное Албазинское воеводство, начав спешно укреплять Албазинский острог. Именно здесь правительство России рассчитывало построить ключевой военный опорный пункт на юге Дальнего Востока, отправив в Албазин в 1684 г. полк Афанасия Бейтона, набранный в сибирских городах, который должен был увеличить албазинский гарнизон в 3 раза.

В дальнейшем и во время вооруженного конфликта с Китаем с 1685 г. вплоть до начала переговоров о границе в 1689 г. Нерчинск имел, прежде всего, значение военно-перевалочной базы, в которой накапливались силы для борьбы за Приамурье. Этой оценки Нерчинска придерживался и А. П. Васильев, однако он считал, что такое значение этот военный форпост имел на всем протяжении своего развития, что не согласуется с уже приведёнными нами данными [**12, с. 101**]. Большую роль в координации работы Нерчинска как "центра накопления сил" сыграл нерчинский воевода И. Е. Власов¹⁰. Этот период довольно подробно рассмотрен в исследовательской литературе, и мы не будем останавливаться на нём подробно, обратившись в первую очередь к оценке военного потенциала Нерчинска в этот период.

Формирование гарнизона и снабжение Нерчинска вооружением и военными припасами подчёркивало его военное значение. С 1672 по 1676 гг. в Нерчинск стала поступать артиллерия. Сюда были отправлены не менее чем 5 пушек и 1 затинная пищаль (**РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 1659 Л. 232; Ф. 1142. Оп. 1. Д. 3. Л. 16а; Д. 7. Л. 1**) [**1, № 225. с. 482**]. Москва также хотела направить в Даурию пушки из арсенала сибирских крепостей, но ближайšie к Нерчинску военные центры, а также Тобольск сообщали в Сибирский приказ о том, что не имеют возможности усилить нерчинские остроги артиллерией. В 1671–1676 гг. в Нерчинск были посланы несколько партий с боеприпасами и оружием, в т. ч. большие из Тобольска: 54 пуда пороха и 38 пудов свинца (1671 / 1672), 31 пуд пороха (1674 / 1675), а также 239 пищалей "московской присылки"¹¹ и по 40 пудов пороха и свинца (1675 / 1676). Количество посланного пороха превышало норму (30 пуд на 3 года), распределяемую в такой большой центр как Якутск (**Архив СПбИИ РАН. Ф. 96. Д. 14. Ст. 1; Д. 18. Ст. 1–3; Д. 19. Ст. 1**) [**1, № 225. с. 481–482; 14, № 19. с. 129–130; 15, № 31. с. 95**].

⁹ Архив СПбИИ РАН – Архив Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук.

Ст. – состав (в Архиве СПбИИ РАН дело делится на сставы).

¹⁰ Иван Евстафьевич Власов – нерчинский воевода с 1684 по 1690 гг.

¹¹ Значительная часть из них была передана в Албазинский острог.

В течение 1680-х гг., к моменту открытого военного противостояния с Китаем в 1685 г., гарнизон Нерчинска не был увеличен. Отсутствуют сведения о значительной перестройке укреплений, возведённых Пашковым в 1658 г.¹² Казаки получили на руки достаточное количество "мелкого ружья", но запасы его в казне состояли в основном из непригодных к использованию мушкетов периода основания крепости. Артиллерия в Нерчинском уезде (совокупно около 10 орудий) кроме непосредственно самого уездного центра была только в Теленбинске (в разные периоды это затинная пищаль и 2 пушки малого калибра). Ещё несколько пушек и затинных пищалей было передано в Албазин (РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 23. Л. 81–82). Постепенно к 1680–1681 гг. снабжение Нерчинского уезда хлебными припасами было налажено. Хлеб поступал из Енисейска в Иркутск и затем через Байкал в Удинск, где его и забирала нерчинцы [17, с. 122–132].

В целом мы видим, что, несмотря на многочисленные известия об угрозе нападения Китая, поступавшие в Сибирский приказ, темпы усиления Нерчинска нельзя назвать значимыми. Этот процесс происходил, но очень медленно. Например, нерчинский воевода Ф. Д. Воейков¹³ отмечал, что просил оружие в Москве и Енисейске в течение 3-х лет, но не получал не только оружия, но и письменного ответа по этому вопросу.

Таким образом, мы можем отметить, что Нерчинск стал восприниматься Москвой как база для присоединения Приамурья, но пока только как центр накопления и распределения сил, а не как самостоятельный мощный военный центр, предназначенный для обороны российского юга Дальнего Востока.

Военное значение Нерчинска в 1689 – начале 1700-х гг. Отношение к значению Нерчинска в системе обороны русских территорий на юге Дальнего Востока коренным образом изменилось после заключения Нерчинского договора 1689 г., в рамках которого устанавливалась первая русско-китайская граница. Приамурье снова было утрачено, а Албазин разрушен. Теперь именно Нерчинск рассматривался как форпост России на Дальнем Востоке, задачей которого стало первым принять на себя удар Китая в случае возобновления конфликта. По замыслу правительства, в случае опасности Нерчинску помощь должен был оказать Удинск. Здесь размещался полк стрельцов "годовальщиков" из сибирских городов (593 чел. в 1691 г.) (Архив СПбИИ РАН. Ф. 168. Д. 21. Ст. 1; Д. 25. Ст. 8–19).¹⁴ Г. А. Леонтьева отметила, что "расположенный на перекрёстке водных путей, связывающих Иркутск, Селенгинск и Нерчинск, Удинск мог быть использован как стратегически важный пункт, сосредоточивающий крупные воинские силы, способные по первым тревожным сигналам оказать оперативную помощь в трёх направлениях: Иркутском, Селенгинском и Нерчинском" [23, с. 50–51]. Этот военный контингент мог прибыть в Восточное Забайкалье довольно быстро, в т. ч. потому что ему не нужно было везти с собой артиллерию, которая в значительном количестве уже была доставлена в Нерчинск. Свидетельством этих изменений служит увеличение государственных инвестиций, направленных на укрепление военного потенциала российских войск в Забайкалье.

Из-за отдалённости региона ресурсы, благодаря которым могло быть усилено Восточное Забайкалье, по-прежнему были существенно ограничены. Гарнизон Нерчинска был увеличен до 450–500 чел. в основном за счёт добавления к нему пеших казаков, в число которых первоначально вошли многие албазинцы и ратники полка Бейтона, а также новоприборные люди, приверженные главным образом в Иркутском уезде [7; 23]. Отметим, что числен-

¹² В начале 1682 г. нерчинские служилые люди сообщили Воейкову, что "Нерчинский острог мал и окол(о) де острогу никаких крепостей чесноку и надолбов нет". Воевода принял решение прибавить к острогу 40 сажень и сделать деревянной чеснок и надолбы. К строительству привлекались все нерчинские, теленбинские, еравинские, иргенские служилые люди и "всяких чинов русские люди". Каждый из них должен сдать по 4 гривны с человека. Приказ об этом был разослан по всем острогам. Но было ли осуществлено строительство автору неизвестно (РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 24. Л. 8).

¹³ Фёдор Дементьевич Воейков – нерчинский воевода с 1681 по 1683 гг.

¹⁴ В тексте документа указано 596 чел., но при пересчёте имён в списке выявлено только 593 чел.

ность служилых людей стала соответствовать требованиям Толбузина, обозначенным ещё в 1660-х гг. При этом большая часть этого военного контингента располагалась в Нерчинске, а уездные крепости жаловались на недостаточную численность их гарнизонов (РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 97. Л. 2–6). Крепость Нерчинска также значительно усилилась за счёт новых стен и 8-ми башен, надолбов и других средств фортификации (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1977. Л. 1об., 4 об.–6об.) [26, с. 12, 18].

Несмотря на то, что в результате реформ гарнизон Нерчинского уезда значительно возрос (до 551 человека к 1727 г.), вдвое превысив предыдущую численность, имеющихся военных сил всё равно было недостаточно для надёжной защиты Даурии от возможного нападения маньчжуров. Защитные сооружения Нерчинска представляли собой типичные для сибирских городов деревоземляные укрепления. История уже показала их ненадёжность: в 1685 г. аналогичные укрепления Албазина были разрушены китайской артиллерией буквально за сутки. Примечательно, что гарнизон Албазинской крепости тогда насчитывал примерно столько же воинов, сколько было всего военных в Нерчинском уезде к 1727 г. Во время напряжённых переговоров у Нерчинска в августе 1689 г., посол Ф. А. Головин был вынужден вывести свои войска за пределы крепости. Он не полагался на защитные стены города и рассчитывал противостоять "богдойцам" в открытом полевым сражении. Однако стоит отметить, что "посольское войско" было почти втрое многочисленнее военного контингента Нерчинска 1720-х годов, поэтому повторение подобной тактики в случае угрозы могло обернуться серьёзными рисками [5].

Благодаря поставкам вооружения во время конфликта с Китаем и перевозу оружейной казны из Албазина, арсенал Нерчинска стал одним из самых обеспеченных в Сибири. Нами изучены описи оружия, находившегося в арсеналах Нерчинска в 1699, 1701, 1704 и 1710 гг. В этот период в нём хранились от 31 до 33 пушек, по две мортиры и затинные пищали, до 3481 ядра и ручных гранат, от 223 до 235 пудов пороха, от 87 до 113 пудов свинца. Кроме того, от 823 до 892 ружей (включая неисправные) и 19 272–214 000 кремней к ним, а также от 584 до 593 бердышей, не считая другого холодного оружия (шпк, коший) (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 1059. Л. 356; Оп. 5. Д. 1977. Л. 4–5об.) [26, с. 12–13, 15–16, 18].

При этом происходило увеличение запасов огнестрельного оружия. "Порченые" ружья подлежали восстановлению. На новые ложи и починку самопалов из казны выделялись существенные ресурсы [26, с. 14]. В 1700–1701 гг. в Иркутск для отправки в даурские остроги прибыли из Тобольска бронные мастера: "ствольщик" (производное от ствола) Тимофей Иванов, "замошник" (работал с оружейными замками) Иван Осипов и "станошник" (делал пушечные станки и в т. ч. ружейные ложи) Гришка Васильев. Только за период с января по апрель 1701 г. Т. Иванову удалось починить в Нерчинске стволы и шурупы у 60 пищалей (РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 97. Л. 23, 41–43, 51). Незначительное количество оружия было распределено и в уездные крепости. Здесь в 1704 г. самый сильный артиллерийский наряд в числе 3 пушек был в Аргунском пограничном остроге (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1977. Л. 5об.-6; Ф. 1142. Д. 56. Л. 70–72) [26, с. 18]. Таким образом, запасов оружия в Нерчинске было достаточно, чтобы дополнительно вооружить более 800 чел. и увеличить военный контингент, приблизительно до 1200–1300 чел.

Значительным событием стало сосредоточение внушительного артиллерийского арсенала в Нерчинске. К концу XVII века (1697 г.) этот город стал обладателем впечатляющего количества пушек – здесь находилось 17% от общего числа артиллерийских орудий (не считая затинных пищалей) всех крупных сибирских крепостей. По количеству артиллерийского вооружения Нерчинск превзошёл все пограничные города Сибири, включая Красноярск, Тару и Томск. По этому показателю он сравнялся лишь со столицей сибирского края – Тобольском, где насчитывалось 34 артиллерийских орудия. Особую ценность нерчинскому арсеналу придавало то, что большинство пушек были унифицированы – имели относительно одинаковые длину и калибр. Это объяснялось тем, что оружие поступило в город не постепенно, а крупными партиями, изготовленными в одно время несколькими мастерами (табл. 1).

Такое количество артиллерии, которой стал располагать Нерчинский уезд, было вполне достаточно как для обороны города, так и для полевых сра-

жений. Таким образом, правительство насытило регион пушками, ручным огнестрельным оружием и боеприпасами, но не решило вопроса расширения кадрового состава до величин, которые могли бы эффективно использовать этот арсенал.

Таким образом, ряд факторов создавал определённую систему защиты региона. Во-первых, имелись значительные военные запасы, которые при необходимости можно было использовать для вооружения гражданского насе-

Таблица 1. Артиллерия сибирских крепостей в 1697 г.

Table 1. Artillery of Siberian fortresses in 1697.

Крепости	Пушки ¹	Затинные пищали	Всего
Тобольск	54 ²	19 ³	73
Нерчинск	33	2	35
Красный Яр	17	8	25
Тара	7	10	17
Енисейск	8 ⁴	8	16
Тюмень	10	6	16
Кузнецк	13	3	16
Верхотурье	7 ⁵	5	12
Томск	10 ⁶	1	11
Березов	7	3	10
Пелым	3	4	7
Мангазея	3	4	7
Якутск	7	-	7
Удинск	7	-	7
Сургут	2	4	6
Туринск	1	4	5
Нарым	2	3	5
Кецкой	2	2	4
Иркутск	3 ⁷	-	3
Илимск	2	-	2

Примечание:

¹ В эту категорию отнесены медные и железные пушки и пищали, большая часть которых относилась к типу "полковые", а также орудия: "верховые" (мортиры), "скорострельные", "полуторные", "сороковые", "волконейки", "вестовые", "обозные" и др. Большая часть из них имела станки с колесами.

² 34 пушки в Тобольске и 20 в уездных крепостях.

³ Все располагались в уездных крепостях.

⁴ 4 пушки в городе, остальные в уездных крепостях.

⁵ 3 пушки в городе, остальные в уездных крепостях.

⁶ В т. ч. 3 "роздутых".

⁷ К 1699 г. количество орудий в Иркутске было резко увеличено до 21 пушки и 2 затинных пищалей.

Источник: составлено автором на основе данных [25].

Source: compiled by the author on the basis data [25].

ления Нерчинского уезда. Во-вторых, в регионе располагался внушительный арсенал артиллерийских орудий. В-третьих, были усилены фортификационные сооружения. Кроме того, существовала возможность оперативно получить подкрепление из Удинска. Эти меры значительно повышали устойчивость местной военной системы. При возникновении опасности в случае конфликта с Цинским Китаем у защитников появлялось больше шансов дожидаться подкрепления из Москвы, которое могло бы существенно усилить оборонительные позиции в Даурии. При этом помощь могла прийти относительно быстро т. к. не нужно было перевозить пушки ввиду их большого количества в местном арсенале. Данная модель обороны Восточного Забайкалья с ключевым опорным пунктом в Нерчинске оказалась вполне жизнеспособной. Она просуществовала вплоть до 1727 г., когда в Забайкалье пришёл полк армии И. Д. Бухгольца, и организация обороны Забайкалья претерпела коренные изменения в связи с размещением здесь частей регулярной армии, созданной Петром I в Европейской России в начале XVIII в.

Заключение

Подводя общий итог изложенному в исследовании материалу, отметим, что роль Нерчинска как военно-административного центра Восточного Забайкалья не была определена заранее и менялась в зависимости от политики государства, проводимой на юге Дальнего Востока.

Первый период, с конца 1650-х до начала 1670-х гг., – Нерчинск воспринимался Москвой преимущественно как пограничный центр ясачного сбора, находившийся в малоперспективном регионе. Затем, по мере разворачивавшейся борьбы за Приамурье, Нерчинск постепенно стал проявлять себя как центр накопления и распределения сил, отправлявшихся на Амур. Наиболее ярко эту роль он выполнил непосредственно перед началом и во время конфликта с Китаем. И, наконец, после заключения Нерчинского договора 1689 г. военный статус Нерчинска вырос до ключевого центра в обороне не только Восточного Забайкалья, но и всего юга Дальнего Востока России, форпоста основной задачей которого стало первым принимать на себя удар империи Цин в случае вооружённого конфликта.

Литература / References

1. Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею. СПб.: В Типографии II-го Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии. 1842. Т. IV. 598 с.
Historical acts collected and published by the archeographic Commission. St. Petersburg: In the Printing House of the II Department of Its Own E. I. V. Chancellery. 1842. Vol. IV. 598 p. (In Russ.)
2. Албазинское воеводство (сборник документов). Библиотека дальневосточного казачества / Составители Трухин В. И., Крюков В. В. Хабаровск, 2019. 628 с.
Albazin voivodeship (collection of documents). Library of the Far Eastern Cossacks / Compiled by Trukhin V. I., Kryukov V. V. Khabarovsk, 2019. 628 p. (In Russ.)
3. Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1984. 272 с.
Alexandrov V. A. Russia on the Far Eastern frontiers (the second half of the XVII century). Khabarovsk: Khabarovsk Book Publishing House, 1984. 272 p. (In Russ.)
4. Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток: Дальнаука, 1999. 336 с.
Artemyev A. R. Cities and prisons of Transbaikalia and the Amur region in the second half of the XVII–XVIII centuries. Vladivostok: Dalnauka, 1999. 336 p. (In Russ.)
5. Багрин Е. А. Военные аспекты заключения Нерчинского договора в 1689 г. // Известия Восточного института. 2021. № 3(51). С. 49–60.
Bagrin E. A. Military aspects of Nerchinsk treaty conclusion in 1689 // Oriental Institute Journal. 2021. No. 3(51). P. 49–60. (In Russ.)
6. Багрин Е. А. Вооруженные силы Нерчинского уезда в 1660–1670-е гг.: к вопросу о кризисе системы обороны Восточного Забайкалья // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. 2021. Т. 7, № 3(73). С. 14–33.
Bagrin E. A. Military forces of Nerchinsky district in 1660–1670s. Crisis of defense system of the Eastern Transbaikalye // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical science. 2021. Vol. 7, No. 3(73). P. 14–33. (In Russ.)
7. Багрин Е. А. Гарнизон Нерчинска в конце 1689–1691 гг. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. 2021. Т. 7, № 4. С. 3–19.

- Bagrin E. A. Garrison of Nerchinsk at the end of 1689–1691 // *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical science*. 2021. Vol. 7, No. 4. P. 3–19. (In Russ.)
8. Багрин Е. А., Трухин В. И. Полк Афанасия Пашкова в 1655 г.: состав, вопросы комплектования и обеспечения перед отправкой в Даурию из Енисейска (с именованным списком) // *Известия лаборатории древних технологий*. 2023. Т. 19, № 1 (46). С. 91–114.
Bagrin E. A. Regiment of Afanasy Pashkov in 1655: composition and recruitment before expedition to Dauria from Yeniseisk (with list of names) // *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2023. Vol. 19, No. 1(46). P. 91–114. (In Russ.)
 9. Багрин Е. А., Трухин В. И. Афанасий Пашков и Даурский полк в Забайкалье (1657–1662) // *Известия лаборатории древних технологий*. 2023. Т. 19, № 3(48). С. 62–73.
Bagrin E. A., Trukhin V. I. Afanasy Pashkov and the Daurian regiment in Transbaikalia (1657–1662) // *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2023. Vol. 19, No. 3(48). P. 62–73. (In Russ.)
 10. Бахрушин С. В. Научные труды. Избранные работы по истории Сибири в XVI–XVII вв. Часть первая. Вопросы русской колонизации Сибири в XVI–XVII вв. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. Т. 3, 376 с.
Bakhrushin S. V. Scientific works. Selected works on the history of Siberia in the XVI–XVII cc. Part one. Questions of Russian colonization of Siberia in the XVI–XVII cc. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1955. Vol. 3, 376 p. (In Russ.)
 11. Беспрозванных Е. Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений: XVII–середина XIX в. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1986. 336 с.
Beprozvannykh E. L. Amur region in the system of Russian Chinese relations: XVII–mid-XIX century. Khabarovsk: Khabarovsk Book Publishing House, 1986. 336 p. (In Russ.)
 12. Васильев А. П. Забайкальские казаки. Исторический очерк. Чита: Типография Воскового Хозяйственного правления Забайкальского казачьего войска. 1916. Т. 1, 232 с.
Vasiliev A. P. Trans-Baikal Cossacks. A historical sketch. Chita: Printing house of the Wax Economic Board of the Trans-Baikal Cossack Army. 1916. Vol. 1, 232 p. (In Russ.)
 13. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, в Офицерской улице, дом № 26, 1857. Т. 6, 503 с.
Additions to historical Acts collected and published by the Archeographic Commission. St. Petersburg: In the printing house of Eduard Prats, in Officer Street, No. 26, 1857. Vol. 6, 503 p. (In Russ.)
 14. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, в Офицерской улице, дом № 26, 1859. Т. 7, 385 с.
Additions to historical Acts collected and published by the Archeographic Commission. St. Petersburg: In the printing house of Eduard Prats, in the Officer's street, house No. 26. 1859. Vol. 7, 385 p. (In Russ.)
 15. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, в Офицерской улице, дом № 26, 1862. Т. 8, 359 с.
Additions to historical Acts, collected and published by the Archeographic Commission. St. Petersburg: In the printing house of Eduard Prats, in Officer Street, house No. 26, 1862. Vol. 8, 359 p. (In Russ.)
 16. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, в Офицерской улице, дом № 26, 1867. Т. 10, 504 с.
Additions to historical Acts, collected and published by the Archeographic Commission. St. Petersburg: In the printing house of Eduard Prats, in Officer Street, house No. 26, 1867. Vol. 10, 504 p. (In Russ.)
 17. Зувев А. С. Описание Забайкалья и Приамурья 1681 года // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2023. Т. 22, № 1: История. С. 122–132.
Zuev A. S. Description of the Transbaikal and the Amur Region in 1681 // *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2023. Vol. 22, No. 1: History. P. 122–132. (In Russ.)
 18. История Сибири с древнейших времен до наших дней (в 5 томах) / гл. ред. А. П. Окладников. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России / Авт. В. А. Александров, В. Г. Мирзоев, В. И. Шунков и др. Л: Наука, 1968. 538 с.
History of Siberia with ancient time to our days (in 5 Tomah) / Ch. red. A. P. Okladnikov. T. 2: Siberia in sosava feudal Russia / Autor. V. A. Aleksandrov, V. G. Mirzoev, V. And. Shun and others. L: Science. Laningr. we, 1968. 538 p. (In Russ.)
 19. Константинова Н. Н. Рубеж полуденного края: формирование и охрана забайкальской границы в середине XVII – начале XX веков. Чита: Экспресс-издательство, 2014. 207 с.
Konstantinova N.N. The Frontier of the Midday Region: Formation and Protection of the Trans-Baikal Border in the Mid Mid-17th – Early 20th Centuries. Chita: Express Publishing House, 2014. 207 p. (In Russ.)
 20. Кочедамов В. И. Труды по истории градостроительства с комментариями современных ученых. Издание в 4 тт. Т. IV. СПб: Сохраненная культура, 2020. 354 с.
Kochedamov V. I. Works on the history of urban planning with comments by modern scientists. The publication is in 4 volumes. Volume IV. St. Petersburg: Preserved Culture, 2020. 354 p. (In Russ.)
 21. Крадин Н. П. Русское деревянное оборонное зодчество. Москва: Искусство, 1988. 190 с.
Kradin N. P. Russian wooden defense architecture. Moscow: Iskusstvo, 1988. 190 p. (In Russ.)
 22. Красноштанов Г. Б. Никифор Романов Черниговский: документальное повествование. Иркутск. 2008. 378 с.

- Krasnoshtanov G. B. Nikifor Romanov Chernihiv: a documentary narrative. Irkutsk. 2008. 378 p. (In Russ.)
23. Леонтьева Г. А. Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). М.: Московский педагогический государственный университет, 2012. 321 с.
Leontieva G. A. Serving people in Eastern Siberia in the second half of the XVII – first quarter of the XVIII century (based on the materials of Irkutsk and Nerchinsk counties). Moscow: Moscow Pedagogical State University, 2012. 321 p. (In Russ.)
24. Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1987. 514 с.
Myasnikov V. S. The Qing Empire and the Russian state in the XVII century – Khabarovsk: Khabarovsk Book Publishing House, 1987. 514 p. (In Russ.)
25. Окладная книга Сибири 1697 года. М.: Исторический музей. 2015. 296 с.
Salary book of Siberia in 1697. Moscow: Historical Museum. 2015. 296 p. (In Russ.)
26. Сибирские города: Материалы для их истории, XVII–XVIII столетий: Нерчинск. Селенгинск. Якутск. Москва: тип. М. Г. Волчанинова, 1886. 146 с.
Siberian cities: Materials for their history, XVII–XVIII centuries: Nerchinsk. Selenginsk. Yakutsk. Moscow: M. G. Volchaninov type, 1886. 146 p. (In Russ.)
27. Яковлева П. Т. Первый русско-китайский договор 1689 года. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 235 с.
Yakovleva P. T. The first Russian Chinese treaty of 1689. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1958. 235 p. (In Russ.)
28. Энциклопедии Забайкалья. Нерчинск / гл. ред. В. А. Дутов; отв. ред. Н. Н. Константинова, А. Ю. Литвинцев. Чита: ЗабГУ, 2013. С. 6–17 // Альбомная серия "Энциклопедии Забайкалья" URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=8772>
Encyclopedias of Transbaikalia. Nerchinsk / edited by V. A. Dutov; edited by N. N. Konstantinova and A. Yu. Litvintsev. Chita: Transbaikalian State University, 2013. P. 6–17 // Album series "Encyclopedias of Transbaikalia". URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=8772> (In Russ.)

Информация об авторе

Егор Андреевич Багрин, канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник научно-методического отдела Президентской библиотеки имени Б. Н. Ельцина, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: Egor-bagrin@yandex.ru

Information about the author

Egor A. Bagrin, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Scientific and Methodological Department, Boris Yeltsin Presidential Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: Egor-bagrin@yandex.ru

Поступила в редакцию 12.09.2024

Received 12.09.2024

Одобрена после рецензирования 17.11.2025

Approved 17.11.2025

Принята к публикации 27.11.2025

Accepted 27.11.2025

Деятельность администрации Приамурского края по продвижению российских товаров на рынок Маньчжурии на рубеже XIX–XX вв.

Ольга Александровна Устюгова
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, ustuyugova75@mail.ru

Аннотация. В статье даётся характеристика состояния и структуры российского экспорта в Маньчжурию, рассматриваются взгляды дальневосточного чиновничества на причины, обусловившие незначительный объём вывоза отечественных товаров в этот район Китая, а также предложенная ими для коррекции существующего положения вещей мера – проект организации выставки российских товаров в Гирине. Источниковую базу исследования составили отчётная документация, служебные записки и переписка Приамурского генерал-губернатора, военных губернаторов Амурской и Приморской областей, пограничных комиссаров, чиновника Министерства иностранных дел в Гирине.

Ключевые слова: *Дальний Восток, Маньчжурия, Гирин, торговля, экспорт, торгово-промышленная выставка*

Для цитирования: Устюгова О. А. Деятельность администрации Приамурского края по продвижению российских товаров на рынок Маньчжурии на рубеже XIX–XX вв. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 4. С. 54–64. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/54-64>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/54-64>

Activity of the Administration of the Amur Region to promote Russian goods to the Manchurian market at the turn of the XIX – XX centuries

Olga A. Ustyugova
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern
Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, ustuyugova75@mail.ru

Abstract. The article characterizes the state and structure of Russian exports to Manchuria, considers the views of Far Eastern officials on the reasons for the insignificant volume of exports of domestic goods to this region of China, as well as the measure proposed by them to correct the current state of affairs – the project of organizing an exhibition of Russian goods in Jilin. The source base of the study was made up of reporting documents, memos and correspondence of the Amur Governor-General, military governors of Amur and Primorsky regions, border commissioners, an official of the Ministry of Foreign Affairs in Jilin.

Key words: *Far East, Manchuria, Jilin, trade, export, trade and industrial exhibition*

For citation: Ustyugova O. A. Activity of the Administration of the Amur Region to promote Russian goods to the Manchurian market at the turn of the XIX – XX centuries // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 4. P. 54–64. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/54-64>

Введение

Изучение истории торговых отношений России с Китаем сохраняет свою актуальность, особенно в настоящее время, в условиях укрепления двусторонних экономических связей. Представляет интерес и исследование состояния российского экспорта в Маньчжурию на рубеже XIX–XX вв., в период активизации дальневосточной политики России, когда импорт из Китая превалировал во внешнеторговом обороте двух стран. Проблема российского экспорта в Маньчжурию находилась в поле зрения исследователей с конца XIX в. Изданное в 1897 г. "Описание Маньчжурии" под редакцией Д. М. Позднеева представляет собой фактически первый к моменту своего опубликования полный свод сведений о Маньчжурии, содержащий раздел о состоянии её торговли с Россией [14]. После окончания постройки КВЖД вопрос о роли, которую должна сыграть Россия на рынке Китая, приобрёл особую важность. В работе И. Э. Гейштора приводятся данные о ввозе товаров из России в Маньчжурию, а также даётся краткая характеристика сбыта в Китай важнейших российских фабрикатов – хлопчатобумажных и шерстяных тканей, керосина, стекла, железа, сахара и др. [4]. Н. Штейнфельд в своей статье указывал, что торговые интересы России в Китае активизировались с началом постройки КВЖД, а выход на маньчжурский рынок позволит скорректировать торговый баланс с Китаем в благоприятную для России сторону [19]. Подробный обзор русско-китайской торговли в целом, в том числе и товарообмен с Маньчжурией, представлен в работах М. И. Сладковского [16] и Г. Н. Романовой [15]. И. В. Лукоянов в своей монографии, рассматривая русско-китайскую торгов-

лю на Дальнем Востоке в русле торговой политики С. Ю. Витте, подразумевавшей захват азиатских рынков, отмечает проблемы сбыта российских товаров на рынке Китая, обусловленные их высокими ценами и дорогостоящей транспортировкой [5]. В статьях последних лет И. Р. Хамзин, Р. Т. Ганиев и А. В. Кочнев отмечают, что в конце XIX в. экспортно-импортные связи с Китаем, таможенная политика и существующие на тот момент пути сообщения вступали в противоречие друг с другом. Транссибирскую магистраль, и КВЖД как её продолжение, власти считали инструментом, предназначенным для того, чтобы ускорить и удешевить доставку российских товаров на китайский рынок, тем самым нарастив их экспорт [17; 18]. Тем не менее, восприятие проблемы экспорта в Маньчжурию дальневосточным чиновничеством исследователями не рассматривалось. Цель данной статьи – на основании данных, содержащихся в отчётной документации, служебных записках и переписке Приамурского генерал-губернатора, военных губернаторов Амурской и Приморской областей, пограничных комиссаров, чиновника Министерства иностранных дел в Гирине, показать состояние русско-китайской приграничной торговли, раскрыть взгляды местной администрации на причины, обусловившие незначительный объём ввоза отечественных товаров в Маньчжурию, и рассмотреть предложенные ими меры для продвижения товаров российских производителей на новом для них маньчжурском рынке, а также возможного вытеснения с него европейских конкурентов.

Состояние приграничной торговли России с Маньчжурией

Приграничная торговля с Маньчжурией регулировалась договорами, заключёнными между Россией и Китаем во второй половине XIX в. Согласно ст. 2 Айгуньского договора 1858 г., русские получили право торговли по рекам Усури, Амуру и Сунгари; ст. 4 Пекинского договора 1860 г. декларировала свободную и беспощинную меновую торговлю на протяжении границы с Маньчжурией, а Санкт-Петербургский договор 1881 г. ограничил её пятидесятивёрстной полосой. Поскольку России не было предоставлено право учреждать в Маньчжурии консульства, то, согласно ст. XIII Санкт-Петербургского договора, русские не могли вести здесь торговлю, а товарообмен на границе находился почти исключительно в руках китайских подданных [14, с. 550].

Отсутствие в пограничной полосе Китая благоустроенных грунтовых дорог вынуждало русских купцов пользоваться дорогостоящим и крайне медленным караванным способом доставки товаров. К началу XX в. ввоз русских товаров в Китай не достигал даже 10 млн в год [19, с. 131–132], а собственно Маньчжурия занимала около 1 % от общего объёма русско-китайских торговых отношений [18; с. 137–138]. Таким образом, одним из основных препятствий, тормозивших увеличение экспорта в Китай, было отсутствие железнодорожной связи с ним промышленных центров России [15, с. 88]. До получения Россией концессии на постройку КВЖД в 1896 г. её торговые интересы во внутреннем Китае, Маньчжурии и Восточной Монголии были выражены слабо. Русско-китайская торговля на российском Дальнем Востоке ограничивалась лишь незначительными операциями, совершавшимися жителями ближайших пограничных китайских и русских селений [6, с. 18].

В одном из архивных дел РГИА ДВ сохранились датированные 9 июня 1897 г. выдержки из записки Генерального Штаба полковника В. А. Альфтанна, в которых затрагивались и вопросы развития приграничной торговли России с Маньчжурией. Согласно данным, которые приводит Р. С. Авилов, эта записка под названием "Опыт разработки вопроса о столкновении в будущем между Россиею и Япониею" летом 1897 г. по распоряжению Приамурского генерал-губернатора С. М. Духовского, очевидно, знакомого с её содержанием, была направлена начальником штаба Приамурского военного округа К. Н. Грибским начальнику Азиатской части Главного штаба А. П. Проценко [1, с. 352–353]. В этом документе В. А. Альфтанн констатировал факт экономической зависимости российского Дальнего Востока от Маньчжурии. По данным за 1895 г. из Маньчжурии в Уссурийский край было вывезено товаров на сумму 933 451 руб., большая часть которой – 410 450 руб. (44 %) – приходилась на скот, а 22,1 % (206 809 руб.) – на продукты сельского хозяйства, хлеб, бобы, муку, овёс. Ввоз в Маньчжурию составил 1 868 765 руб. и на 70 % состоял из разных тканей (дрель, бязь, холст, коленкор, ситец, сукно, кумач и

т. д.), т. е. большей частью иностранных товаров, идущих в Маньчжурию транзитом через Уссурийский край (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 430. Л. 30–31)¹. На высокую долю транзитных товаров в российском экспорте в Маньчжурию указывал и Д. М. Позднеев: "Главные предметы ввоза в Маньчжурию из Южно-Уссурийского края даёт транзит товаров через русские владения" [14, с. 569]. Из расположенного в бухте Экспедиции Ханси через Хуньчунскую заставу перевозили в основном мануфактурные изделия американского и европейского производства (тиклос, шертинг, кисею, дрель, дабу, ситцы, шерстяные одеяла, вату, спички, керосин, лампы, соль и пр.). Китайские товары (готовое платье, холст (даба), бумага, обувь, свечи, чашки и пр.), транзит которых в Маньчжурию составлял большую часть ввоза из Южно-Уссурийского края, шли через Владивосток и Полтавскую заставу. Транзитные иностранные товары и русские, в незначительном количестве закупавшиеся во Владивостоке, не продвигались дальше Гирина, в который доставляли лишь сукно, керосин, ситцы и тик в незначительных количествах [14, с. 569–570].

В связи со строительством КВЖД, а также с увеличением численности населения русского Дальнего Востока, торговый оборот Амурской области с Маньчжурией увеличился с 1 млн руб. в 1893–1895 гг. до 2 млн руб. в 1897–1900 гг., а Приморской – с 1,5 до 4 млн руб. [15, с. 85]. Власти рассчитывали использовать Транссибирскую магистраль и КВЖД как её продолжение, как инструмент расширения экспорта товаров, особенно хлопчатобумажных и шерстяных тканей, ранее не выдерживавших конкуренции на китайском рынке ввиду их дороговизны, обусловленной высокими транспортными издержками из Центральной России в Китай [18, с. 140–141].

В 1897–1899 гг. вывоз из Благовещенска в Маньчжурию ограничивался мануфактурными товарами, медными и железными изделиями, пушшиной, предметами роскоши на сумму от 800–900 тыс. до 1 млн руб., кроме шлихового золота, которого ежегодно вывозилось не менее 150 пуд. [7, с. 24; 8, с. 25; 9, с. 21]. С 1897 г. наблюдался рост вывоза товаров из Приморской области (табл. 1). Исключением стал 1898 г., поскольку с этого времени сухопутная торговля осуществлялась только через Хуньчунскую и Полтавскую заставы, а Верхне-Мангугайская была закрыта [9, с. 46]. Лидировали в вывозе в Маньчжурию товары китайского производства (платье, обувь, бумага и т. п.), демонстрируя рост с 40,8 % в 1896 г. до 70,1 % в 1897 г. и 71 % в 1899 г. На втором месте располагались разные ткани (дрель, бязь, холст, коленкор, ситец, сукно, кумач и т. п.), экспорт которых снижался с 35,8 до 11,7 и 11 %. Третье место занимали товары русского и иностранного производства (железо, керосин, спички, мыло, сахар, посуда, вата, бакалейные и галантерейные товары и т.п.), доля которых в общем объёме ввоза в Маньчжурию колебалась от 10,5 до 5,8 и 9 % соответственно [10, с. 21; 11, с. 21; 12, с. 48]. В связи с военными действиями в Маньчжурии Хуньчунская и Полтавская пограничные заставы функционировали лишь в первой половине 1900 г., а затем были закрыты [13, с. 18]. Значительную часть вывоза из России в Маньчжурию всё ещё составляли транзитные товары.

Мероприятия региональных властей по продвижению российских товаров на рынок Маньчжурии

Преобладание в вывозе в Маньчжурию китайских и иностранных товаров вызывало обеспокоенность дальневосточного чиновничества разных рангов. В записке, представленной Приамурскому генерал-губернатору 25 мая 1898 г., Пограничный комиссар Амурской области Б. Л. Громбчевский констатировал "печальное" положение российской торговли с Маньчжурией: "...несмотря на наше мануфактурное превосходство, мы ничего не ввозим в страну, с которой непосредственно граничим на тысячи вёрст, а за всё вывезенное отсюда расплачиваемся ежегодно миллионами наличных денег" (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 7. Д. 56. Л. 59). Этот факт нельзя объяснить только запретом, наложенным маньчжурскими властями на ввоз товаров русскими, так как если бы они пользовались спросом в Маньчжурии, то их вывозом занимались бы китайские фирмы, которые вывозят только золото и в самом незначительном количестве керосин, лампы, стекло и мануфактурные товары. Главные

¹ РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока

Таблица 1. Вывоз в Маньчжурию из Приморской области, 1896–1899 гг. (в руб.)
Table 1. The export to Manchuria from the Primorsky region, 1896–1899 (in rubles)

Вид товара \ Год	1896	1897	1898	1899
Разные ткани	383 882	151 572	122 463	247 991
Товары иностранного и русского производства	140 133	747 09	130 816	205 996
Товары китайского производства	436 950	902 550	405 478	1 569 312
Соль	32 481	62 720	50 061	33 433
Рыба, морская капуста, панты	30 881	50 663	33 074	11 7495
Сырые и выделанные скотские кожи	18 984	41 846	51 632	35 759
Орехи и апельсины	3 683	1 000	2 993	7 304
Мука и разный хлеб	11 135	2 690	3 036	4 028
Скот	–	76	–	–
Масло растительное	12 510	–	–	–
Итого	1 0706 39	1 287 796	799 553	2 221 318

Источник: [12, с. 49].

Source: [12, p. 49].

причины такого положения дел заключаются в дороговизне отечественных товаров и их непригодности к вкусам потребителей, а также в традиционной привычке китайцев к старине, не позволяющей никаких отступлений от установленных обычаями цветов и качества материй. По мнению Б. Л. Громбчевского, с окончанием постройки Транссибирской магистрали правительство примет меры к снижению стоимости доставки грузов, ознакомление же российских промышленников с образцами всех тех китайских и иностранных товаров, которыми в настоящее время удовлетворяет свои потребности местное население, могло бы быть исполнено местной администрацией при содействии лиц, ежегодно командируемых в различные местности Маньчжурии для сбора военно-статистических сведений. Однако составление программы сбора товаров требует близкого знакомства с условиями промышленности в России, поэтому лучше всего могло бы быть осуществлено Департаментом торговли и мануфактур Министерства финансов (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 7. Д. 56. Л. 59–60).

Считая полезным, чтобы российские промышленники имели представление о товарах, имеющих сбыт на маньчжурском рынке, Приамурский генерал-губернатор Н. И. Гродеков отправил в Департамент торговли и мануфактур несколько коллекций их образцов, собранных в разных местностях Маньчжурии. В своём всеподданнейшем отчёте за 1898–1900 гг. он отмечал, что ко времени окончания постройки КВЖД, когда маньчжурский рынок станет доступным для купцов и предпринимателей всего мира, следует хорошо изучить требования китайских потребителей, чтобы иметь возможность успешно конкурировать с другими народами, предложив товары дешёвые, доброкачественные и соответствующие вкусам китайцев [2, с. 138]. С этой целью 11 марта 1900 г. Приамурский генерал-губернатор обратился к чиновнику Министерства иностранных дел в Гирине В. Ф. Любе с просьбой устроить выставку русских товаров в его местопребывании. 28 марта 1900 г. тот ответил, что считает проведение выставки желательным и просил провести её осенью, когда китайцы съезжаются в Гирин с лесом и хлебом, пригоняют скот и заключают торговые сделки (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 7. Д. 56. Л. 2, 3, 36).

6 и 12 апреля 1900 г. Н. И. Гродеков поручил военным губернаторам Амурской и Приморской областей, выделив на необходимые расходы по 300 руб. каждому, под руководством пограничных комиссаров и при возможно более широком участии китайского коммерческого агента собрать в китайских и русских лавках Благовещенска, Владивостока и других населенных пунктов образцы товаров, имеющих распространение среди маньчжур и китайцев, – торговцев, земледельцев и приходящих на летние заработки рабочих, а также предоставить сведения об их ценах и возможном сбыте. Образцы должны были быть доставлены в Хабаровск не позднее 1 июля 1900 г. (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1955. Л. 2; Ф. 702. Оп. 7. Д. 56. Л. 5 об.–6).

Исполнение распоряжения генерал-губернатора было отложено по причине военных осложнений в Китае и Маньчжурии, связанных с восстанием ихэтуаней (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1955. Л. 8 об.). 23 декабря 1900 г. Приамурский генерал-губернатор телеграфировал военному губернатору Амурской области К.Н. Грибскому: два месяца назад войска стали на квартиры в Маньчжурии, между тем ни в Гирине, ни в Цицикаре, ни в других населённых пунктах нет необходимых им товаров – ни свечей, ни сукна, ни полотна. Настоящий момент является наиболее благоприятным для местного купечества, которое сможет сбыть свои товары и вообще распространить русскую торговлю в Маньчжурии, поскольку до сих пор здесь продавались только иностранные товары, хотя теперь и их чрезвычайно мало. Возможно, среди благовещенских купцов найдутся желающие послать для ознакомления с потребностями и с состоянием рынков в Маньчжурии своих представителей? Военный губернатор передал просьбу генерал-губернатора торговым фирмам "Чурин и К°", "Кунст и Альберс", "Небель и К°", "Г. П. Косицын с сыновьями" и "И. Эмери" (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 3. Д. 1013. Л. 1–2).

Однако в это время предприниматели не могли реализовать предложение Н. И. Гродекова о развитии торговли в Маньчжурии. Из-за скопления русских войск в этом районе Китая спрос на товары возрос, а имеющиеся в наличии едва покрывали нужды местного населения. Из-за военных действий и недостатка перевозочных средств (пароходы заимствовали для военных надобностей) торговцы не смогли пополнить свои запасы во время навигации. Провозная плата была настолько высокой (от Благовещенска до Харбина – от 6 до 10 руб. с пуда), что не было смысла опрavlять товары, стоимость которых возросла бы непомерно. Многие недостающие товары, например, сахар, получали сухим путём из Иркутска и Томска с большими накладными расходами (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 3. Д. 1013. Л. 4, 6 об.–7, 9 об., 11). 20 января 1901 г. К. Н. Грибский сообщил Н. И. Гродекову, что "...купцы не признают возможным в настоящее время везти товары в Маньчжурию и посылать разведчиков для ознакомления с состоянием рынков" (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 3. Д. 1013. Л. 12). Только И. Эмери, находившийся в Москве и получивший запрос лишь 16 февраля 1901 г., сообщил военному губернатору, что отправил в Цицикар и другие города Маньчжурии доверенного с разными товарами (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 3. Д. 1013. Л. 10, 14).

22 июня 1901 г. военный губернатор Амурской области К. Н. Грибский, предложивший торговым фирмам г. Благовещенска доставить в канцелярию образцы требуемых для выставки товаров, доложил генерал-губернатору, что местное купечество уклонилось от выполнения этого поручения (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 7. Д. 56. Л. 9). В Приморской области сбор экспонатов был возложен на Пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае Е. Т. Смирнова. Распоряжение генерал-губернатора от 12 апреля 1900 г. он получил только 13 марта 1901 г. Предполагая, что устройство выставки отложено до июля или августа и что она всё-таки состоится, пограничный комиссар вступил в переписку с Начальниками Хабаровского и Южно-Уссурийского округов и с китайским коммерческим агентом во Владивостоке. Кроме того, с разрешения военного губернатора, 20 апреля 1901 г. опубликовал в газете "Новое время" телеграмму с информацией о выставке, поскольку считал, что в таком масштабном предпринятии, как попытка захвата многомиллионного рынка для русской торговли, нельзя обойтись без участия печати, а одной лишь канцелярской перепиской ничего не достигнешь (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 7. Д. 56. Л. 19–19 об.; Ф. 1. Оп. 4. Д. 1955. Л. 9–10). В заметке сообщалось, что в августе в г. Гирине будет устроена выставка русских товаров, на которую

фирмы, фабрики и заводы могут прислать образцы мануфактурных, всех видов галантерейных, кожевенных, металлических, стеклянных, фарфоровых товаров, косметик, вин, красок, кондитерских изделий, консервов и пр. "Нет кажется надобности разъяснять представителям русской промышленности и торговли, всю важность, более того – прямой долг их приобрести маньчжурский и монгольский рынки, наводняемые теперь иностранным браком. Рынки эти сами даются в руки, стоит только русским производителям не складывать этих рук над купонами. За дело следует приняться тотчас же, не пряча его в долгий ящик намерений насчёт будущего", – заключал Е. Т. Смирнов (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 7. Д. 56. Л. 26–26 об.). Также он разослал циркуляр тем фирмам, адреса которых ему были известны, надеясь, что можно будет представить на выставке большую и разнообразную коллекцию товаров, а не образцы того, преимущественно, брака, которые можно собрать на российском Дальнем Востоке (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1955. Л. 9 об.). Статья из "Нового времени" была перепечатана многими газетами и Е. Т. Смирнов начал получать преискуранты, запросы об условиях участия в выставке и даже образцы товаров (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 7. Д. 56. Л. 19 об.). К сожалению, поступившие заявки были сделаны "преимущественно разной мелочью, явными аферистами", за исключением пяти солидных фирм – Товарищества мануфактур Н. Коншина, одного из крупнейших в Российской империи производителя алкогольных напитков – Товарищества "Н. Л. Шустов и сыновья", "Паевого товарищество парфюмерной фабрики провизора А.М. Остроумова", мастерской серебряных изделий И. Кондырева, тульского фабриканта металлических изделий К. Каменева. Однако большинство заявителей не понимали сути дела, считая, что речь идёт об обычной выставке промышленных достижений, с наградами и т. п., поскольку газетная заметка была очень краткой и малоинформативной (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 7. Д. 56. Л. 22 об.–23).

В июне 1901 г. пограничный комиссар приехал во Владивосток, где узнал, что проведение выставки откладывается (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 7. Д. 56. Л. 19–20). 5 июля 1901 г. на запрос относительно её устройства Е. Т. Смирнов сообщил чиновнику по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе А. Н. Грушецкому свои предложения по данному вопросу. Он считал, что провести выставку в текущем году не получится, а выделенной суммы в 300 руб. недостаточно: нельзя посылать лоскутки материй, дешёвые образчики металлических изделий, кож, галантереи и проч., а если всё покупать, да ещё и на месте, то это обойдётся очень дорого. Е. Т. Смирнов предлагал устроить постоянную выставку продолжительностью в несколько месяцев, с распродажей экспонатов, поздней весной или летом 1902 г., однако отмечал, что это потребует привлечения большого количества персонала и длительной переписки с фирмами и фабриками, что было бы возможно, если бы в Маньчжурии действовал российский коммерческий агент или консул. Кроме того, нужно широко рекламировать дело среди торговцев и промышленников в печати, "не местной, конечно, никому на Руси неизвестной, а общерусской": необходимо разослать циркуляр с изложением целей и правил устройства выставки и напечатать выдержки из него в газетах, имеющих доступ в конторы, на фабрики и заводы (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 7. Д. 56. Л. 22 об.). Во Владивостоке китайцы говорили Е. Т. Смирнову, что русские товары по качеству превосходят иностранные, но их цены настолько высоки, что торговать ими не выгодно. Торговля русскими товарами может принести прибыль, только если будут установлены прямые сношения с Одессой, Москвой и Нижним Новгородом, но китайцы не знакомы с Россией, а местный рынок захвачен двумя-тремя фирмами, в последнее время "расценившими русские товары наравне с иностранными, обложенными пошлиною". Отечественные коммерсанты почти совсем не знают Маньчжурию и вообще Китай, поэтому на выставку образцов русских товаров нужно смотреть только как на предварительную рекламу, а для широкой и действительно полезной постановки дела необходимо параллельно организовать сбор образцов китайских и иностранных товаров, чтобы впоследствии устроить их выставку в Москве. Такой приём значительно ускорит дело торгового сближения, иначе китайские купцы посмотрят образцы, но заказов не сделают, а российские предприниматели не будут рисковать своими капиталами в совершенно неизвестной им стране. Кроме того, нужно учесть, что на рынке Маньчжурии Россия столкнётся

с противодействием со стороны западных держав, китайского правительства и местного маньчжурского чиновничества. Необходимо также обратить внимание на неопределённость положения России в Маньчжурии, которая будет продолжаться до заключения нового торгового договора с Китаем. Русско-китайская торговля всё ещё регулируется Пекинским и Санкт-Петербургским договорами, давно уже вышедшими из практики жизни. Так, китайский коммерческий агент Ли Тяао, изъявив согласие оказать помощь Е. Т. Смирнову, указал ему, что Гирин и вообще большая часть Маньчжурии не открыты для иностранной торговли. На это можно возразить, что, во-первых, согласно русско-китайским договорам России принадлежит право плавания и торговли по р. Сунгари, на которой расположен г. Гирин, и российские пароходы уже давно беспрепятственно ходят по рекам Сунгарийского бассейна, а с 1896 г. пользуются пособием от казны за рейсы, совершаемые до Бодуна, Цицикара и Гирина; во-вторых, устройство выставки, даже с продажей экспонатов, нельзя считать торговлей, а лишь средством ознакомления местного населения с товарами российского производства, которые оно может затем приобретать или выписывать само из России, как оно это делает по отношению к изделиям других государств (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 7. Д. 56. Л. 13 об. –14, 20 об. –22).

Инициатива местных властей встретила высочайшую поддержку. Император, рассмотрев всеподданнейший отчёт Приамурского генерал-губернатора за 1898–1900 гг., в части указания на слабое развитие торговли с Маньчжурией, наложил следующую резолюцию: "Весьма желательно распространять русские изделия в этом крае" (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 304. Л. 126). По поручению императора 26 июня 1901 г. этот отчёт был рассмотрен в Комитете Министров, где Министр финансов сообщил, что, в целях развития торговых сношений между Россией и Маньчжурией, приняты следующие меры: на основании изданных в 1900 г. правил к вывозу из Европейской России в Маньчжурию транзитом через Приморскую область, с освобождением от оплаты акцизом, допускаются все подлежащие акцизу предметы, за исключением спирта, вин и изделий из них, а также разрешён вывоз хлопчатобумажных изделий отечественного производства с возвратом пошлин. Некоторые московские фирмы, рассчитывая наладить сбыт русских товаров в Маньчжурию, приступили к предварительным переговорам с имеющим свои отделения в разных её центрах Русско-Китайским банком (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 304. Л. 126–126 об.; Оп. 7. Д. 56. Л. 33–33 об.).

26 июля 1901 г. о намерении русского правительства в августе текущего года устроить выставку русских товаров в Гирине упоминалось и в статье о положении дел в Маньчжурии, опубликованной в издававшейся в Шанхае газете "Der Ostasiatische Lloyd". "Приведёт ли этот шаг к тому, что маньчжурский рынок будет завоёван русской промышленностью, которая до настоящего времени не в состоянии конкурировать с иностранной даже в пределах своей собственной Приморской области, покажет будущее. Если мы имеем дело с серьёзно задуманным мероприятием, а не с попыткой только пустить пыли в глаза всего мира, то мера эта, конечно, заслуживает особого внимания других держав, так как она даст возможность судить в каком направлении будет происходить дальнейшее развитие русской политики в Маньчжурии", – заключал автор статьи (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 7. Д. 56. Л. 27–27 об.). Н. И. Гродеков не оставлял попыток реализовать свою идею, полагая, что именно теперь, когда влияние России в Маньчжурии упрочено, настало время укрепить и экономические связи с ней, а устройство постоянных выставок русских товаров в главных центрах Маньчжурии является "лучшим средством к распространению произведений русской промышленности на маньчжурском рынке, пользующимся европейскими, американскими и японскими изделиями". Тем не менее, ресурсов местной администрации было явно недостаточно: вопрос об устройстве выставки оставался открытым. Приамурский генерал-губернатор выразил убеждение, что для осуществления этого проекта желательно, чтобы руководство им взял на себя чиновник Министерства иностранных дел в Гирине В. Ф. Люба. Последний же считал, что остаётся предоставить разрешение этого вопроса лично Министру финансов. 5 декабря 1901 г. В. Ф. Люба в письме на имя Директора Первого Департамента Министерства иностранных дел сообщил, что, ознакомившись с состоянием русской торговли в Восточной Монголии и в Маньчжурии, пессимистически относится к подобной выставке

как к средству привлечения на рынок Маньчжурии лучших отечественных фирм, "непредприимчивых и боязливо-экономных на каждом новом деле", а, приглядевшись к русской торговле во Владивостоке, Хабаровске и других центрах Приамурского края, опасался, что выставка, составленная только из владивостокских и благовещенских образцов, может произвести на китайцев отрицательное впечатление, указав им на бедность отечественного производства и чрезмерно высокие цены, которыми отличаются местные монополисты. Тем не менее, попытку заинтересовать население Маньчжурии лучшими и недорогими русскими товарами и вытеснить с маньчжурского рынка тот европейский брак, которым снабжают его английские и китайские фирмы в Инкоу, сделать необходимо, но в выставке должны принять участие преимущественно фирмы, фабрики и заводы Европейской России. Руководствуясь этими соображениями, В. Ф. Люба обратился к комиссару финансовой части в Порт-Артуре И. Н. Протасьеву, который обещал содействовать привлечению русских фирм на выставку, на которой с наибольшим успехом могли бы экспонироваться железо, железные и медные изделия (главным образом, рабочие инструменты), скобяной товар, сукна, плисы, ситцы, кожа, кожевенные изделия, мыло, спички, стеариновые свечи, керосин, стеклянные изделия и бумага дешевых сортов. Также В. Ф. Люба просил И. Н. Протасьева поддержать перед Министерством финансов его представление об оказании материальной поддержки этого предприятия, в том числе по оплате услуг переводчиков и служащих для подготовки экспонатов, в размере 3–4 тыс. руб. (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 7. Д. 56. Л. 12–13, 35–37).

Согласно предписанию Первого Департамента Министерства иностранных дел В. Ф. Любе от 14 марта 1902 г., содержание его донесения было своевременно сообщено на благоусмотрение Министерства финансов. Министр финансов С. Ю. Витте уведомил Министерство иностранных дел, что проект представляется заслуживающим полного внимания, а Министерством финансов уже сделано сношение с правлением КВЖД, председателями московского отделения Совета торговли и мануфактур в Иваново-Вознесенске, Киеве, Лодзи и Нижнем Новгороде об оказании с их стороны содействия к тому, чтобы в выставке приняли участие возможно большее число русских фирм (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 7. Д. 56. Л. 44).

Во всеподданнейшем отчёте за 1901 и 1902 гг. Н. И. Гродеков указывал: торговля России в Маньчжурии всё ещё развивается довольно слабо, преимущественно в полосе отчуждения железной дороги и местах расположения российских войск, удовлетворяя потребности живущих в Маньчжурии русских. При изучении проблемы на месте выяснилось, что выставку нужно устраивать не в Гирине, а на линии железной дороги, в г. Куанченцзы, и организовать её на более широких началах, с участием главных русских фирм из центральных промышленных районов и назначением для заведывания выставкой специального сведущего лица от Министерства финансов. Окончательное разрешение вопроса о выставке всё ещё находилось на рассмотрении министра финансов [3, с. 61–62]. В итоге, несмотря на благожелательное отношение и поддержку, хотя и не финансовую, министерства финансов, организовать проведение выставки российских товаров в Гирине не удалось.

Хотя российские коммерсанты не проявили сильной заинтересованности в маньчжурском рынке, отдельные попытки наладить экспорт российских товаров в Маньчжурию предпринимались китайцами. Так, в январе 1903 г. для личного ознакомления с российской промышленностью и заказа московским фирмам наиболее распространённых среди китайцев бумажных материй, образцы которых он вёз с собой, а также закупки на месте русского керосина, свеч, сахара и др. в Москву и Баку отправился Сунь-си-у – представитель и главный доверенный одной из самых крупных банкирских фирм в Гирине "Дэ-чань-юань". Для организации дела, имеющего целью выпустить на рынки как Маньчжурии, так и внутреннего Китая товары русского производства вместо доставлявшихся через Инкоу американских, Сунь-си-у планировал затратить до 1,5 млн руб., причём 500 тыс. вкладывал из средств фирмы, а на остальную сумму просил ссуду у Русско-Китайского банка. "Поездка знающего вкусы и потребности населения своей страны и располагающего громадными средствами и кредитом китайца-финансиста, обещает открыть, без всяких усилий с нашей стороны, китайские рынки русскому производству,

при том условии, конечно, что наши фирмы окажутся на этот раз на высоте предъявляемого к ним требования: вытеснить американские товары с китайских рынков, хотя бы только в Маньчжурии", – 12 декабря 1902 г. сообщил Приамурскому генерал-губернатору В. Ф. Люба (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 7. Д. 56. Л. 56–57).

В июле 1903 г. Сунь-си-У вернулся из своей поездки в Россию, однако переговоры относительно вывоза двух наиболее интересовавших его российских товаров – керосина и бязей – оказались неудачными. Вывоз керосина в ящиках морем через Порт-Артур показался Сунь-си-у невыгодным. Российские бязи по качеству превосходили английские, но по цене проигрывали им: стоимость хлопка, идущего в Россию, главным образом, из Америки, значительно удорожала производство, и стоимость товара на месте была выше, чем его оптовая цена в Маньчжурии. Значительным тормозом в развитии торговли был и рост курса русского кредитного рубля, являвшегося предметом спекуляции китайских банковских фирм. Покупка товара в России при высоком курсе рубля в Маньчжурии была невыгодна для китайцев, так как значительно удорожала товары при их продаже на китайские деньги. Сунь-си-У сделал в России пробные заказы на наиболее перспективные с его точки зрения товары российского производства – сахар, стеариновые свечи, стекло, некоторые шерстяные (сукно, кашемир, фланель) и хлопчатобумажные (бумазея, плис, полубархат, одеяла и пр.) изделия – на сумму более 130 тыс. руб. и вновь собирался посетить Санкт-Петербург, Москву, Баку, Батум, Варшаву и Лодзь, рассчитывая также сделать заказ и на керосин, получив от фирмы Ротшильда в Баку более выгодные предложения, чем в первую свою поездку от Нобеля и Шибаева. Российским фирмам он намеревался предложить образцы маньчжурской пеньки и китайского шёлка-сырца, а также оставить на жительство в Москве двух своих агентов-китайцев, чтобы установить постоянные сношения с Россией (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 7. Д. 56. Л. 67–68 об.).

Заключение

Итак, на рубеже XIX–XX вв. Россия имела пассивное сальдо в торговле с Китаем, однако с началом строительства КВЖД возникли перспективы изменения текущего дисбаланса, появилась возможность нарастить объёмы ввоза товаров российского производства в Маньчжурию. С целью поддержать развитие российского экспорта Приамурский генерал-губернатор Н. И. Гродеков выступил с инициативой проведения выставки отечественных товаров в Гирине, однако реализовать её не удалось: местное купечество отнеслось к этому проекту крайне пассивно, а привлечь к участию промышленников Европейской России не смогли. С. Ю. Витте выразил полную поддержку этой идеи, однако финансирования она не получила. Очевидно, причины слабого развития российского экспорта в Китай крылись не только в нежелании отечественных предпринимателей адаптировать свою продукцию к требованиям китайцев и рисковать своими капиталами на далёком и неизвестном для них рынке, но и в высокой себестоимости их товаров.

Литература / References

1. Авилов Р. С. Русская армия на Дальнем Востоке в военной политике Российской империи (1865–1904 гг.). Дис. ... докт. ист. наук. Владивосток, 2023. 649 с.
Avilov R. S. The Russian Army in the Far East in the military policy of the Russian Empire (1865–1904). Dissertation ... doctor of historical sciences. Vladivostok, 2023. 649 p. (In Russ.)
2. Всеподданнейший отчёт Приамурского генерал-губернатора генерала от инфантерии Гродекова. 1898–1900 гг. Хабаровск: Тип. Канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1901. 148 с.
The Most Humble Report of the Amur Governor-general, General of Infantry Grodekov. 1898–1900 years. Khabarovsk: Printing house of the Chancellery of the Amur Governor-general, 1901. 148 p. (In Russ.)
3. Всеподданнейший отчёт Приамурского генерал-губернатора генерала от инфантерии Гродекова. 1901 и 1902 годы. Хабаровск: Тип. Канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1902. 69 с.
The Most Humble Report of the Amur Governor-general, General of Infantry Grodekov. 1901 and 1902 years. Khabarovsk: Printing house of the Chancellery of the Amur Governor-general, 1902. 69 p. (In Russ.)

4. Гейштор И. Э. Торговля России на Дальнем Востоке. СПб.: Лештуковская паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1903. 27 с.
Geishtor I. E. Trade of Russia in the Far East. St. Petersburg: Leshtukovskaya steam speed printing of P.O. Yablonsky, 1903. 27 p. (In Russ.)
5. Лукоянов И. В. "Не отстать от держав..." Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб.: Нестор-История, 2008. 668 с.
Lukoyanov I. V. "Keep up with the powers..." Russia in the Far East in the late 19th – early 20th centuries. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2008. 668 p. (In Russ.)
6. Меньшиков П. К русско-китайскому договору // Вестник Азии. 1911. № 8. С. 1–43.
Menshikov P. On the Russian-Chinese treaty // Herald of Asia, 1911. No. 8. P. 1–43. (In Russ.)
7. Обзор Амурской области за 1897 г. Благовещенск: Тип. Канцелярии Военного губернатора Амурской области, 1899. 44 с.
Review of the Amur Region for 1897. Blagoveshchensk: Printing house of the Chancellery of the Military governor of Amur region, 1899. 44 p. (In Russ.)
8. Обзор Амурской области за 1898 г. Благовещенск: Тип. Канцелярии Военного губернатора Амурской области, 1899. 48 с.
Review of the Amur Region for 1898. Blagoveshchensk: Printing house of the Chancellery of the Military governor of Amur region, 1899. 48 p. (In Russ.)
9. Обзор Амурской области за 1899 г. Благовещенск: Тип. т-ва Д. О. Мокин и Ко, 1900. 45 с.
Review of the Amur Region for 1899. Blagoveshchensk: Printing house D. O. Mokin and Co., 1900. 45 p. (In Russ.)
10. Обзор Приморской области за 1896 г. Владивосток: Тип. Примор. обл. правления, 1897. 45 с.
Review of the Primorsky Region for 1896. Vladivostok: Printing house of the Primorsky regional government, 1897. 45 p. (In Russ.)
11. Обзор Приморской области за 1897 г. Владивосток: Тип. Примор. обл. правления, 1899. 45 с.
Review of the Primorsky Region for 1897. Vladivostok: Printing house of the Primorsky regional government, 1899. 45 p. (In Russ.)
12. Обзор Приморской области за 1899 г. Владивосток: Тип. Примор. обл. правления, 1901. 96 с.
Review of the Primorsky Region for 1899. Vladivostok: Printing house of the Primorsky regional government, 1901. 96 p. (In Russ.)
13. Обзор Приморской области за 1900 г. Владивосток: Тип. Примор. обл. правления, 1902. 47 с.
Review of the Primorsky Region for 1900. Vladivostok: Printing house of the Primorsky regional government, 1902. 47 p. (In Russ.)
14. Описание Маньчжурии / под ред. Д. Позднеева. Т. 1, СПб.: Тип. Ю. Н. Эрлих, 1897. 620 с.
Description of Manchuria / ed. by D. Pozdneev. Vol. 1, St. Petersburg: Printing house of Yu.N. Erlich, 1897. 620 p. (In Russ.)
15. Романова Г. Н. Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке. XIX – начало XX в. М.: Наука, 1987. 167 с.
Romanova G. N. Economic relations between Russia and China in the Far East. XIX – the beginning of the XX century. M.: Nauka, 1987. 167 p. (In Russ.)
16. Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М.: Наука, 1974. 439 с.
Sladkovsky M. I. History of trade and economic relations between the peoples of Russia and China (before 1917). M.: Nauka, 1974. 439 p. (In Russ.)
17. Хамзин И. Р. К вопросу о торговле российской текстильной продукцией в Китае во второй половине XIX – начале XX вв. // Восток (Oriens). 2021. № 6. С. 179–190.
<https://doi.org/10.31857/S086919080017641-2>.
Hamzin I. R. On the issue of Russian textile products trade in China in the second half of the 19th – early 20th centuries // East (Oriens). 2021. No. 6. P. 179–190.
<https://doi.org/10.31857/S086919080017641-2>. (In Russ.)
18. Хамзин И. Р., Ганиев Р. Т., Кочнев А. В. Конструируя фронтир: русско-китайская торговля как фактор модернизации Дальнего Востока на рубеже XIX – XX вв. // Журнал Фронтирных Исследований. 2023. № 4 (32). С. 133–152. <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i4.491>.
Hamzin I. R., Ganiev R. T., Kochnev A. V. Constructing the frontier: Russian Chinese trade as a factor in the modernization of the Far East at the turn of the 19th and 20th centuries // Journal of Frontier Studies. 2023. No. 4 (32). P. 133–152. <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i4.491>. (In Russ.)
19. Штейнфельд Н. Русская торговля в Маньчжурии в характеристике местного купечества // Вестник Азии. 1910. № 3. С. 128–157.
Shteinfeld N. Russian trade in Manchuria in characteristic of local merchants // Herald of Asia. 1910. No. 3. P. 128–157. (In Russ.)

Информация об авторе

Ольга Александровна Устюгова, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Отдела истории Дальнего Востока России Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: ustyugova75@mail.ru

Information about the author

Olga A. Ustyugova, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: ustyugova75@mail.ru

Поступила в редакцию 20.10.2024

Received 20.10.2024

Одобрена после рецензирования 09.11.2025

Approved 09.11.2025

Принята к публикации 27.11.2025

Accepted 27.11.2025

Правовая культура и институциональная среда российской диаспоры в Маньчжурии (1896–1950-е гг.)

Андрей Викторович Друзяка

Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск, Россия, druzyaka12@mail.ru

Аннотация. В статье представлена краткая характеристика российской правовой культуры, сложившейся в процессе адаптации российской диаспоры в Маньчжурии, и её роль в формировании особой институциональной среды, способствовавшей социально-экономическому развитию региона. Рассмотрены основные черты действовавшей в полосе отчуждения КВЖД институциональной правоохранительной и правозащитной системы, этапы её деятельности и трансформации, отношение к ней российской диаспоры, местных властей и населения.

Ключевые слова: Маньчжурия, КВЖД, Харбин, диаспора, правовая культура, юрисдикция, общественно-правовые институты, органы юстиции, институциональное пространство

Работа выполнена при поддержке внутреннего гранта БГПУ "Исследование регионального гуманитарного сотрудничества России и сопредельных государств (КНР, КНДР)".

Для цитирования: Друзяка А. В. Правовая культура и институциональная среда российской диаспоры в Маньчжурии (1896–1950-е гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 4. С. 65–76.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/65-76>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/65-76>

Legal culture and institutional environment of the Russian diaspora in Manchuria (1896–1950s)

Andrey V. Druzyaka

Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia, druzyaka12@mail.ru

Abstract. The article presents a brief description of the Russian legal culture that developed in the process of adaptation of the Russian diaspora in Manchuria and its role in the formation of a special institutional environment that contributed to the socio-economic development of the region. The main features of the institutional law enforcement and human rights system operating in the alienation zone of the CER, the stages of its activity and transformation, the attitude of the Russian diaspora, local authorities and the population towards it are considered.

Key words: Manchuria, CER, Harbin, diaspora, legal culture, jurisdiction, public and legal institutions, justice authorities, institutional space

The research was carried out with the support of an internal grant from BSPU, "A Study of Regional Humanitarian Cooperation between Russia and Neighboring States (the PRC and the DPRK)".

For citation: Druzyaka A. V. Legal culture and institutional environment of the Russian diaspora in Manchuria (1896–1950s) // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 4. P. 65–76.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/65-76>

Опыт "жизнестроительства" российской диаспоры в северо-восточной Азии является важной частью общемировой и национальной истории, а исследование этапов развития правовой культуры российской общины в Маньчжурии имеет научную и практическую значимость для истории взаимоотношений России и Китая, способствует пониманию особенностей взаимного восприятия наших народов. Научная актуальность темы дополняется необходимостью изучения влияния правовой культуры на культурную идентичность российского населения и на быт диаспоры, вынужденной быстро адаптироваться под воздействием кардинальных перемен юрисдикций, происходивших в исследуемый период.

В многообразии терминологических определений понятия "правовая культура" одновременно характеризуется и как особая форма индивидуального и коллективного сознания, и как совокупность соответствующих навыков и процедур, и как конкретная система правоохранительных и правозащитных органов, правовых норм, форм и институтов. При исследовании правовой культуры определённого социума (как устойчивой общности людей, характеризующейся единством условий жизнедеятельности и общностью культуры), важное значение имеют ключевые критерии в виде наличия функционирующей и насыщенной институциональной среды, представленной общественно-правовыми институтами, правоохранительными органами и органами правосудия, востребованность правовых процедур, отношение населения к

деятельности правоохранительных и судебных органов, восприятие и поддержка правовых институтов обществом.

Институциональная среда в самом общем виде представляет собой совокупность общепринятых организаций, правил, норм и санкций, определяющих рамки взаимодействия между людьми в политической, экономической и социально-гуманитарной сферах. Формальные нормы представлены законодательными и властно-распорядительными актами, а неформальные – сложившимися в обществе обычаями, традициями и привычками, поддержанными большинством социума.

При исследовании развития правовой культуры в связи с изменениями, происходившими в жизни российской диаспоры в Маньчжурии, возможен междисциплинарный подход, основанный на методах и подходах региональной и институциональной истории, истории права, социальной психологии, с использованием понятийного анализа, историко-хронологического и историко-системного методов.

В работах, посвящённых процессу формирования системы российских административных и правовых органов в полосе отчуждения КВЖД и в Харбине, представленных в отечественной историографии, достаточно глубоко исследованы трудности осуществления российской юрисдикции в Маньчжурии. В фундаментальном труде "Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. 1896–1923" Е. Х. Нилус одним из первых в отечественной историографии описал условия, связанные с учреждением российских органов правосудия, деятельностью в Маньчжурии Пограничного окружного суда и его упразднением. Как очевидец и современник событий, он достаточно точно охарактеризовал настроения, имевшие место в общественном сознании диаспоры и дал оценку политическим ошибкам, допущенным при учреждении российских судебных органов в полосе отчуждения дороги [13].

Наиболее ценными для понимания особенностей менталитета и общественных настроений российской диаспоры являются работы русских харбинцев Г. В. Мелихова, Е. П. Таскиной и других авторов, описывающих явления и события её жизни "изнутри", с точки зрения личного восприятия [16; 26]. В публикациях Н. Н. Аблажей, Н. Е. Абловой, В. Г. Дацышена, С. В. Смирнова, А. А. Хисамутдинова и других авторов исследованы различные исторические события и явления, формировавшие институциональную среду российской диаспоры, выделены причины, условия, этапы и аспекты различных социальных и политических процессов, происходивших в её среде [1; 2; 10; 12; 24]. В работах большинства современных исследователей "русский" Харбин предстаёт как уникальный, "полифоничный", открытый мультикультурный социум, сформировавшийся под воздействием разнообразных влияний, однако при этом сохранивший свои глубокие национальные корни, традиции и национально-культурную идентичность [12; 14].

В работах, посвящённых формированию российской системы административно-властных органов в Маньчжурии, достаточно внимание уделено становлению правоохранительных структур. В публикациях В. П. Казанцева, Я. Л. Салогуб, Ф. А. Попова, С. В. Чечелева рассмотрены условия, трудности и особенности создания и функционирования органов российской юстиции в Маньчжурии [18; 21; 22; 23; 30]. Деятельность эмигрантских организаций и объединений в условиях японской оккупации, их место в правовом пространстве Маньчжурии, рассмотрены в работах Е. Е. Аурилене, М. В. Кротовой, И. В. Потаповой [3; 4].

Исходя из того, что событийная часть истории русской диаспоры в Маньчжурии достаточно глубоко, подробно и всесторонне описана, современные исследователи концентрируются как на обобщении и интерпретации фактов, процессов, биографий, наиболее значимых явлений социально-экономической и культурной жизни и их специфики, так и на детальном анализе отдельных персоналий и общественных институтов.

Внимание исследователей привлекают политические, административно-властные и правовые условия формирования российской диаспоры, режимы гражданства и подданства её представителей, особенности изменения правового статуса россиян в Маньчжурии в период 1917–1930-х гг. В соответствии с этими условиями формировались жизненные стратегии и адаптационные практики русских иммигрантов, обусловленные необходимостью выбора либо

репатриации в СССР, либо проживания в Маньчжурии и реэмиграции в третьи страны [1; 5; 15; 24; 29].

Публикации, посвященные развитию правовой науки и образования в рамках Юридического факультета в Харбине, сформировали отдельное направление научных исследований. Работавшие на факультете выдающиеся русские учёные-правоведы Н. В. Устрялов, Н. И. Никифоров, В. А. Рязановский, Г. К. Гинс, М. П. Головачёв и их научно-образовательная и просветительская деятельность сыграли особую роль в формировании правовой культуры в Маньчжурии, в подготовке местных квалифицированных кадров, в развитии русской научной школы юриспруденции [28; 31]. Вместе с тем, в терминологическую трактовку и в общую коннотацию понятия "русский юрист" зачастую не включены юристы-практики, служившие в Маньчжурии при различных юрисдикциях, то есть профессиональные правоприменители, сотрудники судебных, правоохранительных и правозащитных органов.

История отдельных общественно-правовых институтов и органов юстиции привлекает внимание исследователей, однако число публикаций по этой теме по-прежнему остаётся минимальным. Необходимо отметить, что значение российской правовой культуры в формировании в Маньчжурии особого институционального пространства, позволившего создать достаточно устойчивую социальную общность в лице российской диаспоры, остаётся актуальным и недостаточно изученным.

В жизни русской диаспоры в Маньчжурии важное значение имела правоохранительная деятельность полиции, юрисконсультов КВЖД; особую роль в обеспечении законности и правопорядка играли учреждения юстиции в лице Порт-Артурского и Пограничного судов, органы мирового суда, судебных приставов, адвокатуры, нотариата. Источниками исследования их деятельности являются опубликованные официальные документы [8; 19; 20], справочные издания, адресные книжки [6; 7], документальные фонды центральных и региональных архивов, отдельные документы из частных коллекций и ведомственных архивов России и КНР.

Среди них фонд министерства юстиции Российской империи (РГИА. Ф. 1337)¹, фонд Китайской Восточной железной дороги (РГИА. Ф. 323), Бюро российской эмиграции в Маньчжурии (БРЭМ), в котором отложились личные дела эмигрантов, среди которых деятели юстиции, профессиональные юристы и правоведы (ГАХК. Ф.Р-830. Оп. 1–3)².

Русская правовая культура ярко отразилась в деятельности многочисленных корпоративных и правозащитных объединений. Так, в фонде Харбинского общества землевладельцев и домовладельцев (г. Харбин, 1927–1944 гг.) содержатся сведения о деятельности юридического отдела, обеспечивавшего правовую защиту и консультирование вначале только российских, а затем и китайских собственников недвижимости (ГАХК. Ф. Р-1126). В имеющемся в ГАИО фонде Иркутской судебной палаты содержатся документы Пограничного окружного суда, позволяющие сделать выводы как о потребности населения Маньчжурии в правовом регулировании, так и о имевшихся трудностях в формировании системы правоохранительных органов (ГАИО. Ф. 246)³.

Общественное мнение и оценка фактов и событий, их интерпретация в настроениях, индивидуальных оценках и коллективных отзывах, отразились в воспоминаниях русских харбинцев, газетных и журнальных материалах, содержащих оценки событий криминальной и судебной хроники, изменения законодательства и решения органов управления. Об общем состоянии правовой культуры, в том числе на уровне массового, обыденного сознания, могут свидетельствовать, например, статьи и заметки в харбинских периодических изданиях, таких как "Гун Бао", "Дальний Восток", "Заря", "Новости жизни", "Харбинский вестник". В духе того времени, наряду с официальной информацией в городских газетах нередко присутствовали различного рода домыслы, слухи и оценочные суждения, ярко отражающие общественные настроения накануне или в период важнейших изменений в жизни эмигрантов.

¹ РГИА – Российский государственный исторический архив

² ГАХК – Государственный архив Хабаровского края

³ ГАИО – Государственный архив Иркутской области

В данной публикации в общем контексте истории русской общины выделены 6 этапов изменений юрисдикций и трансформации общественно-правовых институтов, обеспечивавших безопасность и развитие диаспоры, сделаны выводы о причинах их устойчивости и их воздействии на адаптационные стратегии иммигрантов. Различные периодизации истории русской диаспоры в Маньчжурии прямо связывают этапы её развития с ключевыми политическими событиями, проходившими как в центральных районах России и Китая, так и непосредственно в самой Маньчжурии [24, с. 49–65]. Определяющее влияние на быт, общественные настроения и политические ориентации российской диаспоры, а также на уровень правовой культуры оказывали международная и внутривластная обстановка и смена политических и административно-правовых режимов в Маньчжурии.

1-й этап (1896–1901 гг.) Раздельно-смешанная административно-судебная юрисдикция управления строительства дороги и местных чиновников Маньчжурии. Начальный этап русской правовой культуры в Маньчжурии был ознаменован становлением в полосе отчуждения КВЖД институциональной основы российской правоохранительной системы, складывавшейся в соответствии с международными и двухсторонними договорами и правовыми прецедентами. Насущной необходимостью обустройства правового быта арендованных территорий в Китае стало формирование системы действующих правовых институтов, способной обеспечить их безопасность и развитие. Массовое переселение подданных Российской империи в Маньчжурию, появление и развитие новых станций и городов, развитие здесь новых отраслей экономики требовало не только современного и эффективного дипломатического и военно-политического обеспечения, но и создания особых правовых гарантий, понятных и приемлемых для большинства населения полосы отчуждения КВЖД.

На арендованных в 1896 г. территориях полосы отчуждения КВЖД была образована русская колония-сэттльмент [21, с. 452]. Её правовой режим был основан на договоре концессии и Уставе КВЖД [8, с. 749–757]. Правовой статус иностранцев, в соответствии с Тяньцзиньским договором, был основан на экстерриториальности [20]. Для рассмотрения споров и дел с участием подданных Цинской империи и иностранцев, было создано особое смешанное присутствие из представителей Управления строительства КВЖД и местных цинских чиновников (РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 1253. Л. 120–124).

Характер административно-правового управления Маньчжурией был, прежде всего, обусловлен разностью правовых культур России и Китая той эпохи. В России в исследуемый период уже действовала европеизированная правовая система и активно шло формирование прогрессивных для того времени общественно-правовых институтов, в то время как административно-правовая система цинского Китая всё ещё имела феодальный характер, основанный на произволе местных правителей – амбаней, одновременно выполнявших военно-административные, судебные и карательные функции [9, с. 252–260].

В 1898 г. в арендованной у Цинской империи Русской Квантунской области был официально учреждён Порт-Артурский окружной суд [17, с. 66; 23, с. 59]. Для России это был первый колониальный судебный орган, который хоть и был подведомствен Иркутской судебной палате, но осуществлял юрисдикцию за границами метрополии [30, с. 17]. Местное китайское население по-прежнему оставалось в ведении цинских административно-судебных органов, однако постепенно включалось в действовавшую в России систему налогообложения и правового регулирования [6, с. 768; 17, с. 40–42]. Раздельно-смешанная юрисдикция в Маньчжурии сохранялась вплоть до 1920 г., однако в отношении русских иммигрантов применялись нормы российского законодательства, пока режим экстерриториальности не был отменён властями Китайской республики.

2-й этап (1901–1917 гг.). Русская имперская юрисдикция в Маньчжурии. 20 июля 1901 г., после взятия под контроль русскими войсками в ходе подавления восстания "ихэтуаней", не опубликованным указом Николая II, участки полосы отчуждения КВЖД были включены в ведомство Читинского и Владивостокского окружных судов Иркутской судебной палаты, а с 1902 г. на них была распространена российская юрисдикция (ГАИО. Ф. 246.

Оп. 2. Д. 13. Л. 1–4). Северная Маньчжурия в районе железной дороги в этот период фактически уже представлялась заграничной частью России – "Заамурской губернией", "Жёлторосией", "Счастливой Хорватией", в которой действовали все привычные российский государственные органы и общественно-правовые институты управления – вооруженная пограничная стража, полиция, суд, уголовно-исполнительная система наказаний, городское самоуправление, система общественных и корпоративных объединений, а также система образования, конфессиональные учреждения и культурная среда, воспроизводившие порядок жизни метрополии. Открытый режим границы и трансграничное железнодорожное сообщение, общий рынок ресурсов, труда и капитала формировали общее социальное и экономическое пространство России и Китая в Маньчжурии. Действовавший здесь порядок назначения и ротации государственных служащих и регламенты организации деятельности официальных учреждений фактически не отличались от общероссийских норм и регламентов. В представлении эмигрантов жизнь в Харбине мало отличалась от жизни в любом другом городе в азиатской части России.

После того, как российская экспансия в Корею столкнулась с интересами Японии, противостояние в русско-японской войне закончилось утратой Квантунской области, Порт-Артура и южной ветки КВЖД. 2 февраля 1906 г. именным императорским указом Порт-Артурский суд был упразднён и из состава его членов был учреждён Пограничный окружной суд в составе Иркутской судебной палаты (РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 1253. Л. 12). При этом, как отмечает Е. Нилус, управляющий КВЖД Д. Л. Хорват некоторое время не предоставлял ему помещения, в результате чего состав суда проследовал из Порт-Артура в Читу, затем вернулся в Харбин, где был размещён в здании Управления дороги [13, с. 555].

Период развития российской правовой культуры 1901–1918 гг. был отмечен военно-политическим и административным доминированием Российской империи в северной Маньчжурии. Несмотря на то, что аренда полосы отчуждения КВЖД, в отличие от аренды Квантунской области, первоначально имела частный, коммерческий характер и не имела твёрдой основы в межгосударственном соглашении, здесь было фактически легализовано действие российских правоохранительных органов и системы законодательства, сформировавших институциональную среду русской диаспоры.

3-й этап (1918–1920 гг.). Автономия вне государственной юрисдикции.

Данный период, по нашему мнению, может быть признан одним из уникальных в истории российского права. Пограничный окружной суд в Харбине в эти годы оказался единственным российским органом юстиции, который не только действовал за пределами метрополии, но и функционировал "автономно", вне какой-либо национальной юрисдикции. Российский Минюст был упразднён как орган центральной власти в 1918 г. Иркутская судебная палата со всеми её установлениями и окружными судами, действовавшими от Забайкалья до Владивостока и Харбина, после начала Гражданской войны утратила легитимность, и после вытеснения войск Колчака из Сибири была аннулирована советскими властями 6 февраля 1920 г.

В то же время, период 1917–1920-х гг. в Маньчжурии был отмечен новым всплеском бурной деловой активности, связанным с потоками беженцев и капитала из нестабильной и охваченной войной восточной части России. Харбин стал своего рода региональной деловой и финансовой "гаванью", в которую быстро стекались сибирские и дальневосточные активы и ресурсы. Здесь же нередко принимались решения о переделе собственности, изменении уставного капитала товариществ, включении в их состав новых членов. И городские, и китайские провинциальные, и центральные власти были крайне заинтересованы в сохранении общественной стабильности и обеспечении правопорядка и управляемости происходивших социальных и экономических процессов.

После того как 23 сентября 1920 г. в Китае был отменён правовой режим экстерриториальности иностранцев, решением Чжан Цзолиня от 1 октября 1920 г. Пограничный окружной суд в Харбине был принудительно закрыт. Процедуру закрытия суда Е. Х. Нилус описывал как вооруженный силовой захват [13, с. 565]. Формально данное действие являлось абсолютно

правомочным, и в той же степени логичным и обоснованным, так как устраняло затянувшуюся "автономию" суда и переводило правоприменение из уже не существующего имперского правового поля России в правовое поле Китая.

При этом в общественном сознании Харбина в этот период царила полная неопределённость. Высказывались разноречивые мнения, например, о том, будут ли теперь иностранцы подлежать публичным телесным наказаниям в соответствии с действовавшими нормами китайского уголовно-исполнительного права, в какой форме будет осуществляться правосудие, кто будет обеспечивать законность и порядок в полосе отчуждения КВЖД.

Действие российской юрисдикции в Маньчжурии было прекращено в октябре 1920 г., вместе с тем, отдельные правовые институты и органы юстиции "по инерции" продолжали здесь функционировать на основании российских правовых норм. В частности, к таким институтам можно отнести русский нотариат, действовавший в Харбине на основе российского Положения о нотариальной части 1866 г. вплоть до середины 1940-х гг. [11, с. 123–124].

4-й этап (1920–1932 гг.). Российское правосудие в китайской юрисдикции.

1 октября 1920 г. в соответствии с декретом Президента Китайской республики, в полосе отчуждения КВЖД была установлена юрисдикция окружного суда Особого района восточных провинций Китая (ОРВП), предназначенного для судебной защиты русской диаспоры. Принципиально новые судебные органы отличались подчинённостью китайской судебной палате и Верховному суду в Пекине, при этом без изменения остались границы судебных участков, компетенции судей и органов прокурорского надзора. Несколько изменились процессуальные требования гражданского и уголовного судопроизводства, которые были адаптированы к новым условиям. В частности, в составе судебных установлений появились новые должности китайских "кураторов" – драгоманов.

Ключевые принципы и нормы судопроизводства, правовые институты, гарантии для российских эмигрантов были в целом сохранены в привычном для них виде. Процессуальные нормы и регламенты были изменены в целях установления над ними контроля местных китайских властей, однако правовая база регулирования ключевых правоотношений была оставлена без изменений и со временем лишь дополнялась и усовершенствовалась в процессе интеграции и имплементации различных норм. В юридической практике имели место прецеденты совмещённого применения как дореволюционных российских, так и некоторых советских законов, а также китайского законодательства, локальных правил и регламентов КВЖД, местных обычаев и действующих норм международного права [4, с. 98; 5, с. 63].

Востребованность правовых процедур у населения и организаций в этот период оставалась очень высокой. В частности, высок был запрос на закрепление и защиту прав собственности в сфере земельных, гражданских отношений. В Харбине активно действовали корпоративные, биржевые, коммерческие и промышленные союзы, ассоциации и объединения.

Городское "Общество Землевладельцев и Домовладельцев" в 1921 г. насчитывало до пятисот членов. 23 октября 1925 г. оно получило новое название – "Харбинское Общество Русских и Китайских Землевладельцев и Домовладельцев", и объединяло как русских, так и китайских собственников недвижимости. В 1930 г. количество его членов достигло 1117, а в 1936 г. было рекордным – 1188 человек (ГАХК. Ф. Р-1126. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–9).

Учёт интересов русского населения прослеживается в сохранении русского представительства в Харбинском общественном управлении, в деятельности многочисленных общественных организаций, ассоциаций и объединений. Русские эмигранты, получившие китайское гражданство, имели право служить в китайской полиции и в армии, занимать другие должности в сфере местного и государственного управления [24, с. 55]. Правозащитные функции по-прежнему оставались в ведении коллегии присяжных поверенных – адвокатов, которые были обязаны пройти регистрацию в Минюсте Китайской республики. В Харбине в дополнение к действовавшим нотариальным конторам появились конторы китайских нотариусов. По данным справочных изданий Харбина, в 1925 г. в городе были зарегистрированы в качестве адвокатов 82 русских юриста, 6 входили в состав Президиума комитета присяжных

поверенных ОРВП. Вместе с тем, должности председателя суда и судебной палаты, судей и прокуроров, драгоманов всех учреждений юстиции, в которых работали российские юристы, занимали китайские подданные [7, с. 50–75].

Вплоть до 1932 г. шёл процесс постепенной "китаизации", то есть усиления административно-правового и налогового контроля над жизнью диаспоры, без кардинальных изменений привычных жизненных устоев и институциональной основы. Подогреваемые властями противоречия в общественной жизни Харбина носили ярко выраженный политический характер, основанный на гражданском противостоянии советских "красных" и "белых" эмигрантов.

Отношение местного китайского и маньчжурского населения к русской правовой культуре оставалось нейтральным: китайские граждане, например, активно пользовались нотариальным засвидетельствованием сделок с иностранцами, с пониманием относились к фиксации гражданско-правовых актов, действий и состояний. Вместе с тем, как представляется, в массовом общественном сознании китайского населения присутствовало в целом скептическое отношение к действовавшему праву и правоохранителям, которых, как и других чиновников, необходимо было чтить, но лучше, по возможности, держаться от них подальше. Во многом это отношение определялось различиями в правопонимании и в целом особенностями китайской правовой и культурной доктрины, основанной в основном на неформальных нормах, обычаях и традициях конфуцианской благодетели и справедливости [25, с. 12]. Локальные культурные противоречия между российскими и китайскими жителями Харбина, тесно взаимодействовавшими здесь после 1901 г., не имели характера острого противостояния [10, с. 88–90].

5-й этап (1932–1945 гг.). Японская оккупация и юрисдикция Маньчжоу-Го. Новый этап был ознаменован политическими изменениями 1930-х гг., связанными с японской оккупацией Маньчжурии и созданием марионеточного государства Маньчжоу-Го, столица которого была перенесена в Чанчунь, в связи с чем Харбин утратил своё центральное административное значение. Важнейшим событием, кардинально повлиявшим на положение советской части диаспоры, стала продажа КВЖД Японии в 1935 г. и последовавшая первая массовая репатриация советского населения из Маньчжурии [1, с. 104, 111].

Деятельность судебных органов в Маньчжурии в этот период мало изменилась по сравнению с предыдущим периодом "китаизации". Напротив, в этот период, на наш взгляд, наметилась тенденция возврата к старой, классической русской документальной формалистике и регламентации правовых процедур. Так, в формулировках и в атрибутике юридически значимых нотариальных документов 1920–1930-х гг. – доверенностей, договоров, завещаний, – отмечается подчёркнуто "дореволюционная" российская формальная стилистика и орфография. Примером такого документа может являться доверенность на представительство интересов в суде, выданная в 1928 г. юрисконсульту КВЖД, гражданину СССР В. Б. Разумовскому [РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 691. Л. 46–46 об.].

По всей видимости, это не было продиктовано процессуальными требованиями, а подчёркивало формально-атрибутивную неизбежность правовых основ, потребность в которой проявлялась в правовом сознании российской диаспоры. С другой стороны, это могло являться своеобразной формой протеста против любых "революционных" советских изменений, потравивших в этот период метрополию, и принципиальным стремлением отделить жизнь диаспоры от этих изменений.

Стремление к стабильности проявлялось также и в активной конфессиональной, сословной, политической самоидентификации и самоопределении эмигрантов и их последующем стремлении к консолидации в составе различных общественных структур – политических партий, церковных общин, союзов, обществ, клубов и ассоциаций. Эти процессы отразились в тщательной и глубокой проработке различного рода формальных документов – уставов, программ, обращений, отчётов и деклараций, которые также можно причислить к формальным проявлениям правовой культуры, глубоко укоренившейся в общественном сознании российской диаспоры. Особенно символическими в данном случае являлись персоналии русских юристов и правоведов, а так-

же присущие им профессионально-ролевые статусы: полицейский, адвокат, юрисконсульт, нотариус, воплотившие в себе образы общественной власти и правосудия. Этот феномен ярко проявился на примере русских профессиональных юристов К. Кайдо, М. Второва, А. Саковича, В. Скворцова и других, которые не только являлись судебными деятелями, но и активно участвовали в правозащитной, общественной и благотворительной деятельности.

Прообразом некоего эмигрантского квази-правительства являлось в этот период БРЭМ, отделы которого под контролем японских властей выполняли ряд административно-управленческих функций в отношении бывших русских подданных, не имевших советского гражданства [4].

6-й этап (1945–1950-е гг.). Переход к юрисдикции КНР в Маньчжурии. Он был связан с освобождением от японской оккупации в августе 1945 г. и провозглашением КНР в 1949 г. С августа 1945 по апрель 1946 гг. в Маньчжурии находились советские войска, проводившие операции по разгрому, а затем мероприятия по разоружению японской Квантунской армии.

Как представляется, в этот период в Маньчжурии по-прежнему действовали некоторые правоустанавливающие документы и правовые процедуры предыдущего периода, однако их роль естественным образом уменьшалась под определяющим воздействием на диаспору советского законодательства с одной стороны, и растущей ролью местного права и судопроизводства – с другой.

Подавляющее большинство русского населения Маньчжурии в этот период сочувствовало СССР в его войне с Японией и проявило лояльность новой советской военной администрации. В 1945–1950-х гг. в Харбине действовало "Общество советских граждан", правление которого, кроме прочего, выполняло, как и БРЭМ предыдущего периода, ряд административно-управленческих функций. В 1955–1956-х большинство советских граждан выехали на родину, численный состав диаспоры кардинально сократился. Оставшиеся в Харбине эмигранты определялись в попытках либо адаптироваться к проходившим в КНР изменениям, либо выехать в третьи страны.

После прихода Красной армии диаспора Харбина была подвергнута быстрым и решительным "чисткам" со стороны советских органов госбезопасности и военной контрразведки, действовавших в логике военного времени. Как свидетельствовали в своих воспоминаниях бывшие харбинцы, эмигрировавшие в США – И. Ильин и О. Бакич, ужасающее впечатление сложилось у "патриотически настроенного" населения города от арестов коллаборантов, в числе которых оказались не только все бывшие военнослужащие, члены фашистских организаций и объединений, сотрудники БРЭМ, полиции, судебных органов, но и переводчики с японского языка, некоторые деятели культуры, преподаватели, чиновники и служащие. Усиливало это впечатление безразличное отношение советских властей к личным и гражданским правам эмигрантов, "отсутствие чувства уважения закона, права и свободы личности" [28, с. 89].

Советские спецслужбы и военные администрации хорошо владели информацией о происходившем в Харбине в 1920–1945 гг., а также осознавали тот факт, что в среде эмигрантов было достаточно много откровенных и убежденных идейных противников. Диаспора действительно была подвергнута репрессивным мерам, включавшим осуждение и казнь в 1946 г. шести лидеров фашистской партии и пособников японцев, а также арест и принудительную депортацию в СССР неустановленного количества эмигрантов (по некоторым данным, до 10 тыс. человек), задержанных в полосе отчуждения КВЖД в ходе фильтрационных мероприятий органами НКВД, армейскими и флотскими ОКР "СМЕРШ".

Столкновение бытовавших в то время в общественном сознании Харбина представлений о "праве и справедливости" с советскими реалиями послевоенного периода действительно было шокирующим для многих обывателей, однако далеко не новым в истории диаспоры. Достаточно вспомнить, например, события 1928–1929 и 1935–1937 гг., связанные с провокациями, массовыми арестами и вытеснением советских служащих КВЖД. В логике гражданского противостояния маятник репрессий не падал обе стороны.

В 1945–1946 гг. русская диаспора в Маньчжурии вновь была расколота извне и поляризована по политическому принципу, подвергнута внешней

сепарации и фактически прекратила своё существование к концу 1950-х гг. И для советских, и для новых китайских властей того времени, одинаково боровшихся за социально-политическую монолитность, "полифоническая" и мультикультурная харбинская диаспора представляла собой чужеродное и опасное социальное явление.

Ключевая роль в обеспечении особых условий возникновения и развития русской общины в Харбине принадлежит строительству КВЖД и связанной с ней экономической инфраструктуре, обеспечивавшей развитие Харбина и полосы отчуждения КВЖД как особого паназиатского мультикультурного пространства. Для его устойчивого развития потребовалась система социального и правового регулирования, развивавшегося на основе российских классических административно-правовых и общественных институтов. В различные периоды менялись внешняя юрисдикция и военно-политическое руководство Маньчжурии, однако оставались фактически неизменными та самая "совокупность правил, норм и санкций", которая характеризуется как институциональная среда, обеспечивающая устойчивость социума.

На протяжении всех периодов истории русской общины в Маньчжурии российская правовая культура здесь развивалась с определённой последовательностью и преемственностью, обеспечивавшей устойчивый и компромиссный характер деятельности основных правовых институтов, поддерживаемых обществом и властями. Быстрая и кардинальная смена национальных юрисдикций и политических режимов, принимавших разнообразные властно-распорядительные акты, фактически не затрагивала ключевые сферы правового регулирования и позволяла сохранить основы правовой культуры, привычной для русской части населения Харбина.

По нашему мнению, устойчивость общественно-правовых институтов, действовавших в Маньчжурии в период 1920–1945 гг., определяли следующие факторы:

- компромиссный характер изменений, предполагавший учёт интересов как российской и китайской сторон, так и жителей других стран, проживавших в полосе отчуждения КВЖД;
- преемственность правовых режимов;
- востребованность профессиональных кадров юристов;
- синтез различных правовых практик с вариантами нормативной эклектики;
- сочетание принципов классического правосудия и административно-командных рычагов оперативного управления.

По мнению некоторых иностранных авторов, национальная правовая культура в России традиционно сложилась как "городская" и "не востребованная большинством населения" [26, с. 315]. Опыт русской общины в Харбине, напротив, свидетельствует о приоритетной ценности общественно-правовых институтов в её жизни. Привнесённые из метрополии централизованная система законодательства, правосудия и правоприменения могут рассматриваться в числе необходимых, широко востребованных и поддерживаемых общественных институтов, сформировавших основы правовой культуры русской диаспоры.

Меняющемуся административному и военно-политическому руководству Маньчжурии в различные периоды приходилось учитывать то, что для выживания российской диаспоры, обеспечивающей работу КВЖД и связанной экономической инфраструктуры Северной Маньчжурии, необходимо сохранение социальной стабильности, основанной на привычном и понятном правосознании, правопорядке и правовой культуре.

В результате российская диаспора в Маньчжурии сформировала устойчивую общность, не только сумевшую принять и обустроить в годы русско-японской, а затем в годы гражданской войны в России большую часть беженцев и вынужденных переселенцев, но и обеспечить им базовые правовые гарантии. Это стало возможным благодаря наличию правового пространства, отличавшегося высокой плотностью социальных и культурных институций – школ, вузов, научных учреждений, конфессиональных, общественных и благотворительных организаций, создавших основу для межнационального социально-правового компромисса и позволившего ей не только адаптироваться, выжить и сохранить основы национально-культурной идентичности,

но и внести весомый вклад в развитие межгосударственных связей и межкультурного диалога России и Китая.

Литература / References

1. Аблажей Н. Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. 300 с.
Ablazhey N. N. From East to East: Russian Emigration in China. Novosibirsk: Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2007. 300 p. (In Russ.)
2. Аблова Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М.: НП ИД "Русская панорама", 2004. 432 с. URL: https://archive.org/details/2004_20240502 (дата обращения: 02.02.2025)
Ablova N. E. CER and Russian Emigration in China: International and Political Aspects of History (First Half of the 20th Century). Moscow: NP ID "Russkaya Panorama", 2004. 432 p. URL: https://archive.org/details/2004_20240502 (accessed 02.02. 2025) (In Russ.)
3. Аурилене Е. Е., Кротова М. В. Тайная жизнь русского Харбина: Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ) против Генконсульства СССР (1934–1945) // Клио. 2019. № 10 (154). С. 38–44.
Aurilene E. E., Krotova M. V. The Secret Life of Russian Harbin: The Bureau for Russian Emigrants in the Manchurian Empire (BREM) versus the USSR Consulate General (1934–1945) // Klio. 2019. No. 10 (154). P. 38–44. (In Russ.)
4. Аурилене Е. Е., Потапова И. В. Русские в Маньчжоу-Ди-Го: "эмигрантское правительство": Монография. Хабаровск, 2004. 128 с.
Aurilene E. E., Potapova I. V. Russians in Manchukuo: "Emigrant Government": Monograph. Khabarovsk, 2004. 128 p. (In Russ.)
5. Бакулина А. А. К вопросу о государственном регулировании положения российских эмигрантов в Маньчжурии (1918–1945 гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 1. С. 60–67.
Bakulina A. A. On the Issue of State Regulation of the Situation of Russian Emigrants in Manchuria (1918–1945) // Oikumena. Regional Researches. 2011. No. 1. P. 60–67. (In Russ.)
6. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь: В 68 т. Т. 35, 832 стб., [24] л. ил., портр., цв. карты: ил., карты, портр., табл./ Под ред. И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского. Репринтное издание. М.: "Терра", 1991. 897 с.
Brockhaus F. A., Efron I. A. Encyclopedic Dictionary: In 68 vol. Vol. 35, 832 columns, [24] p. ill., port., color. maps: ill., maps, port., table. / Ed. by I. E. Andreevsky, K. K. Arsenyev, F. F. Petrushevsky. Reprint edition. Moscow: "Terra", 1991. 897 p. (In Russ.)
7. Весь Харбин. Адресная и справочная книга на 1926 год. Харбин: Типография КВЖД, 1926. 111 с.
All Harbin. Address and reference book for 1926. Harbin: Printing house of the CER, 1926. 111 p. (In Russ.)
8. Высочайше утвержденный устав Общества Китайской восточной железной дороги // Полное собрание законов Российской империи, собрание третье. СПб.: Государственная типография, 1899. Т. XVI. Отд. I. 1896. № 13486. С. 749–757.
The imperially approved charter of the Chinese Eastern Railway Company // Complete collection of laws of the Russian Empire, third collection. St. Petersburg: State Printing House, 1899. Vol. XVI, section I, 1896, No. 13486. P. 749–757. (In Russ.)
9. Гессе-Вартег Э. Китай и китайцы. Жизнь, нравы и обычаи современного Китая / пер. со 2-го испр. и доп. издания А. и П. Ганзен. СПб.: Изд. А. Ф. Девриена, 1900. 380 с.
Hesse-Warteg E. China and the Chinese. Life, customs and traditions of modern China / trans. from the 2nd corr. and add. editions of A. and P. Ganzen. SPb.: Publ. A. F. Devrien, 1900. 380 p. (In Russ.)
10. Дацышен В. Г. Китайское население "русского" Харбина в отражении газеты "Харбинский Вестник" в начале XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2024. Т. 31, № 2. С. 84–91.
Datsyshen V. G. Chinese population of "Russian" Harbin as reflected in the newspaper "Harbin Bulletin" at the beginning of the 20th century // Humanities in Siberia. 2024. Vol. 31, No. 2. P. 84–91. (In Russ.)
11. Друзья А. В., Дударёнок С. М. Институт нотариата на Дальнем Востоке России и в Маньчжурии (1879–1930-е гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 2 (45). С. 76–83.
Druzyaka A. V., Dudarenok S. M. Notary Institute in the Russian Far East and in Manchuria (1879–1930s) // Oikumena. Regional Studies. 2018. No. 2 (45). P. 76–83. (In Russ.)
12. Забияко А. А., Забияко А. П., Лешошко С. С., Хисамутдинов А. А. Русский Харбин: Опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2015. 462 с.
Zabiyako A. A., Zabiyako A. P., Levoshko S. S., Khisamutdinov A. A. Russian Harbin: Life-Building Experience in the Conditions of the Far Eastern Frontier. Blagoveshchensk: Amur State University, 2015. 462 p. (In Russ.)

13. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги: 1896–1923 гг. Т. I / По поручению Правления О-ва и под редакцией Специальной Комиссии составил Агент Правления О-ва Е. Х. Нилус. Харбин: Типография Китайской Восточной железной дороги и Товарищества "Озо", 1923. 690 с.
Historical Review of the Chinese Eastern Railway: 1896–1923. Vol. I / By order of the Board of the Society and under the editorship of the Special Commission, compiled by the Agent of the Board of the Society E. H. Nilus. Harbin: Printing House of the Chinese Eastern Railway and the Ozo Partnership, 1923. 690 p. (In Russ.)
14. Кротова М. В. Феномен Харбина как полифоничного города // *Historia Provinciae – журнал региональной истории*. 2019. Т. 3, № 2. С. 749–785.
Krotova M. V. The Phenomenon of Harbin as a Polyphonic City // *Historia Provinciae – Journal of Regional History*. 2019. Vol. 3, No. 2. P. 749–785. (In Russ.)
15. Куликова Н. В. Политико-правовое положение россиян в Северо-Восточном Китае (1917–1931 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2005. 248 с.
Kulikova N. V. Political and legal status of Russians in Northeast China (1917–1931): dis. ... cand. hist. sciences. Khabarovsk, 2005. 248 p. (In Russ.)
16. Мелихов Г. В. Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке, 1925–1932. М.: Викмо-М, Русский путь, 2007. 317 с.
Melikhov G. V. Russian emigration in international relations in the Far East, 1925–1932. Moscow: Vikmo-M: Russian way, 2007. 317 p. (In Russ.)
17. Памятная книжка Квантунской области на 1901–1902 год. Порт-Артур: Изд. А. Я. Опарина, 1901. 89 с.
Commemorative book of the Kwantung region for 1901–1902. Port Arthur: Publ. A. Ya. Oparin, 1901. 89 p. (In Russ.)
18. Попов Ф. А. Во власти чужой Фемиды: ликвидация русских судов в Китае в 1920 г. глазами русской общины // *Россия и АТР*. 2017. № 1. С. 82–95.
Popov F. A. In the Power of Someone Else's Themis: The Liquidation of Russian Courts in China in 1920 Through the Eyes of the Russian Community // *Russia and the Asia Pacific Region*. 2017. No. 1. P. 82–95. (In Russ.)
19. Порт-Артур и Дальний, 1894–1904 гг.: последний колониальный проект Российской империи. Сборник документов / Сост., авторы введения и комментариев И. В. Лукоянов, Д. Б. Павлов. М.: СПб.: ЦГИПринт, 2018. 522 с.
Port Arthur and Dalniy, 1894–1904: The Last Colonial Project of the Russian Empire. Collection of documents / Comp., authors of the Introduction and Commentaries I. V. Lukoyanov, D. B. Pavlov. Moscow; St. Petersburg: TsGIPrint, 2018. 522 p. (In Russ.)
20. Русско-китайские договорно-правовые акты (1689–1916) / Под общ. ред. В. С. Мясникова. Сост. И. Т. Мороз, В. С. Мясников. М.: Памятники ист. мысли, 2004. 694 с.
Russian Chinese Contractual and Legal Acts. (1689–1916): [Collection] / Under the general editorship of V. S. Myasnikov; [Comp. I. T. Moroz, V. S. Myasnikov]. Moscow: Monuments of History. thoughts, 2004. 694 p. (In Russ.)
21. Салогуб Я. Л., Казанцев В. П. Железнодорожная концессия 1898 года как фактор колониальной экспансии России в Китае // *Общество и государство в Китае*. 2014. Т. 44, № 14–1. С. 444–452.
Salogub Ya. L., Kazantsev V. P. The Railway Concession of 1898 as a Factor in Russia's Colonial Expansion in China // *Society and State in China*. 2014. Vol. 44, No. 14–1. P. 444–452. (In Russ.)
22. Салогуб Я. Л. Российское правосудие с маньчжурской спецификой: деятельность следственных органов в зоне российского присутствия в Маньчжурии (1896–1906 гг.) // *Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития: Материалы XXI международной научно-практической конференции. В 2-х ч. Санкт-Петербург, 18–19 апреля 2024 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2024. С. 401–404.*
Salogub Ya. L. Russian Justice with Manchu Specifics: Activities of Investigative Bodies in the Zone of Russian Presence in Manchuria (1896–1906) // *State and Law: Evolution, Current State, Development Prospects: Proceedings of the XXI International Scientific and Practical Conference*. In 2 parts, St. Petersburg, April 18–19, 2024. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. P. 401–404. (In Russ.)
23. Салогуб Я. Л., Мозгонов Е. А. Российские суды в Маньчжурии: проблемы создания и функционирования (1896–1906 гг.) // *Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева*. 2022. Т. 1, № 3 (102). С. 56–69.
Salogub Ya. L., Mozgonov E. A. Russian courts in Manchuria: problems of creation and functioning (1896–1906) // *Bulletin of the Volga University named after V. N. Tatishchev*. 2022. Vol. 1, No. 3 (102). P. 56–69. (In Russ.)
24. Смирнов С. В. Эволюция российской диаспоры в Северо-Восточном Китае (конец XIX – середина XX в.) // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 1. С. 49–65.
Smirnov S. V. Evolution of the Russian diaspora in Northeast China (late 19th – mid-20th centuries) // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, No. 1. P. 49–65. (In Russ.)
25. Сугибин В. А. Гражданское, торговое и семейное право КНР. М.: Приор, 2008. 843 с.

- Sugibin V. A. *Civil, commercial and family law of the PRC*. Moscow: Prior, 2008. 843 p. (In Russ.)
26. Таскина Е. П. *Русский Харбин / Сост., предисл. и коммент. Е. П. Таскиной*. 2-е изд. М.: МГУ, 1998. 349 с.
Taskina E. P. *Russian Harbin / compiled, foreword. and comment. E. P. Taskina*. 2nd ed., rev. and additional M.: MSU, 1998. 349 p. (In Russ.)
27. Уортман Ричард С. *Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России*. М.: Новое лит. обозрение, 2004. 515 с.
Wortman, Richard S. *Rulers and judges: the development of legal consciousness in the imperial Russia*. M.: New lit. review, 2004. 515 p. (In Russ.)
28. Хисамутдинов А. А. *Русский юридический факультет в Харбине // Право и образование*. 2016. № 3. С. 105–113.
Khisamutdinov A. A. *Russian Faculty of Law in Harbin // Law and Education*. 2016. No. 3. P. 105–113. (In Russ.)
29. Черникова Л. П. *Депортация русских эмигрантов в 1945–1946 годах // Проблемы востоковедения*. 2016. № 2 (72). С. 86–91.
Chernikova L. P. *Deportation of Russian emigrants in 1945–1946 // Problems of Oriental Studies*: 2016. No. 2 (72). P. 86–91. (In Russ.)
30. Чечелев С. В. *Суд и судоустройство на арендованных территориях России в Маньчжурии в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Омского университета. Серия "Право"*. 2005. № 3 (4). С. 15–22.
Chechelev S. V. *Court and judicial system in the leased territories of Russia in Manchuria in the late 19th – early 20th centuries // Bulletin of Omsk University. Series "Law"*. 2005. No. 3 (4). P. 15–22. (In Russ.)
31. Чи Юйчао. *Русское высшее образование в Китае в первой половине XX в. (на примере Юридического факультета в Харбине): дис. ... канд. ист. наук*. Владивосток, 2022. URL: <https://www.dvfu.ru/upload/medialibrary/23c/gsl2utvpvqgifnc57lxesratn11dqo4b/Chi%20Юйчао%20диссертация.pdf> (дата обращения: 02.02.2025)
Chi Yuchao. *Russian higher education in China in the first half of the 20th century (on the example of the Law Faculty in Harbin): dis. ... Cand. of History. Sciences*. Vladivostok, 2022. URL: <https://www.dvfu.ru/upload/medialibrary/23c/gsl2utvpvqgifnc57lxesratn11dqo4b/Chi%20Yuchao%20dissertation.pdf> (accessed 02.02. 2025) (In Russ.)

Информация об авторе

Андрей Викторович Друзьяка, д-р ист. наук, профессор кафедры истории России и вспомогательных исторических дисциплин, Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск, Россия, e-mail: druzyaka12@mail.ru

Information about the author

Andrey V. Druzyaka, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History and Special Historical Disciplines, Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia, e-mail: druzyaka12@mail.ru

Поступила в редакцию 15.10.2024

Одобрена после рецензирования 16.11.2025

Принята к публикации 27.11.2025

Received 15.10.2024

Approved 16.11.2025

Accepted 27.11.2025

"Корень жизни" дальневосточного одиссея Михаила Щербакова

Наталья Владимировна Хисамутдинова
Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия, natalya.khisamutdinova@vvsu.ru
Амир Александрович Хисамутдинов
Центральная научная библиотека ДВО РАН, Владивосток, Россия, khisamut@yahoo.com

Аннотация. В статье освещается дальневосточный период жизни литератора и фотографа Михаила Васильевича Щербакова (1896–1956). Находясь в период Гражданской войны во Владивостоке, а затем уехав в Китай, он оказался в центре литературного движения на российском Дальнем Востоке и в русской диаспоре Китая. Щербаков получил известность как автор большого числа поэтических и прозаических произведений, в которых нашли отражение этнографические мотивы, а также как общественный деятель, председатель правления Содружества русских работников искусства "Понедельник" и член литературно-художественного объединения "Восток". В статье использованы редкие материалы, выявленные в российских и зарубежных коллекциях.

Ключевые слова: М. В. Щербаков (1896–1956), русские в Шанхае, русская литература в Китае, русская культура в Китае

Для цитирования: Хисамутдинова Н. В., Хисамутдинов А. А. "Корень жизни" дальневосточного одиссея Михаила Щербакова // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 4. С. 77–86.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/77-86>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/77-86>

"The Life Root" of the Far Eastern Odyssey Mikhail Shcherbakov

Natalia V. Khisamutdinova
Vladivostok State University, Vladivostok, Russia, natalya.khisamutdinova@vvsu.ru
Amir A. Khisamutdinov
Central Academic Library Research Department, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences,
Vladivostok, Russia. khisamut@yahoo.com

Abstract. The article focuses on the Far Eastern life period of the writer and photographer Mikhail Vasilyevich Shcherbakov (1896–1956). Staying in Vladivostok during the Civil War in Russia and then leaving for China, he found himself at the center of the literary movement in the Russian Far East and the Russian diaspora in China. Shcherbakov came to prominence as the author of numerous poetic and prose works reflecting his interest in ethnography, as well as a public figure, board chair of *Ponedelnik*, Association of Russian art people, and a member of another artistic association *Vostok*. The article is based on the rare materials discovered in Russian and international collections.

Key words: M. V. Shcherbakov (1896–1956), Russians in Shanghai, Russian literature in China, Russian culture in China

For citation: Khisamutdinova N. V., Khisamutdinov A. A. "The Life Root" of the Far Eastern Odyssey Mikhail Shcherbakov // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 4. P. 77–86.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/77-86>

Введение

В ходе Гражданской войны в России за рубежом оказалось немало талантливых учёных и литераторов, сведений о которых почти не сохранилось. Если их имена мы встречаем на книгах, изданных на родине или в эмиграции, то многие биографические факты остаются за семью печатями, как и их неизданные рукописи. Так случилось и с литератором Михаилом Васильевичем Щербаковым, хронологию жизни которого пришлось собирать по мелким деталям – из воспоминаний современников, переписки, упоминаний в прессе и литературе, по косвенным фактам.

В справочных изданиях, посвященных литераторам, М. В. Щербакову отводится лишь несколько строк [1, с. 169; 3, с. 163; 12, с. 275]. Гораздо больше о нём говорят его произведения: стихи, рассказы, очерки, повести, которые отличаются строгой законченной формой, точным рисунком и ритмом. В них видна многогранная и противоречивая личность Щербакова – романтика и путешественника, этнографа и философа, поэта-лирика и переводчика. Не случайно, его творчество в последнее время стало предметом исследования филологов [2; 5; 9; 10].

Интерес представляет и жизненный путь Щербакова как разносторонне талантливого человека. Участник Первой мировой войны, он был переводчиком в Русском экспедиционном корпусе и летчиком французской армии. Оказавшись в годы Гражданской войны во Владивостоке, он вместе с другими литераторами-беженцами создавал здесь литературное движение. Уехав

в Китай, он и там был в центре литературной жизни: руководил творческими объединениями, редактировал журнал, издавал книги. Разнообразные сведения об этом содержатся в русской периодике Харбина и Шанхая.

Тёплые воспоминания о Щербакове оставил другой русский литератор, знавший его по Китаю, Владимир Александрович Слободчиков [11, с. 213–216]. Именно ему, покидая Шанхай, Щербаков доверил свою книжную коллекцию, часть которой ныне хранится в Российской государственной библиотеке [6], и которую авторам удалось изучить.

Сведения о Щербакове имеются в Музее русской культуры в Сан-Франциско, куда переехали его друзья, в частности материалы собрания А. С. Лукашкина, исследователя и общественного деятеля русской диаспоры в Китае. Среди них наиболее информативна переписка литератора с поэтессой и журналисткой Таисией Анатольевной Баженовой (в замужестве Постникова, 1900–1978, Аламеда, Калифорния), которую он знал по Харбину. Все эти материалы и помогли выявить то, что составляло суть жизни поэта, прозаика, переводчика и фотографа М. В. Щербакова и питало его творчество.

Москва – Франция – Владивосток

Вероятно, родители Михаила Щербакова, родившегося в 1898 г. в Москве, были образованными людьми. Он с детства говорил на французском и немецком языках, много читал, особо интересуясь историей человечества и археологией, успешно занимался физикой и химией в Императорской Московской практической академии коммерческих наук, но перевесил интерес к изящному слову. Неудивительно поэтому, что, окончив Академию, он продолжил образование на историко-филологическом факультете университета (вероятно, Московского), где прослушал только два семестра.

Во время Первой мировой войны Щербаков как прапорщика запаса мобилизовали. Узнав, что он свободно владеет французским языком, летом 1916 г. его откомандировали в качестве переводчика в Русский экспедиционный корпус и отправили на Салоникский фронт. Там он служил в течение года, пока не получил предложение стать редактором военной газеты. Оно поступило в 1917 г. от уже известного к этому времени филолога профессора Евгения Васильевича Аничкова (1866–1937, Белград), также откомандированного с русским отрядом во Францию и служившего во французской армии в чине лейтенанта. На страницах этого издания на Пасху 1917 г. будущий литератор Щербаков напечатал своё первое стихотворение.

После Октябрьской революции российские подразделения Экспедиционного корпуса были расформированы, и весной 1918 г. переводчик Щербаков вступил добровольцем во Французскую армию. Проходя в Лионе краткосрочный курс военной фото-аэросъемки (наблюдателей), он увлёкся фотографией, что в дальнейшем оказалось для него жизненно важным. Затем он окончил школу пилотажа и воздушной акробатики. Позднее он выразил свои впечатления от полётов в стихотворных строках: "Сквозь стеклянный диск пропеллера / Пиренеи вижу мгlistые; / Наплывают тучи с севера – / Океаны серебристые. / Тихо снежными мантильями / Стёрли черных гор развалины; / Под распластанными крыльями / Землю вижу лишь в прогалины. / Накопляются жемчужности, / Прихотливо колыхаются... / В центре радужной окружности / Тень моя крестом качается" ("Облачное море").

В другом стихотворении Щербаков аллегорически описал и воздушный бой, хотя сведений о его непосредственном участии в боевых действиях не обнаружено: "Перчаткой подан знак. / В пыли пустой / арены / Два чудища стальных, равняясь блеском лат, / Упрямых жеребцов тяжёлый бег / стремят / К беседке, где в гербах и флагах / сюзерены".

В заключительном трехстишии отмечена смерть пилота: "И вот сражён один; / другой в предсмертной дрожи / Теряет стремена и кровью прах поит, / И рядом, на песке, сверкает / щит" ("Поединок").

С началом Гражданской войны в России М. В. Щербакова перевели в распоряжение генерала М. Жанена, назначенного главой Французской военной миссии в Сибири, но по пути морем во Владивосток Щербаков выяснил, что правительство А. В. Колчака уже пало и верховного правителя расстреляли. Эта новость заставила его отложить возвращение и устроиться на работу в отделение французского Индо-Китайского банка (Banque d'Indo-Chine) в

Ханое. Удовлетворения от конторской работы Щербаков не получил и решил продолжить путь во Владивосток, который казался островком благополучия в охваченной братоубийственной войной России.

В это время во Владивостоке бурлила литературная жизнь, в которую окунулся и Щербаков. Он близко сошёлся с бывшим адъютантом генерала В. М. Молчанова Леонидом Евсеевичем Ещиным. В августе 1921 г., даря Щербакову свой первый и единственный поэтический сборник "Стихи таежного похода", только что изданный во Владивостоке, Ещин написал: "Мы с Вами кольцо объехали, – Вы по морю, а я пешком. У Вас – марины, у меня тайгины. Автор".

Подружился Щербаков и с Арсением Несмеловым (наст. фам. Митропольский), подарившим ему книгу стихов "Парнас между сопок" с надписью "Михаилу Васильевичу Щербакову на добрую память. 22 окт. 1921".

До конца жизни литератор поддерживал дружеские отношения с философом Львом Александровичем Зандером (1893–1964, Париж), который в годы Гражданской войны с беженцами добрался до Владивостока и был в 1920 г. среди основателей и преподавателей Дальневосточного университета. В 1922 г., когда Зандер с семьей покидал Россию, Щербаков посвятил ему сонет "Жень-Шень": "...Сложив фанзу, – постись! / Из недр росток женьшеня / Сбирает старику – любовная томленья / И смертному двоит дареный Небом срок..." (МРК. Собрание А. С. Лукашкина. Дело "Литературная энциклопедия")¹.

Во Владивостоке Щербаков поменял переводческую деятельность на литературную и работал в газетах, разъезжая по побережью в поисках тем для корреспонденций. В период Меркуловского правительства (май 1921 – июнь 1922) его командировали в Японию для устройства там информационного бюро. Вероятно, в это время Щербаков договорился об издании в Японии своих стихотворных сборников "Vitgaux" (Витражи – фр., рис. М. Урванцева) и "Поэма океана", напечатанных позже в Йокогаме и Токио.

После провала Хабаровского похода и смены власти в Дальневосточной республике Михаил Щербаков вернулся из Японии во Владивосток, став начальником управления антибольшевистской пропаганды и редактором "Крестьянской газеты", но в октябре 1922 г. и он навсегда покинул Россию. Позднее в одном из своих рассказов он описал это время: "Завершилось великое затмение России. Тень неумолимо заволакивала её всю целиком. Только один узкий светящийся серпик оставался на Дальнем Востоке. Я был там, когда и он потух. Со щемящей горечью и болью я вспоминаю последние дни Владивостока. Наступили тревожные дни, и красный пресс всё сильнее давил на Приморье, выжимая остатки белых армий к морю. Японцы, которых большевики боялись и ненавидели, окончательно объявили о своём уходе. Правда, город не особенно верил их заявлениям, но слухи о всеобщей мобилизации носились в воздухе, и папаша побогаче срочно прятали своих сынков в спокойный и безопасный Харбин" [14, с. 3].

В 1926 г. М. В. Щербаков опубликовал в берлинском издании воспоминания о том, как уходили из Владивостока остатки белой армии [15]. Понять настроение самого литератора в этот период позволяют строки его знаменитого стихотворения: "Улисса дом манил во мраке / И Пенелопа за станком, – / Мы, Одиссей без Итаки, / Каким прельстимся маяком? / Не всё равно ли, где оставить / След мимолётный корабля: / В коралловых морях истаять, / Иль резать льдистые поля. / Нам каждый берег будет чуждым, / Ненужной каждая земля. / Пока под облаком жемчужным, / Не заблестят кресты Кремля".

Стихи, написанные во Владивостоке в трагическое время Гражданской войны и вынужденного бегства из России, позднее вошли в сборник стихов "Отгул" (1944 г.), украшенный изящными гравюрами художника Михаила Урванцева [14]. Рецензент Н. Климов писал о книге: "Это – уже история, первые годы накапливания на русском Д[альнем] Востоке тех кадров, которые затем образовали нашу эмиграцию. Уже без малого полвека отделяет нас от дней, когда были написаны некоторые из стихотворений, вошедших в эту книгу. Это обстоятельство, и то, что Михаил Щербаков принадлежит к той группе литераторов-художников, которые создавали на русском Востоке литератур-

¹ МРК – Музей русской культуры (Сан-Франциско, США).

ное движение, столь развившееся и окрепнувшее к настоящему времени, – придаёт его книге стихов особенный интерес" [4].

Шанхай литературный

Михаил Васильевич Щербаков осел в Шанхае, где человеку со знанием французского языка было легко устроиться. Полтора года он работал секретарём у французского адвоката, шесть лет – в шанхайском отделении французского банка *Banque d'Indo-Chine*, знакомого ему по Ханюю, а потеряв там место из-за сокращения штатов, поступил на службу в отдел дактилоскопии Шанхайской муниципальной полиции.

Не оставляя литературных занятий, Щербаков и в Шанхае обрёл множество друзей среди людей творчества. "Легко входя в контакт с людьми, – вспоминал В. А. Слободчиков, – Щербаков оказывался магнитом, стягивающим вокруг себя людей ищущих, мыслящих, творчески одарённых..." [11, с. 214]. Благодаря этой способности объединять единомышленников осенью 1929 г. литератор вошёл в число организаторов "Понедельника", содружества русских работников искусства. Художники, литераторы, артисты и архитекторы из России стали собираться по понедельникам, чтобы сообща провести свободное время. Цели и задачи содружества, сформулированные Щербаковым в декабре 1929 г., определялись следующим образом: "а). Объединение русских работников искусства, находящихся на Дальнем Востоке, на почве широкой терпимости к различным художественным течениям, для развития и укрепления русского искусства на Дальнем Востоке; б). всестороннее расширение художественного кругозора своих членов; в). создание русской художественной критики на Дальнем Востоке; г). изучение быта, искусства и культуры народов Дальнего Востока; д). установление связи с русскими художественными кругами и организациями, имеющимися в Западной Европе; е). изучение художественного творчества современной России" [17].

Устав "Понедельника" утвердили весной 1930 г., и вскоре после этого Щербаков предложил начать выпуск собственного литературно-художественного журнала наподобие тех, что раньше издавали литераторы в России. По его мнению, этот журнал мог бы знакомить с творчеством русских авторов в Китае и дальневосточного читателя, а также русских эмигрантов в Европе. Предложение нашло горячий отклик, и сразу же начали собирать материал для первого выпуска журнала, названного "Понедельником".

В первом номере (1 сентября 1930) увидели свет произведения, написанные не только литераторами русской диаспоры Китая, но и из других стран. Раздел "Художественная хроника" содержал сообщения о событиях культурной жизни русских общин. Журнал украшали репродукции картин и рисунков русских художников. "Не считая себя особой "литературной школой", – писал Щербаков, – "Понедельник" всё же постепенно вырабатывает свою идеологию в области искусства и полагает, что одной из главнейших задач, поставленных русским художникам кисти и пера самой их жизнью в странах Востока, является преломление всего виденного здесь в своём творчестве и ознакомление русского читателя, в широком смысле, с теми культурными ценностями, которые дали миру народы Востока и которые до сих пор нашли так мало отражения в русской литературе, несмотря на громадное влияние, оказанное в прошлом на Россию культурой дальневосточных стран" [16, с. 82].

Сам Щербаков очень активно развивал восточную тему. Живя во Владивостоке и пользуясь наличием там китайцев, он начинал учить китайский язык, а оказавшись в Китае, старался как можно полнее постичь эту загадочную страну. Особенно его увлекал Пекин, очаровавший седой стариной и культурой. "...связи Востока и Запада давно будоражат умы русской интеллигенции, – говорил он. – Россия географически и исторически стоит на слиянии несходных, но равновеликих культур и веками питается из их глубинных источников. Сила русской культуры не в их ли животворном синтезе?!" [11, с. 215].

Стремление осмыслить культурное и философское наследие Китая находило отражение в очерках, статьях и стихах Щербакова, носивших отчасти этнографический характер. Мифологемы Дальнего Востока – женьшень, тигр, фанзы, хунхузы – наполняют и поэтические, и прозаические его произведения, основу которых часто составляли древние восточные легенды и пре-

дания. Возможно, приверженность дальневосточной тематике была связана и с попыткой литератора найти своё место в чужой стране.

Щербаков был среди авторов литературно-художественного альманаха Э. Е. Магарама "Китай" (Шанхай, 1923) и альманаха "Дымный след" (Сан-Франциско, 1925), журналов "Парус" и "Феникс". В 1933 г. ради дополнительного заработка он перевел с английского языка роман П. Г. Вудхауза (Wodehouse, Pelham Grenville) "Оптимист", герои которого Дживс и Вустер стали наряду с Шерлоком Холмсом и Форсайтами символами британского характера и героями национальной фольклора.

В конце 1933 г. в "Понеделнике" произошёл раскол, и выделившаяся группа, вновь под руководством М. В. Щербакова, стала с декабря называть себя "литературным художественным музыкальным объединением "Восток". Его участники некоторое время продолжили устраивать литературно-научные встречи, увидели свет и два сборника "Врата" (1934 и 1935 гг.), в которых Щербаков вёл раздел "Хроника" и публиковал свои работы, но и это содружество оказалось недолговечным.

Свидетельством тесных связей М. В. Щербакова с литераторами Шанхая является его личное книжное собрание: в нём много книг с дарственными надписями. Автограф поэта и журналиста Николая Федоровича Светлова (наст. фам. Свинын) на сборнике "Сторукая": "Уважаемому беллетристу и поэту и вдумчивому критику, мнение которого я ценю – Михаилу Васильевичу Щербакову. 27/X.34. Ник. Светлов". Лев Викторович Гроссе, репатриант 1948 г., на сборнике стихов "*Героическая поэма*" (1941) написал: "Дорогой Михаил Васильевич, *Enfant Terrible* ещё жив и верит в день, когда душа христианская воплотится в тело советской системы. Ваш Л. Гроссе". Всеволод Никанорович Иванов на книге "*Повесть об Антонии Римлянинне*" (1934): "А про старца это ты повыдумал недостоверную истор[ию], ведь поэты – всегда лжецы..."

Книга поэта и прозаика Довида Кнута (наст. имя Давид Миронович Фиксман) "Насущная любовь" (Париж, 1938) с надписью "Послу "дальневосточной" литературы Михаилу Васильевичу Щербакову от солдата французской армии" говорит о связях литератора с коллегами из Франции. Щербаков посылал свои очерки в парижские "Современные записки", но скептически отнёсся к предложению друзей наладить издание совместного с литературными кругами Парижа общественно-политического и литературного журнала "Русские записки". Между тем журнал появился (№ 1 – июнь 1937). "...в состав парижских работников вливаются свежие силы, – сообщила редакция в первом номере. – Мы приветствуем это обновление и рассматриваем его лишь как первый шаг. Не один Китай, но и другие центры эмиграции, должны найти свой дом на страницах наших журналов" [7, с. 6].

В 1937 г. Щербаков получил французское подданство. Во время ухудшения в Шанхае политической обстановки он как служащий муниципальной полиции участвовал в охране порядка. "О себе лично: с 12 августа 1937 по 12 декабря 1937 работал по 16 часов в сутки, – писал он Т. А. Баженовой. – С 12 декабря по 12 апреля 1938 (приблизительно) – по 12 часов. Временами очень ярко вспоминалась 1914–18 годы, так как бои происходили у самой границы концессий, которую мы охраняли, в стальных шлемах и прочее, всё как следует, – ибо не раз пули и осколки падали в нескольких шагах, особенно во время обстрела японскими зенитками китайских аэропланов. Пять человек (из них двое русских) из европейского состава Французской полиции были более или менее серьезно ранены. К нормальной 8-ми часовой работе мы возвратились всего месяца полтора тому назад (МРК. Собрание А. С. Лукашкина. Дело "Литературная энциклопедия". Письмо Т. А. Баженовой. Шанхай, 13 июня 1938).

В такой обстановке было не до занятий изящной словесностью, но Щербаков продолжал увлекаться фотографией, которая к тому же помогала ему материально. Он занял первое место во Всешанхайском конкурсе фотографии "за исключительную красоту запечатлённого ландшафта", как писал В. А. Слободчиков. "Ещё до изобретения цветной фотографии Михаил Васильевич осуществлял цветные фотоснимки путем сочетания нескольких линз и применяя изобретённую им методику" [11, с. 216]. Литератор пытался по-

лучить патент на своё изобретение в области цветной фотографии, из-за чего съездил в Японию, но потерпел неудачу.

Вокруг света за впечатлениями

Любовь к фотографии стала одним из поводов задуматься о кругосветном путешествии. Щербаков писал: "В декабре 1938 г. исполняется шесть лет моей службы в полиции, и я буду иметь 9-месячный отпуск. Ещё не знаю, удастся ли проехать во Францию, если нет, то поеду в Индо-Китай, но всё это – планы, всё это в том случае, если не будет большой войны. А в наше время так неосторожно заглядывать вперед!" (МРК. **Собрание А. С. Лукашкина. Дело "Литературная энциклопедия". Письмо Т. А. Баженовой. Шанхай, 13 июня 1938**).

Некоторые детали путешествия Щербаков сообщил Баженовой уже после окончания Второй мировой войны, надолго прервавшей переписку: "...в 1939 г., т. е. перед самым началом и в первые месяцы войны, мне удалось объехать вокруг света. Объявление войны застало меня на Таити, откуда меня отправили в Париж, ехал с полной уверенностью, что придется активно участвовать во второй мировой драке. Но из Франции начальство вызвало меня в Шанхай, и сия горькая чаша меня миновала. Разгром Франции был для меня огромным и неожиданным ударом.

Работал довольно много над книжкой о моём кругосветном путешествии, в которой хочу дать не только мои личные впечатления, но и фактические историко-географические сведения о тех местах, которых видел, тем более что в русской литературе об Океании почти ничего нет до сих пор. Это очень осложнило работу, тем более что японцы выкрали из местных библиотек все труды о Тихом Океане. А я ведь побывал на Филиппинах, в Австралии, на Новой Каледонии, на Новых Гебридах, Райатее и Таити, затем проехал Панамским каналом на Мартиники и Гваделупу (уже в военной обстановке), потом побывал в Марокко / в Касабланке/. Оттуда – Марсель, Париж, снова Марсель – Бейрут и уже знакомым мне Суэцким путем обратно в Шанхай. Сделал в пути около 1000 черных и сотни красочных фотографий" (МРК. **Собрание А. С. Лукашкина. Дело "Литературная энциклопедия". Письмо Т. А. Баженовой. Шанхай, 21 апреля 1947**).

После возвращения в Шанхай Щербаков собрал друзей, чтобы разделить с ними мысли и чувства. Об этой встрече вспоминал В. А. Слободчиков: "Будучи почти профессиональным фотографом, он всё замеченное фиксировал на пленке. Особенно его заинтересовал остров Пасхи, где маленькое вулканическое образование всего в полтораста квадратных километров в восточной части Тихого океана таит удивительные следы погибшей культуры. Огромные каменные статуи, привезённые неизвестно кем, неизвестно откуда и неизвестно как, дощечки с письменами неведомого языка явно скрывают тайны погибшей цивилизации. Всё это увлекало и очаровывало Щербакова, заставляло глубже искать истоки исторических событий, дошедших до нас только в массе бесформенных мифов... В числе приглашённых оказались приехавшие из Парижа композитор Черепнин с супругой. В честь гостя был организован концерт под руководством и при личном участии профессора Шанхайской консерватории Сергея Сергеевича Аксакова. В знак благодарности композитор подарил устройителю только что вышедшие ноты своего "Трепака" с личной надписью" [11, с. 215].

Ностальгия

Проведя основную часть жизни в разных странах, Щербаков не переставал думать о России. Ностальгия преследовала его всю жизнь. То в одном, то в другом его произведении мелькают строки о родине. В октябре 1934 г. он побывал в гостях у Юрия Михайловича Янковского в имении, которое находилось в устье реки Тюмень-Ула (ныне р. Туманная) на севере Кореи вблизи советской границы. В репортаже, опубликованном после этого визита, заметен общий эмоциональный настрой всех людей, утративших Родину.

"Лёгкий закатный бриз, – писал Щербаков, – подул над рекой. На свинцовой ряби заструились, заколыхались отражения деревьев и сопок. Тинистый запах реки покрыло терпковатое дыхание вечерних трав, донёсшееся с той стороны, дыхание русских лугов, дыхание России... Так вот, как мы встре-

тились с Тобой, моя покинутая Мать! А я думал уже, что мы больше не увидимся. Ты молчишь. В Твоих пасмурных просторах теплится новая и чуждая мне жизнь. Ты хотела в отчаянном дерзании переплавить весь Мир, и вот сникла сама. Молчишь... Кто смеет кричать, что Ты счастлива и здорова? Даже этот предельный, несчастный клочок Тебя так внятно говорит мне, насколько глубока и страшна твоя болезнь. Но я верю в Твою неиссякаемую мощь, верю сейчас, увидев Тебя, твёрже и спокойнее, чем когда-либо, что вновь озарится радостью Твой насушенный, простой и прекрасный лик. Только бы коснуться Тебя, чтобы хватило сил продолжать эту жизнь" [18, с. 3].

Подобные чувства отражены и в рассказах, вошедших в сборник "Корень жизни" (Шанхай, 1943 г.). Щербаков писал об их содержании: "Большинство – дань восхищения перед суровой красотой людей и природы русских Дальнего Востока и Севера, о которых всё ещё так мало сказано в нашей литературе. В некоторые рассказы введена фантастическая фабула, обрамлённая отрывками воспоминаний о том счастливом времени, которое автор провёл в этих краях; другие вещи вполне реалистичны. Рассказ "Европеец" сильно отличается и по характеру темы, и по её разработке от остальных, но помещение его нужно хотя бы для того, чтобы подчеркнуть контраст между здоровой и простой жизнью на родине и призрачным, больным блеском довоенного Шанхая" [19, с. 4–5].

Анализ переписки Щербакова с Баженовой позволяет заметить некоторую противоречивость его чувств. Относясь с сомнением к получению советских паспортов некоторыми друзьями и их последующей репатриации, он в душе им завидовал. Сам же он, имея гражданство Франции, был лишён возможности вернуться на родину. Сведений о семейном положении литератора в данный период не имеется. В 1931 г. он женился, но найти какую-либо информацию о его жене пока не удалось.

После окончания Второй мировой войны

После 1945 г. положение эмигрантов, особенно с иностранным подданством, в Китае значительно ухудшилось. Щербакова особенно угнетал упадок литературной жизни. "Все наши многочисленные литературные кружки, – писал он, – среди которых я достаточно повоевал, сейчас взяты "под высокую руку" и слиты в одно литературное объединение /советское/. Меня туда приглашали, но после ждановского приказа, я увидел, что мне там делать нечего..." (МРК. Собрание А. С. Лукашкина. Дело "Литературная энциклопедия". Письмо Т. А. Баженовой. Шанхай, 21 апреля 1947). Он перестал печататься, но продолжал работать над книгой о кругосветном путешествии. "Сейчас книга на 3/4 написана, – сообщал он Баженовой, – но далеко ещё не окончена. Я не тороплюсь с ней: всё равно печатать негде; здесь все издательства закрыты (кроме советских), в Москве же меня печатать не станут..." (МРК. Собрание А. С. Лукашкина. Дело "Литературная энциклопедия". Письмо Т. А. Баженовой. Шанхай, 21 апреля 1947).

Некоторые надежды Щербакову давало увлечение фотографией. Он планировал после войны съездить в США, познакомиться с новшествами в области цветной печати и, вернувшись в Шанхай, открыть первую цветную фотостудию. Но деньги от муниципалитета за свою службу в полиции, на которые он рассчитывал, получить не удалось. К этому времени Франция отказалась от своих концессий на территории Китая, и передоверила расплату со служащими китайскому правительству, которое, по словам литератора, "платит только тогда, когда это абсолютно необходимо".

Около года французское консульство поддерживало своих подданных на прожиточном минимуме, предлагая репатрироваться во Францию или служить в Индокитае. Ни то, ни другое Щербакова не устраивало, и он оставался в Шанхае, работая сначала в китайской фотостудии оператором-портретистом, а затем выполняя частные заказы. "Мое довольно приличное любительское оборудование позволяет сводить концы с концами, – писал он, – но, конечно, пришлось очень сильно сжаться... всё ещё мечтаю о цветной фотографии, которая могла бы дать хороший заработок, однако здесь встречается масса препятствий: 1) на месте нельзя достать ни аппаратуры, ни материалов; 2) американские фабрики (я их запрашивал) отвечают, что вся продукция раскупается в Америке и на экспорт они пока не работают. Кит. правительство

страшно затрудняет импорт предметов роскоши; и в 4) наконец, нет достаточно свободных денег, чтобы выписать эти материалы через знакомых, ибо курс наших денег безобразно низок" (МРК. Собрание А. С. Лукашкина. Дело "Литературная энциклопедия". Письмо Т. А. Баженовой. Шанхай, 21 апреля 1947).

Два года полуголодной жизни в неотапливаемых помещениях оказались очень сложными для Щербакова. Он остался почти без друзей и коллег: одних арестовали, другие репатрировались или эмигрировали в США, Австралию или Европу. У тех, кто ещё оставался в Китае, было чемоданное настроение. Щербаков уехал в Сайгон, где открыл фотостудию, давал частные уроки и читал лекции по фотографии. Слободчиков писал: "Перед отъездом он пригласил меня и сообщил, что, по всей видимости, вряд ли вернётся в Китай. Боясь, что имеющиеся у него книги дальневосточных авторов (многие из них с авторскими надписями) без него погибнут, а взять их с собой он не имел возможности, Михаил Васильевич передал их мне, сказав при этом, что, если мне удастся их сохранить, он был бы рад, если я пожелаю бы когда-нибудь передать их в государственное хранилище в России" [11, с. 216].

Обрести надолго спокойствие во Вьетнаме Щербакову не удалось: Франция, стремившаяся сохранить свои колонии, с 1946 г. вела Индокитайскую войну, но в 1954 г. потерпела поражение, и его как французского гражданина эвакуировали во Францию. О последних днях литератора известно со слов Валерия Перелешина: "Из больницы он вышел только в 1955 году. Поселился в Булони близ своих друзей Зандеров. Встретил с ними новый 1956 год, но был в ту ночь в особенно нервном состоянии. На другой день Л. А. Зандер ходил к нему посмотреть, как он устроился. Уходя, сказал: "До свидания", но М. В. Щербаков поправил: "Нет, прощайте" [8].

3 января 1956 г. поэт покончил с собой, выбросившись из окна. Ему было 58 лет. В сборнике "Отгул" есть стихотворение "Выздоровление", последние строки которого можно расценивать как предчувствие завершения жизненного пути литератора: "И к тому, что в мире вечно, / Гонит мой воскресший дух / Посохом острокопечным / Неразгаданный Пастух".

Заключение

В июле 2005 г. на Конгрессе по восточноевропейским исследованиям (Congress of Eastern European Studies) в Берлине, где обсуждались проблемы сохранения литературного наследия российской эмиграции, мнение участников дискуссии было единодушным: надо всячески беречь то немногое, что ещё осталось. Литературное наследие М. В. Щербакова, отражающее его жизненные ценности и устремления как представителя русских литературных кругов на Дальнем Востоке, несомненно этого заслуживает. Отдавая должное художественной выразительности и поликультурности его произведений, дальневосточное издательство "Рубеж" выпустило в 2011 г., впервые в России, сборник избранных работ Щербакова [20]. А сотрудники отдела литературы русского зарубежья Российской государственной библиотеки (Москва) предприняли издание каталога личной библиотеки литератора, переданной им Слободчикову при отъезде из Шанхая [6]. К сожалению, тот смог спасти только часть книг Щербакова: сложенные в подвале, они оказались залиты водой [11, с. 282].

Остается сожалеть и о том, что до сих пор неизвестно, где находится архив М. В. Щербакова. Возможно, его следы ведут во Францию, в семью Зандеров. Материалы личного архива литератора могли бы восполнить некоторые пробелы в его биографии и, что также немаловажно, познакомить с творчеством Щербакова-фотографа, которое пока ещё нигде не отражено.

Литература / References

1. Булгаков В. Словарь русских зарубежных писателей. New York.: Norman Ross Publ. Inc., 1993. 227 с.
Bulgakov V. Dictionary of Russian writers abroad. New York.: Norman Ross Publ. Inc., 1993. 227 p. (In Russ.)
2. Забияко А. А. Мифология дальневосточного фронта в сознании писателей-эмигрантов // Религиоведение. 2011. № 2. С. 154–169.

- Zabiyako A. A. The mythology of the Far Eastern frontier in emigrant writers' conscience // Religion Studies. 2011. No. 2. P. 154–169 (In Russ.)
3. Литература русского зарубежья в Китае (в г. Харбине и Шанхае): Библиография: (Список книг и публикаций в периодических изданиях) / Сост. Дяо Шаохуа. Харбин: Бейфан Вен-и, 2001. 221 с.
Literature of Russian emigrants in China (in Harbin and Shanghai). Bibliography: (List of books and periodical publications) / Ed. Diao Shaohua. Harbin: Beifan Ven-i, 2001. 221 p. (In Russ.)
 4. Климов Н. Книжные новинки // Рубеж. 1944. № 22 (30 июля). С. 22–23.
Klimov N. Latest books // Rubezh. 1944. No. 22 (July 30). P. 22–23 (In Russ.)
 5. Куликова Е. Ю. Лирические экфрасисы Михаила Щербакова в сборнике "Врата" (1934) // Критика и семиотика. 2023. № 2. С. 335–348.
Kulikova Ye. Yu. Mikhail Shcherbakov's lyrical ekphrasis in the collection "Gates" (1934) // Critique and Semiotics. 2023. No. 2. P. 335–348 (In Russ.)
 6. Одиссея книг: Коллекция "русского харбинца". Каталог собр. В. А. Слободчикова / ред. Н. В. Рыжак; Рос. гос. б-ка. Москва: Пашков дом. 115 с.
Book odysseya: Collection of the "Russian Harbinite": Catalogue of V. A. Slobodchikov's books / ed. N. V. Rizhak; Russia State Library. Moscow: Pashkov dom. 115 p. (In Russ.)
 7. От Редакции // Русские записки. 1937. № 1. С. 6.
Editorial // Russian notes. 1937. No. 1. P. 6 (In Russ.)
 8. Перелешин В. Михаил Щербаков // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1973. 6 июня. С. 4.
Pereleshin V. Mikhail Shcherbakov // New Russian word. New York, 1973. June 6. P. 4 (In Russ.)
 9. Пугачева Е. Н. Функционирование топонимов в очерках М. В. Щербакова "Одиссеи без Итаки" // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 3 (94). С. 430–433.
Pugacheva Ye. N. Toponym functioning in M. V. Shcherbakov's essays "Odyssei without Itaka" // World of science, culture, education. 2022. No. 3 (94). P. 430–433 (In Russ.)
 10. Пугачева Е. Н. Население города как компонент денотативного содержания образа города (на примере произведений М. Щербакова о Владивостоке) // Территория новых возможностей. Вестник ВВГУ. 2023. № 4. С. 211–219.
Pugacheva Ye. N. The population of the city as a component of the denotative content of the image of Vladivostok: on the example of texts by M. Shcherbakov // Territory of new opportunities. Gerald of VVGU. 2023. No. 4. P. 211–219 (In Russ.)
 11. Слободчиков В. А. О судьбе изгнанников печальной. Харбин, Шанхай, Москва: ЗАО: Центрополиграф, 2005. 429 с.
Slobodchikov V. A. About the sad fate of the exiles. Harbin, Shanghai, Moscow: ZAO: Tsentropoligraf, 2005. 429 p. (In Russ.)
 12. Словарь поэтов Русского Зарубежья / Под ред. В. Крейда. С.-Петербург: РХГИ, 1999. 470 с.
Dictionary of Russian poets abroad / ed. V. Kreid. Sanct-Petersburg, 1999. 470 p. (In Russ.)
 13. Щербаков М. В. Отгул. Шанхай [Шанхайская Заря], 1944. 54 с.
Shcherbakov M. V. Day-off. Shanghai [Shanghai Dawn], 1944. 54 p. (In Russ.)
 14. Щербаков М. Кадет Сева. К десятилетию эвакуации Владивостока // Слово. Шанхай, 1932. С. 3.
Shcherbakov M. Seva a cadet. Commemorating the decade of evacuation from Vladivostok // Slovo. Shankhai, 1932. P. 3 (In Russ.)
 15. Щербаков М. Одиссеи без Итаки (От Владивостока до Шанхая с Сибирской флотилией в 1922 г. // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. 18, С. 302–316.
Shcherbakov M. Odyssei without Itaka (from Vladivostok to Shanghai with Siberia fleet in 1922 // Archive of the Russian revolution. Berlin, 1926. Vol. 18, P. 302–316 (In Russ.)
 16. Щербаков М. Содружество "Понедельник" // Парус. 1933. № 1. С. 82.
Shcherbakov M. Fraternity "Ponedelnik" // Parus [Sail]. 1933. No. 1. P. 82 (In Russ.)
 17. Щербаков М. Содружество "Понедельник" // Прожектор. 1933. № 42 (14 окт.). С. 8.
Shcherbakov M. Fraternity "Ponedelnik" // Prozhektor [Spotlight]. 1933. No. 42 (14 oct.). P. 8. (In Russ.)
 18. Щербаков М. Луна над Россией // Феникс. 1935. № 1(1 сент). С. 3. Shcherbakov M. The moon above Russia // Fenix. 1935. No. 1(1 Sept). P. 3 (In Russ.)
 19. Щербаков М. В. Предисловие // Корень жизни. Шанхай: Врата, 1943. 236 с.
Shcherbakov M. V. Preface // Life root. Shanghai: Vrata [Gates], 1943. 236 p. (In Russ.)
 20. Щербаков М. В. Одиссеи без Итаки: повесть, рассказы, очерки, стихи, переводы. Владивосток: Рубеж, 2011. 480 с. (Восточная ветвь).
Shcherbakov M. V. Odyssei without Itaka: stories, essays, poems, translation. Vladivostok: Rubezh, 2011. 480 p. (Eastern branch) (In Russ.)

Информация об авторах

Наталья Владимировна Хисамудинова, д-р ист. наук, профессор Института педагогики и лингвистики Владивостокского государственного университета, Владивосток, Россия, e-mail: natalya.khisamutdinova@vvsu.ru

Амир Александрович Хисамудинов, д-р ист. наук, заведующий сектором Центральной научной библиотеки ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: khisamut@yahoo.com

Information about the authors

Natalia V. Khisamutdinova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia, e-mail: natalya.khisamutdinova@vvsu.ru

Amir A. Khisamutdinov, Doctor of Historical Sciences, Head of the Research Department, Central Academic Library, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: khisamut@yahoo.com

Поступила в редакцию 22.09.2025

Одобрена после рецензирования 14.11.2025

Принята к публикации 27.11.2025

Received 22.09.2025

Approved 14.11.2025

Accepted 27.11.2025

Научная статья
УДК 332.1
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/87-100>

Моделирование влияния качества жизни на демографические процессы в регионах Российской Федерации

Лев Соломонович Мазелис
Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия, lev.mazelis@vvsu.ru
Елена Викторовна Красова
Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия, elena_krasova@rambler.ru
Ксения Наилевна Галимзянова
Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия, kseniya.galimzyanova@vvsu.ru
Антонина Александровна Бойко
независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия, boiko.antonina97@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются методические вопросы оценки взаимосвязи качества жизни и демографических процессов. Цель исследования – оценка влияния показателей качества жизни на демографическую динамику в регионах Российской Федерации. Оценка проводилась посредством эконометрического моделирования. Построены и описаны модели, в которых регрессорами являются: общий интегральный показатель качества жизни; показатели-субиндексы, характеризующие отдельные компоненты качества жизни; 26 статистических показателей, характеризующих разные стороны жизни людей. Определена степень влияния таких компонент качества жизни, как здоровье, образование, материальное благополучие, культура, преступность и экология, на показатели естественного и миграционного прироста. Выявлено, что в рамках компонент "образование" и "благополучие" различные показатели разнонаправленно влияют на прирост населения. Результаты исследования могут быть использованы для обоснования управленческих решений на региональном и национальном уровнях.

Ключевые слова: экономика и демография, качество жизни, демографические процессы, демографическая динамика, естественный прирост, миграционный прирост, регионы России, региональное развитие

Для цитирования: Мазелис Л. С., Красова Е. В., Галимзянова К. Н., Бойко А. А. Моделирование влияния качества жизни на демографические процессы в регионах Российской Федерации // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 4. С. 87–100. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/87-100>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/87-100>

Modeling the impact of life quality on demographic processes in the Russian Federation regions

Lev S. Mazelis
Vladivostok State University, Vladivostok, Russia, lev.mazelis@vvsu.ru
Elena V. Krasova
Vladivostok State University, Vladivostok, Russia, elena_krasova@rambler.ru
Kseniya N. Galimzyanova
Vladivostok State University, Vladivostok, Russia, kseniya.galimzyanova@vvsu.ru
Antonina A. Boyko
Independent Researcher, Saint Petersburg, Russia, boiko.antonina97@gmail.com

Abstract. The article examines methodological issues of assessing correlation between life quality and demographic processes. The purpose of the article is to assess an impact of life quality indicators on demographic dynamics, expressed through natural and migration increases, in regions of the Russian Federation. The assessment was made through econometric modeling. Models were created with some regressors: a general integral life quality indicator; indicators-subindexes characterizing some components of life quality; 26 statistical indicators characterizing specific aspects of people's life. The authors determined degree of influence of such life quality components as health, education, income, culture, crime and ecology on the natural and migration growth indicators. The study revealed that different indicators have different impact on the population growth within the "education" and "income" components. The results can be used to substantiate management decisions at the regional and national levels.

Key words: economics and demography correlation, life quality, demographic processes, demographic dynamics, natural increase, migration increase, Russian regions, regional development

For citation: Mazelis L. S., Krasova E. V., Galimzyanova K. N., Boyko A. A. Modeling the impact of life quality on demographic processes in the Russian Federation regions // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 4. P. 87–100. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/87-100>

Введение

Возобновление положительных демографических тенденций – одно из направлений национальной политики России и важная научно-практическая задача. Естественный и миграционный приросты населения в регионах со-

ответствуют целям развития страны, обозначенным Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года", прежде всего, таким как: сохранение и приумножение населения, устойчивая и динамичная экономика. Исторический опыт показывает, что демографические тенденции наиболее тесно зависят от макроэкономической ситуации, прежде всего, от качества жизни, в широкое понятие которого входят возможности трудоустройства и получения дохода, сохранения здоровья и получение образования, а также безопасное и комфортное проживание. В связи с этим сохраняют актуальность методические вопросы оценки влияния факторов качества жизни на демографическую динамику. Целью исследования является оценка влияния качества жизни на демографические процессы в регионах Российской Федерации. Задачами исследования выступают: разработка эконометрической модели, позволяющей выявить факторы качества жизни, значимо влияющие на естественный и миграционный приросты; определение направленности и количественная оценка степени влияния этих факторов.

Степень научной разработанности проблемы

Оценка взаимного влияния экономического развития, качества жизни и демографических процессов – значимая и комплексная сфера исследований мировой науки. Объективное многообразие исторических, географических, ресурсных, социально-экономических условий развития территорий – основная причина сложности изучения демографических процессов, особенно если речь идет о странах с большой территорией, разветвленной специализацией производства и неоднородным размещением производительных сил. Кроме того, разнообразие периодов рассмотрения, методов исследования, авторских позиций и т.п. усиливают комплексность и неоднородность результатов исследований в данной сфере.

В зарубежной науке зависимость между экономическими и демографическими параметрами стала активно изучаться благодаря экономистам, следовавшим факторы эндогенного роста, в частности, Роберту Дж. Барро и его коллегам [21]. Один из коллективов, работавших по методам Р. Дж. Барро, не обнаруживает тесной связи между ростом населения и экономическим развитием для периода 1960-х и 1970-х гг. и даже наблюдает отрицательную связь между ними для периода 1980-х гг., изучаемую с учетом возрастной структуры населения [28]. Авторы [22] подчеркивают взаимовлияние экономического роста и демографического развития, а также обнаруживают, что медленный рост доходов сопровождается, как правило, относительно высокие показатели рождаемости и смертности. Статья [25] отмечает, что значимостью демографических процессов в исследованиях экономического роста часто пренебрегают: в частности, Китай представляет собой наглядный исторический пример быстрого снижения рождаемости в тесной связи с увеличивающимся уровнем жизни в стране.

Особенностью многих зарубежных исследований является то, что демографические процессы выступают в большей степени определяющим фактором для экономического развития, т. е. экономический рост и качество жизни рассматриваются как следствие, результат влияния различных демографических тенденций, например, снижения рождаемости, старения, увеличения плотности населения в городах, усиления миграций. Сравнительно мало исследований отражают зависимость демографического состояния от экономического развития и качества жизни. В последнее время появились работы, изучающие влияние на демографические показатели таких факторов, как здоровье, уровень развития здравоохранения, развитие сферы услуг, социальная неустроенность. Во многом это связано с теми вызовами, с которыми столкнулось мировое сообщество во время и после пандемии Covid-19. В частности, исследование [27] изучает влияние глобального бремени болезней, травм и факторов риска на демографические прогнозы для 204 стран и территорий и 811 субнациональных локаций с особым акцентом на изменение смертности и продолжительности жизни, которое произошло в период пандемии Covid-19 в 2020–2021 гг.

Исследования по Италии и Испании – стран с традиционно многодетными семьями, в которых в последние десятилетия фиксируется падение рожда-

емости, объясняют снижение естественного прироста экономическим спадом, соответствующим изменением качества и образа жизни, трансформацией общественных установок. Так, [29] изучает репродуктивное поведение состоящих в браке и бездетных женщин в возрасте от 30 до 35 лет, откладывающих решение о том, заводить ли детей, в зависимости от социально-экономических условий, таких как: финансовая зависимость от родителей, жесткий график работы, дискриминация в оплате и условиях труда, неоднозначный подход к "правильному возрасту" деторождения и к идее "полного материнства" (посвящению себя детям). Иными словами, женщины либо "тратят время" на достижение других целей, либо "держатся" в ожидании лучших условий.

На примере Франции, Германии, Италии, Великобритании, Испании другие авторы продолжают масштабные исследования, связанные с влиянием экономики на демографический переход, проявляющийся в уровне готовности к старению населения (главным образом, титульных наций в развитых странах) [32], а также расширяют изучение взаимовлияния экономических (темпы роста, доходы, сбережения и т. д.) и демографических (продолжительность жизни, рождаемость, старение) параметров [30].

Российские исследования в большей степени, чем зарубежные, отражают влияние качества жизни как некоей интегральной характеристики на демографические процессы и чаще делают это в региональном аспекте. Российскими регионоведами достигнут значительный прогресс в методологии оценки качества жизни и демографической динамики: обзор соответствующих методик представлен в работе [12]. В рамках текущего исследования следует отметить многократно обоснованные мнения российских демографов о том, что происходившие в России преобразования в социально-экономической сфере существенно повлияли и на репродуктивное поведение, и на миграции [17], о том, что улучшение качества жизни и высокая социальная защита населения – важное звено решения демографических проблем [2], а также о том, что "качество жизни является одним из основных факторов, влияющих на миграционные и демографические процессы" [14]. Учёные активно изучают факторы, определяющие качество жизни в российских регионах и способные стимулировать воспроизводство населения: главным образом, речь идет о здоровье [2; 3; 18; 19], благополучии, занятости и доходах [6; 7; 9; 20], образовании и культуре [15], безопасности и окружающей среде [5; 8; 11]. Зачастую указанные факторы рассматриваются вместе, например, [2; 14].

Согласно [19], в России здоровьем и благополучием на 85% определяется повышение рождаемости. Анализ реакции смертности на социально-экономический кризис позволил обозначить бедность как основную причину негативных демографических тенденций в Иркутской области [20]. Проведенный среди жителей Центрального Черноземья опрос показал, что 65% респондентов считают, что повышению рождаемости мешают низкие доходы [7]. Анализ социального благополучия молодежи в Приморском крае выявил оценки возможности профессиональной самореализации на уровнях "удовлетворительно" (недостаточно), "плохо" и "крайне плохо" у 59% респондентов [9]. На примере Белгородской области установлено, что пандемия коронавируса повлияла не только на увеличение смертности населения, но и на рост разводов, число безработных и снижение рождаемости [4]. В соответствии с выявляемыми факторами и причинами негативных тенденций учёные предлагают меры по повышению доходов населения, повышению доступности здравоохранения, сокращению бедности, созданию условий для самореализации и т. д. [18].

В целом, анализ литературы показывает расширение изучения взаимосвязей между экономическими и демографическими процессами, но в российском научном поле следует отметить нехватку эмпирических исследований, которые с помощью более точных и объективных результатов расширят базу для взвешенных управленческих решений в демографической сфере на национальном и региональном уровнях. Применяемые в настоящее время монетарные меры по закреплению и сохранению населения в регионах (материнский капитал, подъёмные пособия и компенсации, региональные меры по содействию занятости, обучению, привлечению кадров и т. п.) являются в большей степени адаптивными мерами, не меняющими демографическую ситуацию в целом. "Деньги обладают свойством заканчиваться быстрее, чем прорастают корни человека в одном месте. Значит, должна быть более силь-

ная мотивация, которая приведёт к желаемому результату" [1]. Такой мотивацией может выступать качество жизни, отражающее общую степень удовлетворённости жизнью, возможность людей реализовать свои способности и удовлетворять свои потребности. Учитывая неоднородность территориального развития и перманентную неопределённость социально-экономической среды, сегодня необходимо более чёткое понимание того, какие именно компоненты качества жизни могут существенно влиять на демографическую динамику в российских регионах.

Данные и методы

Настоящая статья основывается на оценках качества жизни населения регионов России, полученных в предыдущих исследованиях авторов и описанных в работе [12]. В указанной работе отражена оценка качества жизни посредством расчёта семи интегральных показателей, а именно: шести интегральных показателей-субиндексов *I_Health*, *I_Education*, *I_Life*, *I_Culture*, *I_Crime*, *I_Ecology*, характеризующих качество жизни по шести компонентам – здоровье, образование, благополучие, культура, преступность, экология соответственно, и одного интегрального показателя (индекса) *I_Quality*, который характеризует качество жизни в целом. Расчёты были произведены на основе 26 статистических показателей, выбор которых был обоснован в соответствии с авторской позицией и целями исследования, для 80-ти субъектов РФ за период 2010–2020 гг., для каждого года. Все статистические показатели имеют относительный, удельный характер, а рассчитанные индексы находятся в диапазоне от 0 до 1. На основе полученных значений *I_Quality* субъекты РФ были распределены в группы по уровню качества жизни (от высокого до очень низкого), выявлены факторы, за счёт которых формируется качество жизни в регионах в 2020 г. (последние данные), и характер его изменения по сравнению с 2010 г.

Моделирование влияния качества жизни на демографические процессы в регионах России является логическим продолжением предыдущих исследований авторов в рамках обозначенной научно-практической задачи. Период исследования увеличен до 2021 г.

Для проведения моделирования в качестве зависимых переменных были выбраны:

- коэффициент естественного прироста населения в расчёте на тысячу человек (переменная *Pop_growth*);
- коэффициент миграционного прироста населения в расчёте на 10 тысяч человек (переменная *Migration*).

Исходной гипотезой настоящего исследования является утверждение об общем положительном и значимом влиянии качества жизни на демографическую динамику: чем выше качество жизни в регионах, тем выше в них естественный и миграционный приросты населения. При этом предполагается, что в рамках отдельных компонент качества жизни может фиксироваться разнонаправленное влияние на демографические процессы.

Информационной основой исследования служат данные Федеральной службы государственной статистики России, которые позволили сформировать базу панельных данных из 26880 наблюдений для 960 объектов наблюдения. Такая база данных даёт возможность при эконометрическом моделировании получить состоятельные и достоверные оценки. Построение регрессионных моделей проводилось с помощью языка программирования *R* в среде *Rstudio*.

Моделирование проведено в три этапа. На первом этапе оценивалось влияние интегрального показателя качества жизни *I_Quality* на вышеуказанные зависимые переменные. На втором этапе построены модели, в которых регрессорами выступают интегральные показатели-субиндексы качества жизни *I_Health*, *I_Education*, *I_Life*, *I_Culture*, *I_Crime*, *I_Ecology*. На третьем этапе построены модели, отражающие влияние 26 показателей качества жизни. На каждом этапе для оценки влияния на естественный и миграционный приросты построены модели сквозной регрессии (*pooling*), модели с фиксированными эффектами (*fixed effects*) и модели со случайными эффектами (*random effects*).

В настоящем исследовании выводы по результатам моделирования представлены в целом по всем регионам и по всему периоду, без разбивки по

Табл. 1. Результаты моделирования влияния интегрального индекса качества жизни $I_Quality$ на показатели естественного и миграционного прироста в регионах России
 Table 1. Results of modeling the integral life quality index $I_Quality$ impact on natural and migration growth indicators in Russian regions

Тип регрессии	pooling	pooling	fixed effects	fixed effects	random effects	random effects
Зависимая переменная	<i>Pop_growth</i>	<i>Migration</i>	<i>Pop_growth</i>	<i>Migration</i>	<i>Pop_growth</i>	<i>Migration</i>
(Intercept)	23,5781*** (1,5214)	-197,8689*** (17,1158)	-	-	4,1881** (1,3206)	-33,1102 (24,3651)
$I_Quality$	-45,0903*** (2,8130)	352,9117*** (31,6465)	-46,6595*** (2,8376)	369,2723*** (32,2935)	-9,0358*** (2,2756)	46,5528 (44,3434)
Adj. R2	0,2426	0,1337	0,2458	0,1313	0,0181	0,0001
Num. obs.	960	960	960	960	960	960
s_idios	-	-	-	-	1,2540	27,0118
s_id	-	-	-	-	4,3641	43,3156

Примечание: *** $p < 0.001$; ** $p < 0.01$.

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

конкретным регионам и годам. Региональная специфика наблюдений, отраженная отдельными уравнениями в рамках каждого из типов моделей, будет учтена в дальнейших исследованиях.

Результаты исследования

I этап. На первом этапе оценено влияние интегрального показателя качества жизни населения $I_Quality$ на показатели естественного и миграционного прироста в регионах России (табл. 1). Была выбрана линейная спецификация ввиду лучшей возможности интерпретации влияния определяющего фактора.

Согласно таблице 1, во всех моделях скорректированный коэффициент детерминации $Adj. R^2$ имеет низкие значения, поэтому нельзя говорить об адекватности построенных моделей и удовлетворительности выводов, которые могут быть сделаны на основе этих моделей. В такой ситуации целесообразно снизить уровень объясняющих переменных с общего интегрального показателя (общего индекса) до субиндексов.

II этап. На втором этапе построены модели, в которых регрессорами выступают интегральные показатели-субиндексы – I_Health , $I_Education$, I_Life , $I_Culture$, I_Crime , $I_Ecology$, характеризующие такие компоненты качества жизни, как здоровье, образование, благополучие, культура, преступность, экология соответственно. Для построенных моделей были проведены F-тесты, тесты Бройша-Пагана и тесты Хаусмана, которые подтвердили состоятельность моделей с фиксированными эффектами по отношению к остальным моделям, в связи с чем рассмотрим результаты именно этого подхода к моделированию (табл. 2).

Согласно таблице 2, в числе значимых факторов естественного прироста отмечаются такие составляющие качества жизни, как здравоохранение, образование, благополучие, преступность и экология. Индексы образования, благополучия и преступности оказывают отрицательное влияние на естественный прирост, а индексы здравоохранения и экологии – положительное. На миграционный прирост значимо положительно влияют индексы благополучия, культуры и экологии, значимо отрицательно – индекс преступности; наиболее значимым здесь выступает фактор дохода. Если в случае с есте-

Табл. 2. Результаты моделирования влияния субиндексов качества жизни на показатели естественного и миграционного прироста в регионах России (на основе моделей с фиксированными эффектами)
 Table 2. Results of modeling the life quality subindices impact on natural and migration growth indicators in Russian regions (on the base of fixed effects models)

Субиндекс	ЗАВИСИМАЯ ПЕРЕМЕННАЯ	Pop_growth	Migration
I_Health		35,0401***	3,2646
		(3,2282)	(1,8451)
I_Education		-29,1616***	-25,5235
		(1,9366)	(22,2806)
I_Life		-11,5791***	172,6841***
		(1,6610)	(19,1101)
I_Culture		1,4586	106,8801***
		(1,4285)	(16,4352)
I_Crime		-3,4123***	55,2584***
		(1,0035)	(11,5455)
I_Ecology		12,9214***	55,3379***
		(1,2322)	(14,1766)
Adj. R2		0,3977	0,2910
Num. obs.		960	960

Примечание: ***p < 0.001.

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

ственным приростом исходная гипотеза подтверждается лишь отчасти (в зависимости от компоненты), что требует отдельного разъяснения, то результаты по миграционному приросту вполне ожидаемы и подтверждают исходную гипотезу: мигранты стремятся в регионы с большим потенциалом реальных заработков, развитой социальной инфраструктурой, безопасной и комфортной окружающей средой.

Скорректированные коэффициенты детерминации $Adj. R^2$ для всех моделей здесь более высокие, чем на первом этапе, но по-прежнему отражают значительное воздействие каких-то неучтенных факторов и говорят о том, что агрегирование показателей в субиндексы не позволяет построить достаточно адекватные модели. Принято решение снизить уровень объясняющих переменных с субиндексов до отдельных показателей.

III этап. На третьем этапе построены модели, отражающие влияние на естественный и миграционный приросты отдельных статистических показателей качества жизни (всего 26 показателей). Скорректированные коэффициенты детерминации $Adj. R^2$ для всех моделей здесь более высокие, чем на втором этапе; а для сквозной регрессии и моделей с фиксированными эффектами (для обеих зависимых переменных) они имеют достаточно высокие значения, позволяющие сделать удовлетворительные выводы. Сравнение моделей сквозной регрессии и регрессии с фиксированными эффектами для определения их предпочтительности проводилось с помощью $Adj. R^2$, значений F-статистики, тестов Бройша-Пагана и Хаусмана, величин среднеквадратической ошибки (RMSE) и средней абсолютной ошибки (MAE). Результаты показывают, что предпочтение следует отдать моделям с фиксированными эффектами, которые имеют вид (1) и (2):

$$Pop_{growth,i} = \alpha_i + 0.1194 \cdot PreSchool_{edu} + 0.0246 \cdot Kindergarten + 0.1489$$

$$School_{stud} - 0.0179 \cdot University_{stud} + \dots + 0.0326 \cdot Neutrality, \quad (1)$$

$$Migration_i = b_i + 0.3490 \cdot PreSchool_{edu} + 0.0529 \cdot Kindergarten + 3.9073$$

$$School_{stud} - 0.2603 \cdot University_{stud} + \dots + 0.1113 \cdot Neutrality, \quad (2)$$

где $A = (a_1, a_2, \dots, a_I)$ и $B = (b_1, b_2, \dots, b_I)$ – векторы свободных членов, соответствующих регионам.

где и – векторы свободных членов, соответствующих регионам.

Модели с фиксированными эффектами максимально приближены к реальности: во-первых, они допускают наличие зависимости между значениями факторов, которые относятся к одному региону, но к разным моментам времени (т.е. когда будущие значения предикторов зависят от своих прошлых значений), во-вторых, допускают наличие связи между значением фактора и фиксированным эффектом (т. е. когда индивидуальные особенности каждого региона, например, его природно-ресурсный потенциал, структура экономики и т.п., могут оказывать влияние на предикторы). Результаты построения моделей с фиксированными эффектами приведены в таблице 3.

Табл. 3. Результаты моделирования влияния отдельных показателей качества жизни на естественный и миграционный прирост населения в регионах России (на основе моделей с фиксированными эффектами)

Table 3. Results of modeling some life quality indicators impact on natural and migration population growth in Russian regions (on the base of fixed effects models)

Показатель, ед. изм.	ЗАВИСИМАЯ ПЕРЕМЕННАЯ	Pop_growth	Migration
Показатели образования			
PreSchool_edu _ Охват детей дошкольным образованием, в процентах от численности детей соответствующего возраста		0,1194***	0,3490
		(0,0209)	(0,3866)
Kindergarten _ Обеспеченность детей дошкольного возраста местами, мест на 1000 детей		0,0246***	0,0529
		(0,0019)	(0,0348)
School_stud _ Количество обучающихся в общеобразовательных учреждениях в расчёте на одного учителя		0,1489***	3,9073***
		(0,0426)	(0,7866)
College_stud _ Выпуск специалистов среднего звена на 10 000 человек населения		0,0000	-0,0001
		(0,0000)	(0,0001)
University_stud _ Выпуск бакалавров, специалистов, магистров в расчёте на 10 000 человек населения		-0,0179***	-0,2603**
		(0,0044)	(0,0814)
Показатели здоровья			
Per_hosp_bed _ Численность населения на одну больничную койку, человек		0,0169**	1,0550***
		(0,0058)	(0,1067)
Visits_clinic _ Мощность амбулаторно-поликлинических организаций, на 10 000 человек населения посещений в смену		0,0047	-0,1089*
		(0,0026)	(0,0483)
Per_doctor _ Численность населения на одного врача		-0,0051*	-0,1261**
		(0,0022)	(0,0415)
Morbidity_ Заболеваемость на 1000 человек населения		-0,0020**	-0,0303*
		(0,0007)	(0,0123)
Показатели благополучия			
Income_ratio_ Соотношение среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума, в процентах		0,0111***	-0,0367
		(0,0024)	(0,0452)

Wage_ratio_ Соотношение среднемесячной начисленной заработной платы населения с величиной прожиточного минимума, в процентах	0,0107*** (0,0021)	0,1968*** (0,0381)
Pension_ratio_ Соотношение среднего размера назначенных пенсий с величиной прожиточного минимума, в процентах	-0,0277*** (0,0051)	0,0935 (0,0945)
Poverty_ Уровень бедности населения, в процентах	0,1285*** (0,0366)	-1,1587 (0,6756)
Inc_Exp_ Соотношение среднедушевых денежных доходов населения к расходам, раз	3,6453*** (0,4170)	-4,9322 (7,7075)
Quarters_ Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, кв. м	-0,5746*** (0,0422)	1,6374* (0,7804)
Auto_ Число собственных легковых автомобилей на 1000 человек населения	-0,0051 (0,0217)	0,0925** (0,0318)
Показатели культуры		
Theater_ Численность зрителей театров на 1000 человек населения	0,0005 (0,0012)	-0,0425* (0,0215)
Museums_ Число посещений музеев на 1000 человек населения	0,0005** (0,0002)	0,0168*** (0,0032)
Magaz_ Выпуск газет на 1000 человек населения	-0,0001 (0,0001)	0,0081*** (0,0018)
Digital_TV_ Охват населения по возможности принимать телевизионные программы цифрового вещания, в процентах	0,0057 (0,0079)	0,5023*** (0,1466)
Показатели преступности		
Crimes_ Число зарегистрированных преступлений на 100 000 человек населения	-0,0020*** (0,0003)	0,0229*** (0,0060)
Murders_ Число зарегистрированных убийств и покушений на убийство на 100 000 человек населения	0,0393 (0,0253)	-1,3027** (0,4667)
Kill_teenagers_ Число преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии на 100 000 человек населения	-0,0295*** (0,0066)	-0,3459** (0,1228)
Показатели экологии		
Air_pollution_ Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников тонн на 10 000 человек населения	-0,0003*** (0,0001)	-0,0021 (0,0011)
Water_pollution_ Сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты, кубических метров на человека	-0,0036*** (0,0011)	-0,0850*** (0,0198)
Neutrality_ Доля уловленных и обезвреженных загрязняющих атмосферу веществ в общем количестве отходящих загрязняющих веществ от стационарных источников, в процентах	0,0326*** (0,0033)	0,1113 (0,0610)
Adj. R2	0,8364	0,5028
Num. obs.	960	960

Примечание: ***p < 0.001; **p < 0.01; *p < 0.05.

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Согласно таблице 3, среди показателей **образования** значимое положительное влияние на естественный прирост населения оказывает охват детей школьным и дошкольным образованием, а отрицательный эффект даёт удельное число выпускников вузов. Как и на втором этапе моделирования, можно предположить, что для регионов с более высоким уровнем образования характерен более низкий естественный прирост. Это подтверждает исходное предположение о различном характере влияния отдельных показателей и, в целом, согласуется с общемировыми демографическими тенденциями: в странах с более высоким уровнем человеческого развития, индекс которого рассчитывается в том числе и по показателям высшего образования, уровень рождаемости снижается. Многие работы, включая [22; 29; 30], отмечают, что политика планирования семьи, повышение образованности и занятости женщин, их стремление к профессиональному росту и самореализации, способствуют снижению рождаемости. Россия и её регионы здесь не являются исключением: по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, большинство респондентов в качестве причины отказа от рождения ребенка указывают желание самореализоваться и сделать карьеру [16].

В сфере **здоровья** значимым положительным фактором оказался уровень обеспеченности населения больничными койками, а отрицательными факторами – загруженность врачей и заболеваемость населения. Это согласуется с результатами многих российских исследований, в которых уровень медицинского обслуживания и, в целом, развитие системы здравоохранения поставлены на одно из первых мест, а национальный проект "Здравоохранение" наиболее тесно связывается с проектом "Демография" [3]. Категория "здоровье" лежит в основе концепции демографического благополучия [18]. Сопоставление мнений учёных и результатов различных исследований позволило заметить, что в пользу демографии активно "работают" именно инфраструктурные факторы: не столько важно текущее состояние здоровья, сколько технологические и экономические возможности его поправить, гарантии качественной и доступной медицинской помощи со стороны института здравоохранения. Такие гарантии лежат в основе общегосударственной системы социального обеспечения и состоят из различных мер по борьбе с большим рядом заболеваний, поддержке матерей с детьми, улучшению организации функционирования медицинских учреждений и т. д. Данные гарантии и меры формируют коллективное доверие к государству как среде обитания и создают предпосылки для принятия решений о рождении всё большего количества детей и закреплении семей на благополучных территориях.

В сфере **благополучия** на демографическую ситуацию оказывают значимое положительное влияние реальные доходы и зарплаты. Вместе с тем, выявлена отрицательная связь с переменной естественного прироста таких показателей, как соотношение пенсии и прожиточного минимума и площадь жилья на одного жителя. На втором этапе моделирования также было зафиксировано отрицательное влияние субиндекса благополучия на естественный прирост.

С одной стороны, полученные результаты в части реальных доходов соответствуют нормативным положениям концепции роста благополучия населения, отражаемым во многих программах развития и национальных проектах¹, которые исходят из прямой связи материального благополучия семей и уровня рождаемости. Также это согласуется с выводом о бедности как основной причине отрицательной демографической динамики [20]. С другой стороны, далеко не во всех странах и регионах рост базовых показателей благополучия идет рука об руку с рождаемостью: скорее, наоборот, опыт многих стран, включая европейские страны, Японию, Китай, Республику Корея, показывает обратную связь между экономическим и демографическим ростом. Отсутствие прямой связи демографических показателей с уровнем доходов населения отмечается и в российских работах [10]. В контексте полученных результатов моделирования и обзора мнений других исследователей, можно предположить, что на демографию влияет не сам по себе рост реальных до-

¹ Здесь можно особенно выделить национальный проект "Семья", предусматривающий всестороннюю поддержку развития семей. см.: URL: <https://xn--80aarpmpemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/new-projects/semya/>.

ходов, а факторы, воздействующие одновременно и на доходы, и на рождаемость (миграционный приток): это могут быть потенциал самореализации, поддержка в карьере, бизнесе и т.п. [9], факторы занятости и спроса [6], отраслевая структура экономики [1], эффективность институциональной структуры [13] и т.д. По нашему мнению, рост доходов положительно воздействует на естественный и миграционный прирост, когда он подкрепляется другими значимыми факторами повышения качества жизни.

В качестве объяснения негативного влияния роста реальной пенсии на естественный прирост можно привести "гипотезу социального обеспечения по старости" ("*The old-age-security hypothesis*"), которая рассматривает рождение детей как способ обеспечения старости родителей. Согласно этой гипотезе, рост реальных пенсий снижает значимость детей как "инвестиций" в собственную старость, а при отсутствии такой необходимости люди заводят меньшее число детей [23]. Отрицательное влияние удельной площади жилья на естественный прирост можно объяснить тем, что молодые семьи либо откладывают, либо отказываются от рождения детей в связи с необходимостью выплат по ипотечным кредитам и невозможностью в этих условиях обеспечивать достойный уровень жизни себе и своим детям. Такие выводы вполне созвучны с уже имеющимися в мировой науке результатами исследований: так, работы по США [26] и Китаю [31] демонстрируют, что рост затрат на приобретение и обслуживание жилья отрицательно влияет на решение заводить детей, по крайней мере, в краткосрочной перспективе. Это вовсе не означает отсутствие других причин отказа от детей, в том числе неэкономических, как отмечается в [31], но это отражает всеобщее понимание зависимости рождаемости от материальных аспектов жизни.

В сфере *культуры* значимое положительное влияние на естественный и миграционный прирост оказывает число посещений музеев, а на миграционный прирост – ещё и охват печатными изданиями и телевидением. Возможности для саморазвития и проведения качественного досуга часто рассматриваются как фактор привлекательности территории, и, наоборот, отсутствие разнообразного досуга, слабо развитая культурная и развлекательная сфера – как важный фактор миграции из городов [15]. Вместе с тем значения полученных коэффициентов регрессии невелики, поэтому культуру и досуг здесь можно рассматривать как фактор, в большей степени дополняющий базовые компоненты, такие как уровень развития инфраструктуры, занятость и доход.

В сфере *преступности* значимое отрицательное влияние на зависимые переменные наблюдается почти по всем показателям. Это согласуется как с общим механизмом удовлетворения потребностей, в котором безопасность является одной из первичных потребностей людей, без которой невозможно удовлетворение потребностей более высокого порядка, так и с результатами исследований, указывающих на высокую криминальную поражённость (включая подростковую) регионов с наиболее интенсивным выбытием населения, а также работ, обосновывающих связь низкого уровня жизни и высокого уровня преступности [8; 11].

Загрязнение *окружающей среды* оказывает значимое негативное влияние на естественный прирост, а доля уловленных и обезвреженных загрязняющих атмосферу веществ, напротив, значимое положительное. На миграционный прирост значимо влияет показатель сточных сбросов. Такие результаты в целом согласуются как с положениями концепции устойчивого развития о том, что ухудшение среды обитания ведёт к снижению качества жизни и ущербу для производства, так и с накопленной человечеством статистикой, подтверждающей неблагоприятное влияние загрязнений на репродуктивное здоровье, качество и продолжительность жизни людей [5]. Состояние окружающей среды представляется нам сквозным фактором, оказывающим влияние на демографические параметры как непосредственно, через тот факт, что в неблагоприятных экологических условиях люди плохо себя чувствуют и хуже работают, так и через фактор долговременного ухудшения здоровья, когда люди не склонны оставаться в неблагополучном месте и тем более рожать там детей.

Выводы

В результате проведённого эконометрического моделирования были получены статистические оценки связи между разноуровневыми параметрами качества жизни и показателями естественного и миграционного прироста населения в регионах России за период 2010–2021 гг. Полученные зависимости могут быть использованы при разработке стратегий социально-экономического развития регионов, а также при прогнозировании возможных результатов инвестиционных проектов, влияющих через качество жизни на демографические показатели.

Полученные оценки подтвердили исходную гипотезу исследования в той части, в которой определяется зависимость естественного прироста населения от материальных условий и социальной среды: чем они лучше, тем выше потенциал рождаемости. В то же время подтвердилось предположение о неоднозначном влиянии на прирост населения отдельных показателей в рамках таких компонентов, как "образование" и "благополучие": получение образования, стремление к работе, выплата ипотеки и т. п. отражают необходимость прилагать усилия для улучшения условий жизни, требуют затрат времени и средств, что отвлекает людей репродуктивного возраста от вопросов пополнения семьи и тем самым снижает потенциал рождаемости. Иными словами, в российских регионах можно наблюдать парадокс, схожий с тем, с которым сталкиваются и другие страны: для естественного прироста населения необходим рост качества жизни, однако, рост качества жизни достигается во многом за счёт сокращения или отсрочки рождения детей.

Исходная гипотеза и предположение о неоднозначном влиянии отдельных показателей также подтвердились и в части миграционного прироста. Среди значимо положительно влияющих показателей фигурируют количество школьников, обеспеченность койко-местами в больницах, реальная заработная плата, обеспеченность жильём и собственными автомобилями, посещение музеев, охват телевидением и газетами, а также число преступлений; среди отрицательно влияющих – количество выпускников вузов, загруженность медучреждений, уровни заболеваемости и преступности, загрязнение воды. При анализе результатов в части миграции следует понимать, что одни факторы могут выступать непосредственно аттракторами, т. е. факторами, привлекающими мигрантов в регион, а другие могут быть связаны с самим фактом прибытия и нахождения мигрантов в регионе. К первым показателям можно отнести доход, показатели социальной инфраструктуры, ко вторым – показатели среды, которая формируется в том числе с учётом присутствия мигрантов, например количество школьников (включая детей мигрантов), преступность и т. д. На основе сопоставления результатов различных исследований можно предположить, что показатели благосостояния, привлекающие мигрантов, обусловлены не самим по себе высоким уровнем доходов или большей комфортностью среды, а целенаправленной политикой государства по заполнению рабочих мест и наращиванию трудового контингента в трудодефицитных регионах. В частности, об этом говорит отрицательная связь между миграционным приростом и количеством выпускников вузов: приток мигрантов может быть тем выше, чем меньше потенциал собственных кадров. В связи с этим показатели качества жизни можно рассматривать как промежуточные факторы, которые, определяя демографические процессы, сами зависят от стратегии социально-экономического развития регионов.

В соответствии с полученными результатами основной акцент рекомендаций предлагается сделать на преодолении отрицательной связи между усилиями по получению образования, построению карьеры, приобретению жилья и уровнем рождаемости, достижении сочетаемости и органичности процессов профессионально-личностной самореализации граждан и деторождения. Для этого в первую очередь понадобится комплекс мер по формированию эффективной занятости, при которой экономика создает рабочие места, способствующие как устойчивому росту реальных доходов, необходимых для создания комфортных условий жизни, так и сохранению потенциала материального достатка, сил и времени для рождения и воспитания детей. Баланс между экономическими и социально-личностными интересами населения, присутствующей эффективной занятости, является также фактором стимулирования миграционного прироста.

Литература / References

1. Авдеев Ю. А., Ушакова В. Л. Демографические вызовы, или почему демографическая политика Дальнего Востока не ведёт к желаемому результату // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19, № 1. С. 9–24. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_1_1_9_24
Avdeyev Yu. A., Ushakova V. L. Demographic challenges or why the demographic policy of the Far East does not lead to the desired result // Living Standards of the Population in the Regions of Russia. 2023. No. 19 (1). P. 9–24. (In Russ.)
2. Акопян Е. А., Акопян А. Р. Социологический анализ улучшения качества жизни населения региона для решения демографических проблем // Социология и право. 2017. № 2 (36). С. 37–43.
Akopyan Ye. A., Akopyan A. R. Sociological analysis of improving the quality of the population life of the region for solving demographic problems // Sociology and Law. 2017. No. 2 (36). P. 37–43. (In Russ.)
3. Александрова М. В., Маслюкова Е. А., Юткина О. В. Влияние государственной политики Российской Федерации в области демографии и здравоохранения на качество жизни населения // Вестник РУДН. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2024. Т. 11, № 1. С. 55–71. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-1-55-71>
Aleksandrova M. V., Maslyukova Ye. A., Yutkina O. V. The impact of the state policy of the Russian Federation in the field of demography and healthcare on the quality of life of the population // RUDN Journal of Public Administration. 2024. No. 11 (1). P. 55–71. (In Russ.)
4. Бессонова Л. П. Пандемия коронавируса и ее влияние на демографические процессы и качество жизни в России // Human Progress. 2020. Т. 6, № 4. С. 3. <https://doi.org/10.34709/IM.164.3>
Bessonova L. P. The Coronavirus pandemic and its influence on demographic processes and quality of life in Russia // Human Progress. 2020. No. 6 (4). P. 3. (In Russ.)
5. Валитов И. О. Влияние экологии на демографический рост народонаселения: мировоззренческие и социокультурные проблемы // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21, № 2. С. 519–525.
Valitov I. O. Ecology influence on demographic proliferation: vision and sociocultural problems // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2016. No. 21 (2). P. 519–525. (In Russ.)
6. Гончарова Н. П. Занятость как фактор демографического благополучия населения // Учёные записки Алтайского филиала РАНХИГС при Президенте РФ. 2024. № 2 (25). С. 6–12.
Goncharova N. P. Employment as a factor in the demographic well-being of the population // Scientific notes of Altai branch of the RANEPa under the President of the RF. 2024. No. 2 (25). P. 6–12. (In Russ.)
7. Когай Е. А. Проблемы качества жизни и развития демографического потенциала в регионах Центрального Черноземья // Муниципалитет: экономика и управление. 2022. № 4 (41). С. 74–80. <https://doi.org/10.22394/2304-3385-2022-4-74-80>
Kogay Ye. A. Problems of quality of life and development of demographic potential in the regions of the Central Black Earth region // Municipality: Economics and Management. 2022. No. 4 (41). P. 74–80. (In Russ.)
8. Комарова Т. М. Преступность как фактор дестабилизации социально-демографической безопасности и снижения качества жизни населения (на примере Дальнего Востока) // География и природные ресурсы. 2010. № 1. С. 124–129.
Komarova T. M. Crime as a factor in the destabilization of socio-demographic security and a decrease in population quality (on the example of the Far East) // Geography and natural resources. 2010. No. 1. P. 124–129. (In Russ.)
9. Костина Е. Ю., Орлова Н. А., Рубина А. Е. Региональная демографическая политика как составляющая социального благополучия населения (на материалах Приморского края) // Народонаселение. 2019. Т. 22, № 4. С. 126–136. <https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00044>
Kostina Ye. Yu., Orlova N. A., Rubina A. Ye. Regional demographic policy as a component of social well-being of population (on the materials of Primorsky krai) // Population. 2019. No. 22, No. 4. P. 126–136. (In Russ.)
10. Кулькова И. А., Плутова М. И. Влияние качества жизни населения на демографическую ситуацию в регионе на примере Свердловской области // Фундаментальные исследования. 2017. № 12–1. С. 201–206.
Kul'kova I. A., Plutova M. I. Influence of quality of life on the regional demographic situation case study of the Sverdlovsk Region // Fundamental research. 2017. No. 12–1. P. 201–206. (In Russ.)
11. Кучерова С. В., Аверкова Г. В. Моделирование взаимосвязи показателей качества жизни и уровня преступности в Приморском крае // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7, № 3 (24). С. 158–161.
Kucherova S. V., Averkova G. V. Modeling of correlation of quality of life and crime rate of the Primorskiy Krai // Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration. 2018. Vol. 7, No. 3 (24). P. 158–161. (In Russ.)
12. Мазелис Л. С., Красова Е. В., Бойко А. А. Комплексная оценка качества жизни населения в регионах Российской Федерации // Экономика и управление. 2022. Т. 28, № 8. С. 753–766.

- <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-8-753-766>
Mazelis L. S., Krasova E. V., Boyko A. A. Comprehensive assessment of the quality of life in Russian regions // *Economics and Management*. 2022. Vol. 28, No. 8. P. 753–766. (In Russ.)
13. Мищук С. Н. Институциональная структура обеспечения миграционной политики в субъектах Дальневосточного федерального округа // *Уровень жизни населения регионов России*. 2022. Т. 18. № 2. С. 151–161. <https://doi.org/10.19181/Ispr.2022.18.2.1>
Mishchuk S. N. Institutional structure for ensuring migration policy in the subjects of the Far Eastern federal district // *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022. Vol. 18, No. 2. P. 151–161. (In Russ.)
14. Низамутдинов М. М., Давлетова З. А. Концептуальная модель прогнозирования влияния качества жизни населения на миграционные и демографические процессы // *Экономика и управление: научно-практический журнал*. 2024. № 1 (175). С. 150–155. <https://doi.org/10.34773/EU.2024.1.27>
Nizamutdinov M. M., Davletova Z. A. Conceptual model for predicting the impact of population life quality on migration and demographic processes // *Economics and Management: scientific and practical journal*. 2024. No. 1 (175). P. 150–155. (In Russ.)
15. Роговая А. В., Левченко Н. В. Образование, занятость и досуг как факторы миграции молодежи из малых городов // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2020. № 4. С. 23–33. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2020-4/23-33>
Rogovaya A. V., Levchenko N. V. Education, employment and leisure as factors of youth migration from small towns // *Oikumena. Regional Researches*. 2020. No. 4. P. 23–33. (In Russ.)
16. Рождаемость в России: меры и мнения. ВЦИОМ: Демография и миграция. 22.01.2018. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rozhdaemost-v-rossii-mery-i-mneniy> (дата обращения: 25.11.2024)
Fertility in Russia: Measures and Opinions. VCIOM: Demography and Migration. 22.01.2018. URL... (In Russ.)
17. Рыбаковский Л. Л., Фадеева Т. А. Рождаемость населения регионов России в конце XX – начале XXI вв.: тенденции, особенности и последствия // *Народонаселение*. 2024. Т. 27, № 2. С. 111–124. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-2-111-124>
Rybakovskiy L. L., Fadeyeva T. A. Fertility of the population in the Regions of Russia in the Late 20th and Early 21st Centuries: Trends, Characteristics, and Consequences // *Population*. 2024. Vol. 27, No. 2. P. 111–124. (In Russ.)
18. Рязанцев С. В., Мирязов Т. Р. Демографическое благополучие: теоретические подходы к определению и методика оценки // *ДЕМИС. Демографические исследования*. 2021. Т. 1, № 4. С. 5–19. <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.1>
Ryazantsev S. V., Miryazov T. R. Demographic well-being: theoretical approaches to definition and assessment methodology // *DEMIS. Demographic Research*. 2021. No. 1 (4). P. 5–19. (In Russ.)
19. Сечко Н. Н., Таранова Е. В. Демографическая политика Беларуси и России в контексте повышения качества жизни населения // *Социологический альманах*. 2011. № 2. С. 182–191.
Sechko N. N., Taranova Ye. V. The demographic policy of Belarus and Russia in the context of the improvement of life quality of the population. *Sotsiologicheskii al'manakh*. 2011. No. 2. P. 182–191. (In Russ.)
20. Черкашин А. К. Методологические основы математического моделирования демографической динамики и статистического анализа временных рядов данных с учетом состояния здоровья и качества жизни населения // *Бюллетень ВШЦ СО РАМН*. 2013. № 3–1 (91). С. 158–163.
Cherkashin A. K. Methodological basis of mathematical modeling of demographic dynamics and of statistical analysis of time series of data accounting the state of health and quality of life of population. *Bulletin of the East Siberian Scientific Center SB RAMS*. 2013. No. 3-1(91). P. 158–16. (In Russ.)
21. Barro R. J. *Determinants of Economic Growth: A Cross-Country Empirical Study*. 1998. MIT Press Books, The MIT Press. Edit. 1. Vol. 1, No. 0262522543. URL: <https://www.nber.org/papers/w5698> (accessed 24.11.2024)
22. Bloom D. E., Canning D., Fink G., Finlay J. E. The cost of low fertility in Europe // *European Journal of Population (Revue Européenne de Démographie)*. 2010. Vol. 26, Is. 2. P. 141–158. <https://doi.org/10.3386/w14820>
23. Cigno A., Werding M. *Children and Pensions*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2007. 232 p.
24. Cooley T. F., Henriksen E., Nusbaum C. Demographic obstacles to European growth // *European Economic Review*. 2024. Vol. 169, Art. 104829. <https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2024.104829>
25. Dao M. Q. Population and economic growth in developing countries // *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*. 2012. Vol. 2, No. 1. URL: https://www.researchgate.net/publication/258566515_Population_and_Economic_Growth_in_Developing_Countries (accessed 24.11.2024)
26. Dettling L. J., Kearney M. S. House prices and birth rates: The impact of the real estate market on the decision to have a baby // *Journal of Public Economics*. 2014. Vol. 110. P. 82–100. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2013.09.009>

27. Global age-sex-specific mortality, life expectancy, and population estimates in 204 countries and territories and 811 subnational locations, 1950–2021, and the impact of the COVID-19 pandemic: a comprehensive demographic analysis for the Global Burden of Disease Study 2021. GBD 2021 Demographics Collaborators // *The Lancet*. 2024. Vol. 403, Is. 10440. P. 1989–2056.
28. Kelley A. C., Schmidt R. M. Evolution of Recent Economic-Demographic Modeling: A Synthesis // *Contributions to Economic Analysis*. 2007. Vol. 281. P. 5–37. [https://doi.org/10.1016/S0573-8555\(07\)81002-9](https://doi.org/10.1016/S0573-8555(07)81002-9)
29. Lebano A., Jamieson L. Childbearing in Italy and Spain: postponement narratives // *Population and Development Review*. 2020. Vol. 46, Is. 1. P. 121–144. <https://doi.org/10.1111/padr.12313>
30. Murray C. J. L., Callender C. S. K. H., Kulikoff X. R., Lopez A. D., Lim S. S. Population and fertility by age and sex for 195 countries and territories, 1950–2017: A systematic analysis for the Global Burden of Disease Study 2017 // *The Lancet*. 2018. Vol. 392, Art. 10159. P. 1995–2051.
31. Qiu L., Li Y., Zhong J., Liu X., Ding J., Zhang D. Third birth intention of the working women with two existing children in Hainan Island, China: The impact of fertility costs and utility // *Heliyon*. 2024. Vol. 10, Is. 13. Art. e33939. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2024.e33939>
32. Roch-Dupré D., Aracil E., Calvo-Bascones P. Monitoring socioeconomic readiness for the demographic transition: Introducing the Senior Economy Tracker // *Structural Change and Economic Dynamics*. 2024. Vol. 71. P. 430–443. <https://doi.org/10.1016/j.strueco.2024.08.007>

Информация об авторах

Лев Соломонович Мазелис, д-р экон. наук, директор Института информационных технологий и анализа данных Владивостокского государственного университета, Владивосток, Россия, e-mail: lev.mazelis@vvsu.ru
Елена Викторовна Красова, канд. экон. наук, доцент кафедры экономики и управления Владивостокского государственного университета, Владивосток, Россия, e-mail: elena_krasova@rambler.ru
Ксения Наилевна Галимзянова, канд. физ.-мат. наук, доцент кафедры математики и моделирования Владивостокского государственного университета, Владивосток, Россия, e-mail: kseniya.galimzyanova@vvsu.ru
Антонина Александровна Бойко, независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: boiko.antonina97@gmail.com

Information about the authors

Lev S. Mazelis, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Information Technology and Data Analysis, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia, e-mail: lev.mazelis@vvsu.ru
Elena V. Krasova, Candidate of Economics, Associate Professor, Department of Economics and Management, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia, e-mail: elena_krasova@rambler.ru
Kseniya N. Galimzyanova, Candidate of Mathematics, Associate Professor, Department of Mathematics and Modeling, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia, e-mail: kseniya.galimzyanova@vvsu.ru
Antonina A. Boyko, Independent Researcher, Saint Petersburg, Russia, e-mail: boiko.antonina97@gmail.com

Поступила в редакцию 09.02.2025

Одобрена после рецензирования 18.11.2025

Принята к публикации 27.11.2025

Received 09.02.2025

Approved 18.11.2025

Accepted 27.11.2025

Проблемы и перспективы развития этноэкономики (на примере Хакасии)

Ольга Леонидовна Лушникова

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, Россия, oltolt@mail.ru

Аннотация. Фокус статьи направлен на оценку этноэкономики как перспективного направления развития региональных экономик. Представляется, что развитие этнических экономик может стать "точкой роста", усилить конкурентный потенциал региона, снизить безработицу и т. д. Однако отношение к этноэкономике неоднозначное. Одни исследователи рассматривают её с точки зрения натурального хозяйства, мелкотоварных видов деятельности, узкой направленности, другие видят потенциал для адаптивности к новым условиям. Основной вопрос, который ставится в статье, – что мешает развитию этноэкономических видов деятельности в современных условиях. Статья построена на материалах исследования в Хакасии. Эмпирической базой послужили данные социологического опроса основных этнических групп региона: русских, хакасов и шорцев (n=566) 2023 г., а также данные экспертного опроса (n=10) 2024 г. С одной стороны, в республике благоприятные географические условия для развития традиционных видов хозяйственной деятельности титульного этноса (хакасов), имеются ресурсы для роста сельхозпроизводства, но, с другой стороны, существуют факторы, препятствующие развёртыванию аграрной деятельности, в частности предприятия добывающей промышленности. На хозяйственных практиках населения сказывается экономическая активность мигрантов из стран ближнего зарубежья, влияющая на экологию ареала расселения коренных жителей. Несмотря на различные меры поддержки со стороны региональной власти, экономический эффект от них сложно оценить, и отношение к таким мерам тоже неоднозначное. Сделан вывод, что необходимость сохранения этнохозяйственных видов деятельности локальных этнических групп обусловлена не только экономическими соображениями, но и важностью сбережения этносов, их культуры, традиций и т. д.

Ключевые слова: *этноэкономический уклад, этнохозяйственный уклад, этноэкономика, традиционный хозяйственный уклад, этническая экономика, этническое предпринимательство, этнопредпринимательство, скотоводство, региональная экономика*

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда, № 23-28-00307, <https://rscf.ru/project/23-28-00307/>

Для цитирования: Лушникова О. Л. Проблемы и перспективы развития этноэкономики (на примере Хакасии) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 4. С. 101–109.

<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/101-109>

Original article

<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/101-109>

Problems and development prospects of ethnic economy (on the example of Khakassia)

Olga Leonidovna Lushnikova

Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia, oltolt@mail.ru

Abstract. The focus of the article is assessing the ethnic economy as a promising direction for the development of regional economies. The development of ethnic economies can become a "point of growth", can strengthen the competitive potential of the region, can reduce unemployment, etc. However, the attitude towards ethnic economies is ambiguous. Some researchers consider it from the point of view of subsistence farming, small-scale activities, and a narrow focus, while others see the potential for adaptability to new conditions. The main question posed in the article is what prevents the development of ethnoeconomic activities in contemporary conditions. The article is based on research materials in Khakassia. The empirical basis was the data of a sociological survey of the main ethnic groups of the region: Russians, Khakass people and Shors (n=566) in 2023, as well as data from an expert survey (n=10) in 2024. On the one hand, the republic has favorable geographical conditions for the development of traditional economic activities of the titular ethnic group (Khakass people). There is reserve for agricultural increase production. On the other hand, there are factors that hinder the deployment of agricultural activities, in particular, enterprises of the extractive industry. The economic activity of migrants from neighboring countries affects the economic practices of the population, affecting the ecology of the area of settlement of indigenous population. Despite various measures of support from the regional authorities, their economic effect of them is difficult to assess, and the attitude towards such measures is also ambiguous. It is concluded that the need to preserve the ethno-economic activities of local ethnic groups is due not only to economic considerations, but also to the importance of preserving ethnic groups, their culture, traditions, etc.

Key words: *ethno-economic structure, ethno-economic structure, ethnoeconomics, traditional economic structure, ethnic economy, ethnic entrepreneurship, ethnic entrepreneurship, cattle breeding, regional economy*

The study was funded by the Russian Science Foundation, project No. 23-28-00307, <https://rscf.ru/project/23-28-00307/>

For citation: Lushnikova O. L. Problems and development prospects of ethnic economy (on the example of Khakassia) // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 4. P. 101–109.

<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/101-109>

Введение

В нынешних условиях перспективы экономического развития связываются с реализацией внутренних резервов страны, в том числе отдельных её регионов. Представляется, что значительным потенциалом обладают национальные регионы, в которых есть условия для развития этноэкономики (или этнической экономики). Под *этноэкономикой* понимается территориально обусловленный сектор экономической системы, сложившийся и тесно связанный в результате ведения традиционного образа жизни, семейным и бытовым укладом, хозяйственной ориентацией и специализацией, присущих данному этносу [15, с. 305]. Такие хозяйственные структуры формируются в конкретных пространственных условиях, определяющих их основные характеристики. Исторически территориальное разделение труда между различными народами было обусловлено всеми этими факторами, которые в совокупности определяли внутривозрастные отношения (одни были землепашцами, другие – кузнецами, третьи – ловцами жемчуга, четвёртые – рыбаками и охотниками) [9, с. 7–8].

Исследователи рассматривают этническую экономику как относительно самостоятельную сферу общественного воспроизводства, функционирование и развитие которой определяется в первую очередь этническим фактором [11, с. 110]. В нашем представлении влияние этнического фактора проявляется сквозь призму ценностей, культурных традиций, паттернов поведения, особенностей менталитета, которые воспроизводятся через хозяйственные, промысловые практики. Этнические культуры "программируют" активность своих носителей на ментальном уровне, оказывая влияние на экономическое поведение [20, с. 44]. Этим объясняется сохранение и воспроизводство традиционных видов хозяйственной, промысловой деятельности среди современных этносов.

Однако отношение к этнической экономике неоднозначное. Некоторые исследователи рассматривают её с точки зрения использования аграрных, натуральных, мелкотоварных форм производства, кустарных ремёсел, надомного труда и т. п. [15, с. 119], а сферу распространения ограничивают отдельными домохозяйствами, не выходящими за пределы местных рынков [1, с. 105]. Другие отмечают высокую жизнеспособность, гибкость и адаптивность этнохозяйственных укладов [24, с. 6–7], допуская возможность их трансформации с учётом современных условий, например, перенос хозяйственных моделей, навыков и организационных структур в новые контексты, в том числе за пределы изначальной территории [2, с. 32]. Исследователи видят большой потенциал этнических экономик для развития регионов, особенно сельских территорий. Возможности местных этноэкономических систем связаны с инвестированием малого и среднего предпринимательства, добычей дополнительных сырьевых ресурсов для отраслей пищевой, лёгкой промышленности, строительства и др. [3, с. 11]. В этноэкономике исследователи видят "точку роста" [5, с. 146], которая может снизить безработицу [3, с. 11], дать толчок экономическому развитию [16, с. 1769], повысить потенциал региональной хозяйственной системы [18, с. 53] и т. д.

Казалось бы, многие этносы занимают традиционными хозяйственными практиками, однако не все они воспроизводятся в той форме, размерах и масштабах, позволяющих рассматривать их в качестве особой хозяйственной системы. В связи с этим возникает вопрос: что мешает в современных условиях развитию этноэкономических видов деятельности в национальных регионах? В этой статье попытаемся ответить на этот вопрос, опираясь на результаты исследования в Республике Хакасия.

Материалы и методы

Материалами для подготовки статьи послужили статистические данные по сельскому хозяйству Хакасии (2022 г.). В статье использовались данные социологического опроса некоторых этнических групп республики: русских, хакасов, шорцев (n=566). Опрос проводился летом 2023 г. Всего было охвачено 14 сёл. Общая выборочная совокупность – 566 чел., из которых 190 русских и 190 хакасов, а также 186 шорцев. В опросе использовался метод полуструктурированного интервью. Из-за трудностей поиска респондентов хакасской и особенно шорской национальностей опрос проводился не только по

месту жительства, но и уличный опрос, и опрос методом "снежного кома". Также были использованы данные опроса экспертов (n=10), который проводился весной 2024 г. В качестве экспертов выступили представители научного сообщества, чиновники и сельхозпредприниматели: Э1 (доктор философских наук, г. Абакан); Э2 (предприниматель, г. Абакан); Э3 (доктор философских наук, г. Новосибирск); Э4 (кандидат философских наук, г. Новосибирск); Э5 (исследователь, г. Новосибирск); Э6 (представитель органов региональной власти, г. Абакан); Э7 (предприниматель, г. Абакан); Э8 (кандидат философских наук, г. Новосибирск); Э9 (кандидат экономических наук, г. Абакан); Э10 (кандидат экономических наук, г. Абакан).

Результаты

Оценка потенциала этнической экономики региона. Видится, что социально-экономическое развитие национальных территорий возможно при условии реализации моделей региональной экономики, опирающихся на традиционные типы хозяйствования этнических групп [13, с. 47]. Однако это мнение разделяют не все, что подтвердили результаты опроса среди экспертов. Некоторые эксперты считают, что *"...как будто бы этнические регионы в среднем своём виде экономически менее развиты, чем центральные регионы России..."* (Э4). Причём, низкую оценку эксперты дают в целом сельскохозяйственным видам деятельности: *"Традиционная экономика, она не имеет перспектив...за счёт шишек, орехов, собирания саранки, каких-то дикоросов не зарабатываешь...люди должны заниматься современными видами экономической деятельности, создавать роботов, нанотехнологии"* (Э9).

Другие эксперты не согласны с этой точкой зрения, они считают, что *"использование этнического фактора в различных видах деятельности серьёзно поднимает какую-то предпринимательскую активность"* (Э1). И различные исследования доказывают наличие значительного потенциала этнического предпринимательства [4; 24], например, этнотуризма, этнокультуры или этнопроизводства [19] для экономик регионов. Возможности для экономического развития, по мнению экспертов, также есть у традиционных видов деятельности, например скотоводства: *"По скотоводству у нас резерв хороший, потому что исторически было поголовье больше, и есть к чему стремиться"* (Э6).

Данные статистики [22, с. 401; 25, с. 226] подтверждают наличие потенциала для развития животноводства в республике, особенно на уровне хозяйств населения, которые вносят существенный вклад в объёмы сельхозпроизводства (рис. 1).

Причём, сравнение с общероссийскими данными подтверждает весомую роль отдельных домохозяйств, к которым относятся и личные подсобные хозяйства.

По оценкам экспертов (среди которых были и, собственно, сельхозпредприниматели), в Хакасии заниматься скотоводством выгоднее, чем растениеводством: *"Наверное, скотом выгоднее заниматься...овцеводство, наверное, прибыльнее, быстрее окупаемо, чем рогатый скот: то есть корову на три года, на четвёртый год только у тебя будет прибыль, а здесь овечка – через год уже будет прибыль"* (Э7). И причины этого связаны не только с более высокой рентабельностью животноводства, но и с пространственно-географическими особенностями, которые сложились исторически. Эксперты отмечают: *"При становлении республики, этнический уклад, компонент в экономике был налицо: казаки сеяли, мы [хакасы] пасли, выращивали и взаимодействовали. И сейчас отголоски первоначальных дележей земли, они примерно даже в этническом плане в структуре населения тех или иных районов они до сих пор сейчас"* (Э6). Поскольку этноэкономические уклады формировались в определённых природно-климатических условиях, то, безусловно, во многом от них зависимы. Так, вполне понятно, что именно проживание в степной местности предопределило скотоводческий характер традиционных видов хозяйственной деятельности хакасов. А у некоторых народов, можно сказать, не было иной альтернативы в выборе их хозяйственного уклада: *"Я думаю, шорцы, если бы жили здесь, в степи где-нибудь, они чем-то другим бы занимались, поскольку там в тайге только охотятся и рыбачат, большие другим нечем заняться"* (Э7).

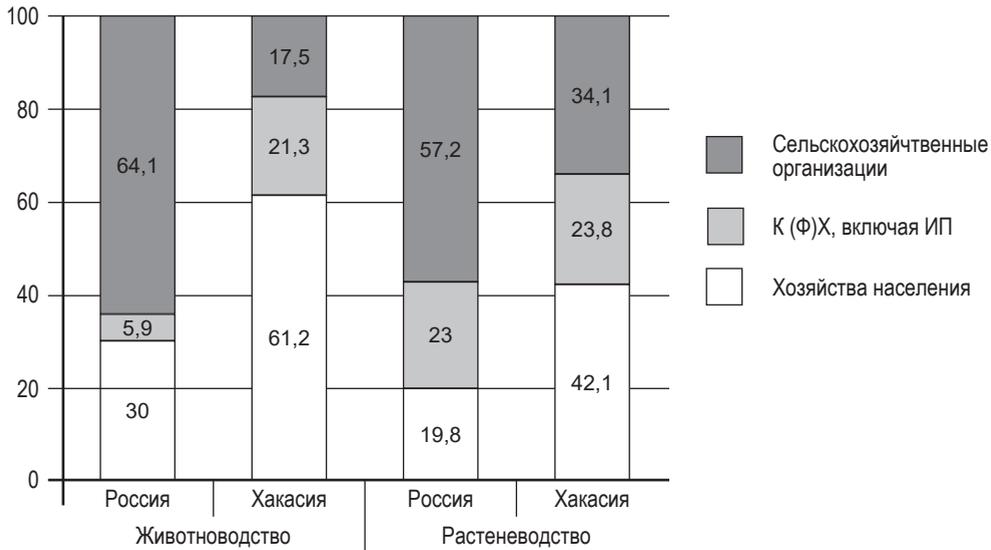

Рис. 1. Продукция сельского хозяйства по категориям хозяйств, 2022 г., в % от общего объема производства
Источник: [22, с. 401; 25, с. 226].

Fig. 1. Agricultural products by category of farms, 2022, as % of total production.

Source: [22, p. 401; 25, p. 226].

Результаты опроса среди проживающих в сельской местности хакасов, шорцев и русских показали, что в целом этносы сохраняют ориентацию на исторически сложившиеся виды хозяйственной и промысловой деятельности (табл. 1).

Хакасы активно занимаются хозяйственной деятельностью, разводят скот, выращивают овощи, причём их хозяйство более разнообразно: 50% хакасов имеет на своём подворье несколько видов скота (среди русских таковых 37,3%, среди шорцев – 22,1%). Хозяйство хакасов в среднем насчитывает 8,5 голов разных животных, хозяйство русских – 3,8 голов, шорцев – 1,7 голов. Шорцы, проживающие в таёжных территориях, по сравнению с хакасами и русскими, более активны в промысловой деятельности (91,9% против 78,9% и 62,6% соответственно). Причём для шорцев занятия промыслами – ощутимый источник дохода: треть из них (33,0%) зарабатывают этим на жизнь (среди хакасов и русских таковых не более 12,0%).

Исследователи пишут, что экономические отношения, складывающиеся на определённой территории, закрепляются в культуре этнической группы и транслируются последующим поколениям [10, с. 74]. Результаты нашего исследования подтверждают это: действительно, хакасы ориентированы на разведение скота, которое лежит в основе их традиционного хозяйственного уклада, а шорцы – на занятия охотой, ловлю рыбы, собирательство. Можно сказать, что, с одной стороны, в республике есть условия, благоприятствующие развитию этноэкономических укладов, но, с другой стороны, наличествуют проблемы, препятствующие или, по крайней мере, сдерживающие этот процесс.

Проблемы развития этноэкономических видов деятельности. Этноэкономические модели включают не только, собственно, сами хозяйственные структуры, виды, формы и методы хозяйствования, но и их функции, паттерны поведения, социокультурные основания и другие факторы. В Хакасии реализуются различные меры, направленные на повышение мотивации населения к занятиям хозяйственной деятельностью. Например, на муниципальном уровне действуют программы по распределению овец (ярок) на возвратной основе, в частности в Аскизском районе, где проживает половина всех сельских хакасов (Постановление Администрации Аскизского

Табл. 1. Хозяйственная активность, в % от опрошенных
Table 1. Economic activity, in % of the respondents

Виды хозяйственной деятельности	Русские	Хакасы	Шорцы
Разводят скот и выращивают овощи	59,5	68,9	41,4
Выращивают овощи, но не разводят скот	32,1	25,3	38,7
Не ведут хозяйственную деятельность	8,4	5,8	19,9
Итого	100,0	100,0	100,0

Источник: составлено автором на основе данных социологического опроса 2023 г.

Source: compiled by the author on the basis of data from a sociological survey in 2023.

района Республики Хакасия от 05.09.2007 г. № 1291 п "О проведении конкурса по распределению ярочек"). Подобные программы уходят корнями к традициям населявших эти территории этносов, что подтверждают эксперты: *"Она [эта форма поддержки] существовала раньше...когда молодым семьям либо бедным семьям давали на год, например, определённое количество овец. И вот они должны были их таким образом содержать, чтобы у них был существенный приплод. Любой приплод, по этой традиции, оставался с ними, а они через год возвращали этих овец...И таким образом поднимали в традиционной культуре хозяйство молодых, в силу разных обстоятельств потерпевших какое-то крушение, семей. Бывало, там бескормица, какие-то бедствия были, когда люди теряли условия существования, и им давали в помощь"* (Э1). В условиях современного общества эта исторически сложившаяся форма поддержки выполняет иную функцию – повышение экономической активности локальных этнических групп через вовлечение в традиционные виды хозяйственной деятельности.

Ещё одна мера поддержки связана с предоставлением денежной компенсации материального оснащения личного подворного животноводства жителям малых и отдалённых сел республики (Постановление Правительства Республики Хакасия от 19.01.2016 № 12). В соответствии с условиями, одно семейно-трудовое хозяйство может получать субсидию два раза в год (по 25 459 руб. в полугодие: за одну корову – 4118 руб., конематку – 1123 руб., овцематку – 374 руб. (но существует ограничение: выплаты не более чем за пять коров, одну конематку и десять овцематок) [8]. Однако отношение к таким мерам поддержки тоже не вполне однозначное. Одни эксперты видят в этом *"...уровень озабоченности властями в проблемной ситуации...правительство республики или ещё более высокого уровня понимает эту проблему и стремится искать механизмы устранения этой проблемы"* (Э4). Но другие более скептически относятся к такой поддержке: *"50 тысяч в год, ну что это такое... на одну корову надо 8–10 тюков, он на них купит 20 тюков, он может прокормить только 2,5 коровы на всю эту помощь, а у него скота должно быть 4–5 коров, овец...то есть, это является поддержкой, но поддержка это: ты работай, но кушай через день"* (Э2).

Ещё один значимый фактор, влияющий на хозяйственную деятельность местного населения – это развёртывание добычи угля в местах традиционного проживания хакасов (степные территории). *"У нас появляется такой негативный фактор, как угольные разрезы, с этих территорий степных довольно активно народ перетекает, там скотоводством заниматься невозможно"* (Э1). Во-первых, земли сельчан фактически изымаются, причём "за копейки" с формулировкой "для нужд государства", хотя угледобывающие компании принадлежат частным лицам [7]. А в Койбальской степи есть несколько достаточно крупных фермеров, имеющих около 1000 голов овец и крупного рогатого скота. Во-вторых, добыча угля ведётся открытым способом, что наносит серьёзный вред сельскому хозяйству: *"Угольные разрезы осложняют, выброс от этой пыли получается. Это влияет на животных, на растительность, животные начинают болеть от этой угольной пыли, они дышат этой пылью"* (Э7). Нарушается экология региона: *"Сегодня нужна очень*

сильная работа по рекультивации, она очень дорогая, а угольные разрезы этого не делают и не будут делать однозначно" (Э1).

Наряду с этим хакасские скотоводы, как и любые другие фермеры, сталкиваются с обычными проблемами, в частности с законодательными, которые "отбивают" желание заниматься разведением скота. Например, запрет на подворный убой скота, даже мелкого: *"Сельчане были крайне возмущены: у них то курица вдруг объявлялась "золотой", то какой-нибудь кролик становился "золотым"* (Э1). Существуют и непредвиденные факторы, которые наносят непоправимый урон сельскому хозяйству. Один из примеров – эпидемия узелкового дерматита КРС, из-за которого был уничтожен весь скот (в т. ч. и МРС, и свиньи) в нескольких деревнях Хакасии. Безусловно, была предусмотрена компенсация за изъятый скот (за КРС – 159 рублей за кг живого веса, 345 рублей за мясо, за МРС – 129 рублей за кг живого веса, 351 рублей за мясо, за свиней – 160 рублей за кг живого веса, 266 рублей за мясо [12]), однако было объявлено, что ещё в течение 5 лет сельчане не смогут разводить на своих подворьях скот.

Промысловая деятельность, на которую ориентированы проживающие в таёжной местности шорцы, тоже подвержена ряду рисков. Одна из них – активность золотопромышленных компаний, развернувших свою деятельность на территориях традиционного природопользования шорцев. За прошедшие несколько лет в республике было выдано более 20 лицензий таким компаниям на добычу ископаемых на территориях, где проживают шорцы. "Золотари" (так их называют между собой шорцы) испортили то пространство, где шорцы исконно вели традиционную промысловую деятельность [17]. Промышленное освоение приводит к вырубке лесных массивов, миграции зверя вглубь тайги, нарушению питьевых источников, уничтожению мест для покосов, а также редких растений, занесённых в Красную книгу. Кроме того, золотопромышленные компании физически затрудняют шорцам доступ к ближайшим местам собирательства, в частности перегораживают дороги, устанавливая ограждения, – из-за чего местным жителям приходится прилагать больше усилий и средств, чтобы добраться до необходимых мест. В целом, как отмечали респонденты, прибыль от промыслов значительно уменьшилась, особенно от сбора орехов, приносящих наиболее ощутимый доход.

Ещё один фактор, влияющий на промысловую деятельность шорцев, связан с включением мигрантов (киргизов) в рынок промыслов. По мнению экспертов, киргизы фактически монополизировали рынок дикоросов: *"Они скупали по дешёвке дикоросы у местного населения и продавали уже в городах за существенно большую плату... рыночный аспект этих отношений ведёт к тому, что они фактически уничтожают дикоросы в тайге, и это экологический разбой"* (Э1). Практически все эксперты отмечали необходимость бережного отношения к дарам природы: *"...не брать больше, чем тебе нужно... или даже если на продажу, то тоже какое-то ограничение, чтобы природа восстанавливалась"* (Э3). По мнению экспертов, местное население, исторически проживающее на своей территории, осознаёт важность сохранения природных ресурсов: *"Мы, местное население, знаем, что это дерево нам будет каждый год давать определённое количество орехов. Но они [мигранты] живут одним днём, они не смотрят вперёд на года"* (Э7).

Выводы

Действие этнического фактора на экономику региона способствует формированию и развёртыванию такого сектора регионального воспроизводства, как *этноэкономика* [21, с. 143]. С одной стороны, развитие этнохозяйственных видов деятельности представляется перспективным направлением региональных экономик, но, с другой стороны, существует множество факторов, препятствующих этому процессу, причём в каждом регионе свои.

В Хакасии есть благоприятные природные и географические условия для развития животноводческих видов хозяйства, особенно в местах традиционного проживания титульного этноса – хакасов. И хакасы активно занимаются разведением скота на своих личных подворьях (по крайней мере в сравнении с представителями других этнических групп региона). Однако, учитывая малочисленность хакасов, миграционный отток из села в город, естественную убыль населения и др., сложно сделать долгосрочный прогноз

относительно сохранения населения в хакасских сёлах. Ситуацию осложняет деятельность угледобывающих компаний, негативно влияющих на скотоводческую деятельность и на состояние экологии в местах проживания основной части титульного этноса республики. Исконные территории проживания коренного малочисленного народа (шорцев) тоже находятся под угрозой из-за золотодобывающих компаний, которые уничтожают традиционные места их промысловой деятельности. Активное включение мигрантов негативно сказывается на возможностях для заработка за счёт промыслов.

Региональные власти, осознавая эти проблемы, реализуют различные меры экономической поддержки для населения, проживающего в сельской местности (например, в малых и удалённых сёлах). Конечно, экономический эффект от таких мер сложно оценить. Представляется, что важность сохранения этнических экономик обусловлена, главным образом, необходимостью сбережения этносов, культуры, традиций [6, с. 8].

Литература / References

1. Адаменко А. А., Хорольская Т. Е., Петров Д. В. Предпосылки возникновения и востребованность теории этноэкономики в контексте новой экономической реальности // Государственное и муниципальное управление. Учёные записки. 2020. № 1. С. 104–109. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2020-1-1-104-109>
Adamenko A. A., Khorolskaya T. E., Petrov D. V. Relevancy and emergentiveness of the theory of ethnoeconomics in the context of new economic reality // State and Municipal Management. Scholar Notes. 2020. No. 1. P. 104–109. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2020-1-1-104-109> (In Russ.)
2. Андреев А. Л. Глобальный мир и этническая революция // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 4. С. 23–36. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.4.03>
Andreev A. L. Global world and ethnic revolution // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2017. No. 4. P. 23–36. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.4.03> (In Russ.)
3. Ахметов В. Я., Бердникова Г. И., Барлыбаев А. А., Рахматулин И. М. Этноэкономика и её роль в повышении занятости сельского населения // Аграрная наука. 2012. № 2. С. 10–11.
Akhmetov V. Ya., Barlybaev A. A., Berdnikova G. I., Rahmatulin I. M. Ethnoeconomy and its role in rise in employment of rural population // Agrarian Science. 2012. No. 2. P. 10–12. (In Russ.)
4. Бадмаева Н. В., Кованова Е. С. Этноэкономика как фактор развития регионов (на примере республик Калмыкии и Бурятии) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 3. С. 294–305. <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2020-3-15-294-305>
Badmaeva N.V., Kovanova E. S. Ethno-economics as a factor in the development of regions (on the example of the Republics of Kalmykia and Buryatia) // Bulletin of the Kalmyk Scientific Centre of the RAS. 2020. No. 3. P. 294–305. <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2020-3-15-294-305> (In Russ.)
5. Бакшеев С. Л. К понятию сущности и места этноэкономики в экономике региона // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. Т. 26, № 5. С. 146–150. [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2016.26\(5\).705-712](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2016.26(5).705-712)
Baksheev S. L. To the concept of essence and place of ethnoeconomy in the economy of region // Humanities, Social-Economic and Social Sciences. 2016. Vol. 26, No. 5. P. 146–150. (In Russ.)
6. Бушенева Ю. И. Этническая экономика как особый тип хозяйственной системы: быть или не быть в современном мире // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: экономика. 2018. № 2. С. 8–14. <https://doi.org/10.18384/2310-6646-2018-2-8-14>
Busheneva J. I. Ethnic economy as a special type of economic system: to be or not to be in the contemporary world // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Economics. 2018. No. 2. P. 8–14. <https://doi.org/10.18384/2310-6646-2018-2-8-14> (In Russ.)
7. В Хакасии иностранные компании забирают у фермеров землю за копейки // Правда'19. URL: <http://pravda19.ru/2019/12/03/в-хакасии-иностранные-компании-забир/> (дата обращения: 15.08.2024)
In Khakassia foreign companies take land from farmers for pennies // Pravda'19. URL: <http://pravda19.ru/2019/12/03/в-хакасии-иностранные-компании-забир/> (accessed 15.08.2024) (In Russ.)
8. Жители Хакасии получают компенсации за содержание личного подворья // ИА Хакасия. URL: https://19rusinfo.ru/ekonomika/47992-zhiteli-khakassii-poluchayut-kompensatsii-za-soderzhanie-lichnogo-podvorya?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 04.08.2023)
Residents of Khakassia receive compensation for the maintenance of their personal farmstead // IA Khakassia. URL: https://19rusinfo.ru/ekonomika/47992-zhiteli-khakassii-poluchayut-kompensatsii-za-soderzhanie-lichnogo-podvorya?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (accessed 04.08.2023) (In Russ.)
9. Иванова М. В. Этническая экономика: подходы к определению // Труды Кольского научного центра РАН. 2018. Т. 9, № 7-14. С. 6–13. <https://doi.org/10.25702/KSC.2307-5252.2018.7-13>

- Ivanova M. V. Ethnic economy: approaches to the definition // Transactions Kola Science Centre RAS. 2018. Vol. 9, No. 7-14. P. 6–13. <https://doi.org/10.25702/KSC.2307-5252.2018.7.7-13> (In Russ.)
10. Игошева М. А. Экономический ресурс этнической идентичности в условиях современных миграционных процессов // Философская мысль. 2020. № 7. С. 72–84. <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2020.7.33513>
 - Igosheva M. A. Economic resource of ethnic identity in the conditions of current migration processes // Philosophical Thought. 2020. No. 7. P. 72–84. <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2020.7.33513> (In Russ.)
 11. Лебедева Н. Н., Ломовцева О. А. Социальный капитал и модернизация этноэкономики юга России // Общественные науки и современность. 2006. № 2. С. 109–118.
Lebedeva N. N., Lomovtseva O. A. Social capital and modernization of ethnoeconomics of Russian South // Social Sciences and Contemporary World. 2006. No. 2. P. 109–118. (In Russ.)
 12. "Люди в панике": в Хакасии объявили режим ЧС из-за заболевания крупного рогатого скота // ТВК. URL: <https://tvknews.ru/publications/news/76071/> (дата обращения: 18.06.2024)
"People are in a panic": an emergency regime was declared in Khakassia due to cattle diseases // TVK. URL: <https://tvknews.ru/publications/news/76071/> (accessed 18.06.2024) (In Russ.)
 13. Мадюкова С. А., Персидская О. А. Этноэкономика в действии: опыт Тувы и Алтай // ЭКО. 2018. № 5 (527). С. 45–64.
Madyukova S. A., Persidskaya O. A. Ethnoeconomics in action: the experience of Tuva and Altai // ECO. 2018. No. 5(527). P. 45–64. (In Russ.)
 14. Мрикаев Д. М., Цогоева М. И. Этноэкономика региона и её роль в развитии экономики России // Научные труды вольного экономического общества России. 2016. Т. 201. № 4. С. 302–310.
Mrikaev D. M., Tsogoeva M. I. Regional ethnoeconomy and its influence on the Russian economy's system development // Scientific Works of the Free Economic Society of Russia. 2016. No. 201(4). P. 302–310 (In Russ.)
 15. Овчинников В. Н., Колесников Ю. С. Этноэкономика как фактор развития // Проблемы прогнозирования. 2006. № 1. С. 118–123.
Ovchinnikov V. N., Kolesnikov Yu. S. Ethnic economy as a factor of development // Forecasting problems. 2006. No. 1. P. 118–123. (In Russ.)
 16. Ооржак К-Д. К. Этноэкономика Тувы: современное состояние и перспективы развития // Экономические отношения. 2019. Т. 9, № 3. С. 1759–1774. <https://doi.org/10.18334/eo.9.3.40949>
Oorzhak K-D.K. Ethno-economics of Tuva: current state and development prospects // Journal of International Economic Affairs. 2019. Vol. 9, No. 3. P. 1759–1774. <https://doi.org/10.18334/eo.9.3.40949> (In Russ.)
 17. Отчёт о работе Министерства национальной и территориальной политики Республики Хакасия за 2022 год // Министерство национальной и территориальной политики Республики Хакасия. URL: <https://r-19.ru/authorities/the-ministry-of-national-and-regional-policy-of-the-republic-of-khakassia/docs/251/143840.html> (дата обращения: 17.04.2022)
Report on the work of the Ministry of National and Territorial Policy of the Republic of Khakassia for 2022 // Ministry of National and Territorial Policy of the Republic of Khakassia. URL: <https://r-19.ru/authorities/the-ministry-of-national-and-regional-policy-of-the-republic-of-khakassia/docs/251/143840.html> (accessed 17.04.2022). (In Russ.)
 18. Паникарова С. В., Власов М. В., Чебодаев В. П. Институты развития этноэкономики // Проблемы современной экономики. 2011. № 4. С. 53–57.
Panikarova S. V., Vlasov M. V., Chebodaev V. P. Institutes of development in ethno-economics // Problems of Modern Economics. 2011. No. 4. P. 53–57. (In Russ.)
 19. Перова Е. Ю. Этническая экономика как направление повышения эффективности использования социальных ресурсов региона // Известия Байкальского государственного университета. 2016. Т. 26, № 5. С. 705–712. [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2016.26\(5\).705-712](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2016.26(5).705-712)
Perova E.Yu. Ethnic economy as a way to boost effective use of regional social resources // Bulletin of Baikal State University. 2016. Vol. 26, No. 5. P. 705–712. [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2016.26\(5\).705-712](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2016.26(5).705-712) (In Russ.)
 20. Персидская О. А. Роль ценностных ориентаций молодых тувинцев в пространственном развитии Республики Тыва // Новые исследования Тувы. 2019. № 3. С. 41–51. <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.4>
Persidskaia O. A. The role of value orientations of young Tuvans in the spatial development of the Republic of Tuva // The New Research of Tuva. 2019. No. 3. P. 41–51. <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.4> (In Russ.)
 21. Печура О. В. Этнический фактор в развитии экономики региона // Известия Уральского государственного экономического университета. 2009. № 2 (24). С. 138–143.
Pechura O. V. The Ethnic factor in the development of the region's economy // Journal of the Ural State University of Economics. 2009. No. 2 (24). P. 138–143. (In Russ.)
 22. Российский статистический ежегодник. 2022: Стат. сб. / Росстат. М., 2023. 701 с.
Russian statistical yearbook. 2022: Statistical collection / Rosstat. Moscow, 2023. 701 p. (In Russ.)

23. Симонов С. Г., Ямова О. В., Хаматханова М. А., Арынова З. А. Этническое предпринимательство и местное бизнес-сообщество: опыт взаимодействия на потребительском рынке региона // Вестник Омского университета. Серия "Экономика". 2020. Т. 18, № 1.
[https://doi.org/10.24147/1812-3988.2020.18\(1\).162-171](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2020.18(1).162-171)
Simonov S. G., Yamova O. V., Khamathanova M. A., Arynova Z. A. Ethnic entrepreneurship and local business community: experience of interaction in the consumer market in the region // Herald of Omsk University. Series: Economics. 2020. Vol. 18, No. 1. P. 162–171.
[https://doi.org/10.24147/1812-3988.2020.18\(1\).162-171](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2020.18(1).162-171) (In Russ.)
24. Сурнина Н. М., Печура О. В. Этноэкономическая парадигма в контексте теории диалога цивилизаций // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2009. № 4 (8). С. 5–12.
Surnina N. M., Pechura O. V. Ethnoeconomic paradigm in the context of the dialogue of civilizations theory // Tomsk State University Journal of Economics. 2009. No. 4(8). P. 5–12. (In Russ.)
25. Хакасский республиканский статистический ежегодник 2022: Стат. сб. / Красноярскстат. Красноярск, 2023. 381 с.
Khakass republican statistical yearbook 2022: Statistical collection / Krasnoyarsk State Statistics Service. Krasnoyarsk, 2023. 381 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Ольга Леонидовна Лушникова, канд. соц. наук, старший научный сотрудник сектора экономики и социологии Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, Абакан, Россия, e-mail: oltolt@mail.ru

Information about the author

Olga L. Lushnikova, Candidate of Sociology, Senior Researcher, Department of Economics and Sociology, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Abakan, Russia, e-mail: oltolt@mail.ru

Поступила в редакцию 23.10.2024

Одобрена после рецензирования 19.11.2025

Принята к публикации 27.11.2025

Received 23.10.2024

Approved 19.11.2025

Accepted 27.11.2025

Научная статья
УДК 316.344.7–21
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/110-121>

Архитектура упадка: визуальные и социальные аспекты маргинализации медицинских учреждений

Ирина Анатольевна Гареева
Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, 003991@togudv.ru
Анастасия Филипповна Гарнага
Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, 007711@togudv.ru
Александра Геннадьевна Филипова
Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия;
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия, alexgen77@mail.ru

Аннотация. В статье представлен анализ актуальных проблем и особенностей маргинализации социально значимых объектов городских пространств на примере двух крупных больниц. В качестве исследовательского массива использована информация, размещённая в средствах массовой информации и мессенджерах, таких как Telegram и ВКонтакте. В современных условиях здания различного назначения, активно используемые в прошлом, или забытые постройки приобретают культурно-историческую значимость в глазах социума. В результате формируются новые направления социологических исследований, в частности социология пространственной маргинализации. В рамках настоящего исследования анализируются идеи о маргинальности и концепции новой маргинальности. Изучаются кейсы двух больниц в городах Москве и Екатеринбурге, ставших маргинальными пространствами. Бывшие медицинские учреждения, постепенно разрушаясь, обрастают мифами и легендами, притягивают к себе определённые группы горожан, формируют новые сообщества вокруг себя и становятся источником общих воспоминаний.

Ключевые слова: маргинальные городские пространства, эстетика, городская культура, урбанизация, мифологизация, медицинские учреждения

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20346, <https://rscf.ru/project/24-28-20346/> и Министерства образования и науки Хабаровского края (Соглашение № 114/2024)

Для цитирования: Гареева И. А., Гарнага А. Ф., Филипова А. Г. Архитектура упадка: визуальные и социальные аспекты маргинализации медицинских учреждений // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 4. С. 110–121. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/110-121>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/110-121>

Architecture of decline: visual and social aspects of the marginalization of medical institutions

Irina A. Gareeva
Pacific National University, Khabarovsk, Russia, 003991@pnu.edu.ru
Anastasia F. Garnaga
Pacific National University, Khabarovsk, Russia, 007711@pnu.edu.ru
Alexandra G. Filipova
Vladivostok State University, Vladivostok, Russia, A. I. Herzen State Pedagogical University of Russia,
St. Petersburg, Russia, alexgen77@mail.ru

Abstract. The article presents an analysis of current problems and features of marginalization of socially significant objects of urban spaces using the example of two large hospitals. The research array was based on information posted in the media and instant messengers such as Telegram and VKontakte. In modern conditions, buildings of various purposes, actively used in the past, or forgotten buildings acquire cultural and historical significance in the eyes of society. As a result, new areas of sociological research are formed into the sociology of spatial marginalization. This study analyzes ideas about marginality and the concept of new marginality. The cases of two hospitals in Moscow and Yekaterinburg, which have become marginal spaces, are studied. Former medical institutions gradually collapsing, become overgrown with myths and legends, attract certain groups of citizens, form new communities around themselves, and become a source of common memories.

Key words: marginal urban spaces, aesthetics, urban culture, urbanization, mythologization, medical institutions

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-20346, <https://rscf.ru/project/24-28-20346/> and the Ministry of Education and Science of Khabarovsk Krai (Agreement No. 114/2024).

For citation: Gareeva I. A., Garnaga A. F., Filipova A. G. Architecture of decline: visual and social aspects of the marginalization of medical institutions // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 4. P. 110–121. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/110-121>

Введение

В социологической и урбанистической областях маргинальные городские территории уже давно стали объектом пристального наблюдения. В разрезе истории научные изыскания фокусировались на социальных явлениях, отражающих отчуждение и депривацию городских пространств: гетто, лагерей для беженцев, неформальных поселений. Статус пространства и маргинальности имеют прочную корреляцию, что было обозначено ещё в ранних исследованиях социологической школы Чикаго. Пространственность является ключевым аспектом, воздействующим на социальное расслоение. Современные исследователи делают акцент на структурной деятельности. Именно она влечёт за собой развёртывание маргинальных территорий. Кроме того, в поле их зрения находятся подходы к совершенствованию жизни населения в пределах границ этих территорий. Проблема урбанизации и упаднического образа жизни находит отражение в трудах учёных Азии. В качестве примеров они используют плачевный опыт Индии и Бангладеш [11]. Концепция "другого", нередко становящаяся объектом исследования российских экспертов, также затрагивает исследование жизни бездомных сквозь призму философии [7].

В начале двадцатого века научный понятийный аппарат в контексте маргинальности пополнился таким термином, как "перформативность" городских территорий. Маргинальные пространства начинают освещаться в средствах массовой информации, кино, литературе, что влечёт за собой распространение тенденций путешествия по трущобам. В этот момент научное сообщество начинает исследовать актуальные социальные феномены, такие как, женские права, территориальная стигматизация, аффективность и материальность, проявляющие себя в контексте трущоб.

В больших городах часто можно наблюдать, как реальность отличается от планов. Примером тому могут служить заброшенные здания, недостроенные жилые, общественные и промышленные объекты. Такие объекты создают проблемы для городской среды и вызывают у жителей негативные эмоции, чувство неустроенности и грусти. Эти объекты указывают на потерю интереса со стороны властей и застройщиков и создают проблемы для местных жителей [7]. Без должной организации городской среды человек испытывает трудности с восприятием архитектуры, что может вызвать чувство подавленности и отчуждённости [13].

Традиционный взгляд на городское пространство в урбанистике и социологии предполагает существование вертикальной структуры, в которой ключевые элементы, такие как власть, экономика и культура, задают тон восприятию и оценке различных зон города. В рамках этой системы маргинальные зоны, отличающиеся физическим упадком, социальной изоляцией и чувством отчуждённости от общественной жизни, часто остаются незамеченными для широкой аудитории и намеренно игнорируются в дискуссиях.

Однако в последние годы отмечается заметный сдвиг в восприятии городских окраин, связанный с ростом интереса к их эстетической составляющей. Этот процесс проявляется в различных формах медиаконтента, распространяемого через социальные сети, мессенджеры и специализированные онлайн-платформы.

В современных СМИ маргинальные городские пространства часто изображаются как красивые и интересные места. Анализ контента, найденного на сайтах Familio.Media [16], в тематических группах "ВКонтакте" [38; 15], блогах LiveJournal [9] и на платформе "Яндекс.Дзен" [38], а также в материалах СМИ [4; 17; 24], позволяет определить основные аспекты этого явления.

Familio.Media акцентирует внимание на поэтике руин, представляя их как площадку для диалога с историей. Заброшенные локации рассматриваются как объекты визуального и повествовательного потребления. Эстетизация временной остановки достигается благодаря использованию ностальгических нарративов, визуальных метафор и интертекстуальных отсылок. Руины сравниваются с произведениями искусства, упоминается археология, что возводит обыденные вещи в ранг культурных ценностей. Таким образом, происходит романтизация городской деградации, где заброшенные места кажутся "застывшими во времени" и приобретают атмосферу "подлинности".

В статье "Эстетика заброшенного: почему эти места нас привлекают?" на платформе VK рассматривается не только эстетическая сторона заброшен-

ных мест, но и психологические причины нашего влечения к ним, а также социокультурный феномен индустриального туризма. Когда заброшенные строения теряют своё практическое назначение, они обретают новую эстетическую значимость и становятся своего рода "машиной времени" [38].

Основной идеей представленной работы является исследование маргинализации двух медицинских учреждений и эстетизации заброшенных территорий больниц посредством редевелопмента пространств, мифотворчества, эмоционального восприятия и культурного осмысления горожанами.

Методология исследования

Содержание концепции новой маргинальности заключается в развертывании участков социальной депривации с неповторимой семиотикой [31]. В расширенной концепции, представленной в работах российских исследователей А. Ю. Казаковой и Ю. В. Преображенского, раскрывается понимание того, что маргинальные территории представляют собой площадку для стихийных культурных мероприятий, отражающих иную сторону эстетики [12; 19]. В своем исследовании Д. О. Тимошкин приводит в качестве примера город Иркутск, где посредством передовых цифровых медиа маргинальные пространства получают вторую жизнь. Современные инструменты способствуют развертыванию "карт невидимости" внутри контента, потребляемого пользователями [30;31].

Наиболее обширную информацию по исследованию маргинальных пространств, обусловленную как их обилием, так и формой расселения населения, предоставляют мегаполисы. В данном случае город расширяется за счёт интегрируемых в него агломераций и поселений. Высокая плотность населения, разнообразие стилей жизни, раздробленность этнической и социально-профессиональной структуры, возможность выбора любой профессии или сферы занятости характеризуют мегаполис [6]. Поэтому для мегаполисов маргинальность – это нормальное явление больших человеческих сообществ, даже если учесть их постоянную изменчивость и миграцию. Пространственная маргинальность проявляется в пограничных зонах городской среды, где сосуществуют различные исторические и перспективные тенденции развития территорий [30].

Маргинализация социально-инфраструктурных учреждений, в частности медицинских зданий и сооружений, обусловлена рядом обстоятельств и имеет свою историю. Первые упоминания о древних медицинских учреждениях можно обнаружить в исторических трудах о Месопотамии, Индии, Египте. В средние века врачебная помощь оказывалась в монастырях [5, с. 31–32]. В Новое время лечебные учреждения строились как отдельные здания с современным (соответственно времени) технологическим оснащением, обусловленным непосредственной деятельностью учреждения [11]. Активное развитие медицины в XIX–XX вв. повлияло на архитектурное проектирование и технологическое обустройство больниц. В зданиях стали предусматриваться зонирование по профилям оказания медицинских услуг, проведение централизованного отопления, водоснабжения и электричества, ваннные комнаты и туалеты, широко использовались лифты и подъёмники [5, с. 31].

В современных условиях при проектировании медицинских учреждений учитывается концепция устойчивого развития и интерьерного дизайна. В требования к устройству и проектированию медицинских зданий и сооружений активно вносятся различные технические изменения, поэтому переустройство, переоснащение и в целом реновация старых медицинских учреждений представляет собой ресурсоёмкое мероприятие. Последнее, по нашему мнению, является одной из важных объективных причин маргинализации медицинских зданий и сооружений.

На современном этапе проектирование зданий и сооружений медицинского назначения, а также их функционирование осуществляются в соответствии с СП 158.13330.2014 "Здания и помещения медицинских организаций. Правила проектирования", ГОСТ 30494–2011 "Здания жилые и общественные. Параметры микроклимата в помещениях" и другими стандартами и техническими требованиями. Здания медицинских организаций предназначены для диагностики, лечения и ухода за пациентами в стационарном (круглосуточном) и амбулаторно-поликлиническом режимах [10; 27; 28].

К основным требованиям при проектировании и планировании зданий медицинского назначения относят: благоприятные природные ландшафты, размер участка, удобство технологических связей, возможность размещения хозяйственных зон, обеспечение поточности и последовательности медицинского процесса, использование различных форм пространственной изоляции, наличие достаточного количества лифтовых холлов, рекреационных пространств и шлюзов, обеспечение достаточной инсоляции и солнцезащиты и др. [5].

Маргинализация медицинских учреждений – это сложный и многогранный процесс, который затрагивает не только само учреждение, но и общество в целом. В данной работе будет проведён сравнительный анализ историй маргинализации двух медицинских учреждений: Ховринской больницы и Свердловской больницы в районе Зелёной Рощи. Оба рассматриваемых кейса, хоть и имеют свои уникальные особенности, наглядно иллюстрируют общие черты процесса маргинализации.

Результаты исследования

Кейс 1 – Ховринская больница. Строительство Ховринской больницы началось в 1980 г. по нетиповому проекту архитекторов А. С. Пилипенко и А. Г. Щербачева [8]. Здание планировалось как один из самых современных объектов здравоохранения, состоявший из шести десятиэтажных корпусов общей вместимостью 1300 коек, не имевший аналогов во всём союзном пространстве. В 1985 г. строительство было приостановлено, а после распада СССР и последующей финансовой нестабильности, в 1992 г. здание было законсервировано и осталось незавершённым [23].

Архитектурная планировка здания включала комплекс из нескольких корпусов, основным из которых выступал 17-этажный "блок" с характерной для советского времени функциональной стилистикой брутализма. Каждый блок был спланирован в форме буквы "Г", что позволило максимально эффективно использовать пространство и организовать внутренние коммуникации. Сверху здание имело вид треугольного креста с Г-образными завершениями блоков. Последствием эта форма плана, напоминающая символ корпорации "Амбрелла" (рис. 1) из популярной в конце 1990-х гг. компьютерной игры "Resident Evil" – знак биологической опасности – легла в основу сформировавшегося среди горожан топонима "Амбрелла". Основные функциональные зоны включали в себя приёмное отделение, хирургические и терапевтические блоки, а также администрацию.

Одной из особенностей Ховринской больницы было наличие большого количества окон для создания светлой и уютной атмосферы в помещениях. Обилие открытых пространств и естественного света должно было придавать интерьерам чувство "освобождённости".

Переход от лечебного учреждения к объекту руинизации позволяет нам говорить о трансформации основной функции, когда здание утрачивает свою социальную значимость и становится символом забвения и упадка. Как отмечает один из пользователей ВКонтакте: "Это место, где когда-то спасали жизни, теперь вызывает лишь страх и недоумение" [34].

Больница занимала изолированную, малодоступную территорию, что ещё более усиливало ощущение "вне пространства" и "вне времени" – место для строительства было выбрано на городской периферии, в тогда мало застроенном районе Москвы – Ховрино.

Незавершённое строительство Ховринской больницы оказало заметное влияние на восприятие её местными жителями. Для одних она стала символом упадка системы здравоохранения, для других – предметом эстетики, гордости и культурного наследия. В социальных сетях, например, во ВКонтакте [35; 36], активно обсуждаются мифы и легенды, связанные с этим зданием. Комментарии пользователей варьируются от воспоминаний и несбывшихся надежд до страхов и ассоциаций с заброшенным местом, которым она стала:

"Каждый раз, проходя мимо, я вспоминаю, как в детстве ездил сюда" [36],
"Особая энергетика там... Это чувствуется! Там спокойно, как на кладбище" [3],

Рис. 1. Ховринская больница, вид сверху.

Источник: [4].

Fig. 1. Khovrinskaya hospital, top view.

Source: [4].

"Я там ногу сломал, потом ту же ногу ещё раз сломал. Думаю, надо сходить ещё раз" [3].

Мифы и легенды о том, что в стенах больницы бродят призраки неизлечимо больных пациентов, что подтверждается метафорическим смыслом (заброшенность ассоциируется с тёмными тайнами и недосказанностью) стали частью нарратива Ховринки. Больница нашла своё закрепление в фильме "Ховрино. Блог из преисподней" [33], в повести "Кремль 2222. Ховрино" [25], в книге "Край чудес" [21]. В интернет-пространстве можно найти стихотворение о больнице, текст которого собрал городские мифы о данном месте. На одном из ресурсов сети автором называется Людмила Понкратова [29]:

"Больница эта – край чудес,
В неё зашел – и там исчез.
Там шахты прыгнуть вниз зовут,
Там привидения живут.
В подвале поселился бес,
Организатор жутких месс.
И всё ж она как рай земной,
Идти не хочется домой,
Хочется остаться там ...".

В здание заброшенной, находящейся за ограждением и под охраной больницы для любителей эстетики маргинальных городских пространств активисты стали организовывать незаконные "экскурсии". Во ВК пользователь с ником "Дарья Николаевна" в 2015 г. размещает пост: "Могу провести экскурсию по ХБЗ, время и место встречи договорная, по вашему усмотрению... Экскурсия включает: полную историю ХБЗ, рассказ о ХБЗ, легенды, фото" [36]. В этом же сообществе ведутся обсуждения, как попасть на закрытую территорию, что ждёт посетителей; пользователи информируют о нахождении в подтопленных подвалах баллонов с психотропным газом, гибели членов секты сатанистов "Немостор", обитавших на нижних этажах здания, и проч. [36]. "Немостор" [37] стал вторым после "Амбреллы" топонимом Ховринской больницы.

В 2018 г. на официальном сайте Градостроительного комплекса Москвы появилась информация об определении на конкурсе подрядчика по сносу здания Ховринской больницы и о запланированном проектировании и строительстве к 2020 г. жилого квартала с фондом около 315 тыс. кв. м. на участке

Рис. 2. Вид Свердловской больницы особого назначения (ок.1940-е гг.).

Источник: [22].

Fig. 2. View of the Sverdlovsk Special Purpose Hospital (с. 1940s).

Source: [22].

больницы [18]. В публикации издания "Московский комсомолец" отмечается: "...недостроенное здание больницы снесли, чтобы возвести на его месте пару сотен тысяч квадратных метров жилья. Однако у местных жителей перспектива энтузиазма не вызывает – выяснилось, что люди потеряли и надежду получить когда-нибудь медучреждение, и стихийно возникший дикий парк..." [26].

В 2025 г. на территории бывшего недостроя Ховринской больницы расположился жилой квартал, состоящий из плотно расположенных друг к другу трёх монолитных железобетонных зданий высотой от 29 до 32 этажей. Отзывы о районе и конкретных домах на ресурсе 2ГИС положительные, хотя и не лишены воспоминаний о маргинальной "Ховринке". Так, пользователь с ником "Местный Житель" 6 июля 2024 г. пишет: "Очень высокий дом здесь. Хорошеет район, а то раньше на месте была больница и стала уходить под землю, т. к. почва такая в этом месте".

В целом, кейс Ховринской больницы раскрывает архитектурно-социальный феномен, демонстрирующий сложные взаимосвязи городской среды, архитектуры, социального состояния и культурных нарративов. Маргинальность этого здания олицетворяет трагедию утраченной идентичности, несбывшихся надежд, вместе с тем романтизируя сформировавшиеся стихийные пространства и возбуждая интерес к ним среди разных социальных групп, не всегда маргинальных – от подростков до туристов.

Кейс 2 – Свердловская (Екатеринбургская) больница. Другая судьба у Свердловской больницы – медицинского учреждения с почти столетней историей, расположенной в самом центре Свердловска (Екатеринбурга). Недалеко от здания больницы располагался (и существует по сей день) парк Зелёная Роща, и именно с этим местом будет ассоциироваться Свердловская больница у горожан.

В соответствии с генеральным планом в 1931 г. Г. Голубев спроектировал комплекс больницы специального назначения. В проект было включено девять объектов – центральный корпус больницы, включающий в себя три пя-

Рис. 3. Вид здания заброшенной Екатеринбургской больницы.

Источник: [20].

Fig. 3. View of the building of the abandoned Yekaterinburg hospital.

Source: [20].

тиэтажных здания, в которых размещались стационар и поликлиника, и ещё шесть зданий различного назначения для нужд больницы. Главный фасад центрального корпуса выходил на южную сторону и завершался эффектной аркадой оконных проемов. Проектом было предусмотрено сооружение благоустроенного сквера для пациентов и посетителей учреждения.

К концу 20-х гг. XX в. город Свердловск представлял собой центр Уральской области, и строительство масштабного медицинского комплекса было вполне обосновано. Проект здания был грандиозен, уникален и требовал значительных финансовых вложений. В связи с упразднением Уральской области в 1931 г. реализация проекта затянулась из-за отсутствия необходимого финансирования. Архитекторами И. Юговым и Н. Жемановым в проект были внесены изменения в архитектурное оформление здания с использованием элементов советской "неоклассики" (рис. 2). Строительство больницы было завершено в 1938 г., а в 1939 г. больница получила статус объекта гражданского назначения [6].

В годы Великой Отечественной войны больница выполняла функции госпиталя. В этот период в стенах больницы получали лечение около 90 тыс. человек и было проведено более 27 тыс. операций [22].

Больница продолжила свою работу в послевоенный период до 1973 г., когда произошла реорганизация – её объединение со станцией скорой медицинской помощи. В статусе городской клинической больницы скорой медицинской помощи больница функционировала до конца 90-х гг. прошлого столетия.

Свердловская больница пережила множество изменений. Изначально задуманная как многопрофильное учреждение, в отдельные периоды она специализировалась на терапевтическом, хирургическом и психиатрическом профилях. В 1990-х гг., с началом экономических реформ и сокращением финансирования, больница столкнулась с недостатком ресурсов. Последние годы эксплуатации больницы были отмечены стремлением властей найти альтернативные формы использования пространства [14], однако ни одна из предложенных концепций не смогла эффективно возродить здание. По мнению городских властей, в конце 90-х гг. город уже не нуждался в специализированной больнице неотложной помощи.

В 2000 г. спецкомиссия города Екатеринбурга расформировала больницу с целью проведения капитального ремонта, который так и не начался (рис. 3). Решение, принятое спецкомиссией, фатально повлияло на дальнейшую судьбу как персонала больницы, так и на само учреждение. Персонал больницы частично был сокращён, другая часть уволилась под давлением. В здании отключили отопление, но часть врачей продолжала работу даже в таких условиях. Как и в случае с Ховринской больницей, Екатеринбургская стала источником формирования мифов, городских легенд, таинственных историй о призраках женщины в белом и маленькой пациентки, погибшей в шахте лифта, о таинственной комнате с часами, останавливающими время, об экспериментах над людьми, о замурованном морге и др. [20].

С течением времени здание больницы всё больше разрушалось: "Запах сырости и гниения пропитал все помещения. В операционных, где когда-то боролись за жизнь пациентов, теперь царили тишина и разруха. На стенах виднелись следы крови, напоминая о былом предназначении этого места. В палатах, где выдвигали пациенты, теперь валялись шприцы и пустые бутылки" [2].

Евгений Бурденков, заведующий научно-информационным центром Музея истории Екатеринбурга, вспоминал о своих студенческих годах: "В начале 2000-х я жил в общежитии исторического факультета напротив здания этой больницы... Долгое время мы ходили мимо него, смотрели, а потом поняли, что оно не охраняется. Мы с ребятами-студентами решили попасть туда, потому что здание красивое. В тот момент у него ещё были целы стеклопакеты. всё здание было в абсолютно хорошем состоянии. Двери целы. Стены не исписаны <...> Внутри осталось много фотографий. Огромное количество медицинской литературы. Дела пациентов <...> Создавалось впечатление, что врачи ещё придут туда" [2].

В 2010-х гг. идея реконструкции больницы сдвинулась с мёртвой точки благодаря инициативе общественности и привлечению внимания к проблеме в СМИ. Проведённые экспертные оценки состояния здания подтвердили его аварийное состояние и необходимость срочных мер по консервации и реставрации. В 2020 г. было принято решение о включении объекта в программу реставрации объектов культурного наследия, финансируемую из федерального и регионального бюджетов. Начались работы по укреплению фундамента, восстановлению фасада и кровли, а также реставрации внутренних помещений. В процессе реставрации особое внимание уделялось сохранению оригинальных архитектурных элементов и деталей, представляющих историческую ценность.

Но в 2021 г. планы на здание больницы изменились, и оно было исключено из Единого государственного реестра, а в 2022 г. осуществлён снос.

В январе 2023 г. Министерство здравоохранения региона объявило о проведении конкурса на разработку проектной документации для нового онкологического центра на месте заброшенной больницы. В 2025 г. медицинский центр частично начал свою работу. Таким образом, функция городского пространства была сохранена.

Заключение

Таким образом, экономические условия 1990-х гг. сыграли ключевую роль в судьбах двух больниц. Переход к рынку привёл к резкому сокращению бюджетного финансирования здравоохранения, и Ховринская больница даже не была введена в эксплуатацию. В случае со Свердловской больницей причины, помимо проблем с финансированием, также связаны с административными решениями, направленными на оптимизацию расходов.

Эстетика маргинальности проявляется через трансформацию функций пространств: от мест заботы и исцеления – к зонам упадка и разрушения. Заброшенные больницы становятся не только объектами городского мифотворчества и носителями локальных легенд, но и элементами коллективной памяти. Их маргинальный статус усиливается за счёт интереса со стороны субкультур и художников, для которых эти пространства служат источником вдохновения и сценой для самовыражения.

Заброшенные больницы являются примерами совмещения проблем архитектуры, урбанистики и социокультурных аспектов. Их история, архитек-

турные особенности и трансформации предоставляют богатый материал для исследования тем маргинальности и изменения функций зданий в городском контексте. Через призму этих изменений можно лучше понять, как пространство и время взаимодействуют, создавая новые смыслы и эстетические значения в современных городах. Изучение подобных объектов открывает новые возможности для анализа периферийных зон и их значения в городской среде, а также способствует формированию обсуждения, касающегося памяти, самосознания и общественных аспектов градостроительства.

Литература / References

1. Бурмич А. К., Бараненко Д. Г. Креативное пространство как способ реабилитации заброшенных зданий. Весенние дни науки ИнЭУ: сборник докладов Международной конференции студентов и молодых учёных. Екатеринбург. Издательство Издательский Дом "Ажур", 2024. С. 243–248.
Burmich A. K., Baranenko D. G. Creative space to rehabilitate abandoned buildings. Spring Science Days of InEU: collection of reports from the International Conference of Students and Young Scientists. Yekaterinburg. Publishing House Publishing House "Azhur", 2024. P. 243–248. (In Russ.)
2. В Музей истории Екатеринбурга передали образец советской плитки из заброшенной больницы в Зеленой Роще. URL: <https://xn----7sbbe6addecj3bpgj0a0fvd.xn--p1ai/news/item/43443> (дата обращения: 20.05.2025)
A sample of Soviet tiles from an abandoned hospital in Zelenaya Roshcha was transferred to the Yekaterinburg History Museum. URL: <https://xn----7sbbe6addecj3bpgj0a0fvd.xn--p1ai/news/item/43443> (accessed 20.05.2025)
3. Влияние Ховринской заброшки на человека. URL: https://vk.com/topic-18408211_22917392 (дата обращения: 30.05.2025)
The influence of the Khovrin abandoned building on a person. URL: https://vk.com/topic-18408211_22917392 (accessed 30.05.2025)
4. Гаврилова С. Мистические места Москвы: призраки, заброшки, местные легенды / Московские новости. 2024. URL: <https://www.mn.ru/smart/misticheskie-mesta-moskvy-prizraki-zabroshki-mestnye-legendy> (дата обращения: 24.03.2025)
Gavrilova S. Mystical places of Moscow: ghosts, abandoned buildings, local legends / Moskovskie Novosti. 2024. URL: <https://www.mn.ru/smart/misticheskie-mesta-moskvy-prizraki-zabroshki-mestnye-legendy> (accessed 24.03.2025)
5. Гайкова Л. В., Родина Н. С. Исторический путь архитектурного развития лечебных зданий и комплексов // Творчество и современность. 2018. №1 (5). С. 18–34.
Gaykova L. V., Rodina N. S. Historical path of architectural development of medical buildings and complexes // Creativity and modernity. 2018. No. 1 (5). P. 18–34. (In Russ.)
6. Главный корпус (Комплекс Областной больницы специального назначения). URL: <http://theconstructivistproject.com/ru/object/1099/glavnyj-korpus-kompleks-oblastnoj-bolnicy-spcnaznacheniya> (дата обращения: 20.05.2025)
Main building (Regional Special Purpose Hospital Complex). URL: <http://theconstructivistproject.com/ru/object/1099/glavnyj-korpus-kompleks-oblastnoj-bolnicy-spcnaznacheniya> (accessed 20.05.2025)
7. Голышев В. С., Косов Н. А. Влияние заброшенных зданий на городские практики // Наука в мегаполисе Science in a Megapolis. 2021. № 1. URL: <https://mgpu-media.ru/issues/issue-27/man-modern-city/abandoned-buildings.html> (дата обращения: 20.05.2025)
Golyshev V. S., Kosov N. A. The Impact of Abandoned Buildings on Urban Practices // Science in a Megapolis. 2021. No. 1. URL: <https://mgpu-media.ru/issues/issue-27/man-modern-city/abandoned-buildings.html> (accessed 20.05.2025) (In Russ.)
8. Городская клиническая больница на 1300 коек (Ховринская больница). URL: <https://web.archive.org/web/20170815163217/http://www.sovarch.ru/catalog/object/764> (дата обращения: 30.05.2025)
City clinical hospital with 1,300 beds (Khovrinskaya hospital). URL: <https://web.archive.org/web/20170815163217/http://www.sovarch.ru/catalog/object/764> (accessed 30.05.2025)
9. Городские легенды / LiveJournal. 2024. URL: <https://gelena-s.livejournal.com/1864688.html> (дата обращения: 24.03.2025)
Urban legends / LiveJournal. 2024. URL: <https://gelena-s.livejournal.com/1864688.html> (accessed 24.03.2025)
10. ГОСТ 30494–2011 "Здания жилые и общественные. Параметры микроклимата в помещениях" / ГОСТ 30494–2011 "Residential and Public Buildings. Indoor Microclimate Parameters" (In Russ.)
11. Гренбецка З., Тимофеев М. Ю., Садовский Я. Чёрная "Волга" и голые негритянки: современные мифы, городские легенды и слухи о временах Польской Народной Республики // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 3. С. 3–21.

- Grenbecka Z., Timofeev M. Yu., Sadovsky Ya. Black "Volga" and naked black women: modern myths, urban legends and rumors about the times of the Polish People's Republic // *Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Research*. 2013. No. 3. P. 3–21. (In Russ.)
12. Казакова А. Ю. Жилищная депривация и территориальная стигма как атрибуты маргинальности: дисс. ... д-ра социол. наук. Ставрополь, 2021. 36 с.
Kazakova A. Yu. Housing deprivation and territorial stigma as attributes of marginality. Diss. ... Doctor of Sociological Sciences. Stavropol, 2021. 36 p. (In Russ.)
13. Каледина А. С. Эстетические факторы влияния заброшенных зданий на человека. Наука, образование и экспериментальное проектирование. 2021. № 1. С. 362–364.
Kaledina A. S. Aesthetic factors of the influence of abandoned buildings on humans. Science, education and experimental design. 2021. No. 1. P. 362–364. (In Russ.)
14. Кондаков Б. В., Королёва С. Ю., Туманова О. С. "Я только всякую страшную правду знаю": легенды о промышленных объектах, катакомбах и долгостроях Перми // *Фольклор и антропология города*. 2018. Т. 1, № 1. С. 251–271.
Kondakov B. V., Koroleva S. Yu., Tumanova O. S. "I only know all sorts of terrible truths": legends about industrial facilities, catacombs and long-term construction projects in Perm // *Folklore and anthropology of the city*. 2018. Vol. 1, No. 1. P. 251–271. (In Russ.)
15. Легенды и руины: Заброшенные здания и места, таинственные и загадочные легенды (сообщество в социальной сети ВКонтакте). URL: https://vk.com/legends_of_ruins (дата обращения: 24.03.2025)
Legends and ruins: Abandoned buildings and places, mysterious and enigmatic legends (community on the social network VKontakte). URL: https://vk.com/legends_of_ruins (accessed 24.03.2025)
16. Ловец застывшего времени / *Familio Media*. 2022. URL: <https://familio.media/interview/lovecz-zastyvshego-vremeni/> (дата обращения: 24.03.2025)
Catcher of frozen time / *Familio Media*. 2022. URL: <https://familio.media/interview/lovecz-zastyvshego-vremeni/> (accessed 24.03.2025)
17. Место тёмной силы. Тайны, загадки и легенды больницы в Ховрине / *LIFE*. 2018. URL: <https://life.ru/p/1175287> (дата обращения: 24.03.2025)
The Place of Dark Power. Secrets, Riddles and Legends of the Hospital in Khovrino / *LIFE*. 2018. URL: <https://life.ru/p/1175287> (accessed 24.03.2025)
18. Мистическая Ховринская больница. Конец истории культовой постройки. URL: <https://stoi.mos.ru/articles/mistichieskaia-khovrinskaia-bol-nitsa-koniets-istorii-kul-tovoi-postroiki> (дата обращения: 20.05.2025)
The Mystical Khovrino Hospital. The End of the History of a Cult Building. URL: <https://stoi.mos.ru/articles/mistichieskaia-khovrinskaia-bol-nitsa-koniets-istorii-kul-tovoi-postroiki> (accessed 20.05.2025)
19. Преображенский Ю. В. Пространственная маргинализация: подходы и уровни исследования. Вестник ТвГУ. Серия: География и геоэкология. 2020. № 2. С. 5–12.
Preobrazhensky Yu. V. Spatial marginalization: approaches and levels of research. *Vestnik of TvSU. Series: Geography and Geoecology*. 2020. No. 2. P. 5–12. (In Russ.)
20. Призраки, комната времени и замурованный морт. Вспоминаем самые популярные легенды о заброшенной больнице в Зеленой роще. URL: <https://www.justmedia.ru/analitika/society/prizraki-komnata-vremeni-i-zamurovannyy-morg-vspominayem-samye-populyarnyye-legendy-o-zabroshennoy-bolnitse-v-zelenoy-roshche> (дата обращения: 20.05.2025)
Ghosts, the Room of Time and the Walled-Up Morgue. Remembering the most popular legends about the abandoned hospital in Zelenaya Roshcha. URL: <https://www.justmedia.ru/analitika/society/prizraki-komnata-vremeni-i-zamurovannyy-morg-vspominayem-samye-populyarnyye-legendy-o-zabroshennoy-bolnitse-v-zelenoy-roshche> (accessed 20.05.2025)
21. Птицева О. Край чудес: [роман]. М.: Издательство "Альпина нон-фикшн"., 2025. 416 с.
Ptitseva O. The Land of Wonders: [a novel]. Moscow: Alpina Non-Fiction Publishing House, 2025. 416 p.
22. Разбираем наследие. Как создавали, забросили и приговорили к сносу легендарную больницу у Зелёной Рощи. URL: <https://www.e1.ru/text/gorod/2022/12/04/71867972/> (дата обращения: 30.05.2025)
Analyzing the legacy. How the legendary hospital near Zelenaya Roshcha was created, abandoned, and sentenced to demolition.. URL: <https://www.e1.ru/text/gorod/2022/12/04/71867972/> (accessed 30.05.2025)
23. РИА Новости. Проект новой больницы в Ховрино разработают исходя из потребностей Москвы. URL: <https://realty.ria.ru/20131115/401827769.html> (дата обращения: 30.05.2025)
RIA Novosti. The project for a new hospital in Khovrino will be developed based on Moscow's needs. URL: <https://realty.ria.ru/20131115/401827769.html> (accessed 30.05.2025)
24. Свечков Д. "Захожу в комнату, а там органы в пробирках стоят": легенды заброшенной больницы в "Зелёной Роще", которой скоро не станет / *Комсомольская правда*. – 2022. URL: <https://www.ural.kp.ru/daily/27475/4682612/> (дата обращения: 24.03.2025)
Svechkov D. "I go into the room, and there are organs in test tubes": legends of the abandoned hospital in "Green Grove", which will soon disappear / *Komsomolskaya Pravda*. – 2022. URL: <https://www.ural.kp.ru/daily/27475/4682612/> (accessed 24.03.2025)

25. Силлов Д. О. Степанов С. А. Кремль 2222. Ховрино. М. АСТ, 2014. 352 с.
Sillov, D. O.; Stepanov, S. A. Kremlin 2222: Khovrino. Moscow: AST, 2014. 352 p.
26. Снос Ховринской больницы аукнулся жителям: ни медучреждения, ни парка. URL: <https://www.mk.ru/moscow/2020/03/01/snos-khovrinskoy-bolnicy-auknulas-zhitelyam-ni-meduchrezhdeniya-ni-parka.html#> (дата обращения: 20.05.2025)
Demolition of the Khovrino Hospital Has Had an Impact on Residents: No Medical Institution, No Park. URL: <https://www.mk.ru/moscow/2020/03/01/snos-khovrinskoy-bolnicy-auknulas-zhitelyam-ni-meduchrezhdeniya-ni-parka.html#> (accessed 20.05.2025)
27. СП 158.13330.2014 "Здания и помещения медицинских организаций. Правила проектирования" SP 158.13330.2014 "Buildings and premises of medical organizations. Design rules". (In Russ.)
28. СП 319.1325800.2017 "Здания и помещения медицинских организаций. Правила эксплуатации". SP 319.1325800.2017 "Buildings and premises of medical organizations. Operating rules". (In Russ.)
29. Стихи для тебя, Ховринка любимая. URL: https://vk.com/topic-18408211_23826500 (дата обращения: 20.05.2025)
Poems for You, My Beloved Khovrino. URL: https://vk.com/topic-18408211_23826500 (accessed 20.05.2025)
30. Тимошкин Д. О. Мигранты и пространственная маргинальность в городских цифровых медиа (на примере Иркутска). Социологическое обозрение. 2021. Т. 20, №. 1. С. 124–147. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2021-1-124-147>
Timoshkin D. O. Migrants and spatial marginality in urban digital media (on the example of Irkutsk). Sociological review. 2021. Vol. 20, No. 1. P. 124–147. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2021-1-124-147> (In Russ.)
31. Тимошкин Д. О., Пчелкина Д. С. Уязвимый архаизм: облик маргинальных пространств Красноярска. Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. №. 1 (56). С. 56–66. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2021-1/56-66>
Timoshkin D. O., Pchelkina D. S. Vulnerable archaism: the appearance of marginal spaces in Krasnoyarsk. Ojkumena. Regional researches. 2021. No. 1 (56). P. 56–66. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2021-1/56-66> (In Russ.)
32. Туркулец С. Е., Гареева И. А., Слесарев А. В., Гарнага А. Ф. Маргинализация городского пространства (опыт социологического исследования на примере Хабаровска). Социодинамика. 2024. № 12. С. 17–37. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2024.12.72545>
Turkulets S. E., Gareeva I. A., Slesarev A. V., Garnaga A. F. Marginalization of urban space (experience of sociological research using the example of Khabarovsk). Sociodynamics. 2024. No. 12. P. 17–37. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2024.12.72545> (In Russ.)
33. Ховрино. Блог из преисподней (2017). URL: https://www.kinopoisk.ru/film/893316/?utm_referrer=www.bing.com (дата обращения: 20.05.2025)
Khovrino. Blog from the Underworld (2017). URL: https://www.kinopoisk.ru/film/893316/?utm_referrer=www.bing.com (accessed 20.05.2025)
34. Ховринская заброшенная больница. URL: <https://vk.com/club5114934> (дата обращения: 20.05.2025)
Khovrin abandoned hospital. URL: <https://vk.com/club5114934> (accessed 20.05.2025)
35. Ховринская заброшенная больница "ХБЗ". URL: <https://vk.com/club18408211> (дата обращения: 20.05.2025)
Khovrin abandoned hospital "KhBZ". URL: <https://vk.com/club18408211> (accessed 20.05.2025)
36. Ховринская заброшенная больница "ХБЗ". URL: https://vk.com/club18408211?w=wall-18408211_239 (дата обращения: 20.05.2025)
Khovrin abandoned hospital "KhBZ". URL: https://vk.com/club18408211?w=wall-18408211_239 (accessed 20.05.2025)
37. Ховринская заброшенная больница "ХБЗ", обсуждения. URL: https://vk.com/club18408211?w=wall-18408211_100 (дата обращения: 20.05.2025)
Khovrin abandoned hospital "KhBZ", discussions. URL: https://vk.com/club18408211?w=wall-18408211_100 (accessed 20.05.2025)
38. Эстетика заброшенного: почему эти места привлекают нас? / Горизонталы: Петербургский медиапроект о современной культуре, локальных инициативах и переосмыслении городского пространства (сообщество в социальной сети ВКонтакте). 2022. URL: <https://vk.com/@cultureline-estetika-zabroshennogo-pochemu-eti-mesta-privlekaut-nas> (дата обращения: 24.03.2025)
Aesthetics of the abandoned: why do these places attract us? / Horizontals: A St. Petersburg media project on contemporary culture, local initiatives, and rethinking urban space (community on the social network VKontakte). 2022. URL: <https://vk.com/@cultureline-estetika-zabroshennogo-pochemu-eti-mesta-privlekaut-nas> (accessed 24.03.2025)
39. Orton-Johnson K., Prior N. (Eds.). Digital Sociology: Critical Perspectives. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2013. 249 p. URL: <https://bigenc.ru/b/digital-sociology-d40606> (accessed 30.06.2025)
40. Wynn J. R. Digital Sociology: Emergent Technologies in the Field and the Classroom. Sociological Forum. 2009. No. 24 (2). P. 448–456. URL: <https://www.jstor.org/stable/40210412> (accessed 30.06.2025).

Информация об авторах

Ирина Анатольевна Гареева, д-р соц. наук, профессор Высшей школы социальных и политических наук Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: 003991@togudv.ru

Анастасия Филипповна Гарнага, канд. соц. наук, доцент Высшей школы архитектуры и градостроительства Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: 007711@togudv.ru

Александра Геннадьевна Филипова, д-р соц. наук, профессор, заведующий лабораторией комплексных исследований детства Владивостокского государственного университета, Владивосток, Россия; старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории комплексного исследования детства Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: alexgen77@mail.ru

Information about the authors

Irina A. Gareeva, Doctor of Sociology, Professor, Higher School of Social and Political Sciences, Pacific National University, Khabarovsk, Russia, e-mail: 003991@togudv.ru

Anastasia F. Garnaga, Candidate of Sociology, Associate Professor, Higher School of Architecture and Urban Planning, Pacific National University, Khabarovsk, Russia, e-mail: 007711@togudv.ru

Alexandra G. Filipova, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Laboratory for Comprehensive Childhood Studies, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia; Senior Researcher, Research Laboratory for Comprehensive Studies of Childhood, A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia, e-mail: alexgen77@mail.ru

Поступила в редакцию 11.06.2025

Одобрена после рецензирования 08.11.2025

Принята к публикации 27.11.2025

Received 11.06.2025

Approved 08.11.2025

Accepted 27.11.2025

Научная статья
УДК 321.022
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/122-132>

Будущее регионального политического процесса в цифровую эпоху: формы и механизмы противодействия негативным тенденциям

Алексей Юрьевич Мамычев
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва;
Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия, mamychev@yandex.ru

Антон Георгиевич Арутюнов
Владивостокский государственный университет, Владивосток;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, anton.arutyunov.98@mail.ru

Аннотация. В настоящем исследовании опираясь на вышеобозначенные тренды цифровой трансформации политики, а также экспертное интервьюирование, проведённое в 15 регионах Российской Федерации, выделяются и содержательно анализируются доминирующие в настоящее время опасности и негативные тенденции регионального политического процесса, а также определяются основные направления противодействия последним. В содержании работы данные опасности и риски рассматриваются в трёх взаимосвязанных аспектах: 1) обусловленные цифровизацией традиционных политических институтов и отношений; 2) возникающие в процессе развития новых цифровых институций и слабой прогнозируемости траекторий их развития; 3) противоречия и конфликты, которые складываются во взаимодействии традиционных политических субъектов и цифровых институций. В завершение работы авторы приходят к выводу о необходимости совершенствования регионального законодательства в части применения цифровых технологий в избирательных кампаниях, а также о запрете использования любых автономных алгоритмических программ и ботов для политической агитации и таргетированной политической рекламы. Обосновывается развитие форм суверенизации национального интернет-пространства и механизмов противодействия деструктивному контенту, фейковым новостям и искажённым информационным материалам, а также усиление ответственности социальных сетей и интернет-платформ за размещение на их ресурсах данных контентов, новостей и информации. Авторы также аргументируют необходимость развития социально-нормативных регуляторов, этических принципов, нравственных стандартов и т. д., нормирующих использование цифровых технологий в региональной политике, а также стимулирование развития институтов гражданского контроля в сфере цифрового взаимодействия.

Ключевые слова: избирательная кампания, региональный политический процесс, суверенитет, системы искусственного интеллекта, технологическая политика, цифровая трансформация, цифровизация

Исследование выполнено в лаборатории политико-правовых и социально экономических исследований Владивостокского государственного университета в рамках проекта № FZUG-2024-0006 "Прошлое, настоящее и будущее России в цифровую эпоху: формы и механизмы противодействия негативным контентам и фальсификациям" при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ и Экспертного института социальных исследований.

Для цитирования: Мамычев А. Ю., Арутюнов А. Г. Будущее регионального политического процесса в цифровую эпоху: формы и механизмы противодействия негативным тенденциям // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 4. С. 122–132. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/122-132>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/122-132>

The future of regional political process in the digital age: forms and mechanisms of countering negative trends

Alexey Yu. Mamychev
Moscow State University, Moscow, Russia,
Vladivostok State University, Vladivostok, Russia, mamychev@yandex.ru
Anton G. Arutyunov
Vladivostok State University, Vladivostok, Russia,
Moscow State University, Moscow, Russia, anton.arutyunov.98@mail.ru

Abstract. Based on the above-mentioned trends of digital transformation of politics, as well as expert interviews conducted in 15 regions of the Russian Federation, this study highlights and meaningfully analyzes the currently dominant dangers and negative trends of the regional political process, as well as identifies the main directions of countering the latter. The content of the work considers these hazards and risks in three interrelated aspects: 1) caused by the digitalization of traditional political institutions and relations; 2) emerging in the process of the development of new digital institutions and the weak predictability of their development trajectories; 3) contradictions and conflicts that develop in the interaction of traditional political actors and digital institutions. At the end of the work, the authors conclude that it is necessary to improve regional legislation regarding the use of digital technologies in election campaigns, as well as the prohibition of the use of any autonomous algorithmic programs, bots for political campaigning and targeted political advertising. The article substantiates the development of forms of sovereignty of the national Internet space and mechanisms for countering destructive content, fake news and distorted information materials, as well as strengthening the responsibility of social networks and Internet platforms for posting these contents, news and information on their resources. The authors also argue for the need to develop social and regulatory regulators, ethical principles, moral standards, etc., that normalize the use of digital technologies in regional politics, as well as stimulate the development of institutions of civil control in the field of digital interaction.

Key words: *election campaign, regional political process, sovereignty, artificial intelligence systems, technological policy, digital transformation, digitalization*

The research was carried out at the Laboratory for Political-Legal and Socio-Economic Studies of Vladivostok State University within the framework of Project No. FZUG-2024-0006, "The Past, Present, and Future of Russia in the Digital Era: Forms and Mechanisms for Countering Negative Content and Falsifications," with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research.

For citation: Mamychev A. Yu., Arutyunov A. G. The future of regional political process in the digital age: forms and mechanisms of countering negative trends // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 4. P. 122–132. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/122-132>

Введение

Современная общественно-политическая коммуникация неумолимо перемещается в цифровое пространство, меняя характер, содержание и направление публично-властных стратегий и практик. Данное пространство взаимодействия организуется и управляется разнообразными акторами (государством, частными корпорациями, автономными алгоритмами и т. д.) [3]. По оценке многих экспертов, с позицией которых трудно не согласиться, мы проживаем эпоху кардинальных изменений. Интенсивное развитие цифровых инструментов и технологических решений подрывает традиционные основы общественного доверия и стабильности, обостряет разнообразные проблемы и конфликты, порождает принципиально новые риски и угрозы [25]. Действительно, цифровые технологии существенно влияют на активизацию граждан в национальном и региональном политическом процессе [17]. Возможность онлайн-голосования, интерактивного обсуждения местных проблем, ключевых задач органов публичной власти и прочего не только повышает вовлечённость жителей в политическую жизнь, но расширяет потенциал и возможность цифровых форм прямой демократии [2]. Однако развитие последнего во многом способствует виртуализации политического процесса, т. е. посредством алгоритмов становится возможно создавать виртуальные общественно-политические события, имитировать публичный диалог власти и общества, генерировать цифровые иллюзии поддержки общественного мнения (в форме интерактивных графиков, результатов голосования в различных сообществах, накручиванием лайков), конструировать несуществующие тренды и тенденции (цифровые симулякры) и т. п.

Всё это трансформирует традиционное публичное пространство, прежде всего, создавая действенные цифровые средства, виртуализирующие реальное общественное обсуждение, симулирующие социальный активизм граждан или ограничивающие / блокирующие доступ граждан к публичной арене. Ведь одним из базовых оснований политики, по верному замечанию Жака Рансьера, выступает "конфликт по поводу существования общей сцены, существования и качества тех, кто на ней присутствует" [22]. А сама публичная арена как таковая возможна при наличии разделяемого всеми общего социокультурного и коммуникативного опыта. И этот опыт также предполагает "неожиданное, непредсказуемое и подчас даже нежеланное столкновение с различными темами, людьми и идеями" [31].

В то же время непродуктивно отрицать, что цифровые алгоритмические решения становятся ключевым фактором в развитии регионального политического процесса, улучшают коммуникацию между властью и обществом, существенно расширяют транспарентный (открытый, прозрачный) режим функционирования органов публичной власти и должностных лиц. Более того, в последнее время активно развиваются и гибридные форматы цифровых экосистем и платформ, которые управляются не только частными инвесторами, учредителями, но и правительственными структурами, находятся под контролем общественных организаций и движений, профессиональных сообществ и ассоциаций. Можно с уверенностью прогнозировать, что в таких гибридных форматах начинают складываться и апробироваться новые формы государственного и гражданского контроля, а также инструменты влияния общества на стратегию и политику развития цифровых платформ.

Безусловно, это первый этап развития форм государственного и общественного контроля, которые будут в дальнейшем развиваться и усложняться

в общественно-политической практике. В Китае, Индии, Иране, ОАЭ и других странах уже встречаются подобные социально-нормативные практики [5]. В России, например, СБЕР является одной из крупнейших цифровых экосистем, объединяющей более 40 компаний, оказывающей различные интерактивные сервисы практически во всех сферах жизнедеятельности личности, общества, государства (финансы, доставка, телемедицина, недвижимость, облачные сервисы и т. д.). При этом 50 % плюс 1 акция СБЕРА принадлежит Фонду национального благосостояния, работу которого контролирует Правительство РФ, а остальные акции находятся в свободном публичном обращении.

Крупнейшая китайская цифровая экосистема WeChat также объединяет разнообразные сервисы и многофункциональные услуги, принадлежит крупнейшему китайскому холдингу Tencent Holdings. Развитие данной экосистемы происходило в тесном взаимодействии китайского правительства и данного техногиганта. Один из государственных служащих так описывал это: "У властей не хватало информации о собственной стране и её населении. Поэтому у нас не было качественных данных, нужных для программного обеспечения ИИ. Без хорошей базы данных обо всех гражданах сложно было идентифицировать людей по лицам или установить их прошлое. Использовать ИИ для поимки преступников не получалось. Система работала ужасно. У властей не было решения. Его нашли корпорации" [12, с. 65]. Произошло объединение IT-компетенций и технологических инноваций, которыми обладают современные частные корпорации, и государственных баз данных, административных ресурсов и т. п., что позволило сформировать одну из самых масштабных и влиятельных цифровых экосистем современности.

Сегодня государственная политика Китая в отношении контроля и влияния на технологическое развитие ориентирована на покупку так называемых "золотых акций" или "специальных управляющих акций" крупных IT-гигантов (Didi, Alibaba, Tencent и др.). Это позволяет китайскому руководству влиять на внутренние стратегические приоритеты развития цифровых корпораций, контролировать распространение информационного контента и проч. Например, "руководство Tencent ожидает в будущем ещё больше новых мер и ограничений со стороны китайского правительства и верит, что это пойдёт на благо долгосрочного устойчивого развития интернет-индустрии в стране" [8].

В целом следует выделить сформировавшуюся на сегодняшний день устойчивую тенденцию: в странах, ориентированных на сохранение традиционных ценностей и цивилизационной специфики¹, где приоритетом является обеспечение цифрового суверенитета и социокультурной безопасности, в настоящее время реализуются *режимы ограничения* влияния цифровых технологий и IT-монополий на общественно-политическую жизнедеятельность общества и местных сообществ.

В рамках БРИКС действуют различные площадки, экспертные группы и лаборатории, ориентированные на коллективное обеспечение кибербезопасности и суверенности национального цифрового пространства, выработку механизмов защиты конкуренции в условиях цифровой экономики и давления глобальных IT-монополий [23]. Формируются государственные доктрины цифровой трансформации общества [20], концепции государственного регу-

¹ Важно подчеркнуть, что сохранение традиций, воспроизводство цивилизационной специфики в цифровую эпоху, это не "откат" от инновационных процессов, технологического "рывка" или развитие практики тотального отгораживания российского общества и местных сообществ от технологий. Напротив, это продуманная и необходимая (в экзистенциальном плане) государственная политика по воспроизводству и развитию социально-экономической, политико-правовой, региональной и этнокультурной особенностей общества и местных сообществ в кардинально меняющихся условиях. Здесь самобытность общественно-политической организации и уникальность этнополитического процесса обеспечивают воспроизводство национально-культурной целостности российского политического пространства несмотря на различные эволюционные или революционные изменения. В таком понимании "самобытность представляет собой некий синтез структурной инвариантности и динамической эквивалентности, благодаря которому Россия Бориса Годунова и Россия Бориса Ельцина представляют собой не два разных общества с одним названием, а два разных исторических состояния одного и того же общества, которое, несмотря на все технологические новации, из века в век сталкивается со схожими проблемами, пытаясь решить их схожим образом" [14, с. 15].

лирования цифровых платформ и экосистем [15], определяются стратегические цели развития национального и регионального пространств [26].

В настоящем исследовании, опираясь на вышеобозначенные тренды цифровой трансформации политики, а также экспертное интервьюирование, проведённое в 15 регионах Российской Федерации, выделяются и содержательно анализируются доминирующие в настоящее время опасности и негативные тенденции регионального политического процесса, а также определяются основные направления противодействия последним.

Теоретико-методологические и эмпирические основы исследования

В настоящей работе кроме мировоззренческих (философских) подходов и принципов познания, а также общенаучных (рационально-логических) и частно-научных (политологических) методов и инструментов, использовался дискурс-анализ аналитических и экспертных материалов, научных исследований, посвящённых как общим вопросам цифровой трансформации публичной политики [10; 7; 4], так и отдельным проблемам цифровизации региональных общественно-политических практик [11; 13; 9]. Исследование опирается также на глубинное экспертное интервью, которое было проведено в 15 регионах Российской Федерации в четырёх федеральных округах РФ. В Центральном федеральном округе экспертное интервьюирование проводилось в городе федерального значения Москва, Владимирской (города Владимир, Покров и Александров), Московской (город Коломна), Тверской, Ярославской областях. В Уральском федеральном округе исследование проходило в Тюменской области (города Тюмень, Тобольск, Ишим) и Ханты-Мансийском автономном округе (города Ханты-Мансийск и Сургут). В Приволжском федеральном округе привлекались эксперты из Республики Татарстан и Республики Башкортостан, Саратовской и Ульяновской (города Ульяновск и Димитровград) областей. В Северо-Западном федеральном округе были проведены интервью с экспертами из города федерального значения Санкт-Петербург, а также из Ленинградской (город Сосновый Бор), Новгородской и Псковской областей.

Выбор подобного пула регионов представляется оправданным, поскольку он затрагивает разнородные по своему составу регионы Российской Федерации, а также включает как высоко урбанизированные, так и средне урбанизированные территории. Кроме того, в выборку были включены регионы, в которых активно внедряются цифровые технологии в региональный политический процесс, в частности широкое использование онлайн-технологий в избирательном процессе и практики дистанционного электронного голосования. Отметим также, что 15 регионов составляют шестую часть всех регионов РФ, что при широком географическом разбросе является достаточно репрезентативным.

Ключевые опасности и риски цифровизации регионального политического процесса

Обсуждая действующие опасности цифровой траектории развития регионального политического процесса, эксперты аналитически подразделяют их на три основные группы: *во-первых*, это опасности, связанные с цифровизацией традиционных политических институтов и отношений, т. е. переводом аналоговых форм хранения, обработки, передачи и обмена данными и информацией в цифровой формат, а также внедрением интеркоммуникативных средств публичной коммуникации между личностью, местными сообществами, политическими партиями, публичной властью и другими субъектами политики; *во-вторых*, это опасности, возникающие в процессе динамики новых цифровых институций и слабой прогнозируемости траекторий их развития (цифровых платформ, цифровых публичных сетей и сервисов, интеркоммуникативных площадок и проч.); *в-третьих*, это противоречия и конфликты, складывающиеся во взаимодействии традиционных политических субъектов и цифровых институций (например, между реальной и виртуальной гражданской активностью, между реальным публичным обсуждением проблем и решений местного сообщества и виртуальным голосованием, электронными кликами).

Кроме того, на экспертном уровне происходит дифференциация негативных тенденций и опасностей, связанных с развитием цифровых форматов и инструментов публично-властной коммуникации, которые, с одной стороны, появляются и развиваются на федеральном уровне, а затем транслируются на региональный уровень и местные сообщества, а, с другой – складываются в рамках интерактивного коммуникативного взаимодействия на уровне местного сообщества и далее распространяются по сетевому принципу на всей территории страны.

При этом эксперты отмечают трудности в общественно-политическом прогнозировании развития этих тенденций развития. Это связано, по их мнению, с тем, что скорость инновационных решений и внедрения цифровых технологий происходит намного быстрее чем шестилетние и пятилетние циклы выборов в органы федеральной власти и, следовательно, региональные избирательные кампании. Кроме того, по мнению интервьюеров, в рамках регионального политического процесса цифровая культура только начинает формироваться, складываются необходимые цифровые компетенции и навыки у местного сообщества. В качестве примера обратим внимание на позицию большинства опрошенных экспертов, которые считают введение дистанционных форм голосования (ДЭГ) преждевременным для регионального политического процесса и обосновывают необходимость планомерной подготовки и развития цифровой электоральной культуры и компетенций населения в регионе.

Другой действующей опасностью, по заключению экспертов, представляет резкое, а не эволюционное ненарушение сложившегося общественно-политического баланса в регионе, который обуславливается быстрым внедрением как цифровых форматов публично-властной коммуникации, так и ДЭГ в избирательный процесс (например, повышение гражданского активизма на цифровых платформах и в офлайн-пространстве взаимодействия рискогенных групп и сообществ или цифровая мобилизация избирателей, которые ранее не участвовали в региональном избирательном процессе). всё это может привести к дестабилизации регионального политического процесса, к слабо прогнозируемым сдвигам в электоральном балансе и в целом к переустройству публично-властного пространства региона (например, в региональных представительных органах власти).

Эксперты выделяют также в качестве рискогенного фактора проблемы кибербезопасности цифровой инфраструктуры, сопряжённой с реализацией ДЭГ на практике. Прежде всего, это DDoS-атаки на сайты, обеспечивающие доступ к кабинету для голосования ДЭГ (портал "Госуслуг" и портал Мэра Москвы). Опасность здесь представляют различные сбои в работе сайта "Госуслуг" и "портала Мэра Москвы", что может привести к недовольству избирателей и делегитимации процессов цифровизации общественно-политических практик. Подобные случаи происходили с московским порталом ДЭГ, когда происходило замедление его работы в 2023 г. (выборы Мэра Москвы) и в 2024 г. (выборы в Мосгордуму).

С этими рисками в киберпространстве связано также использование систем искусственного интеллекта, которые существенно влияют на политический процесс путём распространения таргетированной политической рекламы, рассылки вирусного контента, откровенной дезинформации и фейковых новостей. Последние весьма активно используются и для массовых взломов персональных страниц, доступа и контроля за пользовательской информацией граждан. По мнению экспертов использование данных систем является одной из потенциальных опасностей стабильного развития регионального процесса и угрозой срывов цифровых форматов голосования.

Важной проблемой сегодняшней региональной политической динамики, по заключению экспертов, выступает формирование вокруг граждан или отдельных групп "информационных пузырей" и "цифровых капсул", которые формируют непроницаемые алгоритмические границы вокруг конкретных пользователей цифрового контента [1; 6]. Эти границы создаются на уровне алгоритмического сопровождения функционирования различных социальных сетей, информационных порталов, мессенджеров, видеохостингов и т. п., которые формируют ленту новостей, круг друзей, список рекомендаций и прочее, создавая искажённую или симулятивную модель реальности. При

этом реальное положение дел, объективная информация ускользает от региональных жителей и даже если просачивается в "орбиту цифрового внимания пользователя", уже не воспринимается или отталкивается жителями региона.

Например, оппозиционные общественно-политические акторы, иностранные агенты, внешние акторы со стороны недружественных государств или агенты глобальных транснациональных корпораций (в ходе так называемых гибридных информационных войн) используют цифровое пространство для виртуализации политического процесса, где реальные человеческие голола, мнения, общественная / гражданская позиция теряются в "лавине" цифровых ботов и фейков, сгенерированных комментариев и проч. Ряд действующих сегодня "цифровых политических партий", "виртуальных общественно-политических движений", "цифровых религий" и иных субъектов "цифровой политики", которые не имеют своего реального существования и репрезентации в традиционной социокультурной реальности, создают совершенно деструктивные смысловые образы и симулятивные модели общественно-политических событий, которые искажают мировоззрение граждан, разрушают традиционные модели взаимодействия между личностью, обществом и публичной властью. Как справедливо отмечает ведущий специалист в области разработки и внедрения систем искусственного интеллекта Гэри Маркус: "Если общество не объединится против этой угрозы, генеративный ИИ сделает существующие проблемы – от окончательной утраты приватности до беспрецедентного раскола в обществе – только хуже и породит множество новых, которые с легкостью затмят предыдущие. *Власть неизбранных технократов над нашими жизнями достигнет невиданных масштабов.* Честные выборы могут уйти в прошлое, автоматизированная дезинформация способна уничтожить остатки демократии. Скрытые предубеждения, заложенные в чат-боты кучкой разработчиков, будут незаметно формировать мировоззрение миллионов" [18, с. 13].

Отметим, что внедрение технологических инноваций в региональный политический процесс сопряжено с так называемым "конвергационным эффектом" (от лат. *convergo* – сближаться, сходиться, смешивать, сплавлять), т. е. переплетением новых и устоявшихся практик в региональной политической динамике. Эмерджентные следствия от их смещения трудно прогнозируемы, но, по оценки экспертов, зачастую ведут к негативным тенденциям. Например, практики административного давления при внедрении тех или иных цифровых форматов в публичное взаимодействие граждан. Часто распространённый пример в регионах – давление со стороны работодателя, настоятельная рекомендация голосовать с помощью ДЭГ. Эксперты фиксировали факты как обычного призыва со стороны начальства и руководства активно использовать цифровой формат голосования, так и цифровое голосование в присутствии ответственных лиц или просьбу высылать скриншоты с портала для голосования. Это может в ближайшей перспективе порождать как общий негативный эффект от внедрения цифровых технологий, так и искажать смысл и назначение последних, т. е. формирование доступных, защищенных и удобных форматов реализации гражданских прав и обязанностей.

Необходимо отметить и то, что ряд экспертов, обсуждая опасности и риски цифровой трансформации регионального общественно-политического процесса, указывает на технологические проблемы. В основном потенциальные технологические опасности эксперты связывали с облачными хранилищами, расположенными в иностранных государствах, а также с использованием зарубежного аппаратного и программного обеспечения. Однако после начала специальной военной операции и санкционной политики недружественных государств, а также переориентации российского государства на обеспечение цифровой независимости и технологического суверенитета, национальная политика существенно скорректировалась и, соответственно, многие опасности в этой сфере были сняты.

Основные выводы исследования

В рамках интервьюирования были обобщены не только экспертные оценки существующих опасностей и негативных тенденций развития регионального пространства, но и систематизированы ключевые направления противодействия действующим опасностям и потенциальным рискам.

Во-первых, эксперты настаивают на реализации федеральных и региональных программ, ориентированных на повышение цифровой культуры и электронных компетенций граждан России. И хотя сегодня дистанционное электронное голосование, а также цифровые формы публично-властной коммуникации не так кардинально меняют региональную политическую динамику и баланс голосующих категорий населения [29, с. 131], в то же время, в среднесрочной перспективе технологические инновации могут существенно изменить общественно-политический ландшафт и электоральные практики.

Во-вторых, необходимо совершенствовать систему правосудия и практики судебной экспертизы, поскольку при обращении в судебные инстанции в различных спорных или конфликтных ситуациях, как правило, представляются достаточно формальные ответы, которые являются слабо информативными. Например, техническим решением по улучшению экспертизы при реализации ДЭГ на тех или иных уровнях может служить алгоритмический сбор данных наблюдений и анализ процесса реализации ДЭГ, а также сохранение массивов данных, получаемых из онлайн-участков наблюдений за ТИК ДЭГ или ТИК ДЭГ Мосгоризбиркома. Конечно, существует объективное ограничение, заключающееся в том, что невозможно пересчитать данные протоколов ДЭГ, как это было с аналоговыми протоколами, но в принципе алгоритмический контроль за процедурой и её итогами вполне возможен [27].

В-третьих, эксперты солидарны во мнении, что следует развивать технологии суверенизации национального интернет-пространства и совершенствовать механизм противодействия деструктивному контенту, фейковым новостям и искаженным информационным материалам, а также усиливать ответственность социальных сетей и интернет-платформ за размещение на их ресурсах данных контентов, новостей и информации. При этом, помимо расширения законодательных мер и совершенствования правоприменительной практики в регламентации общественных отношений, реализуемых с помощью интерактивных инструментов, эксперты указывают на необходимость развития системы традиционных социально-нормативных регуляторов, этических принципов, нравственных стандартов и т. д., нормирующих использование цифровых технологий в региональной политике.

В-четвёртых, эксперты обосновывают необходимость обновления законодательства РФ в части применения цифровых технологий в избирательных кампаниях, а также запрета использования любых автономных алгоритмических программ и ботов для политической агитации и таргетированной политической рекламы. С экспертной позиции достаточно важно сформировать не только государственное регулирование (на федеральном и региональном уровнях), но и стимулировать развитие институтов гражданского контроля цифрового взаимодействия. Отметим, что в настоящее время только начинают формироваться гражданские институты целью функционирования которых становится мониторинг и контроль за работой цифровых платформ, публичных и частных цифровых сервисов, цифровых политических, религиозных и других площадок. В свою очередь, развитие последних является фундаментальным основанием для формирования национально-культурного цифрового пространства, поскольку государственно-правовой инструментарий не способен самостоятельно и эффективно обеспечить это [21]. При этом сетевые интеракции должны регулироваться в рамках суверенной юрисдикции государства, а также контролироваться со стороны различных гражданских институтов и цифровых форм общественного мониторинга, что обеспечит защищенность данных граждан и организаций, защиту национально-культурной специфики общества и сформирует цивилизационный вектор технологического развития общества.

В-пятых, эксперты также аргументируют необходимость создания в национальном цифровом пространстве механизмов обратной связи, с помощью которых пользователи могут высказывать свои опасения или негативный опыт о тех или иных действиях цифрового сервиса (как государственного, так и негосударственного). Гражданский контроль за работой интерактивных инструментов публично-властного управления, региональных общественно-политических площадок и цифровых сервисов должен быть тщательно продуман [16]. При этом следует не только ограничивать использование систем искусственного интеллекта в политике, но и позволять органам государствен-

ной власти и иным политическим субъектам внедрять инновации в повседневную жизнь общества.

В-шестых, решением части проблем эксперты признают дальнейшее развитие и унификацию данных избирателей путем формирования единой интерактивной платформы. В настоящее время базы данных "ГАС Выборы" и "ГАС Выборы 2.0" частично отвечают современным требованиям [19]. Тем не менее, их принцип работы реактивный, а не проактивный, функционирование последних до сих пор зависит от органов ЗАГС, что создаёт трудности в обновлении и совершенствовании системы. До сих пор встречаются ошибки и неточности в данных, унаследованные из доцифровой эпохи и аналоговых технологий обмена информацией [28; 30]. К примеру, последние встречаются в списках избирателей (присутствие в них умерших граждан, неточности в регистрации и проч.), что обусловлено использованием традиционных форм внесения информации и сопутствующими человеческими ошибками, что можно исключить при автоматическом обновлении и цифровом вводе данных.

В седьмых, внедрение в региональную политику систем ДЭГ должно сопровождаться, по мнению экспертов, не только принятием региональных нормативных правовых актов, но и на уровне подзаконных актов необходима фиксация четких и универсальных процедур использования данной технологии, процесса формирования о её функционировании, границах применения, формах участия различных политических акторов регионального и федерального уровня и т. д. На данный момент подобного рода регулирование ограничивается формальным упоминанием в региональных законах о возможности применения ДЭГ. Остальные аспекты регулируются, как правило, подзаконными актами, издаваемыми региональными избирательными комиссиями, в редких случаях – Центральной избирательной комиссией РФ. Некоторые практические аспекты решаются нормативными актами ТИК ДЭГ при ЦИК РФ и ТИК ДЭГ при Мосгоризбиркоме. В рамках работы ДЭГ в дни голосования необходимо отладить механизмы подачи жалоб в правоохранительные органы и обращений в суды Российской Федерации при возникновении объективных правонарушений.

Необходимо также совершенствовать функционирование гражданских институций, обеспечивающих цифровой мониторинг и контроль за реализацией ДЭГ. Здесь в качестве примера можно упомянуть Общественную палату Российской Федерации, которая занимается организацией наблюдения за выборами и осуществляет наблюдение за "онлайн-участком". Важным, с точки зрения экспертов, является создание эффективных технических средств обеспечения общественного наблюдения за ДЭГ. Заметим, что работа в этом направлении уже ведётся [24] и должна быть продолжена.

Заключение

В рамках представленного исследования были рассмотрены основные опасности и негативные тенденции, а также потенциальные угрозы цифровой трансформации регионального политического процесса. Опираясь на экспертные интервью, обозначены направления решения данных опасностей и угроз, а также необходимые изменения в действующем федеральном и региональном законодательстве РФ. В целом отметим, что цифровая трансформация регионального политического процесса должна быть ориентирована на выстраивание коммуникативного взаимодействия в системе личность – общество – государство на основе национально-культурных и этнополитических траекторий развития цифровых технологий и интеркоммуникативных инструментов. Последнее, прежде всего, выражается в следующем: вовлечение общества в обсуждение социально значимых властно-управленческих решений и развитие цифровых форматов гражданского контроля; повышение интерактивного гражданского участия и социально-политического активизма; формирование более эффективных сетевых форм интеграции и артикуляции социальных ожиданий, общественных потребностей, публичных интересов и т. д. С помощью государственных и общественных цифровых платформ должен обеспечиваться "цифровой общественный контроль" за функционированием и результатами деятельности государственных, региональных и муниципальных органов власти, а также частных цифровых платформ и сервисов.

При этом разнообразные интеракции в цифровом пространстве должны регулироваться в рамках суверенной юрисдикции государства, а также контролироваться со стороны различных гражданских институтов и цифровых форм общественного мониторинга, что обеспечит защищенность прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, защиту национально-культурной специфики общества и устойчивый цивилизационный вектор технологического развития российского общества.

Литература / References

1. Безносов М. А., Голиков А. С. Цифровые эхо-камеры как феномен политического пространства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24, № 3. С. 499–516. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-499-516> (дата обращения: 23.10.2024) / Beznosov M. A., Golikov A. S. Digital echo chambers as a phenomenon of political space // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2022. Vol. 24, No. 3. С. 499–516. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-499-516> (accessed 23.10.2024)
2. Бронников И. А. Гражданский интернет-активизм: тенденции и перспективы // Вестник Поволжского института управления. 2017. № 4. С. 94–102. / Bronnikov I. A. Civil Internet activism: trends and prospects // Bulletin of the Volga Institute of Management. 2017. No. 4. P. 94–102.
3. Володенков С. В., Федорченко С. Н. Субъективность цифровой коммуникации в условиях технологической эволюции интернета: особенности и сценарии трансформации // Полис. Политические исследования. 2021. № 3. С. 37–53. / Volodenkov S. V., Fedorchenko S. N. Subjectivity of digital communication in the context of the technological evolution of the Internet: features and scenarios of transformation // Polis. Political research. 2021. No. 3. P. 37–53.
4. Володенков С. В., Федорченко С. Н. Цифровые технологии и искусственный интеллект в современной политике. М.: Проспект, 2024. 496 с. / Volodenkov S. V., Fedorchenko S. N. Digital technologies and artificial intelligence in modern politics. Moscow: Prospekt, 2024. 496 p.
5. Глобальный атлас регулирования искусственного интеллекта / ред. А. В. Незнамов (гл. ред.), Э. Г. Чаче, Р. И. Дремлюга. Москва: Профсувенир, 2023. 452 с. / Global Atlas of Artificial Intelligence Regulation / eds. A. V. Neznamov (editor-in-chief), E. G. Chache, R. I. Dremluga. Moscow: Profsuvenir, 2023. 452 pp.
6. Грачев М. Н. Эхо-камеры, эпистемические пузыри и пузыри фильтров как акторы сетевого коммуникационного пространства // Российская школа связей с общественностью. 2023. № 29. С. 41–54. / Grachev M. N. Echo chambers, epistemic bubbles and filter bubbles as actors of the network communication space // Russian School of Public Relations. 2023. No. 29. P. 41–54.
7. Гринфилд А. 2018. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. М.: Издательский дом "Дело" РАНХиГС. 424 с. / Greenfield A. 2018. Radical technologies: the device of everyday life. Moscow: Publishing house "Delo" RANHiGS. 424 p.
8. Действия китайского правительства для Tencent не помеха // Аналитика: обзор рынка и прогнозы. Финам. URL: <https://www.finam.ru/publications/item/deiystviya-kitaiyskogo-pravitelstva-dlya-tencent-ne-pomexa-20210921-115400/> (дата обращения: 23.10.2024) / The actions of the Chinese government are not a hindrance for Tencent // Analytics: market overview and forecasts. Finam. URL: <https://www.finam.ru/publications/item/deiystviya-kitaiyskogo-pravitelstva-dlya-tencent-ne-pomexa-20210921-115400/> (accessed 23.10.2024)
9. Дудочников А. И. Электоральное поведение россиян в условиях масштабирования системы дистанционного электронного голосования: Дис. ... на соиск. уч. ст. канд. социол. наук, Казань, 2024. 260 с. / Dudochnikov A. I. Electoral behavior of Russians in the context of scaling the remote electronic voting system: dissertation for the degree of Candidate of Sociological Sciences / Dudochnikov Alexey Igorevich, Kazan, 2024. 260 p.
10. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. 784 с. / Zuboff S. The era of supervisory capitalism. The battle for the human future at the new frontiers of power. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2022. 784 p.
11. Иванов Д. Ю. Политическая активность и доверие избирателей в условиях цифровизации избирательного процесса // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2024. Т. 20, № 1. С. 45–63. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2024.104> / Ivanov D. Y. Political activity and voter trust in the context of digitalization of the electoral process // Political expertise: POLITEX. 2024. Vol. 20, No. 1. P. 45–63. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2024.104>

12. Кейн Дж. Государство строгого режима. Внутри китайской цифровой антиутопии. М.: Индивидуум, 2023. 336 с.
Kane J. A high-security state. Inside the Chinese digital dystopia. Moscow: Individuum, 2023. 336 p.
13. Кирюшин И. А. Модель электорального поведения российских граждан в условиях цифровизации избирательного процесса // Коммуникология. 2024. Т. 12, № 2. С. 84–96.
<https://doi.org/10.21453/2311-3065-2024-12-2-84-96>
Kiryushin I. A. Model of electoral behavior of Russian citizens in the context of digitalization of the electoral process / I. A. Kiryushin // *Kommunikologiya*. 2024. Vol. 12, No. 2. P. 84–96.
<https://doi.org/10.21453/2311-3065-2024-12-2-84-96>
14. Контуры цивилизационного будущего России: коллективная монография / Отв. ред. А. П. Сегал. М.: Fortis Press, 2024. 680 с.
Contours of the civilizational future of Russia: a collective monograph / Ed. by A. P. Segal. Moscow: Fortis Press, 2024. 680 p.
15. Концепция государственного регулирования цифровых платформ и экосистем // Министерство экономического развития РФ. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d31/konceptsiya_gos_regulirovaniya_cifrovyyh_platform_i_ekosistem/?ysclid=m338njy1v2851190645 (дата обращения: 23.10.2024)
The concept of state regulation of digital platforms and ecosystems // Ministry of Economic Development of the Russian Federation. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d31/konceptsiya_gos_regulirovaniya_cifrovyyh_platform_i_ekosistem/?ysclid=m338njy1v2851190645 (accessed 23.10.2024)
16. Кочетков А. П. Мамычев А. Ю. Государственная политика России в цифровую эпоху: основные тренды, сценарии и регуляторные практики // Полис. Политические исследования. 2023. № 1. С. 96–113. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.08>
Kochetkov A. P. Mamychev A. Yu. The state policy of Russia in the digital age: main trends, scenarios and regulatory practices // *Polis. Political research*. 2023. No. 1. P. 96–113.
<https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.08>
17. Макавейчук А. В. Перспективы цифровизации политической сферы на региональном уровне в современной России // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. 2018. № 4. С. 10–15.
Makaveychuk A.V. Prospects of digitalization of the political sphere at the regional level in modern Russia // *Humanities. Bulletin of the Financial University*. 2018. No. 4. P. 10–15.
18. Маркус Г. Большой обман больших языковых моделей. Новый подход к ИИ и регулированию технологических гигантов. Ереван: Fortis Press, 2024. 240 с.
Markus G. The big deception of big language models. A new approach to AI and regulation of technology giants. Yerevan: Fortis Press, 2024. 240 p.
19. Набатникова Е. А. ДЭГ (дистанционное электронное голосование) в Российской Федерации // Умная цифровая экономика. 2022. Т. 2, № 1. С. 26–30.
Nabatnikova E. A. DEG (remote electronic voting) in the Russian Federation // *Smart digital economy*. 2022. Vol. 2, No. 1. P. 26–30.
20. Национальная программа "Цифровая экономика Российской Федерации" // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (дата обращения: 23.10.2024)
National Program "Digital Economy of the Russian Federation" // Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (accessed 23.10.2024)
21. Паскуале Ф. Новые законы о робототехнике: апология человеческих знаний в эпоху искусственного интеллекта. М.: Издательский дом "Дело" РАНХиГС, 2022. 448 с.
Pasquale F. New laws on robotics: an apology for human knowledge in the era of artificial intelligence. Moscow: Delo Publishing House, RANHiGS, 2022. 448 p.
22. Рансьер Ж. Несогласие: Политика и философия. СПб.: Machina, 2013. 192 с.
Rancier J. Disagreement: Politics and Philosophy. St. Petersburg: Machina, 2013. 192 p.
23. Регуляторы должны более активно ограничивать экономическую власть цифровых платформ // Федеральная антимонопольная служба РФ. URL: <https://fas.gov.ru/news/28431> (дата обращения: 23.10.2024)
Regulators should more actively limit the economic power of digital platforms // Federal Antimonopoly Service of the Russian Federation. URL: <https://fas.gov.ru/news/28431> (accessed 23.10.2024)
24. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2023662955 Российская Федерация. "Мониторинг ДЭГ": № 2023662051: заявл. 06.06.2023; опублик. 16.06.2023 / А. А. Баулина.
Certificate of state registration of the computer program No. 2023662955 Russian Federation. DEG Monitoring: No. 2023662051: application 06.06.2023; published 16.06.2023 / A. A. Baulina.
25. Сморгун Л. В. Политическая онтология цифровизации и государственная управляемость / Под ред. Л. В. Сморгунова. М.: Издательство "Аспект Пресс", 2022. 351 с.
Smorgunov L. V. The Political ontology of digitalization and State governance: A monograph / Ed. by L. V. Smorgunov. Moscow: Aspect Press Publishing House, 2022. 351 p.

26. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года" // Информационно-правовой портал "ГАРАНТ". URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408892634/?ysclid=m557wsgs2y853995948> (дата обращения: 23.10.2024)
Decree of the President of the Russian Federation dated May 7, 2024. No. 309 "On the National Development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036" // Information and legal portal "GARANT". URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408892634/?ysclid=m557wsgs2y853995948> (accessed 23.10.2024)
27. Худов А. М. Методы и инструменты управления цифровой трансформацией региона: Дис. на соиск. уч. ст. канд. экон. наук, Мытищи, 2023. 217 с.
Khudov A. M. Methods and tools for managing the digital transformation of the region: Dissertation for the degree of Candidate of Economic Sciences, Mytishchi, 2023. 217 p.
28. Designing of a biometric fingerprint scanner-based, secure and low-cost electronic voting machine for India / S. A. Mahammad, D. Roy, Sh. Chakraborty, D. Bej // International Journal of System of Systems Engineering. 2022. Vol. 12, No. 4. P. 1. <https://doi.org/10.1504/ijsse.2022.10047673>
29. Fedorov V. Public opinion about electronic voting in Europe as illustrated by YouTube / V. Fedorov // Przegląd Europejski. 2021. Vol. 2021. No. 4. P. 131–140. <https://doi.org/10.31338/1641-2478pe.4.21.8>
30. Finogina T. On remote electronic voting with both coercion resistance and cast-as-intended verifiability / T. Finogina, Ja. Herranz // Journal of Information Security and Applications. 2023. Vol. 76. P. 103554. <https://doi.org/10.1016/j.jisa.2023.103554>
31. Sunstein C. R. Republic.com 2.0. New Jersey: Princeton University Press. 2009. 251 p.

Информация об авторах

Алексей Юрьевич Мамычев, д-р полит. наук, канд. юрид. наук, профессор кафедры российской политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; заведующий лабораторией политико-правовых и социально-экономических исследований Владивостокского государственного университета, Владивосток, Россия, e-mail: mamychev@yandex.ru

Антон Георгиевич Арутюнов, научный сотрудник лаборатории политико-правовых и социально-экономических исследований Владивостокского государственного университета, Владивосток, Россия; аспирант кафедры российской политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, e-mail: anton.arutyunov.98@mail.ru

Information about the authors

Alexey Yu. Mamychev, Doctor of Political Sciences, Candidate of Law, Professor, Department of Russian Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; Head of the Laboratory of Political, Legal and Socio-Economic Research, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia, e-mail: mamychev@yandex.ru

Anton G. Arutyunov, Researcher, Laboratory of Political, Legal and Socio-Economic Research, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia; Postgraduate Student, Department of Russian Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, e-mail: anton.arutyunov.98@mail.ru

Поступила в редакцию 09.01.2025

Одобрена после рецензирования 07.11.2025

Принята к публикации 27.11.2025

Received 09.01.2025

Approved 07.11.2025

Accepted 27.11.2025

Особенности внешней политики Индии: основания, эволюция, приоритеты

Лариса Николаевна Гарусова
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия;
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, lgarusova@mail.ru

Виктор Алексеевич Бурлаков
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, burlakov.va@dvfu.ru

Аннотация. В настоящее время Индия превратилась во влиятельную региональную державу, чему во многом способствовала её весьма эффективная внешняя политика. В данной статье рассмотрены факторы, определяющие внешнюю политику Индии в прошлом и настоящем. Это, во-первых, признание уникальной роли национальных традиций и ценностей индийской цивилизации, которые экстраполируются на международную политику. И, во-вторых, особое восприятие колониального опыта, переносимое на отношения с внешним миром и соседями по региону. Эти основания сформировали две антиномичные по своему смыслу стратегии индийской внешней политики: укрепление "национальной автономии" и расширение "добрососедства".

Ключевые слова: *внешняя политика, этапы внешней политики, неприсоединение, международные альянсы, национальная автономия, широкое добрососедство*

Для цитирования: Гарусова Л. Н., Бурлаков В. А. Особенности внешней политики Индии: основания, эволюция, приоритеты // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 4. С. 133–142.

<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/133-142>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/133-142>

Specifics of India's Foreign Policy: Foundations, Evolution, Priorities

Larisa N. Garusova
Far Eastern Federal University; Institute of History Vladivostok, Russia;
Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East,
Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, lgarusova@mail.ru
Viktor A. Burlakov
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, burlakov.va@dvfu.ru

Abstract. Currently, India has become an influential regional power, which has been greatly facilitated by its highly effective foreign policy. This article examines the factors (origins) that determined India's foreign policy in the past and present. Firstly, it is a recognition of the unique role of national traditions and values of Indian civilization, which are extrapolated to international politics. And, secondly, a special perception of the colonial experience, transferred to the relationships with the outside world and neighboring regions. These foundations have formed two antinomic strategies of Indian foreign policy: strengthening "national autonomy" and expanding "good neighborliness".

Key words: *foreign policy, stages of foreign policy, non-alignment, international alliances, national autonomy, broad neighborliness*

For citation: Garusova L. N., Burlakov V. A. Specifics of India's Foreign Policy: Foundations, Evolution, Priorities // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 4. P. 133–142.

<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/133-142>

Введение

Современная Индия является влиятельным политическим и экономическим полюсом во всё более многополярном мире, концентрируясь на активном участии в жизни Индо-Тихоокеанского региона (ИТР), где пересекаются интересы крупнейших мировых держав. Возросшее влияние Китая и потребность в совместном международном подходе к обеспечению свободного и открытого морского пространства лишь усиливают его значение. Выступая на саммите лидеров Quad (Четырехстороннего диалога по безопасности в ИТР с участием США, Индии, Японии и Австралии) в мае 2023 г., индийский премьер-министр Нарендра Моди подчеркнул значение ИТР для мирового сообщества: "Индо-Тихоокеанский регион является двигателем международной торговли, инноваций и роста. Мы единодушны в том, что безопасность и успех Индо-Тихоокеанского региона важны не только для региона, но и для всего мира" [11].

Сегодня Индия является пятой экономикой мира после США, Китая, Германии и Японии. К началу 2025 года ВВП Индии составлял более 3,91 триллиона долларов, и ожидается, что к концу десятилетия он достигнет 6 триллионов [14]. Темпы роста ВВП, по данным министерства статистики Индии, составляли в среднем 6,5% в 2024–2025 финансовом году. В четвертом квартале 2024–2025 финансового года индийский ВВП продемонстрировал темпы роста в 7,4% [22].

Выступая перед представителями индийской диаспоры в Тринидаде и Тобаго в июле 2025 г., премьер-министр Моди отметил, что страна является самой быстрорастущей крупной экономикой мира и вскоре станет третьей по величине [5]. Это означает не только повышение её международного статуса, но и рост лидерских амбиций. Основным трендом внешней политики Индии на протяжении последних десятилетий является усиление её регионального и глобального влияния, в том числе и через расширение экономического, политического и военного присутствия в Индо-Пацифике. Всё это предопределяет актуальность темы исследования.

В данной работе акцент был сделан на рассмотрении двух (хотя, разумеется, не единственных) оснований индийской внешней политики, весьма значимых с точки зрения их влияния на эволюцию последней, её содержание, ориентиры и приоритеты. Под основаниями внешней политики в самом общем смысле понимаются факторы и принципы, определяющие особенности, цели и направления деятельности государства на мировой арене. Среди ряда факторов, определяющих внешнюю политику Индии, выделены два основания, значимых для неё в прошлом и настоящем. Это, во-первых, признание уникальной роли национальных традиций и ценностей индийской цивилизации, которые экстраполируются на международную политику. И, во-вторых, особое восприятие колониального опыта, переносимое на отношения с внешним миром и соседями по региону. В таком контексте цель данного исследования состоит в рассмотрении индийской внешней политики через призму этих двух оснований.

Разумеется, существуют и другие сюжеты и аспекты международной деятельности Индии, которые остались за рамками заявленной темы. Они активно изучаются многочисленными отечественными и зарубежными авторами. Некоторые из них также касались проблемы факторов, принципов или трендов индийской внешней политики. Среди них: Володин А. Г., Леонова О. Г., Песцов С. К., Захаров А. И., Шарма Б. К., Сингх З. Д., Панда Дж. [1; 4; 7; 3; 8; 24; 20] и др.

Методология исследования связана преимущественно с подходами "реальной политики" (realpolitik), которая интерпретирует международные отношения как борьбу за влияние и безопасность, где каждое государство действует в своих национальных интересах. Баланс сил в таком контексте рассматривается как ключевое условие стабильности и безопасности.

Географические рамки работы определены, в целом, Индо-Тихоокеанским регионом, являющимся одновременно объектом и фоном исследования. Индия на протяжении всей своей постколониальной истории (с 1947 г. по настоящее время) позиционировала свои ключевые интересы преимущественно в регионе Южной Азии и Индийского океана, а затем в Индо-Пацифике, международное значение которой неуклонно возрастает.

Основания и этапы внешней политики Индии

До 1947 г. Индия входила в состав Британской империи. В августе 1947 г. Индия получила независимость и стала выстраивать отношения с мировым сообществом на новых основаниях, включавших национально-цивилизационные традиции и критическое восприятие колониального опыта, отрафлексированные во внешней политике. Влияние традиций на все сферы жизни индийского общества прекрасно понимал один из основателей независимого государства Джавахарлал Неру, равно как и то, что их необходимо приспособлять к современности. "В значительной мере приходится считаться с существующими традициями, видоизменяя и приспособляя их к новым условиям и новому образу мыслей" [6]. Составной частью традиций объективно является национализм, который, по мнению Неру, имеет основание и перспективы в индийской политике. "Принцип национализма имеет глубокие и

прочные корни; он не является чем-то отжившим, не имеющим значения для будущего" [6].

Принцип национализма впоследствии реализовался во внешнеполитической стратегии "национальной автономии", а одна из цивилизационных традиций – "ахимса" (широко понимаемое ненасилие) нашла отражение в международном Движении неприсоединения под неформальным руководством Индии. Принципы мирного сосуществования, сотрудничество между странами, избегание конфликтов и военных альянсов, балансирование между мировыми центрами силы, присущие Движению неприсоединения, в свою очередь трансформировались в современную политику "широкого добрососедства" Нью-Дели. Индийский национализм сегодня – это осознание страной своей особой цивилизационной роли в глобальном масштабе на основе мягкой силы. По словам Б. К. Шармы, директора Объединённого института оборонных исследований (Нью-Дели), "Индия – это бренд единства в многообразии; плавильный котёл цивилизаций, плавно объединившихся посредством культурной "мягкой силы". Наша политическая модель с некоторыми изменениями вполне способна служить образцом для многих полиэтнических обществ" [8].

Одновременно в контуры внешней политики Индии оказались встроены проблемы, восходящие к её колониальному прошлому, а также реакция на них. Например, на национальном уровне воспоминания о колониальном правлении Британии способствовали формированию политической культуры, которая отдавала предпочтение концепции национальной автономии. Стремление сохранить максимально возможную независимость в международных делах было чувством, влиявшим на общественное мнение Индии, которое, по мнению профессора Гуверовского института Сумита Гангули, "считало любую идею почтения к внешним державам нетерпимой. Страна находилась под игом колониального правления в течение двухсот лет, и бремя этого колониального прошлого было значительным" [12].

Сложные отношения Индии, включая пограничные конфликты, с соседними Пакистаном и Китаем, также уходят корнями в колониальное прошлое. Так, мусульманский Пакистан был частью Британской империи, которую Лондон своим решением в 1947 г. отторг от ранее единого с Индией доминиона, не урегулировав при этом территориальные вопросы. Уже в 1947–1948 гг. между Индией и Пакистаном произошла Первая Кашмирская война по поводу принадлежности территории Кашмир. Последний военный конфликт Индии и Пакистана (включая индийскую операцию "возмездия" "Синдур") был в мае 2025 г.

Неурегулированные территориально-пограничные споры Индии и Китая также имеют предпосылки в колониальной эпохе. До настоящего времени не решена погранично-территориальная проблема в штате Аруначал-Прадеш (или, по терминологии Пекина, Южном Тибете) – на бывшей восточной границе Британской Индии (линия Мак-Магона), прочерченной ещё в 1914 г. по гребню Гималайских гор в районе Таванга [9, с. 47]. Сегодня это оспариваемый Китаем регион. Последний пограничный конфликт произошёл в ноябре 2022 г., когда китайские войска предприняли очередное наступление, с целью занять пограничный горный пост [29]. В районе Ладакха, регион Аксайчин на стыке границ Индии, Пакистана и Китая, в мае-июне 2020 г. произошли очередные вооружённые столкновения индийских и китайских пограничных патрулей. В результате конфликта в долине реки Гальван погибло 20 индийских солдат и неизвестное количество китайских военных [27].

Эти две группы факторов – традиции и национализм, с одной стороны, и колониальное наследие, и историческая память о нём, с другой, стали основой постколониальной индийской внешней политики. Они сформировали два главных и антиномичных, по своему смыслу, принципа современной внешней политики Нью-Дели: постулат о необходимости укрепления "национальной автономии" и идею расширения "добрососедства".

Министр иностранных дел Индии С. Джайшанкар разделил внешнюю политику страны на шесть этапов, содержание которых по-разному интерпретируется представителями индийского политико-академического сообщества.

Первый этап длился с 1947 по 1962 гг. и был, периодом "оптимистичной" политики "неприсоединения", в основе которой лежали традиции ненасилия

(ахимсы), а также стремление Индии, с её колониальным опытом, избежать новой зависимости от мировых центров силы. В это время индийские политики, "предпочли совершенно сознательно игнорировать системные ограничения и решили проводить явно идеалистичную внешнюю политику" [12]. Идеализм заключался в отказе Нью-Дели от военного строительства и обеспечения безопасности посредством силовых инструментов, полагаясь лишь на политику дистанцирования от военных блоков и союзов. В рамках Движения неприсоединения Индия "направляла страны Азии и Африки к более справедливному мировому порядку" [19], а сама стремилась к внешнеполитической автономии.

Однако на региональном уровне Китайская Народная Республика (КНР), представляла в этот период для Индии серьёзную угрозу безопасности, которую "она предпочла игнорировать", что и "привело к катастрофической пограничной войне в 1962 г. Только после пограничной войны Индия приступила к стратегии самопомощи, призванной гарантировать свою безопасность" [12].

Второй этап, с 1962 по 1971 гг., был десятилетием "реализма", особенно после двух войн с КНР и Пакистаном 1962 и 1965 гг. "Индия сделала прагматичный выбор в вопросах безопасности, несмотря на нехватку ресурсов" [19]. Военное поражение 1962 г. стало настоящим переломным моментом в структуре и проведении индийской внешней политики и политики безопасности. Индия приступила к программе военной модернизации. "Она взяла на себя обязательство создать миллионную армию с десятью новыми горными дивизиями, оснащёнными и обученными для ведения боевых действий на большой высоте, 45 эскадрилий ВВС со сверхзвуковыми самолетами и программу расширения военно-морского флота" [12].

В условиях продолжавшейся холодной войны Нью-Дели сделал свой выбор в пользу усиления военно-политического и экономического сотрудничества с СССР. Однако риторика неприсоединения по-прежнему оставалась основой индийской внешней политики.

Третий этап, с 1971 по 1991 г., стал периодом усиления регионального влияния Индии, в том числе и благодаря ослаблению Пакистана за счёт отделения от него восточной части и создания государства Бангладеш. При этом интересы Индии не вышли за пределы региона Южной Азии и Индийского океана, в том числе из-за продолжавшегося курса на автономизацию и уклонение от интеграции в мировую экономику.

Вхождение Индии в региональные организации в данный период, носило весьма ограниченный характер, и было вызвано преимущественно интересами безопасности. Так, в декабре 1985 г. на встрече глав государств Бангладеш, Бутана, Индии, Мальдив, Непала, Пакистана и Шри-Ланки была создана Ассоциация регионального сотрудничества Южной Азии (SAARC). Эта структура оказалась заложницей соперничества между Индией и Пакистаном, что ограничивало её возможности. Тем не менее, данный период подготовил следующий этап внешней политики, с наметившимся вектором на "расширение соседства в Азии", когда "торговые соглашения и соглашения о всеобъемлющем партнёрстве становятся обычным явлением, но при этом Китай также становится более серьёзной проблемой" [28].

Четвёртый этап, с 1991 по 2000 гг., был достаточно противоречивым периодом внешней политики Индии. Окончание холодной войны, распад биполярной международной системы и Советского Союза – давнего экономического и политического партнёра Индии, а также экономический кризис 1991 г., вынудили Нью-Дели пересмотреть основы своей внутренней и внешней политики. С одной стороны, в это время сохраняются попытки Индии следовать "своей стратегической автономии" [19]. С другой, Нью-Дели пытается выстраивать элементы стратегии "добрососедства" в Южной Азии. Последнее проявляется в политике премьер-министра Индера Гуджраля – через попытку "разрешения конфликтов и снижения напряжённости в отношениях Индии с Непалом, Бангладеш, Шри-Ланкой" [7, с. 16]. Расширение делового сотрудничества со странами Юго-Восточной Азии также усиливает тренд на "добрососедство".

Экономические реформы и либерализация экономики открыли Индию внешнему миру. "1990-е гг. принято считать отправной точкой вхождения

Индии в процессы глобализации" [3, с. 115]. Индия успешно справилась со своими экономическими трудностями, о чём свидетельствует её включение в 1999 г. в Группу министров финансов и управляющих центральными банками "Большой двадцатки" G20 [23].

В этот период у Индии появляются новые внешнеполитические приоритеты и партнёры, недоступные в период холодной войны, главными из которых стали США. В 1990-е гг. США стали крупнейшим торговым партнёром и зарубежным инвестором Индии, а с 1995 г. – её официальным контрагентом в военной сфере после подписания "Протокола об отношениях в области обороны" [2, с. 87].

Индия, наконец, обратила внимание на Юго-Восточную Азию (ЮВА). В течение большей части холодной войны индийские политики избегали государств ЮВА, за исключением Вьетнама, рассматривая их в основном как американских марионеток. В рамках открытия своих рынков для иностранных инвестиций и стремления к развитию жизнеспособного экспортного сектора, страна приступила в 1991 г. к политике "Смотри на Восток" (Look East) [12] с акцентом на сотрудничество с АСЕАН. В 1992 г. Индия обрела статус регионального партнёра по диалогу с АСЕАН. В 2014 г. по предложению премьер-министра Моди политика "Смотри на Восток" была расширена до программы "Действуй на Востоке" (Act East Policy) с участием Японии, Республики Корея, Австралии и стран Океании.

Ключевое значение для индийской внешней политики в данный период сохранил южноазиатский сектор. В июне 1997 г. по предложению Нью-Дели была создана региональная организация по экономическому сотрудничеству (с неким антипакистанским подтекстом) – "Инициатива стран Бенгальского залива по многостороннему техническому и экономическому сотрудничеству" (BIMSTEC). В неё, помимо Индии, вошли Бангладеш, Бутан, Мьянма, Непал, Таиланд и Шри-Ланка – то есть государства, входящие в SAARC, за исключением Пакистана и Мальдив. BIMSTEC декларирует такие задачи, как экономическая интеграция в сфере инвестиций, рыболовства, торговли и транспорта, что также работает в пользу стратегии добрососедства.

Пятый этап длился с 2000 по 2013 гг., когда Индия постепенно закрепились в политике балансирующей державы. Внешнеполитическая стратегия Индии искала равновесие между автономией и добрососедством, между старыми и новыми партнёрами и приоритетами. Вектор на расширение добрососедства становится более выраженным. Индии удалось заключить ядерное соглашение с США, улучшить отношения с Западом, укрепить связи с Россией, а также достичь общего понимания с Китаем в вопросах торговли и изменения климата [19].

В данный период активизируется сотрудничество Индии с США в контексте американской стратегии "rebalance" в АТР, поскольку обе страны были озабочены поиском противовеса растущему экономическому и военно-политическому влиянию Китая. Особое значение индийская дипломатия в это время придает развитию партнёрских отношений с региональными соседями по Южной и Юго-Восточной Азии. Такой подход проявился в укреплении сотрудничества Индии с АСЕАН, BIMSTEC и другими региональными организациями.

Шестой этап, датируемый с 2014 г. по настоящее время, связан с приходом к власти премьер-министра Нарендры Моди. Это период усиления международного влияния Индии, её активной дипломатии, а также расширения интересов и географических рамок индийской внешней политики. Индия участвует вместе с США в формировании нового геостратегического региона "от Калифорнии до Килиманджаро" в рамках американского проекта (с антикитайским подтекстом) "Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона". К нему Нью-Дели фактически присоединился после выступления Моди на саммите "Диалог Шангри-Ла" в 2018 г. Военно-техническое и военно-политическое сотрудничество Индии и США является важнейшей составляющей стратегии "Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона".

Интерес Индии к ИТР не случаен, так как она "крайне заинтересована в обеспечении безопасности своих торговых путей вдоль Индийского океана ... путём создания и эксплуатации нескольких портов в Индийском океане" [17] на фоне портово-логистической конкуренции с китайским проектом "Иници-

атива Пояса и Пути". Для данного периода характерно не только балансирование между мировыми лидерами, но и появление у Индии собственных лидерских амбиций. Сегодня Индия заинтересована в стабильных и предсказуемых отношениях с остальным миром, в соответствии с принципами порядка, основанного на правилах. "Мы хотим, чтобы взаимозависимость в мире продолжала преобладать" [25]. Гарантию всему этому она до последнего времени видела в политике США. Данный период внешней политики Индии, в целом, совпадает с трендом на расширение добрососедства.

Внешиполитические ориентиры и приоритеты Индии в XXI в.

Современная Индия не имеет официальных, "писанных" стратегий внешней политики и национальной безопасности, что не только предопределяет амбивалентность её международного курса, но и затрудняет изучение данного вопроса. По мнению Панкаджа Джа – профессора международных отношений ведущего частного вуза Индии Jindal Global University, важнейшей задачей для страны сегодня является определение её "стратегического ландшафта... Индия нуждается во всеобъемлющем плане действий, который поможет ей в решении будущих задач" [16].

Отсутствие официальных стратегий в качестве источника информации отчасти компенсируется заявлениями руководителей государства. Нередко они свидетельствуют о наличии связи современными внешнеполитическими парадигмами и традиционными представлениями, о которых упоминал ещё Дж. Неру. Так, по мнению Б. К. Шармы, современная внешняя политика Индии руководствуется древней философией Васудхайва Кутумбакам (Vasudhaiva Kutumbakam). Эта фраза из древнего санскритского священного текста, Маха-упанишад, означает, что весь мир – одна семья [8]. В контексте связи с традициями следует рассматривать известный лозунг премьер-министра Моди "Сабка Саат Сабка Викас Сабка Вишвас аур Сабка Праяс" (поддержка всех, развитие всех, доверие всех и усилия всех), подкреплённый философией Васудхайва Кутумбакам. Он был провозглашён Моди на Первом саммите "Голос Глобального Юга" [10] и повторён на саммите G20 в 2023 г.

Современная внешняя политика Индии во многом ориентирована на концепцию *Viksit Bharat* ("Развитая Индия 2047"). Это амбициозный проект Моди по превращению страны в развитую державу к столетнему юбилею независимости в 2047 г. Программа направлена на всестороннее национальное развитие, дополненное надёжным сдерживанием в многополярном мире. Принципы программы сформулированы в целом ряде правительственных документов ("Национальные амбиции и региональные устремления", "Совместный инклюзивный рост", "Безопасность и рост для всех в регионе", "Цифровая Индия" и т. д.) [8].

Некоторые представления о приоритетах и ориентирах современной международной стратегии Индии дают материалы выступлений индийских политиков и экспертов, что вполне соответствует индийской внешнеполитической традиции. Например, в 2023 г., в ознаменование 75-летия индийской внешней политики, Министерство иностранных дел Индии и Индийский совет по международным делам (ИСМД) организовали двухдневный научно-практический семинар, на котором состоялся обмен мнениями по вопросам внешней политики Индии. По мнению генерального директора ИСМД г-жи Нутан Капур Махавар, выступления участников семинара "возрождают древнюю индийскую традицию "шрути" – "то, что слышно", – вывода на первый план активные беседы высокопоставленных и опытных бывших дипломатов, внёсших большой вклад в формирование внешней политики Индии, бывших генералов, привносящих особый взгляд на понимание стратегических вопросов, а также выдающихся индийских и зарубежных учёных, которые писали о международных отношениях [19].

Представители индийского политико-академического сообщества также подчёркивают особую роль публичной дипломатии и мягкой силы в формировании мирового общественного мнения об Индии с тем, чтобы сохранить представление о ней, как о стране цивилизационной мудрости – Вишвагуру (переводится с санскрита как глобальный учитель, наставник, мировой лидер), в контексте возможных перспектив её мирового лидерства. "Это – насущная необходимость" [18].

В своей внешней политике Индия сегодня декларирует приверженность международной безопасности и процветанию. В её основе лежат два принципа, антиномичных по своему смыслу. Принцип "стратегической автономии" с его главным постулатом "India First" (Индия как независимый центр силы, отстаивающий национальные интересы и независимость) поддерживался администрацией прежнего премьер-министра Манмохана Сингха. По смыслу данный принцип имеет сходство с идеей неприсоединения, избегания военных блоков, излишне обязывающих или невыгодных союзов и партнёрств, о чем упоминалось выше.

Идея "широкого добрососедства" (добрососедские, но ранжированные по значимости отношения Индии с государствами ИТР и укрепление взаимовыгодных связей с центрами регионального влияния) осуществляется нынешним премьер-министром Нарендрой Модой. Некоторые индийские авторы проводят параллель между данной внешнеполитической стратегией и её историческими аналогами. Например, по словам Б. К. Шармы, упомянутой в древнем трактате "Артхашастра" теория мандалы воспроизводится и в современной внешней политике Индии". Согласно ей, политический ландшафт всегда разделён на концентрические круги-мандалы. Государство окружено другими государствами, каждое из которых имеет свои интересы и амбиции, и с которыми следует считаться. "Теория мандалы ... предполагает, что центральное государство должно сосредоточиться на создании альянсов, оценке угроз, нейтрализации потенциальных противников и поддержании благоприятной геополитической среды для обеспечения собственной безопасности" [8]. На практике концепт концентрических кругов наиболее наглядно реализуется в многовекторной внешней политике Индии.

В контексте концепта "широкого добрососедства", Моди сформулировал идею "человекоцентричной" глобализации через матрицу 4R. Международная политика, чтобы адекватно отвечать на такие вызовы, как терроризм, киберугрозы, изменение климата и т.д., должна строиться на следующих принципах: "Отвечать, Признавать, Уважать и Реформировать" ("Respond, Recognize, Respect and Reform"), а также "реагировать на приоритеты Глобального Юга, формируя инклюзивную и сбалансированную международную повестку дня" [28].

Одновременная реализация политики "широкого добрососедства" и "стратегической автономии" на фоне усиления экономического и военного присутствия Китая в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР), ставит Нью-Дели перед непростым выбором: ориентироваться на США, искать баланс между США и КНР или "принять Китай в качестве стратегического партнёра на региональном и глобальном уровне" [15].

В своём умении балансировать между мировыми центрами силы Нью-Дели видит новые возможности для внешней политики. Такая стратегия обеспечивает Индии, с одной стороны, суверенитет, авторитет и независимое международное поведение, с другой – укрепляет её дружественные связи со странами региона и мира. Так, министр обороны Раджнатх Сингх подчеркивает, что "Индия превратилась в уверенную в себе нацию, которая верит в совместную работу ради коллективного благополучия, но отвергает вмешательство в свои внутренние дела. Индия сегодня заняла лидирующие позиции в мировом рейтинге" [21]. В данном высказывании уже просматривается заявка Индии на лидерский статус мирового уровня.

Более уверенно Индия претендует на положение лидера Глобального Юга. 12–13 января 2023 г. Нью-Дели организовал специальный виртуальный саммит "Голос Глобального Юга" под девизом "Единство голоса, единство цели". В нем приняли участие 125 стран. Это была новая и уникальная инициатива, призванная объединить страны Глобального Юга и "обменяться своими взглядами и приоритетами на общей платформе по широкому кругу вопросов" [10]. Саммит продемонстрировал не только готовность Индии предоставить площадку для обсуждения проблем, затрагивающих развивающиеся страны, но и её попытку объединить их коллективные усилия без оглядки на великие державы. Такая политика Индии напоминает её прежнее лидерство в Движении неприсоединения, но более масштабированное и явно выходящее за пределы ИТР.

В контексте курса на "широкое добрососедство" Индия перешла от политики "Смотри на Восток" к проекту "Действуй на Востоке", который одновременно усиливает её позиции на Глобальном Юге. Этот переход был не просто ребрендингом лозунга, а стратегическим шагом, направленным на учёт новых геополитических реалий. Политика "Действуй на Востоке" направлена на формирование более широкого и всеобъемлющего партнёрства с ключевыми странами ИТР, включая Японию, Южную Корею, Австралию и Вьетнам. Индия расширила своё участие в региональных форумах, таких как Восточно-азиатский форум и Форум африканских государств, которые предоставляют площадки для диалога по вопросам безопасности и экономического развития Глобального Юга.

Инициативы в рамках стратегии "Широкого добрососедства" включают в себя укрепление региональных связей посредством инфраструктурных проектов, содействия торговле и инвестициям, а также поддержки гуманитарных обменов. Так, Индия активно участвовала в строительстве шоссе Индия – Мьянма – Таиланд с целью стимулирования торговли и экономической интеграции в регионе [13].

С помощью индийских компаний за последние двадцать лет была создана и профинансирована панафриканская электронная сеть (e-VidyaBharti и e-ArogyaBharti) для телеобразования и телемедицины, доступная практически всем странам Африки. Госпиталь Black Lion в Аддис-Абебе напрямую соединён через интернет с больницей AIIMS в Дели, и жители Аддис-Абебы могут получать кардиологические, неврологические и другие консультации от индийских специалистов. Здравоохранение и образование – это два главных сектора на Глобальном Юге, которые Индия целенаправленно развивает. В ряде азиатских стран Индия реализует программу "Джайпур Фут" (Jaipur Foot Project), нацеленную на развитие молодежных спортивных проектов. Индийская волонтерская организация, известная как Barefoot College (Колледж для босоногих / бедняков), осуществляет международную программу "Солнечные мамы", которая обучает сельских женщин пользоваться солнечными батареями. Также осуществляются программы, обучающие женщин в Южной Азии финансовой грамотности и знанию своих прав и т. д. [26].

Активная политика Индии в ИТР, равно как и её ориентированность на участие в делах Глобального Юга (нередко совпадающие в стратегии "Действуй на Востоке"), может привести в перспективе к смене региональных ориентиров у Нью-Дели. Не исключено, что рамки концепта "Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона" с его требованием следовать приоритетам США, станут тесными для Индии. Сомнительная "тарифная" политика нынешнего президента США Дональда Трампа может ослабить индийско-американское сотрудничество и усилить поиск Нью-Дели иных внешнеполитических направлений. Перспектива стать региональным лидером Глобального Юга не противоречит национальным амбициям и возможностям Индии. Однако главным препятствием на этом пути по-прежнему остаётся Китай также со своими амбициями и возможностями.

Заключение

В настоящее время Индия превратилась во влиятельную региональную державу с быстро растущей экономикой, чему во многом способствовала её весьма эффективная внешняя политика. В основе последней лежат несколько факторов, наиболее значимыми из которых являются два: национальные цивилизационные традиции, с одной стороны, и отрефлексированная историческая память о колониальном прошлом, с другой. Трансформируясь и эволюционируя вместе с международной деятельностью Индии, эти два основания повлияли на формирование двух основных моделей индийской внешней политики – "национальной автономии" и "широкого добрососедства". Содержательная противоречивость данных моделей нередко приводит к амбивалентности внешнеполитической риторики и практики Нью-Дели. Возрастающие возможности и ресурсы Индии открывают перед ней перспективы выхода за пределы концептуальных рамок Индо-Тихоокеанского региона и стать региональным лидером Глобального Юга и глобальной державой.

Литература / References

1. Володин А. Современность истории: истоки внешней политики Индии // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65, № 1. С. 132–138.
Volodin A. Modernity of History: The Origins of India's Foreign Policy // *World Economy and International Relations*. 2021. Vol. 65, No. 1. P. 132–138. (In Russ.)
2. Гарусова Л. Н. Эволюция военного сотрудничества Индии и США: индо-тихоокеанский контекст // *Россия и АТР*. 2023. № 3. С. 79–102.
Garusova L.N. The evolution of military cooperation between India and the United States: the Indo-Pacific context // *Russia and the Asia-Pacific region*. 2023. No. 3. P. 79–102. (In Russ.)
3. Захаров А. И. Вступление Индии в глобальный мир: Особенности пути // *Россия и мир в XXI веке*. 2020. № 3. С. 113–134.
Zakharov A. I. India's entry into the global world: Features of the path // *Russia and the world in the 21st century*. 2020. No. 3. P. 113–134. (In Russ.)
4. Леонова О. Г. Стратегия внешней политики Индии: эволюция, принципы, цели // *Обозреватель-Observer*. 2017. № 5. С. 26–42.
Leonova O. G. The strategy of India's foreign policy: evolution, principles, goals // *Obozrevatel-Observer*. 2017. No. 5. P. 26–42. (In Russ.)
5. Моди Н. Индия скоро станет третьей экономикой мира // *Eurasia Today*. 5 июля, 2025. URL: <https://eurasiatoday.ru/narendra-modi-indiya-skoro-stanet-tretej-ekonomikoj-mira/> (дата обращения: 01.06.2025)
Modi N. India will soon become the third economy in the world // *Eurasia Today*. July 5, 2025. URL: <https://eurasiatoday.ru/narendra-modi-indiya-skoro-stanet-tretej-ekonomikoj-mira/> (accessed 01.06.2025). (In Russ.)
6. Неру Дж. Открытие Индии. М.: Издательство иностранной литературы, 1955. 649 с.
Nehru J. *Discovery of India*. Moscow: Publishing House of Foreign Literature. 1955. 649 p.
7. Песцов С. К. Регионализм как тактика: политика Индии "Соседство прежде всего" // *Россия и АТР*. 2023. № 3. С. 9–36.
Pestsov S.K. Regionalism as a tactic: India's "Neighborhood First" Policy // *Russia and the Asia-Pacific Region*. 2023. No. 3. P. 9–36. (In Russ.)
8. Шарма Б. К. Культура как политика: индийский опыт // *Россия в глобальной политике*. 2024. Т. 22, № 4. С. 157–162. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/kultura-politika-sharma/> (дата обращения: 21.04.2025)
Sharma B. K. Culture as a policy: the Indian experience // *Russia in global politics*. 2024. Vol. 22. No. 4. P. 157–162. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/kultura-politika-sharma/> (accessed 21.04.2025). (In Russ.)
9. Ширгазина Э. Р. Взаимодействие Индии и Китая в Восточном секторе ЛФК: ретроспектива и современное состояние проблем // *Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее*. 2022 / Рос. акад. наук; Ин-т Китая и совр. Азии РАН. М.: ИККА РАН, 2022. С. 43–52.
Shirgazina E. R. Interaction between India and China in the Eastern sector of physical therapy: a retrospective and the current state of the problems // *East Asia: Past, Present, Future*. 2022 / Russian Academy of Sciences; Institute of China and Contemporary Asia, RAS. Moscow: ICSA RAS, 2022. P. 43–52.
10. 1st Voice of Global South Summit 2023 – January 12–13, 2023. URL: <https://www.mea.gov.in/voice-of-global-summit.htm> (accessed 26.05.2025)
11. English translation of Prime Minister's opening remarks at the QUAD Leaders' Summit. 21 May 2023. URL: <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1926075> (accessed 02.06.2025)
12. Ganguly S. India's Foreign Policy: Retrospect and Prospect. URL: https://www.ufmg.br/dri/wp-content/uploads/2021/09/indianforeignpolicy_ganguly.pdf (accessed 21.04.2025)
13. Hsiao-Chen Lin. Allies in the Making: India's Strategic Partnerships in the Indo-Pacific Strategy // *The Journal of Indian and Asian Studies* Vol. 5, No. 2. July 2024. 2440011. URL: <https://www.worldscientific.com/doi/epdf/10.1142/S2717541324400114> (accessed 08.06.2025)
14. India: Gross domestic product (GDP) in current prices from 1987 to 2030 // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/263771/gross-domestic-product-gdp-in-india/> (accessed 21.04.2025)
15. *India's Great Power Politics: Managing China's Rise* / ed. Jo Inge Bekkevold, S. Taylor & Francis, 2020. 294 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=1wslEAAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (accessed 21.07.2025)
16. Jha P. Why India needs a National Security Strategy//*Modern Diplomacy*. February 7, 2023. URL: <https://modern diplomacy.eu/2023/02/07/why-india-needs-a-national-security-strategy/> (accessed 19.04.2025)
17. Juned M. India's Foreign Policy in Indo-Pacific Region and Its Impact for Southeast Asia's Regional Interest // *Academic Journal of Interdisciplinary Studies*. Vol. 8 No. 3 November 2019. P. 311–317. URL: <https://www.richtmann.org/journal/index.php/ajis/article/view/10586> (accessed 22.05.2025)
18. Mahapatra C. Remarks. Celebrating 75 years of Indian foreign police. Indian Council of World Affairs. Sapru House, Ministry of External Affairs of India Jawaharlal Nehru Bhawan. International Seminar

- Celebrating 75 Years of Indian Foreign Policy. 17-18 January 2023. Concept Note. New Delhi. 2023. URL: <https://icwa.in/pdfs/INdia75%20Web.pdf> (accessed 15.03.2025)
19. Mahawar N. Remarks. Celebrating 75 years of Indian foreign police. Indian Council of World Affairs. Sapru House, Ministry of External Affairs of India Jawaharlal Nehru Bhawan. International Seminar Celebrating 75 Years of Indian Foreign Policy. 17–18 January 2023. Concept Note. New Delhi. 2023. URL: <https://icwa.in/pdfs/INdia75%20Web.pdf> (accessed 14.03.2025)
 20. Panda J. P. India and the Quad Plus. Between Pointed-Alignment and Conjectural Alliance // Journal of Indo-Pacific Affairs. Special Issue. 2020. Vol. 3, No. 5. P. 44–72. URL: <https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9781003206408-3/quad-plus-india-pointed-alignment-strategy-jagannath-panda> (accessed 21.03.2025)
 21. Press Information Bureau (Defence Wing) Government Of India. URL: https://mod.gov.in/sites/default/files/self-assured-%26-self-reliant-nation_0.pdf
 22. Provisional Estimates of Annual Gross Domestic Product For 2024-25 And Quarterly Estimates of Gross Domestic Product for The Fourth Quarter (January-March) Of 2024-25 // Ministry of Statistics & Programme Implementation. 30 May 2025. URL: <https://www.pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=2132688> <https://icwa.in/pdfs/INdia75%20Web.pdf> (accessed 26.06.2025)
 23. Singh V. Remarks. Celebrating 75 years of Indian foreign police. Indian Council of World Affairs. Sapru House, Ministry of External Affairs of India Jawaharlal Nehru Bhawan. International Seminar Celebrating 75 Years of Indian Foreign Policy. 17–18 January 2023. Concept Note. New Delhi. 2023. URL: <https://icwa.in/pdfs/INdia75%20Web.pdf> (accessed 17.04.2025)
 24. Singh Z. Power and Diplomacy. India's Foreign Policy during the Cold War. New Delhi, Oxford University Press. 2019. 398 p.
 25. Singh Z. Remarks. Celebrating 75 years of Indian foreign police. Indian Council of World Affairs. Sapru House, Ministry of External Affairs of India Jawaharlal Nehru Bhawan. International Seminar Celebrating 75 Years of Indian Foreign Policy. 17–18 January 2023. Concept Note. New Delhi. 2023. URL: <https://icwa.in/pdfs/INdia75%20Web.pdf> (accessed 09.05.2025)
 26. Suri N. Remarks. Celebrating 75 years of Indian foreign police. Indian Council of World Affairs. Sapru House, Ministry of External Affairs of India Jawaharlal Nehru Bhawan. International Seminar Celebrating 75 Years of Indian Foreign Policy. 17–18 January 2023. Concept Note. New Delhi. 2023. URL: <https://icwa.in/pdfs/INdia75%20Web.pdf> (accessed 20.03.2025)
 27. Thakker A. Sino-Indian Border Clashes: Implications for U.S.-India Ties// CSIS. July 16, 2020. URL: <https://www.csis.org/analysis/sino-indian-border-clashes-implications-us-india-ties> (accessed 29.06.2025)
 28. Trigunayat A. Remarks. Celebrating 75 years of Indian foreign police. Indian Council of World Affairs. Sapru House, Ministry of External Affairs of India Jawaharlal Nehru Bhawan. International Seminar Celebrating 75 Years of Indian Foreign Policy. 17–18 January 2023. Concept Note. New Delhi. 2023. URL: <https://icwa.in/pdfs/INdia75%20Web.pdf> (accessed 11.05.2025)
 29. Vohra A. Modi's China Policy Is a Failure // Foreign Policy. January 18, 2023. URL: <https://foreignpolicy.com/2023/01/18/modis-china-policy-is-a-failure/> (accessed 25.04.2025)

Информация об авторах

Лариса Николаевна Гарусова, д-р ист. наук, профессор кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета; главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: lgarusova@mail.ru

Виктор Алексеевич Бурлаков, канд. полит. наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: burlakov.va@dvfu.ru

Information about the authors

Larisa N. Garusova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Asia Pacific Department, Far Eastern Federal University; Chief Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: lgarusova@mail.ru

Viktor A. Burlakov, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Asia Pacific Department, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: burlakov.va@dvfu.ru

Поступила в редакцию 08.08.2025

Одобрена после рецензирования 12.11.2025

Принята к публикации 27.11.2025

Received 08.08.2025

Approved 12.11.2025

Accepted 27.11.2025

"Ядерный поворот" в энергетической повестке стран Юго-Восточной Азии

Иван Николаевич Золотухин
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, zolivnik@mail.ru
Юлия Владимировна Баранова
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, baranova.yv@dvfu.ru

Аннотация. В статье рассматривается ситуация вокруг одного из современных трендов в Юго-Восточной Азии, обусловленного экономическим ростом и, как следствие, увеличением энергопотребления, а также вызовами энергетической безопасности. Несмотря на то, что в среднесрочной перспективе правительства стран региона делают ставку на возобновляемые источники энергии (ВИЭ), атомной энергетика отводится в их стратегических планах особое место как перспективному направлению по обеспечению энергетического суверенитета, экономического процветания и сокращению выбросов парниковых газов. В работе затронуты действия стран региона по внедрению ядерной энергетике, перспективы применения технологий "мирного атома" в их энергобалансе, препятствия на пути "ядерного поворота". Публикация отмечает, что успешный переход на ядерную энергетику в Юго-Восточной Азии зависит не только от технических и финансовых возможностей конкретной страны, но и от решений их руководителей, в том числе от умения развивать сотрудничество с имеющими опыт в реализации ядерных технологий международными партнёрами.

Ключевые слова: Юго-Восточная Азия, возобновляемые источники энергии, ядерная энергия, атомная электростанция, малые модульные реакторы, ядерный поворот, декарбонизация

Для цитирования: Золотухин И. Н., Баранова Ю. В. "Ядерный поворот" в энергетической повестке стран Юго-Восточной Азии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 4. С. 143–155.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/143-155>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/143-155>

The nuclear turn in the energy agenda of Southeast Asian countries

Ivan N. Zolotukhin
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, zolivnik@mail.ru
Yulia V. Baranova
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, baranova.yv@dvfu.ru

Abstract. This article examines a current trend in Southeast Asia driven by economic growth and, consequently, increased energy consumption, as well as challenges to energy security. Although governments in the region are focusing on renewable energy sources (RES) in the medium term, nuclear energy holds a special place in their strategic plans as a promising area for ensuring energy sovereignty, economic prosperity, and reducing greenhouse gas emissions. The paper examines the countries' efforts to implement nuclear energy, the prospects for incorporating "peaceful atom" technologies into their energy mixes, and the obstacles to the "nuclear transition." The publication notes that a successful transition to nuclear energy in Southeast Asia depends not only on the technical and financial capabilities of each country but also on the decisions of its leaders, including their ability to develop cooperation with international partners experienced in implementing nuclear technologies.

Key words: Southeast Asia, renewable energy sources, nuclear energy, nuclear power plant, small modular reactors, nuclear turn, decarbonization

For citation: Zolotukhin I. N., Baranova Yu. V. The nuclear turn in the energy agenda of Southeast Asian countries // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 4. P. 143–155.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/143-155>

Введение

Находясь в авангарде международных процессов, страны Юго-Восточной Азии (ЮВА) фокусируются на вопросах, касающихся, в том числе, тенденций глобального энергетического перехода и сопряжённых с необходимостью решения мировых геополитических, экономических и экологических проблем. За последние десятилетия масштабы энергопотребления в регионе стабильно растут (см. табл. 1), и по прогнозам Международного энергетического агентства (МЭА), к 2050 г. ЮВА по темпам потребления энергии обгонит Евросоюз [28, р. 1]. Создание в регионе крупных производственных мощностей и рост населения требуют сопоставимых энергозатрат для поддержания промышленного роста и достойного уровня жизни.

Вместе с тем доминирующим источником тепловой и электроэнергии стран АСЕАН остаётся ископаемое топливо, причём уголь с 2010 г. покрывает почти 80% их энергопотребления [28, р. 1]. Стимулирование экономического роста за счёт использования углеродоёмких технологий приводит к увеличению выбросов парниковых газов (см. табл. 2), что ведёт не только к ухудшению экологической ситуации в регионе, но и ставит страны ЮВА, большин-

Табл 1. Энергопотребление самых крупных экономик АСЕАН (в EJ (эксаджоулях))
 Table 1. Energy consumption of the largest ASEAN economies (in EJ, exajoules)

Страна \ Год	2004	2008	2012	2016	2020	2024
Вьетнам	1,13	1,48	1,90	2,77	3,93	4,59
Индонезия	5,06	5,78	7,14	6,96	7,88	11,07
Малайзия	2,74	3,31	3,69	4,10	4,14	4,76
Сингапур	1,85	2,49	2,99	3,46	3,29	3,79
Таиланд	3,52	3,84	4,60	5,01	4,88	5,02
Филиппины	1,36	1,40	1,50	1,98	2,08	2,54

Примечание: 1 эксаджоуль = 23884589,66275 тоннам нефтяного эквивалента (toe).

Источник: составлено авторами на основе [16].

Source: compiled by the authors based on [16].

ство из которых наметили цели по достижению углеродной нейтральности к середине XXI в., перед необходимостью пересмотра своих энергетических стратегий.

Помимо климатических изменений существуют и другие вызовы, которые заставляют правительства стран ЮВА искать альтернативы традиционным углеводородным источникам энергии: это обострение международных конфликтов, риски пандемий, неспособность возобновляемых источников энергии (ВИЭ) стать стабильным инструментом обеспечения энергоёмкой инфраструктуры.

Страны ЮВА как на национальном уровне, так и в рамках АСЕАН неоднократно прилагали усилия в направлении обеспечения эффективного энергоснабжения и в решении сопряженных с ним вопросов энергетической безопасности. На сегодняшний день, в контексте внутри и внешнеполитических вызовов, возможность "ядерного поворота" рассматривается ими как инструмент достижения баланса между растущим спросом на энергию, взятыми обязательствами по борьбе с изменением климата, а также планами по достижению устойчивого развития.

Программы ядерной энергетики в странах ЮВА

История гражданской ядерной энергетики в ЮВА насчитывает более 60 лет с момента, когда в 1962 г. Таиланд подписывает с США "Соглашение 123"¹. Платформу для активизации в регионе программ развития ядерной энергии в мирных целях заложил Бангкокский договор 1995 г. о Зоне свободной от ядерного оружия (ЗСЯО). В настоящее время лидерами в разработке невоенных программ ядерной энергетики являются Филиппины, Индонезия, Вьетнам, Таиланд, Малайзия. За исключением Малайзии, первые 4 страны начали исследования в ядерной области ещё в 1960-х гг. Интерес к созданию АЭС малой мощности сохраняет Мьянма, где ещё в 1955 г. создаётся Центр по атомной энергии при Институте прикладных исследований Бирмы.

Авария на Фукусиме в 2011 г. не изменила намерений стран ЮВА развивать ядерную энергетику, хотя возможности для создания и запуска атомных электростанций (АЭС) у каждой из них разные. Поэтапное развитие гражданской ядерной энергетики и укрепление регионального сотрудничества в данной области было предусмотрено в соответствии с Планом действий АСЕАН на 2016–2025 гг. В то же время государства ЮВА, исходя из страте-

¹ Соглашение 123 (Section 123 Agreement) – подраздел Закона Соединенных Штатов Америки об атомной энергии 1954 г. под названием "Сотрудничество с другими государствами", который открыл возможность предоставлять мирные ядерные технологии для неядерных государств на условиях заключения соответствующего соглашения, которое утверждается Президентом США и ратифицируется Конгрессом.

Табл. 2. Выбросы в атмосферу углекислого газа самых крупных экономик АСЕАН (CO₂) в млн тонн
 Table 2. Carbon dioxide (CO₂) emissions of the largest ASEAN economies, in million tonnes

Страна \ Год	2004	2008	2012	2016	2020	2024
Индонезия	323,6	379,4	478,0	461,7	514,0	746,9
Малайзия	174,1	208,1	227,9	252,5	251,3	296,3
Филиппины	71,6	73,3	82,9	116,1	126,6	163,6
Таиланд	216,0	235,8	266,6	286,8	270,0	271,1
Сингапур	117,3	166,7	196,6	225,6	211,4	247,9
Вьетнам	82,0	105,2	128,3	191,3	291,2	334,2

Источник: составлено авторами на основе [16].

Source: compiled by the authors based on [16].

гических соображений, не готовы идти на форсированные шаги в сфере, где остаются нерешённые вопросы.

На сегодняшний день создать АЭС в ЮВА удалось только Филиппинам, но объект (Батаанская АЭС) был законсервирован в 1986 г. (на решение правительства остановить запуск ядерного реактора повлияла авария на Чернобыльской АЭС). На протяжении десятилетий вопросы безопасности на Филиппинах перевешивали перспективные решения проблемы "энергетического голода". Вопрос о "ядерном повороте" существовал на уровне политических дискуссий, а энергодефицит в стране предлагалось ликвидировать путём использования возобновляемых и альтернативных источников, а также реприватизации ГЭС и усиления государственного контроля над энергогенерирующими объектами.

Вместе с тем необходимость решения проблем энергетической самообеспеченности страны заставило правительство вернуться к рассмотрению возможности возрождения ядерной энергетической программы. В 2018 г. МАГАТЭ провело по запросу Филиппин миссию по комплексному обзору ядерной инфраструктуры [1, с. 33], направленную на оказание помощи Филиппинам в развитии ядерной энергетической программы, а с приходом к власти в 2022 г. Фердинанда Маркоса-младшего (сына президента, при котором была построена Батаанская АЭС) ядерная энергетика оказалась включена в энергобаланс страны. В появившейся в сентябре 2022 г. Дорожной карте по ядерной энергетике Филиппин были обозначены цели: создать к 2032 г. коммерчески эксплуатируемые АЭС с первоначальной мощностью не менее 1,2 ГВт, к 2035 г. довести их мощность до 2,4 ГВт, а к 2050 до 4,8 ГВт [15]. В приоритете сценарий запуска малых модульных реакторов (ММР).

Повторная миссия МАГАТЭ, проведённая по запросу Манилы в декабре 2024 г., отметила, что Филиппины добились значительного прогресса в выполнении большинства рекомендаций и предложений, разработав всеобъемлющий закон о ядерной энергетике, завершив оценку в области развития кадровых ресурсов, нормативно-правовой базы, радиационной защиты и обращения с радиоактивными отходами, а также готовности реагирования на чрезвычайные ситуации [15].

Принятый в июне 2025 г. Сенатом Закон о безопасности национальной ядерной энергетике Филиппин [24] провозгласил создание Управления по регулированию атомной энергетике Филиппин (PhilATOM), заложив правовую основу для регулирования ядерной деятельности и обеспечения безопасности в реализации коммерчески эксплуатируемых АЭС и завершив процесс, запущенный в ноябре 2023 г., когда Палата представителей в третьем (последнем) чтении одобрила законопроект о содействии использованию ядерной энергии в мирных целях.

Заявленный Филиппинами поворот к "мирному атому" призван стабилизировать энергетическую систему страны и подчеркнуть намерения прави-

тельства выполнить обязательства по борьбе с изменением климата. На фоне растущего интереса в мире к ядерной энергетике инициативы Филиппин могут открыть окно возможностей для международных инвесторов, готовых выйти на новые ядерные рынки, однако не стоит упускать из внимания трудности, с которыми сопряжен процесс ядерного перехода.

Малайзия, начавшая проводить исследования в ядерной области с 1982 г., позднее своих соседей по региону, поначалу показала завидный прогресс в разработке подготовительного этапа программы ядерной энергетике, создав в 2011 г. Малазийскую ядерную энергетическую корпорацию. Курировал процесс подготовки малазийской программы по освоению мирного атома Комитет по развитию ядерной энергетике. Важным этапом в развитии ядерной энергетике страны стал июль 2014 г., когда было объявлено о комплексном технико-экономическом обосновании строительства АЭС, запланированного на 2021 г. В 2017 г. МАГАТЭ высоко оценила действия Малайзии по проведению исследований в области первичных финансовых, технических, правовых обоснований создания ядерной инфраструктуры. Reviving Malaysia's Nuclear Energy Program Однако с приходом к власти в 2018 г. старожилы малазийской политики Махатхира Мохаммада сроки строительства АЭС были отодвинуты на отдалённую перспективу, а страна сделала ставку на развитие ВИЭ, намереваясь к 2020 г. стать вторым в мире экспортёром солнечных батарей [19]. Малазийское агентство по ядерной энергетике было распушено.

Стремясь к достижению углеродной нейтральности, малазийское правительство поставило цель к 2050 г. внедрить ВИЭ в 70% производства электроэнергии [27]. На сегодняшний момент ископаемое топливо составляет более 90% энергобаланса страны, а на ВИЭ приходится лишь 6% фактической выработки электроэнергии, в том числе из-за нестабильности соляных источников [20].

В то же время растущие потребности Малайзии в энергопотреблении заставляют её руководство рассматривать возможность внедрения мирного атома как перспективу декарбонизации и диверсификации энергосистемы страны. В 2023 г. правительство Анвара Ибрагима заявило о готовности включить ядерную энергетике в энергетический баланс страны, а представители его кабинета выразили мнение, что рассматривают ядерную энергетике в рамках планирования энергетического перехода [27].

В конце прошлого года кабинет министров признал ядерную энергетике жизнеспособным вариантом для будущего производства электроэнергии, основываясь на рекомендациях Национального энергетического совета во главе с премьер-министром Анваром Ибрагимом [20]. В рамках пятилетнего плана развития страны (2026-2030) ядерная энергетике признана источником чистой энергии, а руководство обсуждает возможность внедрения ядерной энергетике к 2031 г., что, параллельно с развитием ВИЭ, должно помочь стране в достижении углеродной нейтральности к середине столетия [17].

Создав исследовательский реактор в 1962 г., Таиланд стал пионером в развитии мирного атома среди стран ЮВА, однако планы по созданию АЭС неоднократно откладывались. Новые шансы на развитие таиландской ядерной отрасли обусловлены ограниченными энергозапасами страны, вынужденной импортировать газ, нефть и гидроресурсы, и высоким уровнем её энергопотребления. Прогнозируемый чистый спрос на электроэнергию в Таиланде в 2037 г. составит 54 ГВт, а общую мощность электрогенерации планируется довести к этому времени до 77 ГВт [35, p. 6].

В июле 2025 г. Комиссия по регулированию энергетике Таиланда приступила к оценке правовой базы для проектирования малого модульного реактора. Это произошло на фоне опасений по поводу сокращения поставок природного газа и сохраняющейся неопределённости в тайско-камбоджийских переговорах о совместной добыче нефти в Сиамском заливе [30].

К движимкам в направлении развития ядерной энергетике страны можно отнести реанимирование после 11-летнего перерыва таиландско-американского сотрудничества в области мирного атома. В соответствии с новым соглашением, вступившим в силу 9 июля 2025 г., США смогут передавать Таиланду ядерные материалы, оборудование, включая реакторы, компоненты и технические данные для исследований и производства ядерной энергии в

гражданских целях, при условии соблюдения строгих принципов ядерного нераспространения [32].

В качестве диверсификации энергобаланса Таиланда и снижения его зависимости от высокоуглеродных источников энергии предусмотрено строительство ММП к 2037 г., включая два проекта на северо-востоке и юге страны, стоимость которых составит 100 млрд. бат (чуть более 3 млрд \$) Технико-технологическое обоснование проектов и их дальнейшая судьба зависят от решения со стороны Комиссии по регулированию энергетики и Управления по мирному атому [30].

Вместе с тем основную ставку в обеспечении энергопотребления и достижения к 2065г. углеродной нейтральности в Таиланде делается на увеличение доли ВИЭ в энергобалансе страны. К 2037 г. планируется довести их содержание в общем объеме энергопотребления до 51% (в 2020 г. оно составляло 20%) [29]. Доля же ядерной энергетики напротив сократится с ранее заявленных 5% до 1% [26, p. 39]. В то же время повышенный спрос на электроэнергию и ограниченные возможности использования ВИЭ для достижения целевых показателей сокращения выбросов CO₂ создают почву для ускорения "ядерного поворота" в стране.

Индонезийское правительство проявило интерес к ядерной проблематике с первых лет существования независимого государства. Будучи озабоченным проведением ядерных испытаний на атоллах Тихого океана, президент Сукарно создаёт в 1954 г. Госкомитет по исследованию радиоактивности [9, p. 6.]. На протяжении последующего десятилетия Индонезия хотела заложить основы современного энергетического сектора, приняв американские и советские предложения по ядерной энергетике. Индонезийские студенты изучали в вузах СССР и США ядерную физику и инжиниринг. В 1964 г в Бандунге был создан исследовательский реактор. Параллельно, в период "управляемой демократии", Джакарта намеревалась приобрести технологию создания ядерного оружия или разработать его самостоятельно, однако, новый президент Сухарто отказывается от этой идеи [11, p. 38]. На протяжении 30 лет периода "нового порядка" ядерная тема отошла на второй план в политической повестке: военный аспект больше не затрагивался руководством, а активное освоение нефтегазовых месторождений страны тормозило развитие гражданской атомной энергетики. В то же время в 1980 г. вступило в силу в соглашении о гарантиях Индонезии с МАГАТЭ в рамках ДНЯО. В 1997 г. принимается закон об атомной энергии, а через год в стране появляется Агентство по регулированию атомной энергии, проводящее контроль над использованием ядерных технологий. В 2009 г. инспекция МАГАТЭ подтвердила готовность страны взять на себя обязательства по сооружению гражданских ядерных объектов [22]. В 2013 г. создан Консультативный совет по ядерной энергетике – независимое учреждение, членами которого являются государственные и общественные эксперты. С 2014 г. действуют Индонезийский центр передового опыта по ядерной безопасности и готовности к чрезвычайным ситуациям, а также Центр культуры и оценки безопасности.

Ядерные планы Индонезии сопряжены с необходимостью предотвращения "энергетического города" и уменьшения эмиссии парниковых газов, по выбросу которых страна уступает лишь США и Китаю [2, с. 84]. Мирная нуклеаризация вписана в стратегию по увеличению производства электроэнергии, в рамках которой предусмотрено создание легководящих реакторов и ПАЭС. В то же время ВИЭ сохраняют приоритетное направление в энергетической политике страны, намеревающейся достичь углеродной нейтральности в 2060 г., доля которых в выработке электроэнергии должна составлять 75% через 15 лет. Ожидается, что ядерные объекты смогут обеспечить 5% энергопотребления страны [13].

В 1963 г. на территории Южного Вьетнама в г. Далат создаётся Институт ядерных исследований. Параллельно был запущен американский реактор Mark Triga, модифицированная версия которого впоследствии стала использоваться в исследованиях в области радиоизотопной диагностики, радиоактивного облучения сельскохозяйственных культур и ядерной медицины [3, с. 149]. Гражданская ядерная программа Вьетнама продолжила развиваться после объединения страны. В начале 1980-х годов начинаются предварительные исследования, касающиеся возможностей использования мирного атома

в стране, учитывая её природно-географические особенности, а также рост энергетических потребностей населения в силу высоких темпов социально-экономических преобразований, начавшихся после провозглашения политики "дой мой". В середине 1990-х гг. необходимость ввода в обращение ядерного реактора подкреплялась ожиданиями того, что новая для страны технология позволит не только обеспечить спрос на электроэнергию, но и позволит её экспортировать.

В 2006 г. руководство страны объявило о введении в эксплуатацию к 2020 г. АЭС мощностью 2000 МВт, что впоследствии было подтверждено утверждённым правительством в 2007 г. плане развития атомной энергетики, при этом предусматривалось увеличение объёмов выработки энергии с использованием АЭС до 8000 МВт к 2025 г. [23].

С принятием в 2008 г. Закона об атомной энергии Вьетнам приступил к разработке всеобъемлющей нормативно-правовой базы по обеспечению реализации национальной ядерной программы. Подписанное в 2010 г. межправительственное соглашение между Вьетнамом и Россией о строительстве "Ниньтхуан-1", первой в стране АЭС, казалось, должно было заложить основу для внедрения ядерной энергетики, план развития которой по иронии судьбы был подготовлен в следующем году, когда произошла авария на АЭС "Фукусима-1". Однако в 2016 г. вьетнамское правительство заморозило проекты с Россией и Японией, приостановив строительство АЭС и развитие ядерной программы. Разморозка ядерной повестки происходит в кон. 2022 г., когда Национальное собрание Вьетнама приняло резолюцию о возобновлении проекта АЭС "Ниньтхуан" в рамках обязательств по обеспечению энергетической безопасности и достижению к 2050 г. нулевых выбросов. Согласно документу, государство сохраняет монополию на создание и эксплуатацию АЭС, что отражает критическую роль ядерной энергетики в стратегии Вьетнама по обеспечению энергетической безопасности и устойчивого развития [33]. Принятый в конце июня 2025 г. Закон об атомной энергии содержит поправки по сравнению с соответствующим документом 2008 г., касающиеся нормативно-правового регулирования деятельности АЭС и исследовательских ядерных реакторов, а также применения международных стандартов в соответствии с правилами МАГАТЭ, цифровой трансформации государственного управления ядерной энергетикой, поощрения государственно-частного партнёрства в развитии ядерной энергетики и формирования национальной атомной промышленности [36]. В то же время открытыми остаются вопросы выбора и внедрения оптимальных технологий ядерного топливного цикла, подготовки необходимых кадров, обеспечения безопасности хранения и утилизация ядерных отходов [37].

Как отмечалось выше, приобщение Мьянмы к ядерным исследованиям происходит в 1955 г., когда в стране создается Центр по атомной энергии при Институте прикладных исследований Бирмы. Центр присоединился к МАГАТЭ в 1957 г. и участвовал в ряде проектов технического сотрудничества с агентствами в области применения изотопов в сельском хозяйстве, начиная с 1960-х гг. В 1997 г. правительство учредило Департамент по атомной энергии при Министерстве науки и технологий [5, с. 1].

Руководство Мьянмы предприняло попытку создания исследовательского реактора на базе предполагаемого Центра ядерных исследований в центральной части страны, обратившись за помощью в России, однако контракт на разработку проекта, заключённый в июне 2001 г., был отложен, а строительство центра заморожено [18, р. 180]. В 2007 г. эксперты МАГАТЭ, посетив Мьянму, выразили сомнения касательно квалификации мьянманских специалистов для эксплуатации исследовательского реактора и способности Мьянмы обеспечить достаточный уровень безопасности ядерных материалов и окружающей среды при реализации проекта [5, с. 2]. Эксперты агентства рекомендовали Мьянме в качестве альтернативы развитию национального производства рассмотреть вариант закупки радиоизотопов у МАГАТЭ в исследовательских центрах Таиланда или Малайзии [7, с. 72]. В сентябре 2022 г. госкорпорация "Росатом" на полях Восточного экономического форума во Владивостоке подписала с Министерством науки и технологий и Министерством электрификации Мьянмы дорожную карту по сотрудничеству в ядерной сфере, подразумевающую возведение на территории страны АЭС с реакторами

малой мощности. В 2023 г. открыт первый центр по ядерной информации в Янгоне.

Международный аспект сотрудничества стран ЮВА в ядерной сфере

Развитие ядерной энергетики в регионе происходит в рамках многосторонних институтов и соглашений, координируемых АСЕАН. Фактически, ассоциация выступает в качестве платформы для диалога и выработки общих стандартов безопасности. В правовой рамке АСЕАН одним из самых важных международных соглашений в области ядерной безопасности является Бангкокский договор 1995 г., провозгласивший ЮВА зоной, свободной от ядерного оружия. Он содержит чрезвычайно важное положение: за государствами-членами закрепляется неотъемлемое право на мирное использование атомной энергии. Этот принцип стал краеугольным камнем для формирования регионального подхода к ядерной энергетике, сочетающего развитие отрасли с соблюдением режима нераспространения.

Институциональное развитие сотрудничества в данной сфере прошло несколько этапов. Сначала, в 2010 г., была создана Сеть подсекторов сотрудничества в области ядерной энергии (NEC-SSN) для диалога на техническом уровне между энергетическими ведомствами. Более значимым шагом стало учреждение в 2012 г. Сети регуляторных органов по атомной энергии (ASEANTOM), что позволило перевести взаимодействие в практическую плоскость гармонизации стандартов безопасности. Важно отметить, что ASEANTOM подчеркивает стратегический приоритет вопросов ядерной безопасности для макрорегиона в отличие от экономической направленности NEC-SSN.

Развитие региональной архитектуры включает в себя также принятие Протокола по готовности и реагированию на ядерные чрезвычайные ситуации и создание в 2017 г. по инициативе Таиланда Сети по исследованиям в области безопасности (NPSR). Она нацелена на консолидацию научного потенциала для укрепления доверия к атомной энергетике [25]. Несмотря на эти усилия, формирование полноценного регионального режима ядерной безопасности происходит крайне медленно. Растущий интерес стран АСЕАН к атомной энергии опережает развитие нормативной базы. Особую актуальность приобретает вопрос регулирования ядерных технологий.

Возросший интерес стран АСЕАН к проектам по внедрению ядерной энергетики в свои экономики делает ЮВА ареной как международного сотрудничества, так и конкуренции между ведущими мировыми державами в области мирного атома. В авангарде стоят Россия, Китай, Республика Корея, США, Франция, Канада.

Китай реализует долгосрочную стратегию по расширению своего влияния через атомную энергетику в рамках инициативы "Один пояс, один путь". Китайская национальная ядерная корпорация (CNNC) планирует строительство до 30 реакторов в странах-партнерах, что может вывести Китай в мировые лидеры по инвестициям в атомную энергетику. Однако эти амбиции сопряжены с серьезными рисками: многие страны-реципиенты не обладают необходимой инфраструктурой, кадрами и нормативной базой для безопасной эксплуатации АЭС. Это создаёт зависимость от китайских технологий и открывает возможности для Пекина использовать энергетическое сотрудничество как инструмент экономического и политического давления.

Растущее влияние Китая подвигло США и Южную Корею активизировать сотрудничество в регионе. США заключили соглашения о ядерном сотрудничестве (в соответствии с разделом 123 Закона об атомной энергии) с Сингапуром, Филиппинами, Индонезией, Вьетнамом и Таиландом, что упрощает передачу технологий и лицензирование для частных компаний. Южная Корея, в свою очередь, наращивает экспорт ядерных технологий, заключив соглашение с Филиппинами по реактивации АЭС "Батаан" и подписав меморандум с США о сотрудничестве в гражданской атомной энергетике в третьих странах.

Недавно готовность помочь ЮВА в освоении ядерной энергетики выразила Канада, объявив об участии в рабочей группе по сотрудничеству в ядерной сфере, созданной в Сингапуре. Эта инициатива направлена на реализацию учебных программ, академических обменов и технических семинаров для

повышения уровня знаний в ядерной сфере в регионе, что предполагает укрепление общественного доверия населения АСЕАН к современным ядерным технологиям. Рабочая группа, опираясь на опыт Канады в области ядерной энергетики, изучит стратегии формирования сбалансированной и устойчивой энергосистемы, сочетающей надежность ядерной энергетики с гибкостью ВИЭ [10].

Несмотря на сейсмические риски, связанные с расположением страны в зоне "Огненного кольца", Индонезия демонстрирует готовность к управлению этими вызовами, устанавливая партнерства с международными компаниями. Индонезийская государственная энергокомпания PT PLN ведёт переговоры с японскими и американскими корпорациями о разработке ММП для энергообеспечения удаленных регионов. Американская компания ThorCon International планирует построить жидкосолевой ториевый реактор, начав с установки мощностью 500 МВт на первом этапе, а затем добавив 6 дополнительных установок по 500 МВт каждая на следующем этапе. В январе 2025 г. Индонезия представила планы строительства 20 АЭС, первую из которых готовится ввести в эксплуатацию к 2036 г. [12].

В свою очередь, малазийское правительство в настоящий момент активно взаимодействует с лидерами в области ядерной энергетики, включая Россию, Китай, Южную Корею, США и Францию, изучая варианты ядерных технологий, наиболее соответствующих потребностям страны (АЭС, плавучие атомные электростанции (ПАЭС) и ММП) [34].

Россия использует "атомную дипломатию" в ЮВА посредством компании "Росатом". Конкурентным преимуществом России на рынке атомной энергетики является то, что она предлагает свои проекты "под ключ" с полным циклом финансирования, а также дает гарантии на вывоз отработанного топлива. Проекты "Росатома" реализуются в Китае, Индии, Бангладеш, Турции, Египте, Казахстане, Узбекистане, Венгрии.

На данный момент Россия укрепляет позиции в сфере внедрения технологий мирного атома во Вьетнаме, Индонезии и Мьянме. Интерес индонезийской стороны подтверждается визитами индонезийских делегаций на российский АЭС и переговорами с Россией о создании ММП для энергообеспечения удаленных островов и размещении плавучих АЭС (ПАТЭС) в районе новой столицы Нусантары. Компания "Росатом" подтвердила готовность участвовать в создании первой в Индонезии АЭС [4]. Пример Индонезии иллюстрирует общий тренд в ЮВА: ядерная энергетика становится инструментом расширения влияния внешних игроков.

В марте 2025 г. Россия подписала соглашение с Мьянмой, планируя разработку ММП мощностью 110 МВт с потенциалом увеличения мощности до 330 МВт. Две страны также подписали меморандум о взаимопонимании по ядерной и радиационной безопасности, дополняемый образовательными программами для подготовки местных кадров [21]. Россия возрождает взаимодействие в ядерной сфере с Вьетнамом. Подписанный в январе 2025 г. ходе визита премьер-министра России М. Мишустина в Ханой документ предусматривает активизацию сотрудничества между "Росатомом" и вьетнамской энергетической компанией EVN [8]. Госкорпорация "Росатом" подписала "дорожную карту" по развитию мирного атома до 2030 г. [6]

Хотя долгосрочный эффект от этих инициатив для регионального баланса сил остается неопределенным, их реализация уже создает вызовы для западных энергетических корпораций и ограничивает возможности санкционного давления на "Росатом". Благодаря экспорту ядерных технологий и реализации ядерных проектов Россия получает доступ к ценным технологическим предложениям в регионе, одновременно выстраивая долгосрочные отношения со странами ЮВА. Тем самым Москва получает возможность расширить диапазон экономических и политических связей с региональными партнерами. В то же время ресурсные ограничения России, вызванные украинским конфликтом, открывают возможности для других поставщиков, делая конкурентную борьбу на рынке ядерных технологий ЮВА ещё более интенсивной. Таким образом, ядерная энергетика становится ареной стратегической конкуренции, где технологическое и регуляторное лидерство будет определять влияние внешних акторов в ЮВА.

Табл 3. Поддержка ядерной энергетики по странам (в % голосов)
Table 3. Support for Nuclear Energy by Country (in % of votes)

Страна \ Год	2022	2023	2024
Бруней	2,5	4,4	1,0
Вьетнам	5,6	5,7	10,3
Индонезия	3,3	4,7	6,4
Камбоджа	0,5	5,5	10,2
Лаос	3,0	4,4	6,3
Малайзия	2,6	5,0	6,4
Мьянма	0,0	8,4	8,2
Сингапур	10,7	14,7	20,3
Таиланд	3,0	7,2	12,5
Филиппины	7,7	8,5	17,6

Источник: составлено авторами на основе [31, p. 34].

Source: compiled by the authors based on [31, p. 34].

Перспективы и риски развития ядерной энергетики в ЮВА

Возросшее за последние несколько лет внимание к ядерной энергетике в ЮВА показывает, что правительство и общественность стран региона рассматривают возможности мирного атома в условиях необходимости сохранения энергетического суверенитета и декарбонизации энергобаланса как потенциальный компонент будущих энергетических стратегий [14, p. 9].

Ядерная энергетика обладает преимуществом перед ВИЭ, которые не могут гарантировать стабильную генерацию. АЭС характеризуются высокой рентабельностью и малой себестоимостью, требуя небольшого количества топлива (при минимальных расходах на перевозку к месту его использования) для непрерывной работы. Это позволяет им обеспечивать надежную и стабильную базовую электроэнергию независимо от климатических условий и местоположения. Совершенствование современных реакторных технологий обеспечивает их гибкость и способность регулировать выходную мощность в соответствии с колебаниями спроса на электроэнергию [14, p. 8].

За последние годы мнение общественности стран ЮВА всё больше склоняется к тому, что АЭС – необходимость для развития экономики. Согласно опросам Института Юсофа Исхака, всего лишь за один год поддержка ядерной энергетики во Вьетнаме, Таиланде, Индонезии практически удвоилась (см. табл. 3).

Следует учитывать преимущества как больших реакторов, так и ММР для удовлетворения уникальных энергетических потребностей ЮВА. Большие реакторы исторически составляли основу ядерной энергетики, обеспечивая высокую мощность при низкой удельной стоимости, что делает их идеальными для регионов с густонаселенными центрами и промышленными центрами. ММР более компактны, требуют меньших сроков строительства и введения в эксплуатацию, способны эффективно поддерживать сети с различным энергетическим профилем.

Развитие международного диалога и сотрудничества также будет иметь ключевое значение для раскрытия потенциала ядерной энергетики в ЮВА. Обладаящие технологиями мирного атома зарубежные партнёры готовы поддерживать стремление стран региона к экологически чистым энергетическим решениям, позволяющим снизить стоимость энергоресурсов, что важно для поддержки растущей экономики и обеспечения её конкурентоспособности.

В то же время внедрение ядерной энергетики в регионе сопряжено с рядом рисков. В первую очередь это связано с природно-географическими

особенностями ЮВА, большая часть которой находится на сейсмоактивном участке, где часто происходят землетрясения, наводнения, цунами и серии тропических циклонов, что создаёт объективные препятствия для размещения стационарных АЭС. В подобных условиях высоки шансы на внедрение ПАТЭС, обладающих возможностями перемещения в безопасные районы при угрозе природных катаклизмов.

Развитие атомной энергетики в странах ЮВА сталкивается с финансовыми и регуляторными вызовами. Затраты на строительство традиционных АЭС в сочетании с длительными сроками реализации проектов (10–15 лет) увеличивают риски перерасхода бюджета и отсрочки окупаемости. Международное финансирование таких проектов ограничено из-за ужесточения экологических стандартов и санкционных режимов, особенно в контексте сотрудничества с российскими или китайскими корпорациями. ММР позиционируются как потенциальное решение, предлагая снижение начальных затрат и гибкость в размещении. Однако их коммерческая жизнеспособность остается непроверенной: технологии находятся на стадии пилотного внедрения, а нормативная база для их сертификации в странах ЮВА отсутствует. Например, Индонезия и Филиппины только разрабатывают законодательные рамки для регулирования ММР, что создает неопределенность для инвесторов.

Помимо рисков эксплуатационного характера, развитие атомной энергетики сопряжено с серьёзными вызовами в области режима нераспространения. Отсутствие гарантированной защиты логистических цепочек при транспортировке ядерных материалов создаёт предпосылки для их кражи и незаконного оборота. Особую озабоченность у международного экспертного сообщества вызывает уязвимость поставок урана и отработанного топлива.

Критическим барьером остается дефицит квалифицированных кадров – от инженеров-атомщиков до регуляторных специалистов. Страны региона вынуждены полагаться на иностранных экспертов, что увеличивает затраты и создает зависимость от внешних поставщиков. Кроме того, обеспечение стабильных цепочек поставок урана и управление ядерными отходами требуют создания сложной инфраструктуры, которая пока отсутствует и требует внушительных капиталовложений.

Санкции против России, как ключевого игрока на рынке ядерных технологий, подрывают сотрудничество со странами ЮВА в области поставок топлива и обслуживания реакторов. Например, Вьетнам и Индонезия столкнулись со сложностями при привлечении западных инвестиций из-за взаимодействия с "Росатомом", что заставляет отдавать предпочтение американским и южнокорейским компаниям или предлагать форматы совместных проектов с участием компаний нескольких стран [12].

Наконец, запуск первой АЭС в ЮВА возлагает на страну-первопроходца особую ответственность перед всеми государствами-членами АСЕАН. Успех или неудача этого проекта будут иметь стратегические последствия для всего региона, определяя дальнейшую траекторию развития ядерной энергетики в ЮВА.

Заключение

Включение в энергетическую повестку стран ЮВА планов по внедрению "мирного атома" свидетельствует о том, что их руководство озабочено проблемами социального-экономического развития и вызовами глобальной международной среды. Ядерный фактор сохраняет значение в углублении энергетического сотрудничества и развитии отношений стран ЮВА с ведущими государствами в области ядерных технологий, прежде всего, с Россией. Взаимодействие с зарубежными партнёрами и МАГАТЭ по широкому пулу вопросов – от запуска АЭС до обеспечения комплексной безопасности – помогает обеспечить нормативные основы будущей реализации ядерных программ как компонента энергетического развития.

В то же время сохраняющиеся риски и препятствия на пути "ядерного поворота" предполагают поэтапный, а не форсированный сценарий внедрения ядерных технологий в энергобаланс стран ЮВА. Проблема ответственности налагает на них и на АСЕАН дополнительную нагрузку касательно сохранения безопасной международной среды в регионе и готовности принять ядерный фактор как элемент новой нормальности. В энергетическом переходе

де заметен прогресс, но остаются серьезные проблемы, которые странам ЮВА предстоит решить для построения климатически устойчивого будущего.

Литература / References

1. Годовой доклад МАГАТЭ за 2018 год. МАГАТЭ, 2019. 176 с. IAEA Annual Report 2018. IAEA, 2019. 176 p. (In Russ.)
2. Золотухин И. Н., Журбей Е. В., Куква Н. М. Опыт экологической политики Индонезии: уроки, проблемы и решения // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 4. С. 83–97. Zolotukhin I. N., Zhurbey E. V., Kukwa N. M. Indonesia's Environmental Policy Experience: Lessons, Problems, and Solutions // Ojkumena. Regional Researches. 2019. No. 4. P. 83–97. (In Russ.)
3. Золотухин И. Н., Цзя Су Ян. Развитие ядерной энергетики в Юго-Восточной Азии: история, тенденции, перспективы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4. С. 145–157. Zolotukhin I. N., Tszya Su Yan. Nuclear Power Development in Southeast Asia: History, Trends, and Prospects // Ojkumena. Regional Researches. 2018. No. 4. P. 145–157. (In Russ.)
4. Индонезия и Россия обсудили план строительства АЭС // РИА Новости. 26.08.2025. URL: <https://ria.ru/20250826/indonezija-2037611096.html> (дата обращения: 26.08.2025) Indonesia and Russia Discuss NPP Construction Plan // RIA Novosti. 26.08.2025. URL: <https://ria.ru/20250826/indonezija-2037611096.html> (accessed 26.08.2025)
5. Конухов Д., Хлопков А. Россия, Мьянма и ядерные технологии // Центр энергетики и безопасности. 24.06.2011. 18 с. Konukhov D., Khlopkov A. Russia, Myanmar and Nuclear Technologies // Center for Energy and Security. 24.06.2011. 18 p.
6. Россия и Вьетнам договорились обеспечить строительство АЭС в стране // Интерфакс. 10.05.2025. URL: <https://www.interfax.ru/business/1024968> (дата обращения: 12.08.2025) Russia and Vietnam Agreed to Ensure Construction of Nuclear Power Plants in the Country // Interfax. 10.05.2025. URL: <https://www.interfax.ru/business/1024968> (accessed 12.08.2025)
7. Чебан А. Физическая ядерная безопасность в Юго-Восточной Азии: чем может помочь Россия // Индекс безопасности. 2014. № 1 (108). С.65–82. Cheban A. Physical Nuclear Security in Southeast Asia: How Russia Can Help // Security Index. 2014. No. 1 (108). P. 65–82.
8. Aniruddha G. Vietnam and Russia sign an agreement to expand cooperation on nuclear energy // AP News. January 14, 2025. URL: https://apnews.com/article/vietnam-russia-putin-nuclear-energy-ukraine-climate-832d3ff55fda8ed9d5d2a3f518e5d4c4?utm_source=chatgpt.com (accessed 14.08.2025)
9. Bernadette K. Cogswell N. S., Friga S. R., Ramana M. N., Tanter R. Nuclear Power and Small Modular Reactors in Indonesia: Potential and Challenges // Indonesian Institute for Energy Economics. Nautilus Institute for Security and Sustainability. April 2017. 75 p.
10. Canada launches nuclear energy initiative in Southeast Asia with Singapore-based working group // Open Privilege. November 29 2024. URL: <https://www.openprivilege.com/business/economy/canada-launches-nuclear-energy-initiative-in-southeast-asia-with-singapore-based-working-group-674ed2968d5cbbc391ae5344> (accessed 24.08.2025)
11. Comejo R. M. When Sukarno Sought the Bomb: Indonesian Nuclear Aspirations in the mid-1960s // The Nonproliferation Review. June 2000. N. 2. P. 31–43.
12. Flynn K. Atomic Wars: Nuclear Energy Competition in Southeast Asia // The Diplomat. March 14, 2025. URL: <https://thediplomat.com/2025/03/atomic-wars-nuclear-energy-competition-in-southeast-asia/> (accessed 17.08.2025)
13. Fox C. Nuclear energy in Southeast Asia: a new era? // ARC. February 12, 2025. URL: <https://www.arcweb.com/blog/nuclear-energy-southeast-asia-new-era> (accessed 10.08.2025)
14. Framing a Nuclear-Powered Future for ASEAN. A Report. May 2025. 29 p.
15. IAEA Reviews Progress of the Philippines' Nuclear Infrastructure Development // IAEA. December 6, 2024. URL: <https://www.iaea.org/newscenter/pressreleases/iaea-reviews-progress-of-the-philippines-nuclear-infrastructure-development> (accessed 31.07.2025)
16. International Energy Agency. Data and statistics. URL: <https://www.iea.org/data-and-statistics> (accessed 29.07.2025)
17. Law J. Nuclear Energy Brought Up During 13MP Talks // Lowyat.net. 31.07.2025. URL: <https://www.lowyat.net/2025/361258/nuclear-energy-malaysia-13mp/> (accessed 13.08.2025)
18. Lutz-Auras L. Russia and Myanmar – Friends in Need? // Journal of Current Southeast Asian Affairs. 2015. № 34. P. 165–198.
19. Malaysia aims to become world's second largest PV producer by 2020 // PV Monitoring System. October 5, 2015. URL: <https://pvms.seda.gov.my/pvportal/news/malaysia-pv-producer-2020/> (accessed 16.08.2025)

20. Malaysia eyes nuclear energy by 2035 to meet climate and energy demands // The ASEAN Daily. 21.12.2024. URL: <https://theaseandaily.com/malaysia-eyes-nuclear-energy-by-2035-to-meet-climate-and-energy-demands/> (accessed 18.08.2025)
21. Myanmar and Russia sign SMR cooperation agreement // World Nuclear News. March 5, 2025. URL: <https://world-nuclear-news.org/articles/myanmar-and-russia-sign-smr-cooperation-agreement> (accessed 20.08.2025)
22. Nuclear Power in Indonesia // World Nuclear Power Information Library. URL: <http://www.world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-g-n/indonesia.aspx> (accessed 15.08.2025)
23. Nuclear Power in Vietnam // World Nuclear Power Information Library. URL: <http://www.world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-t-z/vietnam.aspx> (accessed 15.08.2025)
24. Philippines Senate Passes Nuclear Bill // NBP. June 10 2025. URL: <https://www.nuclearbusiness-platform.com/media/insights/philippines-senate-passes-nuclear-bill> (accessed 14.08.2025)
25. Phiriyatorn S. Exploring and Promoting the Peaceful Use of Nuclear Technology // The 11th ASEAN Regional Forum Inter Sessional Meeting on Non-Proliferation and Disarmament, 8–9 April 2018. URL: https://aseanregionalforum.asean.org/wp-content/uploads/2019/08/Annex-7-Agenda-2_Thailand_TINT-Presentation.pdf (accessed 28.08.2025)
26. Pre-Feasibility Study on the Establishment of Nuclear Power Plant in ASEANc// ASEAN Centre for Energy. April 2018. 56 p.
27. Reviving Malaysia's Nuclear Energy Program // Nuclear Business Platform (NBP)/ 14.10.2023. URL: <https://www.nuclearbusiness-platform.com/media/insights/reviving-malaysia-nuclear-energy-program> (accessed 12.08.2025)
28. Seah S., Len C., Chew A. Nuclear energy developments in Southeast Asia. Singapore: ISEAS-Yusof Ishak Institute. June 2025. 36 p.
29. Thailand powers up: new renewable energy incentives and opportunities in 2024. November 5, 2024. URL: <https://www.wfw.com/articles/thailand-powers-up-new-renewable-energy-incentives-and-opportunities-in-2024/> (accessed 16.08.2025)
30. Thailand Prepares for Nuclear Energy Expansion // Thai Times. July 14, 2025. URL: <https://thaitimes.com/thailand-prepares-for-nuclear-energy-expansion> (accessed 16.08.2025)
31. The Southeast Asia Climate Outlook: 2024 Survey Report // Climate Change in Southeast Asia Programme at ISEAS. Yusof Ishak Institute. 48 p.
32. United States and Thailand Civil Nuclear Cooperation Agreement Enters into Force // Press Statement Office of the Spokesperson. July 11, 2025. URL: <https://www.state.gov/releases/office-of-the-spokesperson/2025/07/united-states-and-thailand-civil-nuclear-cooperation-agreement-enters-into-force> (accessed 21.08.2025)
33. Vietnam resumes nuclear power project // The Star. 12.12.2024. URL: <https://www.thestar.com.my/business/business-news/2024/12/12/vietnam-resumes-nuclear-power-project> (accessed 22.08.2025)
34. Oleh Wartawan. Malaysia teliti potensi tenaga nuklear, langkah awal sudah bermula = = Оле Вартаван. Малайзия изучает потенциал ядерной энергетики, первые шаги уже сделаны // BH online. July 18, 2025. URL: <https://www.bharian.com.my/bisnes/lain-lain/2025/07/1421533/malaysia-teliti-potensi-tenaga-nuklear-langkah-awal-sudah-bermula> (accessed 14.08.2025) (In Malay)
35. แผนพัฒนาฯ ล้างผลิตไฟฟ้าของประเทศไทยพ.ศ. 2561–2580 = План развития энергетики Таиланда на 2018–2037 годы. 104 p. (In Thai)
36. Hoàng Thị Bích. Tạo cơ sở pháp lý triển khai chương trình điện hạt nhân của Việt Nam = Хоанг Тхи Бич. Создание правовой основы для реализации ядерной энергетической программы Вьетнама // Người đưa tin = The Messenger. 08.07.2025. URL: <https://www.nguoiduatin.vn/tao-co-so-phap-ly-trien-khai-chuong-trinh-dien-hat-nhan-cua-viet-nam-204250708095951116.htm> (accessed 22.08.2025) (In Viet.)
37. Phương Dung. Việt Nam nên phát triển điện hạt nhân như thế nào = Фьонг Дунг. Как Вьетнаму следует развивать ядерную энергетику? // VN Express. 16.11.2024. URL: <https://vnexpress.net/viet-nam-nen-phat-trien-dien-hat-nhan-nhu-the-nao-4814905.html> (accessed 19.08.2025) (In Viet.)

Информация об авторах

Иван Николаевич Золотухин, канд. полит. наук, профессор кафедры международных отношений, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, e-mail: zolivnik@mail.ru

Юлия Владимировна Баранова, главный специалист Департамента стипендиальных программ, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, e-mail: baranova.yv@dvfu.ru

Information about the authors

Ivan N. Zolotukhin, Candidate of Political Sciences, Professor, International Relations Department, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: zolivnik@mail.ru

Yulia V. Baranova, Chief Specialist, Department of Scholarship Programs, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: baranova.yv@dvfu.ru

Поступила в редакцию 25.09.2025

Received 25.09.2025

Одобрена после рецензирования 16.11.2025

Approved 16.11.2025

Принята к публикации 27.11.2025

Accepted 27.11.2025

Дискурсивная политика Гоминьдана по формированию макрополитической идентичности жителей Тайваня (на примере выступлений президента Ма Инцзю 2008–2016 гг.)

Сергей Витальевич Севастьянов
Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики,
Санкт-Петербург, Россия, ssevastyanov@hse.ru
Даниил Олегович Алексеев
Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики,
Санкт-Петербург, Россия, d.alekseev@hse.ru

Аннотация. Многие годы т.н. "Тайваньская проблема" серьезно затрудняет развитие отношений между КНР и Китайской Республикой (Тайванем). При этом две основные политические партии Тайваня (Гоминьдан и Демократическая прогрессивная партия – ДПП) по-разному видят её решение: Гоминьдан стремится возродить Республику Китай, а ДПП – создать независимую Республику Тайвань. Для достижения успеха в этом соперничестве они стремятся изменить макрополитическую идентичность жителей острова в соответствии со своими партийными предпочтениями. В данной работе авторы изучили транскрипты речей представителя Гоминьдана Ма Инцзю во время его президентства (2008–2016 гг.) для оценки характера и эффективности дискурсивной политики, проводимой им в этих целях. По результатам исследования сделан вывод о том, что предпринятые руководством партии Гоминьдан за данный период попытки изменить макрополитическую идентичность жителей острова Тайвань в сторону "китаизации" оказалась мало результативными.

Ключевые слова: Тайвань, Китай, макрополитическая идентичность, дискурс, отношения по обе стороны пролива

Для цитирования: Севастьянов С. В., Алексеев Д. О. Дискурсивная политика Гоминьдана по формированию макрополитической идентичности жителей Тайваня (на примере выступлений президента Ма Инцзю 2008–2016 гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 4. С. 156–167.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/156-167>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/156-167>

The Kuomintang's discursive policy in shaping the macropolitical identity of Taiwan's residents (based on the speeches of President Ma Ying-jeou in 2008–2016)

Sergei V. Sevastianov
National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russia, ssevastyanov@hse.ru
Daniil O. Alekseev
National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russia, d.alekseev@hse.ru

Abstract. For many years, the so-called "Taiwan problem" has seriously complicated the development of relations between the PRC and the Republic of China (Taiwan). At the same time, the two main political parties of Taiwan (the Kuomintang and the Democratic Progressive Party – DPP) see its solution differently: the Kuomintang seeks to revive the Republic of China, while the DPP – to create an independent Republic of Taiwan. To succeed in this rivalry, they seek to change the macropolitical identity of the island's inhabitants in accordance with their party preferences. In this work the authors studied the transcripts of speeches given by Kuomintang representative Ma Ying-jeou during his presidency (2008–2016) in order to assess the nature and effectiveness of the discursive policy pursued by him for this purpose. Based on the results of the research, it is concluded that during this period the attempts made by the leadership of the Kuomintang party to change the macropolitical identity of the inhabitants of Taiwan in the direction of "Sinicization" were not very effective.

Key words: Taiwan, China, macropolitical identity, discourse, cross-strait relations

For citation: Sevastianov S. V., Alekseev D. O. The Kuomintang's discursive policy in shaping the macropolitical identity of Taiwan's residents (based on the speeches of President Ma Ying-jeou in 2008–2016) // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 4. P. 156–167. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/156-167>

Введение

Актуальность темы статьи связана с тем, что длительное время т.н. "тайваньская проблема" – вопрос о взаимоотношениях Китайской Республики (Тайвань) и Китайской Народной Республики (КНР) – находится в фокусе внимания мировой и региональной политики. По нашему мнению, при выработке подходов к её решению необходимо учитывать позицию большинства жителей острова, являющейся важной характеристикой их идентичности. В то же время проводить политику по реконструированию её национальной, этнической, религиозной, политической и других форм довольно сложно, так как это вызывает в обществе сильную поляризацию мнений. С учетом этого

уместно сконцентрироваться на формировании общего понятия идентичности, которое могло бы вобрать в себя её вышеперечисленные формы, каковым и является макрополитическая идентичность. Этот термин охватывает все основания идентификации исследуемого сообщества (в нашем случае – жителей острова Тайвань), присутствующие в публичном дискурсе, позволяя анализировать возникающие между ними смысловые конфликты [5]. В то же время его можно рассматривать в качестве общего знаменателя для понятий, с помощью которых "тайваньская идентичность" описывается в научном дискурсе, охватывающем политические [10; 17], национальные [13; 15], этнические [11; 13] и другие её составляющие.

Макрополитическая идентичность жителей имеет особую значимость с учетом того, что две основные политические партии Тайваня (Гоминьдан и Демократическая прогрессивная партия – ДПП) по-разному видят решение тайваньской проблемы. Первая стремится возродить Республику Китай на основе синтеза китайской и местных культур, а вторая – создать независимую Республику Тайвань на базе новой "тайваньской культуры". В этих целях они стремятся воздействовать на жителей острова в интересах изменения их макрополитической идентичности в соответствии со своими партийными предпочтениями.

В свете многолетней конкуренции между двумя партиями, весьма важными стали результаты прошедших в январе 2024 г. на Тайване очередных президентских выборов. Победу на них одержал кандидат от правящей ДПП Лай Циндэ, набрав 40% голосов избирателей [36], но при этом эта партия проиграла выборы в парламент Тайваня (по результатам голосования, 52 из 113 мест получил Гоминьдан, и 51 место – ДПП). Это позволило главной оппозиционной партии создать коалицию с двумя независимыми кандидатами и получить в нем большинство [35]. До этого Гоминьдан смог получить большинство мест в парламенте на выборах 2012 г., когда он выиграл и президентские выборы. С учетом нового (спустя 12 лет) усиления политических позиций этой партии на выборах 2024 г., в интересах оценки перспектив межпартийного соперничества авторы считают важным изучить, каким образом её руководство, опираясь на свою дискурсивную политику, пыталось формировать и изменять макрополитическую идентичность жителей Тайваня в последний период нахождения у власти её представителя президента Ма Инцзю (2008–2016 гг.).

Характеристику источников уместно начать с монографии А. М. Кузнецова и И. Н. Золотухина "Этнополитическая история Азиатско-Тихоокеанского региона", внесшей существенный вклад в проблематику оценки тайваньской идентичности. В ней авторы отметили ряд ключевых обстоятельств, определяющих уникальность Тайваня и влияющих на проблемы и закономерности формирования на острове особой нации: ограниченный характер территории, освоение её различными этническими общностями, включая аборигенов, длительное время нахождения острова под контролем Японии и вне контроля КПК, а также то, что, существуя с середины XX века, как особое государство-политическое образование, Тайвань достиг значительных успехов в экономическом развитии, а затем и демократизации политической системы. По оценке экспертов, за это время в сознании населения и политических лидеров острова произошли значимые перемены, позволяющие последним ставить вопрос о формировании особой тайваньской нации [4, с. 108–109].

Что касается рассмотрения проблематики идентичности жителей Тайваня в годы правления Ма Инцзю, то многие исследователи брали за отправную точку его президентскую кампанию 2008 г. При этом Филипп Каединг пришел к выводу, что Ма Инцзю в её ходе стремился продемонстрировать близкий к созданному представителем ДПП Чэнь Шуйбянем образ, соответствующий доминирующему в то время в обществе политическому течению "тайванизации"¹ [17]. Однако после избрания президентом Тайваня Ма Инцзю быстро вернулся к классическому для партии Гоминдан курсу китайского национализма, чем вызвал критику оппозиционных партий [31]. Усилия же президента по восстановлению китайской идентичности, когда он отверг

¹ Создание новой тайваньской идентичности путем демократизации институтов, укрепления суверенитета в противовес КНР, повышения значимости тайваньской культуры, истории и языков, уменьшение символики китайского национализма Гоминьдана.

концепции "Двух Китаев" или "Один Китай, один Тайвань", приняв вместо них "Политику Одного Китая" [19], способствовали росту напряженности на острове между сторонниками развития на острове китайского национализма и местной тайваньской идентичности [16].

Таким образом, вскоре после вступления в должность Ма Инцзю сконцентрировался на проведении политики "китаизации" Тайваня, что способствовало усилению раскола в тайваньском обществе. При этом в источниках по данной проблематике нет объяснения тому, как, несмотря на это, на выборах 2012 г. он смог снова прийти к власти, хотя, в конечном счете, партия Гоминьдан и проиграла президентские выборы 2016 г. В изученной литературе нет и описания того, как менялись взгляды руководства Гоминьдана на национальную идентичность Тайваня за исследуемый период. Исходя из вышеописанного, в работе сформулирован следующий исследовательский вопрос: каким образом и под воздействием каких факторов менялась дискурсивная политика Гоминьдана по формированию макрополитической идентичности жителей острова Тайвань в период президентства Ма Инцзю?

Теоретическо-методологические основания исследования

В данной работе исследуется политика Гоминьдана по формированию макрополитической идентичности жителей острова. В этих целях использованы политические теории о нации, как политическом воображаемом сообществе Бенедикта Андерсона [1], как продукте интеллектуальной инженерии элит Эрика Хобсбаума [8] и как дискурсивном проекте Крейга Калхуна [3].

Макрополитическая идентичность, как мы писали выше, является обобщающим понятием для других идентичностей (национальной, этнической, религиозной и т.д.). Согласно определению известного эксперта И.С. Семененко, политика идентичности – это "совокупность ценностных ориентиров, практик и инструментов формирования и поддержания национальной (национально-государственной), гражданской и иных форм макрополитической идентичности" [6]. Важным для нашего исследования стало изданное под её редактированием энциклопедическое издание "Идентичность: Личность, общество, политика". В нем отмечено, что подходы к политике идентичности к трактовке идентичности в отечественной науке во многом отличаются от западных, рассматривающих ее, в первую очередь, применительно к различным меньшинствам, гендерной проблематике и др. В российской же науке политика идентичности рассматривается как целенаправленная деятельность государства, властных элит, политический партий и др., что побуждает понимать мировые и региональные процессы и политику идентичности в контексте деятельности по её конструированию [2, с. 73–75]. На этот научный подход к трактовке формирования идентичности и опирались авторы статьи.

Для понимания проблематики национальной идентичности для региона Северо-Восточной Азии полезной стала работа С.В. Чугрова "Япония: вновь в поисках идентичности"? [9]. В ней он формулирует важные для исследования тезисы о том, что "люди должны добровольно идентифицировать себя с теми ценностями и символами, которые определяют идентичность", а также, что вопрос национальной и политической идентификации актуализируется, когда происходит давление "чужих" ценностей. И если это столкновение (в формате "мы" – "другие") становится интенсивным, то и процесс идентификации протекает хотя и болезненно, но более определенно, когда политическая система отвергает неприемлемые для неё элементы чужого набора ценностей.

В качестве основного метода исследования авторы использовали дискурс анализ речей президента Ма Инцзю. Основным методом их изучения стал критический дискурсивный анализ (CDA) Фэрклафа, воспроизводящий предложенную им трехмерную модель, в которой коммуникативное событие состоит из трех измерений, подлежащих тщательному, но не формализованному анализу: 1) устный/письменный текст (семантические, синтаксические и другие особенности); 2) дискурсивная практика производства текста (контекст создания сообщения); 3) социальная реальность, обрамляющая дискурсивную практику [14].

В ходе анализа эмпирических данных (использованных в речах президента ключевых тезисов и лексем) мы исследовали его дискурсивную политику, направленную на формирование ключевых компонентов макропо-

литической идентичности жителей Тайваня: национальную, культурную, идеологическую и внешнеполитическую. Кроме них, с учетом того, что Ма Инцзю классифицировал взаимодействия между КНР и Тайванем, как "особые отношения между регионами на равноправной основе" [30], нами выделен такой специфический компонент макрополитической идентичности, как "отношения по обе стороны пролива"², которые не могут быть вполне корректно отнесены к её внешнеполитическому компоненту.

В ходе исследования мы использовали 18 речей президента Ма Инцзю, которые по предназначению были: инаугурационными (2), новогодними обращениями (8) и обращениями по случаю Национального дня Республики Китай (8). Каждое выступление включало в себя характеристику нескольких компонентов макрополитической идентичности Тайваня, и в общей сложности в 18 речах было выявлено их 132 упоминания. Классификации фрагмента речи, как соответствующего тому или иному компоненту макрополитической идентичности, осуществлялась при использовании в них следующих лексем:

- национальный (национальный, суверенитет, территория Китайской Республики);
- внешнеполитический (названия государств, регионов мира и международных организаций);
- идеологический (демократия, демократическое правительство, демократическое развитие, свобода, свободная страна);
- культурно-исторический (китайская культура, китайские общины, история, китайский язык, этническая принадлежность).
- отношения по обе стороны пролива (две стороны пролива, между сторонами пролива, Тайваньский пролив, материковый Китай).

В порядке уточнения отмечаем, что при выделении в речах того или иного компонента идентичности мы имеем в виду не просто упоминание выперечисленных лексем, а одно или несколько предложений, которые являются смысловой единицей текста. При этом в данном фрагменте речи может содержаться несколько лексем, которые для нашей статистики являются одним упоминанием данного компонента идентичности.

Ниже представлен анализ ключевых речей за период двух президентских сроков Ма Инцзю. Каждый из транскриптов выступлений был изучен с применением критического дискурс анализа Фэрклафа на трёх его уровнях: языковых текстов, дискурсивной практики и дискурсивных событий. При этом по результатам анализа дискурсивной практики следует указать, что все речи за 2008–2016 гг. были подготовлены руководством Гоминьдана, озвучены Ма Инцзю в качестве президента и направлены на всех жителей Тайваня. Что касается содержания речей, то ниже мы охарактеризуем наиболее важные для исследования за рассматриваемый период.

Основные компоненты макрополитической идентичности жителей острова Тайвань в речах президента КР в 2008–2012 гг.

Ма Инцзю вел свою первую президентскую кампанию в условиях возросшей популярности у населения острова курса на "тайванизацию", проводимого его предшественником из партии ДПП Чэнь Шуйбянем [18]. Однако политика последнего спровоцировала международную напряженность и новые линии раскола в тайваньском обществе, что привело ДПП к поражению на президентских выборах в 2008 г., победу на которых одержал кандидат партии Гоминьдан Ма Инцзю, набрав 58,45 процента голосов избирателей (см. табл. 1)

Анализ транскриптов речей. Во время предвыборной кампании будущий президент поддержал ряд популярных у населения острова положений протайваньской программы оппозиционной партии ДПП и делал акцент на своей тайваньской идентичности, однако с вступлением в должность практических шагов в этом контексте им предпринято не было. Напротив, из рисунка 1 можно увидеть, что наиболее часто в речах в ходе первого президентского срока Ма Инцзю обращался к характеристике таких компонентов идентичности тайваньцев, как отношения по обе стороны пролива и культур-

² Под проливом здесь и далее в тексте подразумевается Тайваньский пролив, разделяющий КНР и Тайвань

Табл. 1. Сравнение результатов президентских выборов на Тайване в 2008, 2012 и 2016 гг.
Table 1. Comparison of the results of the presidential elections in Taiwan in 2008, 2012 and 2016.

Год	2008		2012		2016	
	Гоминьдан	ДПП	Гоминьдан	ДПП	Гоминьдан	ДПП
Кандидат	Ма Инцзю	Фрэнк Хсиех	Ма Инцзю	Цай Инвэнь	Лилиан Чу	Цай Инвэнь
Процент голосов	58,45	41,55	51,60	45,63	31,04	56,12
Кол-во	7659014	5444949	6891139	6093578	3813365	6894744
Явка на выборы	17321622		18086455		18782991	

Источник: составлено авторами на основе: [29; 30; 31].

Source: compiled by the authors based on: [29; 30; 31].

но-исторический. Так, выступая на инаугурации в 2008 г., он отметил, что "Народ выбрал чистую политику, открытую экономику, этническую гармонию и мирные отношения между двумя сторонами пролива, чтобы открыть свои объятия будущему" [24]. То есть для Ма Инцзю первостепенной задачей было восстановление хороших взаимоотношений между КНР и Тайванем.

В дальнейшем президент направил усилия на развитие торговых связей и туризма. В частности, во время обращения по случаю Национального дня Республики Китай 1 октября 2009 года он отметил большие усилия своего правительства по снятию ограничений на экономическое сотрудничество между Тайванем и Китаем, а также открытие острова для визитов туристов из этой страны на основе прямого воздушного и морского сообщения через пролив [20].

Одновременно, в соответствии с партийной платформой партии Гоминьдан, в этом же выступлении президент акцентировал внимание на принадлежности Тайваня к китайской культуре и общине, стремясь к созданию синтеза китайской и местной культур: "Примеры "тайваньского духа" подчёркивают основные ценности населения и приносят жизненный, уникальный характер Тайваня в самые глубокие уровни китайской культуры". [20].

В обращении к жителям острова по случаю Национального дня Республики Китай 1 октября 2010 г., Ма Инцзю, характеризуя внешнеполитический компонент идентичности, отметил его важность и пообещал, что его правительство продолжит укреплять сотрудничество со всеми дипломатическими партнерами, включая США, Японию, странами Юго-Восточной Азии и другими [21].

Важным представляется обращение президента к народу по случаю празднования 2010 г., в котором были отмечены различия между Тайванем и КНР в идеологическом компоненте идентичности: "Материковый Китай возник молниеносно в последние годы, и с каждым днем его влияние растёт. Однако он всё ещё отстаёт от Тайваня в таких областях, как демократическое правительство, гарантии прав человека, правовые стандарты..." [27].

Для оценки культурно-исторического компонента идентичности тайваньцев значимым стало выступление президента по случаю Национального дня Республики Китай 1 октября 2011 г., в котором он заявил: "Сегодня 100-летие Китайской Республики и 100-летие Синьхайской революции... благодаря которым была основана первая в Азии демократия – Китайская Республика. Сегодня люди на Тайване и в других преимущественно этнических китайских общинах по всему миру, включая материковый Китай, отмечают Двойную десятку" [22]. В течение всего этого года Ма Инцзю активно ссылался на историю Тайваня, подчеркивая, сколь важную роль сыграли в ней китайская культура и традиции демократии.

Анализ дискурсивных событий. Вступив в должность президента, Ма Инцзю стал активно реализовывать ключевые тезисы партийной платформы Гоминьдана по стабилизации отношений и углублению взаимодействия с КНР. Тем не менее, за этот период увеличилось число жителей острова, иден-

тифицирующих себя как тайваньцев (с 48,4% в 2008 г. до 52,2% в 2012 г.) [12]. Также выросло число выступающих за немедленное установление статус-кво с Китаем (с 21,5% в 2008 г. до 27,7% в 2012 г.), при уменьшении числа тех, кто предлагал установить статус-кво сейчас, но вопрос воссоединения с КНР решить позже (с 35,8% в 2008 г. до 33,9% в 2012 г.).

Таким образом, большинство жителей острова хотели бы как можно скорее установить статус-кво, опасаясь попасть под слишком сильное влияние КНР. Тем не менее, результаты выборов президента в 2012 г. всё же позволили Ма Инцзю сохранить пост президента. Но при этом из Таблицы 1 можно заметить, что его электоральная поддержка, по сравнению с 2008 г., сократилась почти на 7%, составив 51.60% голосов избирателей, в то время как одобрение декларируемого кандидатом от ДПП протайваньского политического курса выросло. Исходя из этого можно констатировать, что высказывания Ма Инцзю, с точки зрения воздействия на макрополитическую идентичность тайваньцев, скорее, возымели обратный эффект, когда увеличилось число жителей, готовых идентифицировать себя как тайванец, а не китаец.

Основные компоненты макрополитической идентичности жителей острова Тайвань в речах президента КР в 2012–2016 гг.

Анализ транскриптов речей. Во время второго президентского срока Ма Инцзю в выступлениях снова чаще других обращался к таким компонентам тайваньской идентичности, как культурно-исторический и отношения по обе стороны пролива (см. рис. 1). При этом, апеллируя к культурно-историческому компоненту, президент впервые заявил, что Тайвань и КНР имеют общее этническое наследие, а не только культурное или языковое. Так, в инаугурационной речи в 2012 г. он отметил: "Народы двух сторон пролива разделяют общее китайское этническое наследие. У нас общая кровь, история и культура. Мы оба почитаем отца-основателя нашей нации, доктора Сунь Ятсена" [25].

Оценивая в этом же выступлении результаты своего первого президентства для развития отношений с КНР, Ма Инцзю заявил: "За последние четыре года это правительство возобновило переговоры по обе стороны пролива, подписало 16 двусторонних соглашений и сделало это сближение реальностью" [25]. В других речах президент высказал ряд важных тезисов: "В будущем мы продолжим поддерживать статус-кво без объединения, без независимости и без применения силы в рамках Конституции КР и на основе Консенсуса 1992 г., в соответствии с которым каждая сторона признает существование "одного Китая", но сохраняет собственную интерпретацию того, что это значит" [28]. Одновременно он отметил, что в последние годы отношения между КНР и Тайванем были мирными, а конфронтации между ними на международных площадках стали менее острыми. При этом выросло число прямых авиарейсов, усилились торговые и инвестиционные связи, а культурное и образовательное взаимодействие стало более регулярным.

Подчеркивая в 2015 г. в своих выступлениях существенные достижения в развитии связей по обе стороны пролива, президент стремился остановить рост негативного отношения в обществе к деятельности его правительства на фоне общественных протестов 2014 г., получивших название студенческое движение "подсолнухов" (Sunflower student movement)³. Это движение, символом которого стал подсолнух, приобрело острый характер, что заставило Ма Инцзю в ряде выступлений дать ему развернутую оценку и осудить силовые методы протестующих. Так, в новогоднем обращении 2014 г. он заявил: "За последние год или два протестующие прибегли к радикальным и незакон-

³ Это самое массовое на острове за 20 лет студенческое движение было вызвано подготовкой лидерами Гоминьдана Соглашения по торговле услугами между Тайванем и Китаем и попыткой его ратификации без прохождения демократических процедур обсуждения в Законодательном Юане. В период с 18 марта по 10 апреля 2014 г., участники движения "подсолнухов" заблокировали работу Законодательного Юаня Тайваня, выступая против принятия этого Соглашения, открывавшего гораздо больший доступ китайских компаний к экономике Тайваня, что могло иметь значительные негативные последствия для его социально-экономической сферы, а потенциально и для политической системы. Наиболее массовый митинг в поддержку студенческого движения состоялся 30 марта 2014 г. в Тайбэе, к которому присоединилось до полумиллиона человек.

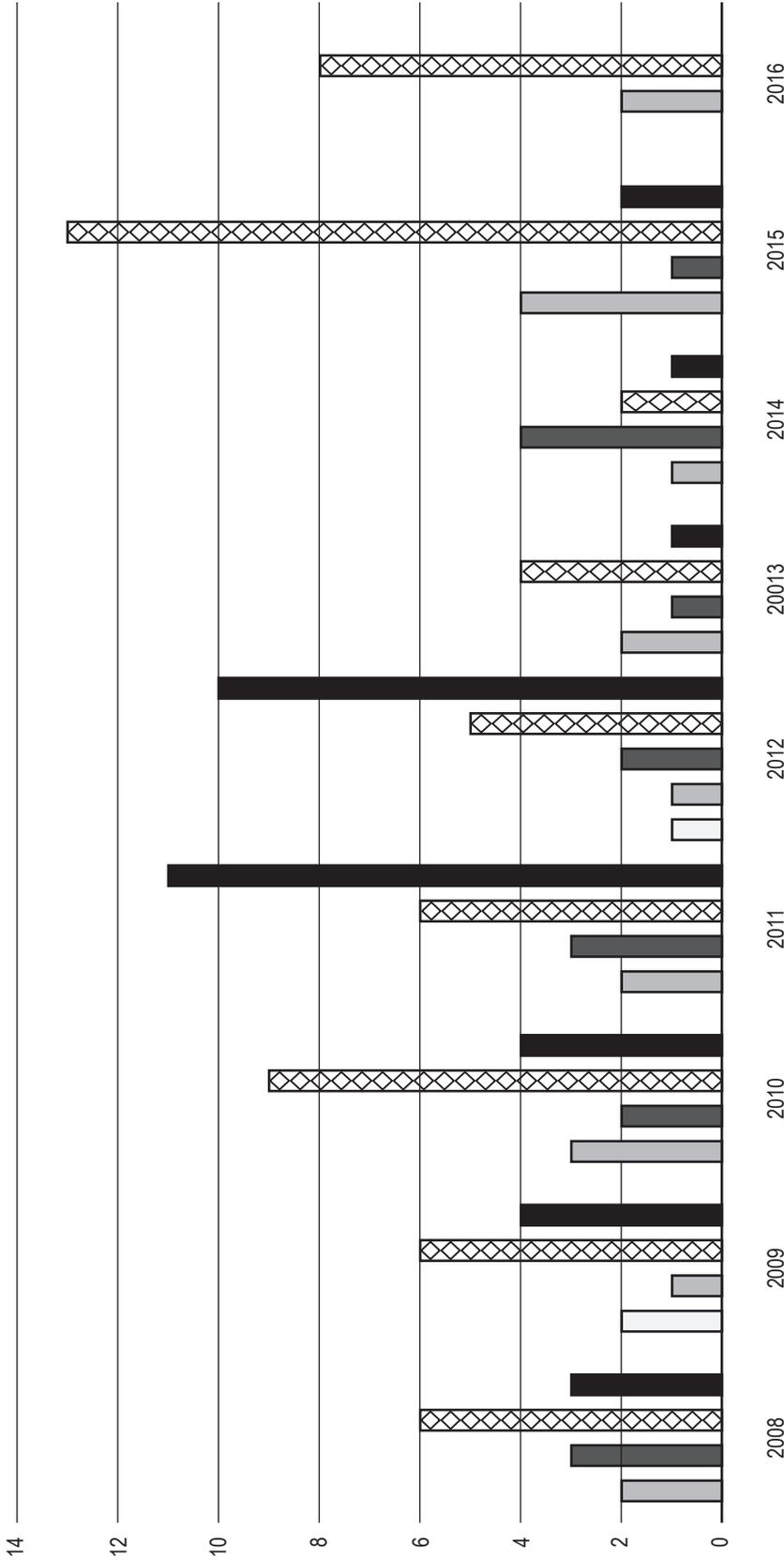

Рис. 1. Компоненты макрополитической идентичности жителей острова Тайвань в выступлениях президента Ма Инцзю в 2008–2016 гг.

Источник: составлено авторами.

Fig. 1. Components of the macro-political identity of the inhabitants of Taiwan in the speeches of President Ma Ying-jeou in 2008–2016.

Source: compiled by the authors.

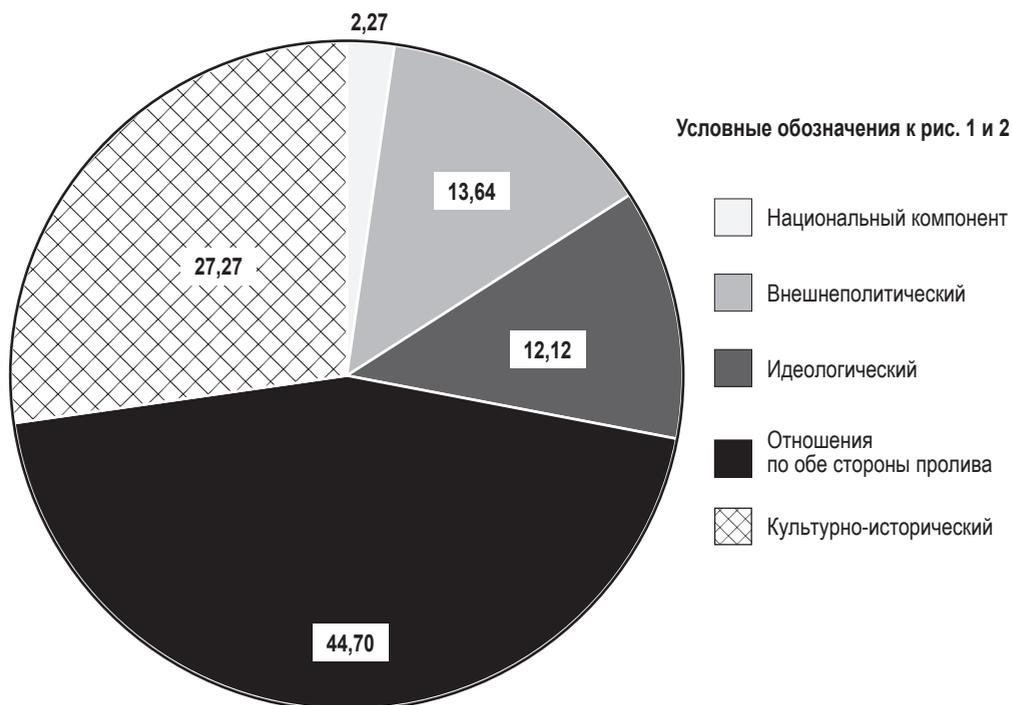

Рис. 2. Доли компонентов макropolитической идентичности жителей острова Тайвань в выступлениях президента Ма Инцзю в 2008–2016 гг. (в %)

Источник: составлено авторами.

Fig. 2. Shares of components of macropolitical identity of residents of Taiwan in the speeches of President Ma Ying-jeou in 2008–2016. (in %)

Source: compiled by the authors.

ным действиям... В некоторых случаях они зашли так далеко, что заняли правительственные здания. Такое недемократическое поведение породило ненужные конфликты и позволило меньшинству помешать законодательным обсуждениям по ожидающим рассмотрению законопроектам" [26]. Также он отметил, что преодолеть разногласия в обществе можно только путем развития демократической системы в рамках действующей Конституции Тайваня и без применения силы.

Одновременно Ма Инцзю стремится показать, что в результате его политики выросло международное признание Тайваня в мире. Например, в выступлении по случаю Национального дня Республики Китай 1 октября 2015 г. он подвёл итоги деятельности своей администрации на внешнеполитической арене, отметив, что за время его нахождения у власти Китайская Республика значительно улучшила международный имидж. Так, с 1997 г. по 2007 г. (за год до вступления в должность Ма Инцзю), по его словам, только 54 страны и территории предоставляли гражданам Тайваня безвизовый режим или другие визовые привилегии, а в 2015 г. их стали предоставлять ещё 99 юрисдикций, общее число которых достигло 153 [23].

В новогоднем обращении 2016 г. (за две недели до президентских выборов) Ма Инцзю снова акцентировал внимание населения на ключевом для его правления компоненте идентичности – отношениях по обе стороны пролива: "За прошедшие семь с лишним лет мы успешно превратили Тайваньский пролив из очага конфликта в путь к миру, как президент я неуклонно поддерживал статус-кво "никакого объединения, никакой независимости и никакого применения силы" в соответствии с Конституцией КР" [29]. По его оценке, консенсус 1992 г. должен будет лелеять и поддерживать президент Тайваня, кем бы он ни был, и выразил надежду, что следующая администрация будет

действовать осторожно, чтобы не подвергать жителей острова новым потрясениям. Таким образом, Ма Инцзю пытался предостеречь избирателей от выбора кандидата, который мог бы ухудшить сложившийся позитивный характер отношений с КНР, однако это не возымело на тайваньцев желаемого им действия.

Анализ дискурсивных событий. В ходе второго президентского срока Ма Инцзю получившее значительную поддержку населения острова студенческое движение "подсолнухов" стало основным фактором, воспрепятствовавшим усилиям его администрация по так называемой "китаизации" острова. С учетом этих событий большинство жителей пришли к убеждению, что углубление политических и экономических отношений с КНР рано или поздно приведет к существенному усилению влияния материка на Тайване, что пагубно скажется на его развитии. В то же время эти протесты оказали и обратное влияние на самоидентификацию его жителей. Можно заметить, что после того, как доля тех, кто идентифицирует себя как тайванец поднялась в 2014 г. до отметки 60,65%, она стала медленно опускаться [12]. Этот факт был вызван, как минимум, двумя причинами: во-первых, для какой-то части населения силовые действия движения "подсолнухов" могли показаться слишком радикальными. Во-вторых, это могло быть связано с тем, что после студенческих протестов администрация Ма Инцзю несколько снизила интенсивность продвижения мер, направленных на "китаизацию" острова.

По нашей оценке, массовые протесты движения "подсолнухов" во многом стали отражением того, что в практической и дискурсивной политике президент Ма Инцзю практически не уделял внимания развитию национального компонента идентичности тайваньцев (число его упоминаний в выступлениях составила всего 2,27% – см. рис. 2). Напротив, он фокусировал внимание лишь на тех или иных форматах сближения Тайваня с Китаем, в том числе общей принадлежности тайваньцев к китайской нации, что сформировало его имидж как прокитайского политика, как и партии Гоминьдан в целом.

Что касается оценки политики и риторики Ма Инцзю в тайваньском медиа и публичном пространстве, то они жестко критиковались оппозиционными партиями в течение всего периода его нахождения у власти из-за чрезмерного, по их мнению, сближения с Китаем. При этом ДПП неоднократно выражала негативное отношение к Соглашению о торговле услугами с КНР, и её представители, включая председателя Цай Инвэнь, выражали солидарность с протестами движения "подсолнухов". В то же время большинство студентов сознательно дистанцировались от участия в партии и ассоциации с ней, подчеркивая свою независимость. В целом, широкая общественная оппозиция этому Соглашению возымела действие на администрацию Ма Инцзю, и оно так и не было ратифицировано [7, с. 89–93].

При этом протесты слабо воздействовали на общественное мнение по вопросу статус-кво в отношениях по обе стороны пролива: число тех, кто хотел его немедленного установления, выросло лишь незначительно (с 25,2% в 2014 г. до 26,1% в 2016 г.) [12]. В то же время они существенно повлияли на рейтинг популярности двух основных политических партий Тайваня: поддержка Гоминьдана упала с 26,7% в 2013 г. до 20,8% в 2016 г., в то время как у оппозиционной ДПП она выросла с 25,7% в 2013 г. до 29,9% в 2016 г. Таким образом, с точки зрения одобрения своей деятельности, они поменялись местами [12]. В результате на президентских выборах 2016 г. ДПП одержала над Гоминьданом убедительную победу (с разницей между кандидатами более чем в 25%).

Заключение

Следуя ключевым тезисам партийной платформы Гоминьдана, в ходе двух президентских сроков Ма Инцзю направлял основные усилия на стабилизацию политических отношений и углубление социально-экономических связей с КНР, что нашло отражение в его дискурсивной политике. В целом, она была сфокусирована на преимущественном продвижении таких компонентов макрополитической идентичности жителей Тайваня, как интенсивное развитие политико-экономических отношений по обе стороны пролива и укрепление культурно-исторической общности с материковым Китаем на основе синтеза китайской и тайваньской культур (см. рис. 2). Во время второго

президентского срока Ма Инцзю сохранил те же приоритеты дискурсивной политики, по-прежнему практически не уделяя внимания национальному компоненту идентичности жителей острова. Более того, усиливая прокитайскую позицию, он впервые заявил, что Тайвань и КНР имеют общее китайское этническое наследие, а не только культурное или языковое.

Результаты работы свидетельствуют о том, что в целом за исследуемый период дискурсивная политика Гоминьдана, направленная на усиление представлений о традиционной для Китайской Республики политической и культурной идентичности китайской нации, не способствовала изменению макрополитической идентичности большинства населения в этом направлении, а, напротив, способствовала росту тайваньского самосознания и национализма. В большой степени на это повлияли усилившееся политическое давление со стороны Пекина и студенческие протесты 2014 г., поддержанные оппозиционными партиями и значительной частью тайваньцев, опасавшихся слишком сильного роста на острове политического и экономического влияния Китая. Следствием изменения этих политических взглядов в обществе стали увеличение электоральной поддержки партии ДПП и её победа над Гоминьданом на президентских выборах 2016 г.

Литература / References

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016. 416 с. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism / Translated from English by V. Nikolaev; introduction by S. P. Bankovskaya. Moscow: Kuchkov Pole, 2016. 416 p. Moscow: VES MIR Publishing House, 2017. 992 p.
2. Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И. С. Семенов / ИМЭМО РАН. М.: Издательство "Весь мир", 2017. 992 с. Identity: The Individual, Society, Politics. An Encyclopedia / Ed. By I.S. Semenenko / IMEMO RAS. M.: VES MIR Publishing House, 2017. 992 p.
3. Калхун К. 'Национализм / пер. А. Смирнова. М.: Издательский дом "Территория будущего", (Серия "Университетская библиотека Александра Погорельского", 2006. 288 с. Calhoun K. 'Nationalism / trans. A. Smirnov. M.: Publishing house "Territory of the Future", (Series "University Library of Alexander Pogorelsky"), 2006. 288 p.
4. Кузнецов А. М., Золотухин И. Н. Этнополитическая история Азиатско-Тихоокеанского региона в XX – начале XXI вв.: монография. Владивосток: Изд-во Дальневост. федер. ун-та, 2011. 224 с. Kuznetsov A. M., Zolotukhin I. N. Ethnopolitical history of the Asian-Pacific region in the 20th – early 21st centuries: monograph. Vladivostok: Publishing house of the Far Eastern Federal University, 2011. 224 p.
5. Малинова О. Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // ПОЛИТЭК. 2010. Том 6, № 1. С. 5–28. Malinova O. Yu. Construction of macropolitical identity in post-Soviet Russia: symbolic politics in the transforming public sphere // POLITEX. 2010. Vol. 6, No. 1. P. 5–28.
6. Семенов И. С. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст // Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 8–28. Semenenko I.S. Identity politics and identity in politics: ethnonational perspectives, European context // Polis. Political studies. 2016. No. 4. P. 8–28.
7. Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России: Монография / Под. ред. А. В. Торкунова, Д. В. Стрельцова. М.: Издательство Аспект Пресс, 2019. 432 с. Transformation of international relations in Northeast Asia and Russia's national interests: Monograph / ed. by Torkunov A.V., Streltsov D.V. M.: Aspect Press Publishing House, 2019. 432 p.
8. Хобсбаум Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе / Андерсон., Бауэр, Хрок и др. Нации и национализм. М.: Практикс, 2002. 333 с. Hobsbawm E. The Principle of Ethnicity and Nationalism in Contemporary Europe / Anderson, Bauer, Hrock et al. Nations and Nationalism. Moscow: Praxis, 2002. 333 p.
9. Чургов С. В. Япония: вновь в поисках идентичности? // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 12. С. 72–80. Chugrov S.V. Japan: again in Search of Identity? // World Economy and International Relations. 2003. No. 12. P. 72–80.
10. Achen C. H. The Taiwan Voter / C. H. Achen, T. Y. Wang. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2017. 313 p.

11. Brown M. J. Reconstructing Ethnicity: Recorded and Remembered Identity in Taiwan // *Ethnology*. 2001. Vol. 40, No. 2 (Spring). P. 153–164.
12. Center for Electoral Studies, National Chengchi University. Changes in the Taiwanese/Chinese Identity of Taiwanese as Tracked in Surveys by the Election Study Center, NCCU (1992–2025.06). URL: <https://esc.nccu.edu.tw/upload/44/doc/6961/People202506.png> (accessed 01.07.25)
13. Cheng-feng S. Taiwanese Identity and The Memories Of 2-28: A Case for Political Reconciliation / S. Cheng-feng, M. Chen // *Asian Perspective*. 2010. Vol. 34, No. 4. P. 85–113.
14. Fairclough N. 'Critical discourse analysis and the marketization of public discourse' // *Discourse and Society*. 1993. № 4(2). P. 133–168.
15. Ho N. Crafting the Taiwanese: The Ambivalence of Taiwan's National Identity, // *Harvard International Review*. 2006. Vol. 28, No. 1. P. 30–33.
16. Hughes C. Revising Identity Politics under Ma Ying-jeou, // in *Political Changes in Taiwan under Ma Ying-jeou: Partisan Conflict, Policy Choices, External Constraints and Security Challenges*, ed. Jean-Pierre Cabestan and Jacques deLisle. London; New York: Routledge, 2014. P. 120–136.
17. Kaeding M. F. Taiwanized "New Taiwanese": The Effect of Taiwanization on the 2008 Presidential Election Campaign of Ma Ying-jeou // *Asia-Pacific Social Science Review*. 2009. Vol. 9, No. 2. P. 19–34
18. Keng S. Taiwan and China: Fitful Embrace, "Mingling but Not Merging: Changes and Continuities in the Identity of Taiwanese in Mainland China" / S. Keng, E. R. Lin. Oakland (CA): University of California Press, 2017. P. 61–75.
19. Muyard M., Mid-Term Analysis of the Ma Ying-jeou Administration the Difficulty of Delivering the (Right) Goods // *China Perspectives*. 2010. № 3. P. 5–21.
20. President Ma Ying-jeou's National Day Address. 10.10.2009 // Office of the President Republic of China (Taiwan). URL: <https://english.president.gov.tw/NEWS/86> (accessed 01.05.2025)
21. President Ma Ying-jeou's National Day Address. 10.10.2010 // Office of the President Republic of China (Taiwan). URL: <https://english.president.gov.tw/NEWS/3429> (accessed 01.05.2025)
22. President Ma Ying-jeou's National Day Address. 10.10.2011 // Office of the President Republic of China (Taiwan). URL: <https://english.president.gov.tw/NEWS/4259> (accessed 01.05.2025)
23. President Ma Ying-jeou's National Day Address. 10.10.2015 // Office of the President Republic of China (Taiwan). URL: <https://english.president.gov.tw/NEWS/4747> (accessed 01.05.2025)
24. President Ma's Inaugural Address. 20.05.2008 // Office of the President Republic of China (Taiwan). URL: <https://english.president.gov.tw/NEWS/45> (accessed 01.05.2025)
25. President Ma's Inaugural Address. 20.05.2012 // Office of the President Republic of China (Taiwan). URL: <https://english.president.gov.tw/NEWS/3887> (accessed 01.05.2025)
26. President Ma's New Year's Day Address. 01.01.2014 // Office of the President Republic of China (Taiwan). URL: <https://english.president.gov.tw/NEWS/4324> (accessed 01.05.2025)
27. President Ma's New Year's Day Message. 01.01.2010 // Office of the President Republic of China (Taiwan). URL: <https://english.president.gov.tw/NEWS/47> (accessed 01.05.2025)
28. President Ma's New Year's Day Message. 01.01.2015 // Office of the President Republic of China (Taiwan). URL: <https://english.president.gov.tw/NEWS/4558> (accessed 01.05.2025)
29. President Ma's New Year's Day Message. 01.01.2016 // Office of the President Republic of China (Taiwan). URL: <https://english.president.gov.tw/NEWS/4821> (accessed 01.05.2025)
30. Taipei Times. "State To State" Theory is Dead, Ma Says. 4.09.2008 URL: <https://www.taipeitimes.com/News/front/archives/2008/09/04/2003422244> (accessed 01.05.2025)
31. Taipei Times. Ma refers to China as ROC territory in magazine interview. 8.10.2008 URL: <https://www.taipeitimes.com/News/taiwan/archives/2008/10/08/2003425320> (accessed 01.05.2025)
32. Taiwan CEC, 2008 Presidential and Vice-Presidential Election. URL: <https://web.cec.gov.tw/english/article/21792> (accessed 01.06.2025)
33. Taiwan CEC, 2012 Presidential and Vice-Presidential Election. URL: <https://web.cec.gov.tw/english/article/21794> (accessed 01.06.2025)
34. Taiwan CEC, 2016 Presidential and Vice-Presidential Election. URL: <https://web.cec.gov.tw/english/article/21796> (accessed 01.06.2025)
35. Taiwan CEC, 2024 Legislator Election. URL: <https://web.cec.gov.tw/english/article/41434> (accessed 01.06.2025)
36. Taiwan's Elections: A Fraught but Not Dire Equilibrium Endures // *The National Bureau of Asian Research*. URL: <https://www.nbr.org/publication/taiwans-elections-a-fraught-but-not-dire-equilibrium-endures/> (accessed 01.03.2025)

Информация об авторах

Сергей Витальевич Севастьянов, д-р полит. наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия, e-mail: ssevastyanov@hse.ru

Даниил Олегович Алексеев, аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия, e-mail: d.alekseev@hse.ru

Information about the authors

Sergei V. Sevastianov, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Political Science and International Relations, National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia, e-mail: ssevastyanov@hse.ru

Daniil O. Alekseev, Postgraduate Student, National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia, e-mail: d.alekseev@hse.ru

Поступила в редакцию 16.07.2025

Received 16.07.2025

Одобрена после рецензирования 13.11.2025

Approved 13.11.2025

Принята к публикации 27.11.2025

Accepted 27.11.2025

Научная статья
УДК 316.347.8:316.334.56(71+73)
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/168-176>

Гражданское общество и интеграция латиноамериканских мигрантов: сравнительный анализ участия негосударственных акторов в США и Канаде

Даниил Андреевич Рыбачук
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, skai@mail.ru
Евгений Викторович Журбей
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, zhurbey.ev@dvfu.ru

Аннотация. Статья исследует роль негосударственных акторов в интеграции латиноамериканских мигрантов в США и Канаде на основе сравнительного анализа. В работе используются теоретико-методологические подходы мультикультурализма, сегментированной ассимиляции и аккультурации. Особое внимание уделяется тому, как этнические неправительственные организации взаимодействуют с государственными структурами и принимающим обществом. Исследование выявляет различия в институциональных условиях и масштабах участия гражданского общества, а также в идеологических основах интеграционной политики двух стран. Показано, что в США акцент делается на сегментированные формы участия, тогда как в Канаде институциональная поддержка усиливает инклюзивность интеграционных практик. Анализ функций ключевых организаций позволяет выявить барьеры и перспективы развития миграционной политики с участием гражданского общества.

Ключевые слова: миграция, интеграция, латиноамериканцы, гражданское общество, НПО, мультикультурализм, Канада, США, этнические организации

Для цитирования: Рыбачук Д. А., Журбей Е. В. Гражданское общество и интеграция латиноамериканских мигрантов: сравнительный анализ участия негосударственных акторов в США и Канаде // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 4. С. 168–176.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/168-176>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/168-176>

Civil Society and the Integration of Latin American Migrants: A Comparative Analysis of the Participation of Non-State Actors in the USA and Canada

Daniil A. Rybachuk
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, skai@mail.ru
Evgeny V. Zhurbey
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, zhurbey.ev@dvfu.ru

Abstract. The article examines the role of non-state actors in the integration of Latin American migrants in the United States and Canada through a comparative analysis. The study employs theoretical and methodological approaches of multiculturalism, segmented assimilation, and acculturation. Particular attention is given to the interaction of ethnic non-governmental organizations with state institutions and society. The research identifies differences in institutional conditions, the scope of civil society participation, and the ideological foundations of integration policies in the two countries. It is demonstrated that in the United States the emphasis is placed on segmented forms of participation, whereas in Canada institutional support strengthens the inclusiveness of integration practices. The analysis of the functions of key organizations highlights barriers and prospects for the development of migration policy with the involvement of civil society.

Key words: migration, integration, Latin Americans, civil society, NGOs, multiculturalism, Canada, USA, ethnic organizations

For citation: Rybachuk D. A., Zhurbey E. V. Civil Society and the Integration of Latin American Migrants: A Comparative Analysis of the Participation of Non-State Actors in the USA and Canada // Ojkuмена. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 4. P. 168–176.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/168-176>

Введение

Вопросы интеграции латиноамериканского населения в США и Канаде приобретают всё большую значимость в свете современных демографических, социальных и политических процессов. Одним из ключевых факторов, определяющих актуальность темы исследования, является устойчивый рост латиноамериканской иммиграции в оба рассматриваемых государства. В США латиноамериканцы уже составляют крупнейшее этническое меньшинство с количеством представителей в 65,2 млн человек, а в Канаде, несмотря на меньшую численность, их доля в миграционном потоке стабильно увеличивается из года в год [4]. Это создаёт не только новые вызовы, но и возможности для принимающих латиноамериканцев стран.

В заданных условиях, когда государственные институты не всегда способны оперативно и эффективно реагировать на потребности иммигрант-

ских сообществ, возрастает роль гражданского общества, в особенности негосударственных акторов, таких как: некоммерческие организации, НПО, культурно-религиозные объединения, правозащитные группы, профсоюзы и диаспоральные организации. Эти структуры напрямую сталкиваются с необходимостью регулирования и контроля интеграционных процессов, включая предоставление услуг, защиту прав, способствование политической мобилизации и налаживание связей между иммигрантами и принимающим обществом.

Сравнительный анализ опыта интеграции латиноамериканцев с помощью негосударственных акторов в США и Канаде позволит выявить как общие тенденции, так и уникальные особенности в этих интеграционных подходах и взаимодействии гражданского общества с иммигрантскими группами. Такое сопоставление важно для выработки эффективных стратегий и политики в области иммиграции, социальной адаптации и укрепления межкультурного диалога.

Развитие представлений о роли гражданского общества в процессах интеграции мигрантов отражено в междисциплинарных исследованиях, объединяющих политологические, социологические и культурологические подходы. Классические работы Ю. Хабермаса [5] и А. де Токвиля [18] заложили основы понимания гражданского общества как пространства публичного диалога и добровольных ассоциаций, способствующих демократическому участию. Эти идеи актуальны для анализа вовлеченности латиноамериканских общин в общественную жизнь США и Канады.

Дальнейшее развитие получила концепция социального капитала, предложенная Р. Патнэмом [15], который показал, что участие в ассоциативных сетях укрепляет доверие и способствует интеграции мигрантов в местные сообщества. Схожим образом, теория аккультурации Дж. Берри подчёркивает эффективность стратегии интеграции, сочетающей сохранение этнокультурной идентичности с активным взаимодействием с принимающим обществом [1].

Вклад У. Кимлики и Ч. Тейлора в развитие мультикультурализма определил современное понимание культурного разнообразия как ресурса демократического государства. Эти подходы легли в основу канадской политики инклюзивности и поддержки этнических меньшинств [8; 16]. В то же время теория сегментированной ассимиляции А. Портеса и М. Чжоу акцентирует внимание на неравномерности интеграционных траекторий, зависящих от социально-экономического контекста и институциональной поддержки, включая участие гражданского общества [14].

Таким образом, современная научная традиция рассматривает гражданское общество не только как посредника между государством и мигрантами, но и как активного участника формирования интеграционных практик. Однако сравнительный анализ механизмов участия негосударственных акторов в США и Канаде остается недостаточно разработанным, что и определяет актуальность настоящего исследования.

Цель исследования – выявить и проанализировать особенности участия негосударственных акторов гражданского общества в процессах интеграции латиноамериканских мигрантов в США и Канаде, а также определить сходства и различия институциональных и социокультурных моделей интеграции в двух странах.

Объектом исследования выступают процессы интеграции латиноамериканских мигрантов в социокультурное и институциональное пространство США и Канады. Предметом исследования является деятельность негосударственных акторов гражданского общества, направленная на содействие интеграции латиноамериканских мигрантов, а также сравнительные особенности их участия в двух национальных контекстах.

В исследовании использовались взаимодополняющие методы: сравнительный анализ, позволяющий сопоставить институциональные механизмы участия гражданского общества в США и Канаде; контент-анализ, применяемый для изучения программ, отчетов и публикаций этнокультурных НГО, правозащитных организаций, фондов и муниципальных инициатив; а также документальный анализ, включающий работу с законодательными актами,

государственными и локальными программами интеграции и другими нормативными материалами.

Негосударственные акторы и их роль в интеграции латиноамериканских мигрантов

Говоря о гражданском обществе, следует привести определение, которым оперирует известный ученый-теоретик по данному вопросу Ю. Хабермас: "Гражданское общество – это совокупность негосударственных добровольных объединений и институтов, действующих независимо от государства и способствующих артикуляции и защите интересов различных социальных групп" [5, с. 437].

Второе – это интеграция, которая означает двусторонний процесс включения мигрантов в социальные, культурные, политические и экономические структуры принимающего общества при сохранении их культурной идентичности.

Далее, важным компонентом выступает инклюзия, которая подразумевает принцип равного участия всех социальных групп в общественной жизни, обеспечивающий доступ к ресурсам и правам независимо от этнокультурной принадлежности.

И, конечно, не стоит забывать о таком явлении как этнические неправительственные организации (НПО). К ним относятся негосударственные некоммерческие организации, созданные мигрантскими или этническими сообществами с целью представления их интересов, предоставления услуг и содействия адаптации (см. табл. 1).

Есть определённые трудности, с которыми сталкивается гражданское общество в рассматриваемых странах при решении вопросов интеграции латиноамериканского населения в принимающее общество. Во-первых, это недостаток стабильного финансирования, особенно для малых и локальных НПО. Во-вторых, бюрократические барьеры при получении грантов, что больше характерно для Канады. В-третьих, политическая поляризация и давление на миграционную тематику, что ярко выражено в США. В-четвертых, дискриминация и маргинализация этнических организаций. В-пятых, ограниченная представленность НПО в формальных структурах власти, особенно в США. И, наконец, конкуренция между организациями за ресурсы и внимание со стороны государства.

Более того, при изучении вопросов интеграции латиноамериканцев в североамериканское общество используются различные теории интеграции мигрантов в принимающие общества. Необходимо отметить модель аккультурации Джона Бэрри, в которой особое внимание уделяется стратегии интеграции как наиболее благоприятной форме взаимодействия мигрантов с принимающим обществом. Как подчёркивает Дж. Бэрри, аккультурация не сводится к ассимиляции, а предполагает многообразие стратегий включения, включая интеграцию, сепарацию, ассимиляцию и маргинализацию, в зависимости от политики принимающего общества [1, с. 14].

Особое значение имеет теория сегментированной ассимиляции А. Портеса и М. Чжоу, согласно которой мигранты не проходят единый путь ассимиляции, а могут развиваться по разным траекториям в зависимости от таких факторов, как этническая принадлежность, экономический капитал, уровень образования, структура принимающего общества и характер институциональной поддержки. В рамках этой теории выделяются три основные модели: восходящая мобильность с полной интеграцией в принимающее общество, адаптация через этнические сообщества (этническая интеграция) и восходящая мобильность при сохранении сегрегации либо подверженности социальной маргинализации. В контексте миграции и теории сегментированной ассимиляции, восходящая мобильность означает, что мигранты (или их дети) успешно встраиваются в общество, достигая лучших условий жизни по сравнению с положением, в котором они находились после прибытия [14, с. 79].

И наконец, теория мультикультурализма, подчёркивающая необходимость институционального признания культурного многообразия и коллективных прав меньшинств как условия эффективной интеграции. Мультикультурализм опирается на несколько важных принципов в отношении иммигрантов и других национальных меньшинств:

Таблица 1. Типология негосударственных акторов гражданского общества и их функции в интеграции латиноамериканских мигрантов в США и Канаде
Table 1. Typology of non-state civil society actors and their functions in the integration of Latin American migrants in the USA and Canada

Категория негосударственных акторов	Примеры организаций (США / Канада)	Основные функции в процессе интеграции
Этнические НПО	UnidosUS (США), Hispanic Development Council (Канада)	Представление интересов латиноамериканских сообществ; развитие этнической самоорганизации; участие в консультативных советах при органах власти
Правозащитные и адвокационные организации	National Immigration Forum (США)	Лоббизм и защита прав мигрантов; адвокация на федеральном и местном уровнях; разработка предложений по реформированию миграционной политики
Религиозные учреждения и ассоциированные структуры	Религиозные учреждения и ассоциированные структуры	Предоставление гуманитарной и социальной помощи; поддержка при адаптации и поиске жилья; организация языковых и образовательных программ
Мультикультурные и интеграционные центры	Mosaic Institute (Канада)	Продвижение межкультурного диалога; реализация программ социальной инклюзии; проведение исследовательских и образовательных проектов
Образовательные и культурные инициативы	Местные культурные центры, языковые школы	Обучение и профессиональная подготовка; организация культурных мероприятий; поддержка сохранения этнической идентичности и интеграции через образование

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Интеграция: она акцентирует внимание на необходимости включения иммигрантов в канадское общество, с учётом признания их культурного разнообразия. Интеграция предполагает участие в экономической, социальной и политической жизни страны, а также освоение языка и культуры принимающей страны.

Поддержка культурных общин: предоставление поддержки и ресурсов для развития и сохранения культурных общин. Это включает финансирование культурных мероприятий, создание центров и организаций, специализирующихся на защите и продвижении культурного наследия различных групп.

Диалог и консультации: активное вовлечение представителей различных культур и народностей в процесс принятия решений. Через диалог и консультации граждане могут вносить свой вклад в формирование политики, которая отражает их потребности и интересы.

Образование и осведомленность: важной составляющей является обучение населения культурному разнообразию и уважению к другим культурам. Школьные программы и общественные мероприятия направлены на повышение осведомленности и понимания различий и сходств между культурами.

Эти принципы взаимодействуют и дополняют друг друга, способствуя созданию гармоничного и инклюзивного общества [9, с. 33].

Особой важностью в исследовании обладает сравнительный анализ участия негосударственных акторов в процессах интеграции латиноамериканских мигрантов в США и Канаде, двух стран с активной миграционной политикой, но различными подходами к мультикультурной интеграции. Основу эмпирического анализа в этом случае составляют как качественные методы (кейс-стади отдельных этнических НПО, анализ документов, интервью),

так и количественные источники (статистические данные, результаты социологических опросов, миграционные отчёты), что позволяет оценить влияние негосударственных институтов на социальную и политическую вовлеченность латиноамериканцев в североамериканском контексте.

В контексте интеграции латиноамериканских мигрантов в США негосударственные акторы играют ключевую роль в восполнении пробелов государственной миграционной политики. Эти структуры действуют на стыке социальной поддержки, политической мобилизации и правозащитной адвокации, формируя условия для социальной инклюзии, культурного признания и защиты прав мигрантов.

Одной из крупнейших структур является UnidosUS, ранее – National Council of La Raza [19]. Эта организация представляет интересы более чем 50 млн латиноамериканцев, развивая программы в области образования, здравоохранения, экономических возможностей и гражданской вовлеченности. UnidosUS активно участвует в политических кампаниях, продвигая законодательные инициативы по вопросам иммиграционной реформы, защиты от депортаций и предоставления прав мигрантам без документов.

Более того, существует некоммерческая группа по защите прав иммигрантов – "Национальный Иммиграционный Форум" (National Immigration Forum) – это более широкая коалиция, объединяющая НПО, бизнес, религиозные организации и силовые структуры [13]. Организация выступает за реалистичные и гуманистичные подходы к миграционной политике, поддерживая программы интеграции, в том числе языковое обучение и подготовку к гражданству. Особое внимание уделяется формированию альянсов с умеренными политическими силами, что делает её важным инструментом адвокации на федеральном уровне.

Религиозные НПО, такие как "Католические благотворительные организации США" (Catholic Charities USA), также вносят значительный вклад в интеграцию латиноамериканцев, особенно в сфере социальной помощи и убежища [3]. Их деятельность охватывает поддержку мигрантов в кризисных ситуациях, правовую помощь, а также обучение и трудоустройство. Роль таких организаций особенно заметна в условиях отсутствия комплексной государственной поддержки вновь прибывших.

"Испаноязычная федерация" (Hispanic Federation) фокусируется на институциональном развитии латиноамериканских сообществ через грантовую поддержку, политическое представительство и развитие НПО. Особое внимание организация уделяет образованию, здравоохранению и правам потребителей, одновременно формируя публичную повестку в защиту интересов латиноамериканских общин [7].

Кроме того, при изучении гражданского общества и влияния НПО на латиноамериканцев в США нельзя оставить без внимания "Национальную ассоциацию латиноамериканских избирателей" (National Association of Latino Elected and Appointed Officials, NALEO) – это некоммерческая организация, основанная в 1976 г., которая занимается представительством интересов латиноамериканцев в политической сфере [12]. Она сотрудничает с государственными и муниципальными органами власти, выборными комиссиями и другими группами, чтобы повысить осведомленность о проблемах латиноамериканского сообщества и обеспечить эффективное участие латиноамериканцев в политической жизни США.

Основной целью NALEO является увеличение числа латиноамериканских выборщиков и кандидатов, а также создание благоприятных условий для их участия в выборах и занятия должностей в органах государственной власти на различных уровнях. Организация также оказывает поддержку латиноамериканским политическим лидерам и организациям, обеспечивая доступ к информации и обучению в области гражданской общественности и лоббирования.

Среди программ и инициатив, поддерживаемых NALEO, можно отметить проведение обучающих семинаров и конференций для латиноамериканских лидеров, создание баз данных о латиноамериканских выборщиках и кандидатах, обучение гражданских активистов лоббированию интересов латиноамериканского сообщества и многое другое.

Наконец, существуют организации, такие как "Латиноамериканская ассоциация защиты прав и гражданских свобод" (Mexican American Legal Defense and Educational Fund, MALDEF) [11]. Она была основана в 1968 г. для защиты прав мексиканцев и латиноамериканцев в США. MALDEF занимается юридической защитой латиноамериканцев и борьбой с дискриминацией на основе национальности. MALDEF предоставляет бесплатную юридическую помощь латиноамериканцам в различных областях, включая иммиграционное законодательство, гражданские и трудовые права и образование. Организация также занимается обучением и образованием латиноамериканских юристов, чтобы обеспечить доступность юридической помощи для латиноамериканцев. MALDEF активно участвует в судебных процессах, связанных с нарушением прав латиноамериканцев, и продвигает законодательство, направленное на защиту прав мексиканцев и латиноамериканцев. Они также оказывают содействие в проведении кампаний по повышению осведомленности и мобилизации общественного мнения в отношении вопросов, связанных с правами латиноамериканцев. В целом, MALDEF играет важную роль в защите прав "латинос" в США, особенно в борьбе с дискриминацией на основе национальности и обеспечении доступа к юридической помощи и образованию.

К основным функциям данных организаций в США относятся: правовая помощь (вопросы статуса, убежища, гражданства); лоббизм и участие в законодательных инициативах на федеральном и локальном уровнях; защита прав мигрантов (в том числе трудовых и культурных); проведение культурных и просветительских программ, направленных на сохранение идентичности и диалог с принимающим обществом; языковое и гражданское обучение, содействие занятости и экономической адаптации.

Эти структуры активно взаимодействуют как с федеральными, так и с местными органами власти, участвуя в разработке и оценке миграционных и интеграционных программ. Многие НПО формируют экспертные рекомендации для Конгресса и агентств, входят в консультативные советы при городских администрациях и оказывают услуги в рамках государственно-частного партнёрства.

Таким образом, негосударственные акторы в США не только компенсируют недостатки государственной миграционной политики, но и влияют на её трансформацию, действуя как медиаторы между мигрантскими сообществами и институтами власти.

Канадская политика в сфере интеграции мигрантов опирается на принцип институционализированного мультикультурализма, закреплённого на федеральном уровне с 1971 г. и формализованного в Акте о мультикультурализме (Multiculturalism Act). В рамках этой модели государство не только признаёт культурное многообразие, но и активно финансирует его поддержку, выстраивая устойчивое партнёрство с негосударственными структурами. Закон утвердил, что "мультикультурализм является фундаментальной характеристикой канадского общества" и обязал федеральные органы власти "содействовать сохранению и развитию культурного наследия всех канадцев", а также "обеспечивать равный доступ к возможностям независимо от происхождения" [2]. В отличие от предшествующей политики 1971 г., провозглашённый на уровне исполнительной власти, акт 1988 г. имел статус федерального закона, что означало обязательность реализации соответствующих норм во всех ведомствах и учреждениях.

В то же время негосударственные акторы в Канаде выполняют ключевые функции в реализации программ социальной, культурной и экономической интеграции мигрантов латиноамериканского происхождения. Их деятельность координируется с различными уровнями власти – от федерального до муниципального, что позволяет создавать гибкие и адаптивные формы сотрудничества.

Одним из примеров таких организаций является "Совет по развитию испаноязычного населения" (Hispanic Development Council (HDC)) в Торонто, который занимается исследованием потребностей латиноамериканских общин, продвижением инклюзивной политики и лоббированием интересов испаноязычного населения в сфере здравоохранения, занятости и образова-

ния. НДС активно вовлечён в анализ государственных программ, участвует в распределении грантов и в диалоге с местными властями [6].

Кроме этого, необходимо отметить "Латиноамериканский общественный центр" (Latin American Community Centre) и организации, схожие по профилю, которые ориентированы на культурную инклюзию, организацию языковых курсов, профессиональную подготовку и молодёжные программы [10]. Они становятся мостом между культурным наследием мигрантских сообществ и канадскими государственными институтами. Их работа часто финансируется через грантовую систему Министерства иммиграции, беженцев и гражданства Канады (IRCC), а также провинциальными агентствами.

Более того, в Канаде существует Институт "Мозаики" (Mosaic Institute), который в свою очередь представляет собой платформу для межкультурного диалога, исследований и просвещения. В отличие от сугубо этнических НПО, Mosaic работает на стыке академического анализа и практической политики мультикультурализма, включая латиноамериканский компонент в более широкую повестку борьбы с дискриминацией и продвижения инклюзивного общества. Посредством диалога, исследований, обучения и политики Институт "Мозаики" снабжает студентов, преподавателей и организации по всей Канаде инструментами, необходимыми им для искоренения предрассудков в своих сообществах [17].

В Канаде к основным механизмам интеграции латиноамериканцев и влияния гражданского общества на данный процесс можно отнести: программы адаптации и языкового обучения, финансируемые на федеральном уровне; инициативы культурной инклюзии, включая фестивали, культурные центры, школьные и муниципальные программы; поддержку этнокультурных НПО через гранты; институциональное вовлечение в разработку и мониторинг миграционной политики.

Особое внимание необходимо уделить тому факту, что канадская модель отличается высокой степенью децентрализации: провинциальный и муниципальный уровни играют ключевую роль в адаптации и инклюзии мигрантов. Города, такие как Торонто, Монреаль или Ванкувер, имеют собственные стратегии многообразия и активно включают НПО в процесс политического консультирования, реализации программ и оценки результатов.

Таким образом, в Канаде гражданское общество и государство выступают не в роли оппонентов, а как партнёры в интеграционном процессе. Это создаёт благоприятные условия для устойчивой и корректной интеграции мигрантов, включая латиноамериканские сообщества.

При сравнительном анализе влияния негосударственных акторов на интеграцию латиноамериканцев в США и Канаде необходимо отметить, что в обоих рассматриваемых государствах они выполняют схожие функции: социальная поддержка, правовая помощь, культурная инклюзия, однако действуют в различных институциональных, идеологических и финансовых контекстах.

В Канаде участие НПО в интеграционных процессах является институционализированным и структурированным, что связано с официальной политикой мультикультурализма. Этнокультурные организации входят в государственные консультативные органы, получают стабильное финансирование через федеральные и провинциальные программы и участвуют в формировании иммиграционной и социальной политики. В США, напротив, деятельность НПО часто строится на инициативной основе и опирается на гибкую, но фрагментарную систему взаимодействия с властями. Гражданское общество активно вовлекается в политическую мобилизацию и адвокацию, но институциональные каналы участия более ограничены и нестабильны.

Канадские НПО, особенно на провинциальном и муниципальном уровнях, выступают как официальные партнёры государства, получая доступ к программам интеграции, обучению и консультированию. Механизмы финансирования прозрачны и предсказуемы, что обеспечивает устойчивость проектов. В то же время американские НПО часто выполняют функции, замещающие государственные, особенно в сферах, где федеральная политика ограничена или противоречива (например, миграция без документов). Хотя крупные организации, такие как "UnidosUS" или "National Immigration Forum", могут участвовать в лоббистской деятельности на федеральном уров-

не, большинство НПО сталкиваются с неравномерным финансированием и зависимостью от частных инвестиций.

Канадский подход строится на либеральном мультикультурализме, где культурное разнообразие рассматривается как общественное благо, а его сохранение – как обязанность государства. Это создаёт благоприятные условия для деятельности этнических НПО и признания их легитимности как представителей меньшинств. США, напротив, придерживаются модели прагматической интеграции, ориентированной на экономическую включённость и формальное равенство. Хотя в американском дискурсе также присутствует риторика многообразия, государственная политика менее склонна к институциональному признанию этнокультурных различий, что затрудняет структурное участие НПО в разработке политик.

В США и Канаде наблюдается ряд общих проблем в вопросе привлечения негосударственных акторов к помощи в интеграции латиноамериканских иммигрантов: недостаток финансирования, особенно для небольших или локальных организаций; конкуренция между НПО за гранты, ресурсы и внимание властей; социальная и институциональная дискриминация, ограничивающая влияние этнических организаций; проблема представительности: не все НПО действительно отражают интересы своих сообществ, что вызывает вопросы об их легитимности.

Таким образом, несмотря на сходство функций, структурные условия, в которых действуют негосударственные акторы в США и Канаде, существенно различаются. В Канаде наблюдается институционализированная поддержка и партнёрство с государством, в то время как в США – доминирование мобилизационного и адвокационного подхода при меньшей степени формального признания. Эти различия отражают более широкий контраст между мультикультурной моделью и либерально-ассимиляционной парадигмой, характерными для двух североамериканских стран.

Заключение

Проведённое исследование позволило достичь поставленной цели – выявить и проанализировать особенности участия негосударственных акторов гражданского общества в интеграции латиноамериканских мигрантов в США и Канаде. Сравнительный анализ показал, что в обеих странах гражданское общество выполняет ключевую компенсаторную и посредническую функцию, особенно там, где государственные механизмы поддержки оказываются ограниченными.

В Канаде интеграция строится в рамках институционализированного мультикультурализма, при котором этнокультурные организации вовлечены в государственные программы и взаимодействуют с органами власти. В США преобладает модель прагматической интеграции, при которой НПО выступают преимущественно как акторы мобилизации и адвокации, нередко компенсируя институциональные пробелы, но при этом сталкиваясь с нестабильным финансированием и ограниченным влиянием на формальные механизмы.

С теоретической точки зрения исследование подтверждает релевантность мультикультурного подхода (Кимлика, Тейлор), модели аккультурации (Берри) и концепции сегментированной ассимиляции (Портес и Чжоу) для объяснения различий в траекториях интеграции мигрантов. Эти теории позволяют учесть как институциональные, так и социально-экономические и культурные факторы, влияющие на положение иммигрантских сообществ. С практической стороны результаты подчёркивают необходимость устойчивого партнёрства между государством и негосударственными структурами. Интеграционная политика оказывается более эффективной, если она сочетает институциональную поддержку, уважение к культурной специфике и реальное вовлечение иммигрантских НПО в разработку и реализацию программ.

Перспективы дальнейших исследований связаны с включением анализа стран происхождения мигрантов и городских кейсов (например, Торонто и Лос-Анджелеса), что позволит глубже рассмотреть транснациональные и локальные измерения интеграции.

Таким образом, исследование подчёркивает не только значение негосударственных акторов в интеграционных процессах, но и необходимость выстраивания более устойчивых, инклюзивных и координированных меха-

низмов взаимодействия между государством и гражданским обществом в условиях культурного многообразия.

Литература / References

1. Berry J. Immigration, Acculturation, and Adaptation // *Applied psychology: an international review*. 1997. No. 46 (1). P. 5–68.
2. Canadian Multiculturalism Act. URL: <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-18.7/page-1.html> (дата обращения: 09.06.2025)
3. Catholic Charities USA. URL: <https://www.catholiccharitiesusa.org/> (дата обращения: 05.06.2025)
4. Census Bureau Facts for Features: Hispanic Heritage Month: 2024. URL: <https://content.govdelivery.com/accounts/USCENSUS/bulletins/3b60c64> (дата обращения: 02.06.2025)
5. Habermas J. Further reflections on the public sphere. Calhoun, C. (Ed.), *Habermas and the Public Sphere*. MIT Press, Cambridge, MA, 1992. P. 421–461.
6. Hispanic Development Council – Consejo de Desarrollo Hispano. URL: <https://www.hispanic-council.ca/tc/> (дата обращения: 05.06.2025)
7. Hispanic Federation. Taking Hispanic Causes to Heart. URL: <https://www.hispanicfederation.org> (дата обращения: 05.06.2025)
8. Kymlicka W. *Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights*. Oxford: Clarendon Press, 1996. 296 p.
9. Kymlicka W., Norman W. *Citizenship in Diverse Societies*. Oxford University Press, 2000. 456 p.
10. Latin American Community Center. URL: <https://www.thelatincenter.org/about-us> (дата обращения: 05.06.2025)
11. Mexican American Legal Defense and Educational Fund, MALDEF. URL: <https://www.maldef.org> (дата обращения: 09.06.2025)
12. National Association of Latino Elected and Appointed Officials, NALEO. URL: <https://naleo.org> (дата обращения: 09.06.2025)
13. National Immigration Forum – Practical Solutions for Immigrants and America. URL: <https://immigrationforum.org> (дата обращения: 05.06.2025)
14. Portes A., Zhou M. The New Second Generation: Segmented Assimilation and Its Variants // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1993. No. 530 (1). P. 74–96.
15. Putnam R. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. Touchstone Books by Simon & Schuster, 2001. 544 p.
16. Taylor C. *Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition*. Princeton University Press. Princeton, New Jersey, 1994. 175 p.
17. The Mosaic Institute. URL: <https://www.mosaicinstitute.ca> (дата обращения: 09.06.2025)
18. Tocqueville A. D. *Democracy in America*. University of Chicago Press, 2002. 722 p.
19. UnidosUS. URL: <https://unidosus.org> (дата обращения: 05.06.2025)

Информация об авторах

Даниил Андреевич Рыбачук, соискатель степени канд. полит. наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: ska-i@mail.ru

Евгений Викторович Журбей, канд. ист. наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: zhurbey.ev@dvfu.ru

Information about the authors

Daniil A. Rybachuk, Applicant for the degree of Candidate of Political Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: ska-i@mail.ru

Evgeny V. Zhurbey, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: zhurbey.ev@dvfu.ru

Поступила в редакцию 09.06.2025

Одобрена после рецензирования 17.11.2025

Принята к публикации 27.11.2025

Received 09.06.2025

Approved 17.11.2025

Accepted 27.11.2025

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Допустимые форматы файла: docx, odt.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования, переносов, неразрывных пробелов. В заголовках **не применять ПРОПИСНЫЕ** символы. Простановка буквы ё обязательна.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1,5 см., левое – 2,5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, сведения об авторе (авторах) (Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), название статьи (не более 80 знаков), текст статьи, список литературы, аннотация (от 500 до 700 знаков), ключевые слова (от 5 до 10). Название, аннотация и ключевые слова, а также сведения об авторе (авторах) предоставляются на русском и английском языках. Вся вышеуказанная информация высылается одним файлом. Файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками **жирным шрифтом**. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: [2, с. 5]. Если страница не указывается, а дается ссылка на работы целиком, то их нумерация дается через точку с запятой. Например: [2; 5; 7].
7. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках, также **жирным шрифтом**. Например: (ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4–5); (**Рукопись Иванова А. К. Из архива автора**).
8. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых) обязательна (дается в конце текста статьи или сноской). Например: ГАПК – Государственный архив Приморского края. Слова "годы" и "века" должны даваться в сокращении, а для обозначения веков следует использовать римские цифры в латинской раскладке. Например: 1990 г.; 1990-х; 1990-е гг.; 1980-х – 1990-х гг.; 1980-е – 1990-е гг.; XIX в.; XX–XXI вв. и т.д.
9. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии.
10. В списке сначала указывается литература на кириллице (начиная с литературы на русском языке), далее на латинице, и после в других системах письма.
11. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена).
12. Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: **Автор. Название материала // Название сайта. URL: адресная строка (дата обращения): 31.12.2022**
13. В англоязычной версии списка литературы ("References") описания всех неанглоязычных публикаций должны быть переведены на английский язык. При этом в скобках после описания публикации должен быть указан её оригинальный язык. Например: (In Russ.)
14. Порядок расположения публикаций в списке литературы и "References" идентичен.
15. Транслитерация неанглоязычных имен и фамилий выполняется по стандарту BSI (British Standards Institution). Образец оформления рукописи, включая список литературы и "References", доступен на сайте журнала.
16. При наличии у цитируемой публикации идентификатора цифрового объекта (DOI), его необходимо указывать. Например: <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2017.05.009>
17. Объем статьи – от 0,5 до 1,0 п.л. (от 20 до 40 тыс. зн. с пробелами). Объем других материалов – до 0,3 п.л.
18. Рисунки, карты, графики и другой иллюстративный материал принимаются в наиболее распространенных (jpeg, tif) форматах, и предоставляются отдельными файлами. К графикам обязательно прилагать таблицу, на основании которой этот график сделан. Для всех подписей в графиках использовать только шрифт Arial Narrow.
19. Указание источника иллюстраций – обязательно.
20. Русскоязычные заголовки иллюстраций обязательно сопровождаются переводом на английский язык.
21. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50 %).
22. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации по электронной почте (e-mail: ojkum@rambler.ru).

Статьи проходят обязательное рецензирование.

Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.

Файлы, подготовленные с нарушением требований, не рассматриваются.

Плата за публикацию не взимается.

Замечены опечатки в № 3 за 2025 г.

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
180	4 сверху	2025. Т. 19, № 3 (72)	2025. Т. 19, № 3 (74)
8	6 сверху	the No.rth	the North
50	п. 12, 13	No.roozi	Noroozi
92	19 снизу	No.n scholae	Non scholae
95	27, 28 снизу	No.vgorod	Novgorod
105	3 снизу	No.vgorod	Novgorod
112	п. 2	No.rth	North
112	п. 3	No.rthern	Northern
113	6 сверху	No.vember	November
117	Fig 1	No.vember	November
125	п. 3	No.vember	November
125	п. 5	No.rth	North
149	3, 15, 19, 22, 25, 28, 30 снизу	No.rth	North
148	3, 15, 22, 25, 28, 30 снизу	the No.rth	the North
155	п. 1	No.vosibirsk	Novosibirsk
155	п. 6	No.rth	North
156	п. 10	No.rthern	Northern
156	п. 12, 16	No.rth	North
156	п. 21	No.rilsk	Norilsk
156	п. 21	No.vosibirsk	Novosibirsk
157	4, 7, 10, 13, 16 снизу	Studies of the No.rth	Studies of the North
178	п. 13, 14	No.rtheast	Northeast

Научное издание

Ойкумена. Регионоведческие исследования
научно-теоретический журнал

2025. Т. 19, № 4

Подписано к печати 03. 12. 2025 г. Вышло в свет 22. 12. 2025 г. формат 70x108/16
Усл. п. л. 13,40. Уч. -изд. л. 17,74. Тираж 200 экз. Заказ
Цена свободная

Издательство Владивостокского государственного университета
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Отпечатано во множительном участке ВВГУ
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

